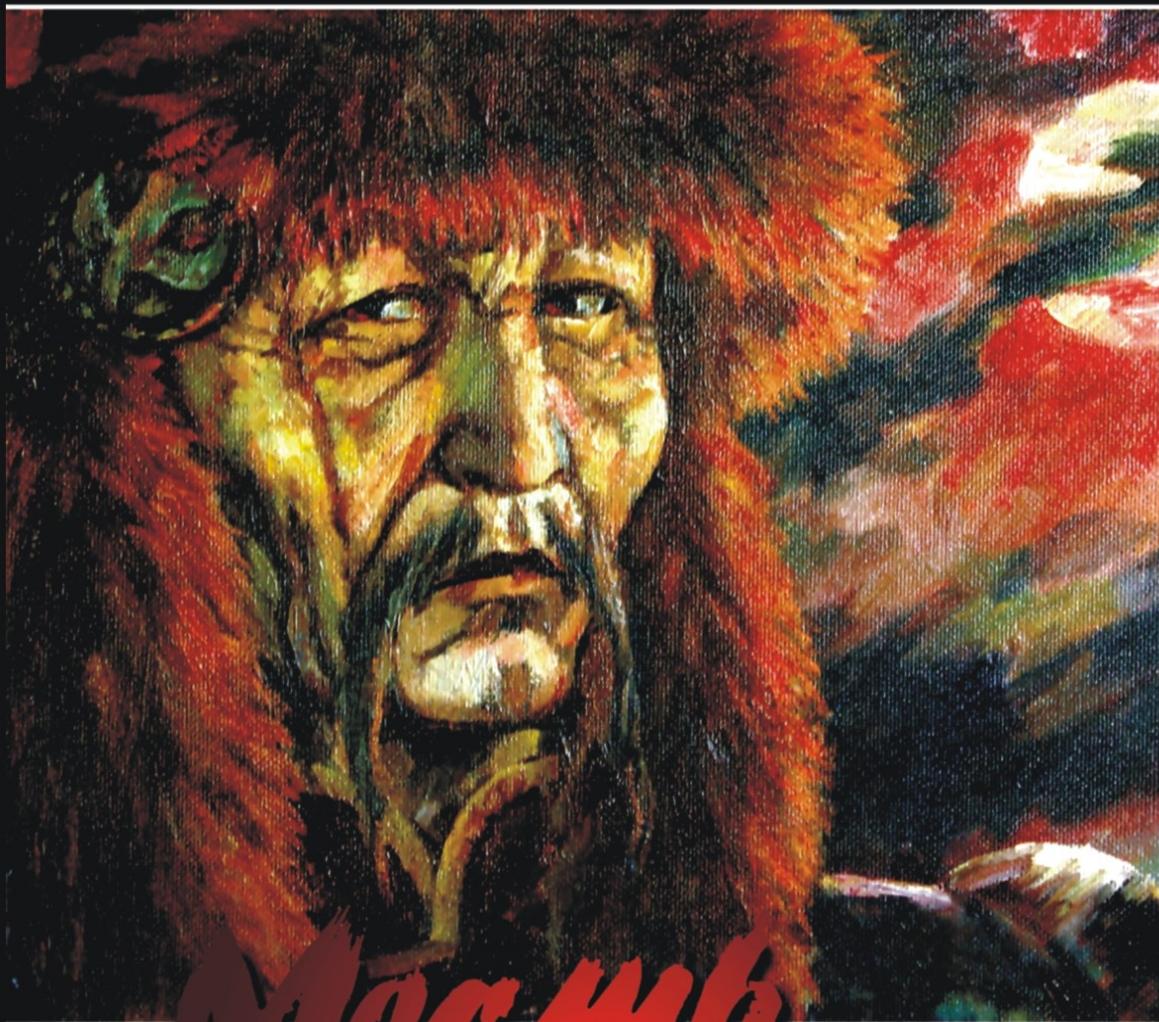

Владимир Балашов и Виталий Балагуров

Месиб
Егзудэя

Министерство культуры Республики Хакасия

Дом литераторов Хакасии

Владимир Балашов

и

Виталий Балагуров

Местъ Егүгэя

исторический роман

Абакан
2013

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)
Б 28

*Издано при поддержке
Правительства Республики Хакасия*

Балашов В.Б., Балагуров В.А.

Б 28   **Месть Егудэя.** Роман. – Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2013. – 400 с.

ISBN 978-5-905115-17-2

В отличие от европейской части России, Хакасия мало представлена в исторической художественной литературе. Но ведь события, происходившие в обозримом прошлом на её территории, не менее интересны, поскольку это часть нашей бескрайней Родины. Используя уникальные исторические материалы, авторы открывают для читателя малоизвестные страницы прошлого Хакасии.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-905115-17-2   © Балашов В.Б., Балагуров В.А., авторы, 2013
© Епанчинцев В.И., графические иллюстрации, художник, 2013
© Фесечко А.Г., обложка, художник 2013
© Министерство культуры Республики Хакасия, 2013
© АУ РХ «Дом литераторов Хакасии», 2013

Теплая Хонгорайская¹ земля,
героев породившая немало;
веками ветры, плача и звеня,
сзывают их к великому хуралу².

Чтобы мечи оставив за стеной,
как некогда во времена былые,
в шатре просторном собрались на той³,
рассевшись, словно пахари простые.

Где все равны у древнего огня,
седой очаг – святой хранитель веры;
хайджи⁴ в своих сказаниях хранят
пророчество прихода мирной эры...

Земля зовёт своих богатырей,
но жизнь героя слишком быстротечна...
Не потому ли плачи матерей
в напевах ветра хонгорайского извечны?

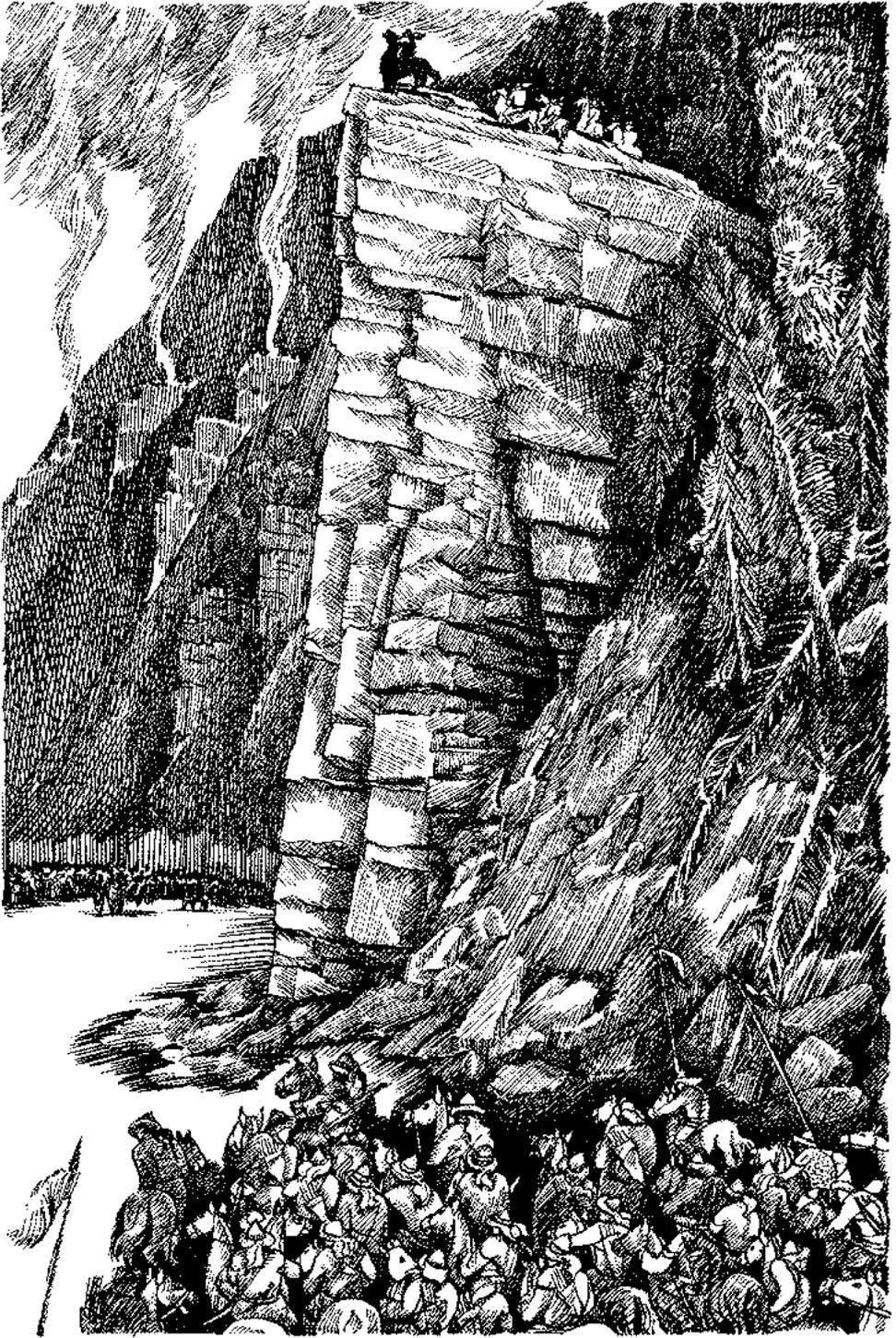
¹ Хонгорай или Хонгорайская степь расположена между реками Абакан и Енисей. Сейчас эта степная часть Хакасии называется Койбальской степью.

² Народно-представительный и законодательный орган у тюркских и монгольских народов.

³ Пир, длившийся иногда несколько дней, а то и недель.

⁴ Сказитель у хакасов, поющий и повествующий под аккомпанемент народных инструментов чатхана или хомыса героические сказания.

*Есть оружие пострашней клеветы;
это оружие – истина.*

Талейран

Глава I. Нашествие

Время – Великий Хан, и только ему, единственному, повинуются неторопливые седые столетия. Это по его властному знаку вдруг угасают огни жарко пылавших костров и остывающие красные угли покрываются сизым пеплом. Это по его непрерываемому приказу сворачиваются юрты жителей улусов¹ и кочевий, и по его повелению уходят в неведомое будущее гружёные караваны – а им навстречу движутся в прошлое караваны лет. И всё дальше и дальше расходятся караваны: эти, мерно поскрипывая осями тележных колёс, грустно позванивая колокольчиками на сбруе утомлённых верблюдов и лошадей – а неторопливая и мерная поступь седых столетий всё слабее доносится из прошлого. Вот уже невозможно разглядеть их вдаль: даже прикрывая глаза ладонью от слепящего полуденного солнца, даже накрепко зажмурив их и закрыв веками от света сегодняшнего дня...

Караваны лет скрылись за горизонтом, и мы не властны вскочить в седло, ожечь камчой быстрого коня, догнать и окликнуть тех, кого уже никогда не увидим больше на этом свете. Но не они ли оставляют для нас на зыбкой границе горячей степи и прохладного голубого неба удивительные миражи: колеблющиеся и манящие, тревожные и грустные – но неизменно прекрасные? Да право, миражи ли это? Те же ярко пылающие костры, те же волны мчащихся табунов, те же многолюдные улусы и одинокие кочевья. Значит, эти люди не канули в полную безвестность, они все ещё идут куда-то своим, неведомым нам путём...

* * *

Во временной ставке хана² Урус-инала³, в его большом белом шатре, что величественно возвышается на холме неподалёку от кре-

¹ Поселение, стойбище тюрко-монгольских народов в Приуралье и Сибири.

² Правитель подчинённых Джучи-хану Кыргызских земель, а до этого главами Кыргызского каганата были каганы.

³ Урус-радатель, т. е. радеющий за народ. Титул «инал» получали те, кто доказал на деле, что забота о народе для него важнее собственных забот.

пости Алтын-кель¹, собрался Большой Совет степи. Тайджи, беги и маатыры² самых сильных и славных азских и кыргызских родов, снаряжающих в битвы тумен³ и более всадников, сидели полукругом на мягких коврах возле своего хана, не сводя с него внимательного и почтительного взгляда, не смея даже облокотиться на располагающие к отдыху и лени подушки. По правую руку от Урус-инала расположился мудрый, как сама жизнь, и седой, как снега вершин пятиглавого Боруca, столетний советник Кёнгир. По левую руку хан собственноручно усадил ещё довольно молодого, мало кому знакомого воина, приплывшего накануне на почти разбитом о подводные камни салике⁴ по реке Адарчын⁵. На пути к орде Урус-инала, к городу Барс-хан, смертельно бледный сейчас от потери крови и сил, лучший лазутчик хана преодолел множество яростных порогов и вражескую засаду. Три догнавших его стрелы выпили много крови, но воин доплыл по рвущейся из узкого каньона западного Кёнмена⁶ в просторы Хонгорайской степи горной реке. Однако сейчас жизнь его неумолимо уносила четвёртая стрела – с чёрным оперением и белым костяным наконечником – лишь слегка оцарапавшая бедро. Молодой воин уже знал свою судьбу, поэтому на его лице запечатлена не улыбка гордости за свершённое, а скорбная печать прощания с этим миром.

Хан собственноручно положил на блюдо воина нежное мясо, сам налил в его чашу прохладный айран, ибо он, в отличие от остальных сидящих в шатре, знал, что несмотря на все усилия лучших знахарей, даже крохотная доза яда монгольской змеи-эфы с наконечника стрелы позволит воину увидеть не более одного-двух новых солнечных восходов. Даже если он герой и принёс в родную степь такое важное известие, даже если он настоящий маатыр, самой высокой ценой – ценой жизни выполнивший свой долг. Да, хан Урус-инал, а теперь и весь Большой Совет степи предупреждены им о смертельной опасности...

¹ Крепость на юго-западной оконечности Хонгорайской степи, располагалась на отвесном правом берегу реки Абакан.

² Тайджи – князья, из которых и избирался хан; беги – главы родов; маатыры – лучшие из воинов, буквально «лучшие герои».

³ Десять тысяч всадников.

⁴ Небольшой деревянный плот.

⁵ Древнее название реки Абакан.

⁶ Древнее название Саянских хребтов: Западного и Восточного Саяна.

А на степную равнину с редкими пологими холмами торопливо ложилась хмурая, тревожная ночь. Совсем низко стелились тяжёлые облака, будто и не по быстро темнеющему небу плыли они, а подползали из-за дальних холмов на горизонте. Это, должно быть, ветер тревоги согнал их с лежбищ на вершинах Кёгменских хребтов? Свет луны, изредка проглядывая сквозь рваную кошму облаков, то выхватывал из темноты каменную крепостную стену, то отражался зловещим сполохом в беспокойной воде Адарчына, стремящегося в объятья могучего Ким-су¹.

Вокруг белого шатра с поднятым над ним зелёным знаменем замерло кольцо всадников в тяжёлых доспехах – это преданная охрана хана. Воины напряжённо вглядываются в сумрак, чутко слушают звенящую тишину. На левом колене у каждого покоится тугой боевой лук, на тетиве которого приготовилась к смертоносному полёту тяжёлая стрела. Даже если тень крадущейся лисицы возникнет на фоне неба или в переменчивом свете луны – тяжёлые стрелы прервут её путь к шатру. Даже если плавно заскользит над головой силуэт ночной хищницы совы – меткие стрелы оборвут её бесшумный полёт. Потому, что даже звери, даже птицы не должны слышать то, о чём этой ночью говорится на Большом Совете степи...

– Мы когда-то смогли противостоять движущимся с юга, а также с запада и с восхода солнца уйгурам, кара-китаям, киданям и найманам, – начал свою проникновенную речь Урус-инал, – хотя эти сражения дорого стоили нашему народу. Поэтому, когда в год зайца² старший сын Чингисхана Джучи-хан, покоривший ойратов, бурятов, бархунов, урсутов, хабханасов, ханхасов и тубасов, подступил к стенам крепости, то у крепких и надёжных стен её я, тогдашний каган Урус-инал и мои братья, эльтебер княжества Кешдим³ мудрый Алтыэр, и эльтебер княжества Алтай Олебек-дигин встретили старшего сына Великого Хана белыми кречетами-шинхот, белыми меринами и белыми мехами. Я не стыжусь того поступка, потому что сохранил тогда не только жизни воинов, но и независимость наших земель. Правда, в год барса⁴ ненасытный Джучи снова пришёл

¹ Древнекыргызское название Енисея, существовавшее одновременно с тувинскими Кем или Улуг-Хем.

² 1207 год.

³ Древнее название Тувы.

⁴ 1218 год.

с огромным войском зимой по льду Ким-су и силой заставил покориться нас и соседние народы: тогда мы вынуждены были войти в большой улус его и стали его кыштымами¹. А он забрал ту добычу, какую захотел, но при этом забрал ещё и жизни тысяч наших воинов. С того нашествия так и не смогли достаточно окрепнуть наши силы. И вот теперь темник² Джучи-хана Буха-нойон идёт сюда уже с запада, с верховьев Адарчына, идёт со своим туменом за новой добычей...

В полной тишине присутствовавшие внимали его словам. Да, Урус-инал умел красиво и проникновенно говорить, недаром с детства его учителем был сам мудрый Кёнгир, и недаром он был наречён высоким званием инала.

– Верный пёс Джучи-хана ведёт свой тумен на берега Ким-су, ведёт в нашу Хонгорайскую степь. Всего лишь десять тысяч всадников... Он прекрасно знает, что с одним туменом мы легко можем справиться, что у нас достаточно отважных воинов, чтобы развернуть незваных пришельцев назад, в монгольские степи. Но и мы тоже знаем, что у Великого Хана бесчисленное множество туменов и много опытных военачальников. Хану нужен всего лишь повод, чтобы начать новую большую войну. Так пусть Большой Совет степи сегодня решит: получит ли Чингисхан этот предлог?..

Люди в шатре внимательно слушали своего хана. Молча слушал его и приглашённый на Совет не бег и даже не маатыр, а простой охотник Оспаар.

– Монголам нужен наш скот, – продолжил свою речь Урус-инал, – многочисленный, откормленный, и они не захотят терять своих воинов, если дело можно решить мирно. Так воины Чингисхана поступали и поступают всегда! И мы, его кыштымы, как я думаю, вынуждены будем смириться – и поделимся с этой прожорливой саранчой своими стадами. Конечно, самых лучших коней и овец мы сможем сохранить для себя, отогнав их сейчас из степи в тайгу и надёжно спрятав в скрытых от ветров и чужих глаз горных логах. Так думаю я, хан Урус-инал, но так ли решит Совет степи?.. Правильны ли я изложил мои свои мысли, учитель Кёнгир?

– Все так, мой хан! Всё сказано правильно, – седой старец утвердительно закивал головой.

---

¹ Данниками.

² Командующий туменом в монгольской армии.

Согласно закивали головами и большинство присутствующих. Теперь многим стало ясно, почему хан собрал Совет здесь, в крепости южнее столицы Алтын-кель. В случае, если Совет решит начать войну, в эту крепость стянутся кыргызские тумены и преградят путь врагу. Если же Совет решит откупиться, то опять же хан Урус-инал встретит здесь монголов с подарками, чтобы обсудить условия мирного договора. И ни один большой аал¹ не подвергнется разграблению, ни один из его подданных не будет убит. Мудр и предусмотрителен Урус-инал...

А тот поднял свою покрытую татуировкой руку вверх, призывая всех к вниманию, и продолжил:

– А ещё сидящий рядом со мной воин сообщил, что начальник охраны Великого Хана, глава «красных волков» Егудэй прознал о наших древних сокровищах. Мало кто знает об этом, но сокровища сейчас здесь, в крепости. И если Совет решит – они будут отданы Егудэю! Или же будут увезены в горы. Тогда ненасытная стая должна будет узнать от кого-нибудь, что у нас их уже нет. Пусть ищут там, – Урус-инал обвёл рукой воображаемый горизонт, – а не в крепости и не в столице Алтын-кель. Кёгменские горы нескончаемы, а бескрайняя тайга надёжно скроет нашу тайну от человеческих глаз... Я с чистой совестью смогу сказать Буха-нойону, что вёз их сюда, в крепость, чтобы передать в подарок Великому Хану, но по дороге они были похищены разбойниками, и погоня, которую я послал следом, вернулась ни с чем. Пусть ищут сами...

Каждый из сидящих здесь не раз в своей жизни слышал на пирах под звуки чатхана² напевные сказания о славном прошлом, когда четыре века тому назад великое множество туменов под предводительством кагана Ажо двинулись на завоевателей-уйгуров. Десять туменов осадили уйгурскую столицу Харабалгас на реке Орхон, убили уйгурского кагана и взяли в полон его жену Тай-хо, а также великое множество сокровищ. Славная была победа, и даже эту крепость, что высится неподалёку от шатра, как и множество других по границам земель, строили потом пленные уйгуры...

¹ Полукочевое селение с переносными юртами.

² Хакасский 3–4 струнный инструмент в форме продолговатого ящика. Корпус выдалбливался из цельного куска кедра, струны плелись из конского волоса, их тембр регулировался подкладываемыми бабками (короткими надкопытными суставами) овец.

– Ты мудр, хан Урус-инал, но очень неосторожен, ведь здесь много ушей! – сказал сплошь покрытый боевыми татуировками и всегда подозрительный военачальник Хыят, теребя свою косу-киджеге¹.

– Я верю, что среди нас нет и не может быть предателя! – громкоголосо возразил хан.

– Пусть будет так, как решил хан! Пусть будет так! – словно многоголосое эхо, зазвучало вокруг.

– Но и это ещё не всё! – Урус-инал никогда не любил долгих обсуждений, поэтому незамедлительно перешёл к следующему вопросу. – Встань, Оспаар, охотник с Кёгменских гор, встань и слушай! И слушайте все, собравшиеся на Совет! Пришла пора больших испытаний, и все знают, что наши воины не дрогнули бы в сражениях и много пролили бы крови врагов прежде, чем копыта чужих коней безнаказанно сомнут травы в Хонгорайской степи. Но сейчас всем живущим по берегам быстрого Адарчына и могучего Ким-су приходится думать о мире. Слушай, старый охотник, слушайте и вы, собравшиеся на Совете: наступает время тяжёлых испытаний, поэтому мы должны предусмотрительно смотреть в завтрашний день...

Участники Совета одобрительно закивали, одобряя мудрые слова своего хана.

– Для тебя, охотник Оспаар, – продолжил Урус-инал, – есть важное дело, и сейчас, после принятого решения, оно стало главным. Пусть его тоже решит Совет, всем членам которого я доверяю как себе... Кочуя по границе Хонгорайской степи и Кёгменских гор, наши предки и предки наших предков нашли много золота и серебра. Это богатство подарили им щедрые горы, а ещё много дорогих украшений и самоцветных камней отдали за коней и овец проходящие через нашу степь кочевые племена. Все это хранилось на «чёрный» день, ибо в самый засушливый и неурожайный год только сокровища смогут спасти наш народ от голода. Должны ли мы сейчас отдать всё накопленное прознавшим о наших богатствах алчным захватчикам?

– Нет! Нет! – послышалось со всех сторон шатра. – Великий Хан и без того богат! Великий Хан ненасытен!..

---

¹ Коса у кыргызов, так же как у китайцев и монголов, была признаком мужественности.

– Скажи нам, знающий горы Оспаар, – снова обратился к охотнику Урус-инал, – есть ли в предгорьях снежных хребтов известное лишь тебе одному потаённое место? Такое место, в котором спрятанные сокровища невозможно найти никому...

Задумался седовласый охотник под вопрошающими взглядами окружающих, не торопясь ответить на вопрос.

– И я ещё не всё сказал вам, соплеменники, – давая охотнику время подумать, снова заговорил Урус-инал. – Более четырёх веков тому назад, когда наше великое Кёгменское государство воевало с многочисленными и сильными уйгурами, наши воины захватили богатую добычу. Мало кто теперь знает, как велики были тогда боевые трофеи: во множестве вьюков привезли наши воины и золотые браслеты-плексес, и перстни с аксамитами, жёлтыми топазами, голубыми аквамаринами, зелёными смарагдами, синими сапфирами... Всё это доньше принадлежит нашему народу. За четыре века даже враги, как мы считали, забыли об этом несметном богатстве. Но, как оказалась, наша тайна уже перестала быть для монголов тайной. Поэтому её знает теперь и весь Совет, знаешь и ты, охотник Оспаар...

– А ещё... – хан посмотрел сначала на мудрого Кёнгира, который едва заметно ему кивнул, а затем окинул испытывующим взглядом буквально заворожённых его словами участников Большого Совета. – А ещё я скажу вам о том, что до сих пор оставалось тайной тайн, и лишь я да ещё один посвящённый являлись хранителями этой тайны. Совсем недавно Чингисхан узнал и её, так что, посылая в наши степи своих лучших воинов, он думает не только о скоте и сокровищах. У него ведь и так много золота, недаром Хан сидит в золотом шатре на золотом троне! От тибетского монаха Чань Чуня, недавно появившегося в Золотой Орде, Хан получил сведения, что вместе с драгоценностями победители уйгуров получили две стопки кедровых дощечек-табагын, каждая из которых стянута шёлковыми лентами с золотыми застёжками. Все эти сведения принёс этот великий воин, что сидит рядом со мной...

Хан Урус-инал опустил глаза и положил руку на плечо воина, а помолчав несколько мгновений, продолжил, глядя уже на собравшихся:

– Эти древние табагын – вот что нужно в первую очередь «наследнику меркитского плена» Джучи-хану! Ими он хочет купить

потерянное расположение Великого Хана и возвыситься над своими братьями на белом войлоке почёта. Каганы кыргызских земель четыре века передавали табагын с древними уйгурскими письменами по наследству, зная о их назначении, но так и не сумев разгадать хитроумный шифр. Учёный же монах Чань Чунь утверждает, что изучил тот древний, забытый язык и пообещал Великому Хану прочесть начертанное. Во всяком случае он заверил Чингисхана, что только на них и сохранился единственный настоящий рецепт возвращения молодости, тайна вечной жизни...

– Великий Хан, видимо, плох, раз его воины не стали дожидаться зимы, когда морозы скуют Ким-су, и он превратится в лёгкую дорожку для всадников? – задал вопрос сидящий напротив Урус-инала бег Сагай.

– Великому Хану мало великой славы и великих смертей, он хочет повелевать и убивать вечно... – задумчиво поглаживая свою белоснежную бороду, глубокомысленно промолвил старый Кёнгир. – Он видимо посчитал, что в долгих беседах с даосским монахом Чань Чунем уже нашёл ответ, как продлить свою жизнь... Это последняя надежда Великого Хана и главная его ценность на просторах Кыргызских земель! И я думаю, что он не должен получить от нас даже эту призрачную надежду!..

– Да! Да! Именно так! – зазвучало под сводом шатра множество голосов.

Почтительно замолчавший при первых же словах Кёнгира, хан Урус-инал снова обратился к охотнику:

– Так ответь мне, Оспаар, знающий все звериные и человеческие тропы в тайге и в горах, сможешь ли ты сохранить эти сокровища для нашего народа, для будущих его поколений? Я понимаю, что это нелегко. Вот этот воин, который сейчас угасает под воздействием змеиного яда, самолично видел, как седлали коней две сотни «красных волков» – лучших воинов из личного ханского тумена. Во главе их сам начальник охраны Великого Хана Егудэй – хитрая лиса и беспощадный ирбис¹ в одном лице. Они будут мчаться на своих быстрых скакунах впереди и по сторонам тумена Буха-нойона, вынюхивая добычу, словно настоящая волчья стая. И не было случая, охотник Оспаар, чтобы Егудэй со своими воинами не исполнил приказа своего повелителя...

¹ Снежный барс, живущий на вершинах Саянских гор.

– Страшный Егудэй, этот преданный пёс Великого Хана, идёт к нам за бесценными кедровыми дощечками, – утвердительно закивал головой седобородый Кёнгир, – а все остальные драгоценности – это всего лишь награда его воинам. Понял ли ты это, охотник Оспаар?

– Я не пропустил ни одного слова, посадив своё внимание на скачущего коня, – медленно подбирая слова, заговорил старый охотник. – Язык же мой всегда следует пешком... Далеко в горах, у розовых скал, каких немало встречается на Кёгмене, есть скрытая глубоко под землёй пещера. Найти её не сможет ни один человек, в том числе и воины Егудэя, так гордящиеся своими шапками из шкуры красного волка...

– Хорошо, Оспаар! – согласился Урус-инал при полном молчании Совета. – Я доверяю твоему твёрдому слову. Завтра утром, на восходе солнца, военачальник Хыят лично отберёт для тебя пятьдесят самых лучших, самых резвых коней, а ты лишь проследи, чтобы половину из них умело навьючили, потому что кожаные мешки и перемётные сумы будут достаточно тяжелы...

Хан Урус-инал сказал Большому Совету степи не всё, недаром его советником с детских лет был мудрый и дальновидный Кёнгир. Как нельзя всю воду хранить в одном хрупком кувшине, так и все сокровища глупо хранить в одном месте, а тайна, о которой знают всего лишь двое – это уже не тайна, и тем более, если она известна многим. Каган умолчал о том, что драгоценные камни и самые дорогие украшения, которые поместились всего лишь в нескольких небольших кожаных мешках, давным-давно захоронены в надёжном месте. Правители любой из стран на юге отдали бы, не торгуясь, за эти бесценные самоцветы половину своих стад и хранилищ зерна, но до поры до времени единственными хранителями тайного места являются лишь дождь и ветер, да ещё, может быть, бессловесные суслики, которые в степи роют норы повсюду.

Когда участники Большого Совета степи разъехались, в шатре остались три человека: хан Урус-инал, его советник Кёнгир и старый охотник.

– Охотник Оспаар, – снова задал вопрос Урус-инал, – уверен ли ты, что «красные волки» не найдут твою потайную пещеру?

– О ней знаю лишь я и мои сыновья, которые уйдут со мной. И даже я, всю жизнь проведший в горах, обнаружил пещеру лишь

потому, что в страшную, сокрушающую деревья грозу меня привёл к ней Чёрный Ажо...

– Ты встречался с самим Чёрным Ажо? – удивлённо переспросил старый Кёнгир. – Такая встреча предвещает либо большую удачу, либо большую беду...

– Да, – подтвердил охотник, – мне довелось увидеть этого чёрного, как самая тёмная ночь, марала. Старики утверждают, что Главный Хан гор и тайги – Чёрный Ажо рождается раз в сто лет и увидеть его – это великое счастье для человека. Он могуч и справедлив, он не боится ничего и никого, поэтому иногда помогает даже охотникам, попавшим в беду...

– Стоит ли нам сейчас выслушивать сказки? – Урус-инал поднял на советника Кёнгира вопрошающий взгляд, и на лице его лежала тень недоверия. – Они уместны на весёлом тое или на ночь для детей, но не в таком серьёзном деле. Во всяком случае не сегодня, охотник Оспаар!

– А я верю охотнику, – не согласился Кёнгир. – Старые предания о встречах с Чёрным Ажо пришли к нам от очень уважаемых людей, каждое слово которых заслуживает доверия. Встреча с властелином тайги хорошему человеку сулит удачу, а значит и место, где его встретил охотник Оспаар, тоже сулит удачу...

В ответ на эти слова охотник вытащил из-за пояса нож с костяной ручкой и костяными накладками на ножнах и протянул его хану Урус-иналу.

– Я побоялся, что злые духи со временем отведут меня от тайного места, не позволят ещё раз войти в пещеру или просто украдут мою память, поэтому вырезал на кости приметные вершины и знаки, которые оставил для себя в тайге. Нож я оставляю в залог того, что мои слова правдивы, и ещё потому, что у вас он будет сохранней.

– Может, стоит просто уничтожить его? – спросил Урус-инал.

– Ни к чему уничтожать, мой хан, – ответил охотник. – Даже с ним никто, кроме меня и моих сыновей, не найдёт вход в пещеру. Я заберу его, когда минует угроза и мы с сыновьями вернёмся сюда.

– Хорошо, вместе с ним вы получите ещё и достойную награду.

– Мудрый Кёнгир, – обратился вдруг к советнику Оспаар, – зачем ты так неосторожно рассказал Совету о бесценных табагын?

– Я уверен, что Чань Чунь ввёл в заблуждение Великого Хана, – спокойно ответил старик, – ибо вечная жизнь не дана ни простому

воину, ни даже великому завоевателю мира. Я думаю, что дощечки невозможно прочитать. А если это и не так, то разве не истина, что того, кто написал рецепт, давно уже нет в живых. Даже эти кедровые дощечки пережили его...

– А ещё, мой хан! – обратился охотник теперь уже к Урус-иналу. – Прикажи Хыяту привезти два раза по пять десятков лошадей. И пусть это будут не самые быстрые кони – лучше, чтобы они были привычными к горным тропам.

– Зачем тебе столько коней, – удивлённо спросил Кёнгир, – ведь поклажа для каждого будет не так уж велика, а среди пятидесяти и так половина запасных...

– Слишком много людей увидят мой отъезд, поэтому в горы должны уйти два каравана: один, как можно более скрытно, уведу я с сыновьями и без охраны, а другой, с многочисленным сопровождением, до самых предгорий поведёт твой верный человек. Пусть мешки с простыми камнями станут, хотя бы поначалу, аппетитной костью для «красных волков» Егудэя.

– Да, сделаем так, – согласился Урус-инал. – Среди воинов Егудэя много хороших следопытов, и в конце концов они всё равно ринутся за тобой, словно стая голодных волков. Нужно, чтобы они как можно дольше шли по ложному следу. Пока не потеряют время, а потом и надежду...

* * *

Нашествие – как степной пожар. Перед этим жизнь течёт спокойно и размеренно, убаюкивая своими спокойствием и размеренностью, и вроде бы ничто не предвещает беды, поскольку чист дальний горизонт, сочно зеленеет трава, лениво пасётся скот... Но вот чей-то зоркий глаз замечает, что вдали возникла тоненькая, едва заметная струйка дыма. Это ещё не угроза: может, пастухи бросили в свой костёр сырые дрова, может, кто-то выжигает участок под будущую пашню? Даже если загорелась от неосторожного костра прошлогодняя трава, всё равно, огонь может вскоре заглохнуть, упёршись в ручей или в каменную россыпь, может уйти в сторону и затеряться в бескрайней степи, наткнувшись на другое пепелище. Просто обозначит себя на дальнем горизонте, чтобы там же вдали умереть под струями спасительного дождя...

Да, дымок на горизонте, это ещё не угроза. Однако порой не успеешь оглянуться, как вот она беда, рядом – с порывом ветра поднимается из сухой травы огненная стена! И нет пощады от этой всепожирающей силы ни молодой пробивающейся траве, ни раскрывшим первые клейкие листья деревьям, ни степной живности. И нет уже никакого сомнения, что промчится огонь, подгоняемый неведомо откуда налетевшим ураганом, через всю обозримую степь, оставляя позади лишь смерть да чёрную выжженную землю, которой немало дней, а то и лет понадобится потом, чтобы заново родить жизнь. И для людей остаётся единственное спасение – это вскочить на быстрого скакуна и, бросив беспощадному врагу юрту и хозяйство, спастись бегством. Потому как не отсекут уже теперь от набравшего силу огня ни ручьи, ни озёра, а может преградить ему путь лишь настоящая большая вода. Да, только полноводный Ким-су способен остановить любую огненную стихию и заставить её биться в бессильной ярости, умирая у кромки воды...

Только могучий Ким-су способен остановить и вражеское нашествие. Не раз защищал он племена земледельцев и скотоводов Хонгорайской степи от армий завоевателей и орд грабителей. Высокие крутые хребты и широкая стремнина прорезающего хребет Кёгмен полноводного Ким-су являлись той пограничной стражей, той непреодолимой стеной, которая отбивала охоту к поживе у многих. Пеший степняк – плохой воин, а лошади не могут преодолевать почти отвесные склоны, пересекать многочисленные курумники¹ – неустойчивые россыпи огромных скальных обломков. Можно, конечно, из монгольских степей за много дней да с невероятными трудностями пройти по тайным тропам с проводниками, но вот как возвращаться по ним же назад с тяжёлой добычей? Большой же воды степняки страшились всегда: здесь не только боязнь сплавляться через кипящие пеной пороги и перекаты, но и организовать переправу многочисленному отряду для захватчиков всегда было серьёзной проблемой...

Правда на этот раз не по замёрзшему Ким-су, а через Кёгмен и летом пришла чёрная сила. Эту силу можно было победить, но тогда следом придёт другая, бесчисленная, ещё более беспощадная – и останется либо всем погибнуть в неравной битве, либо покориться, но уже с великим унижением и позором...

---

¹ Россыпь крупных, иногда подвижных камней на склонах гор и в распадках между ними.

Глава 2. Предание о золотом караване

Задача историка – найти смысл в творившейся когда-то бессмыслице, потому что имевшие хоть какую-то логичность процессы входят в сферу изучения уже не истории, а науки философии. Эта же трудная задача выпадает и писателям, ибо по прошествии времени к посмертной биографии любого реально существовавшего героя добавляется столько домыслов и противоречивых трактовок, что практически невозможно отличить правду от вымысла. А ведь историческое литературное произведение, как никак, претендует на достоверность... Кроме того, поступки отдельных героев далеко не всегда характерны для описываемого времени. Другое дело – грандиозные события, в которых были перемешаны судьбы тысяч, а то и миллионов людей. Именно они формировали историю и философию если не всего мира, то целых государств или, по крайней мере, значительных территорий.

Прошлое... Как бы современники и последующие летописцы ни противоречили друг другу, через десятилетия или даже через века события «старинны глубокой» непременно отряхиваются от наслоений, от кажущейся бессмыслицы, чтобы предстать в своём подлинном величии или во всём своём позоре. Люди же – не ангелы и не демоны, они всегда где-то посредине... Поэтому именно моменты истинного величия или великого позора человечества служат точками отсчёта и реальными историческими вехами как для писателя, так и для вдумчивого читателя...

* * *

Тревожным для приенисейского населения выдалось начало лета тысяча девятьсот шестнадцатого года, и дело было вовсе не в военных сводках, поступавших с русско-германского фронта. Обильные дожди и необычная для этой поры жара, вызвавшая дружное таяние снега не только в енисейской пойме, но даже на высоких Сянских хребтах, обычно до половины июля сверкающих белыми шапками-гольцами, вызвали настоящий «вселенский потоп».

Мутно-коричневые струи притоков, шумно сливаясь с покрытой ключьями пены енисейской водой, сокрушали всё на своём пути. Чего только не несла вниз по течению река: выбеленный солнцем коряжник, вывороченные с корнями вековые деревья, остатки бревенчатых построек, вздувшиеся трупы таёжного зверья – косуль, маралов, а иногда даже и хозяев тайги медведей... Доходили ужасающие своей невероятностью вести о якобы поднявшемся на целых пятнадцать метров уровне воды в верховьях, о полностью смытых с коренных берегов хуторах и заимках. Люди там будто бы спасались, уходя в горы, уводя с собой скот и успев прихватить только самый ценный домашний скраб.

А крайне необходимая в такую пору телеграфная связь Минусинска с Ачинском и Красноярском часто нарушалась, её то и дело приходилось восстанавливать: устранять обрывы проводов, укреплять подмытые водой столбы. Вот почему облегчённо вздохнул и перекрестился стоявший в своей рубке капитан ветхого парохода «Дедушка», заведя по левому борту сверкнувшие на солнце золотые купола городского собора. Уже показались окраинные улицы в светлой зелени тополей, редкие белесые дымки над крышами домов – заканчивался наконец-то этот трудный рейс из Красноярска в Минусинск.

Капитан взглянул на ручку парового гудка, ритмично покачивающуюся на медном тросике, нервно подкрутил седой ус и поморщился, словно бы борясь с одолевавшими его сомнениями – что-то его определённо смущало. Наконец, по-видимому, решившись, капитан медленно и неуверенно потянул за ручку вниз.

«Дедушка», чуть помедлив, словно раздумывая, обиженно всхлипнул, засипел, старчески засморкался и выплюнул в небо струйку пара. Несколько секунд замершему в ожидании вероятного конфуза капитану и заинтригованному необычными звуками топчущимся на палубе людям казалось, что дело тем и ограничилось. Но старенький пароход хитрил, разыгрывая свою привычную шутку: внезапно по барабанным перепонкам ударил звериный – так, должно быть, кричит бросающийся на добычу лев – мощный рёв.

Достаточно напугав шаркнувших от бортов пассажиров и спрессовав в тугую волну окружающий воздух, приветственный гудок раскатился далеко по Минусинской протоке: над встречаю-

щим пароход Минусинском, над заросшим разлапистыми соснами противоположным берегом.

Старый капитан крикнул, сдвинул на затылок белую фуражку и уже довольно подкрутил свои роскошные усы...

* * *

В этот раз пароход швартовался не к пристани, напрочь затопленной разливом, а дальше, за городской площадью, прямо напротив Покровского староверческого храма.

Вскоре два матроса крепили причальные канаты к тополям недалеко от соборной ограды, не обращая внимания на угрозы батюшки Иннокентия отлучить от церкви и вызвать полицию. Не обошлось и без крепких выражений, расслышав которые батюшка мстительно пообещал:

– Анафеме предам!

На что капитан с мостика шутиливо и примирительно пробасил в раструб мегафона:

– Аз грешен, отче, мне и воздастся! Жду, отец Иннокентий, по времени в судовом буфете! Да пребудут во человецех мир и благословение...

Отец Иннокентий в ответ на это горестно вздохнул, безнадежно махнул рукой и, подобрав полы рясы, заторопился в храм. А весь берег протоки и дальше – вся площадь у сверкавшего куполами Спас-Преображенского городского собора – всё напоминало в этот солнечный воскресный день шумный, разгулявшийся цыганский табор.

Народу собралось непривычно много, ведь обратным рейсом «Дедушка» должен был доставить в губернский Красноярск очередную команду рекрутского набора. Составленные как попало телеги с задранными в небо оглоблями, выпряженные, жующие овёс из подвешенных к мордам торб лошади, цветасто разряженные девки, всхлипывающие бабы, пьяненькие мужики – все это гомонило, пело, кричало, свистело. Иногда, правда, в каком-либо краю «табора» шум и сумятица ненадолго затихали, и это означало, что там появился городской, которого побаивались даже подвыпившие рекруты. Недаром же народ приравнивал его к нечистой силе, придумав поговорку: «В лесу есть леший, в воде – водяной, в доме – домовый, ну а в городе – городской!» Но дородный, с пышными усами

полицейский чин невозмутимо следовал дальше – и необузданное веселье тут же возобновлялось.

Под ногами взрослых шмыгала малая ребятня, бродили, пошатываясь и волоча крылья, хмельные голуби – озорства ради подгулявшие рекруты кормили прожорливую птицу хлебным мякишем, смоченным в самогоне. На царёву службу Минусинск провожал своих новобранцев разухабисто, лихо, стараясь не замечать тревогу и горе в заплаканных глазах матерей, жён, невест. Вернётся ли служивый домой, сгинет ли на чужбине в безвестной могиле, лучше о том не думать, не терзать душу напрасной тоской. И заливались наперебой гармошки, подпевая весёлым озорным частушкам.

Правда, городской юродивый Сенька-беспортошный, одетый в рваную холщовую рубаху до пят, хватал каждого из проходивших мимо за рукав и, тыкая в воду суковатой палкой, страдал:

– Мотри, мотри! Кровь солдатешек наших по дну текёт, реку переполнила. А скоро и всю Расею затопит!

Старухи пугливо крестились и торопились поскорее отойти, остальные же просто отмахивались от надоедливого дурачка. А вездесущие мальчишки, так те и вовсе дразнили юродивого:

Сенька, Сенька,
Где ты был?
Ты штаны надеть забыл!

Чтобы отогнать надоедливую пацанву, Сенька задирает грязную рубаху выше пояса, вводя в немалое смущение девок и молодых баб. Большинство же и на эту Сенькину выходку не обращали никакого внимания – что с дурачка возьмёшь...

Молодка в праздничном васильковом сарафане, притопывая каблуками красных сапожек, выводила:

Манька любит мар-ми-лат,
Танька любит ши-ка-лат,
А я не виноватая,
Што люблю солдата я!

Пароходная команда уже спускала с парохода на берег широкие сходни, и пассажиры нетерпеливо готовились к высадке. Новобранцы же в изрядном подпитии – их было не менее полусотни,

остриженных наголо – вытапывали в пляске молодую траву как раз возле трапа.

Эх, берёзонька, берёза,
Зелёные прутики.
Пожалейте девки нас –
Нынче мы рекрутики!

Коренастый и широкоплечий, про таких говорят «косая сажень в плечах», новобранец в розовой рубахе навывпуск и в щёгольских хромовых сапогах обнимался возле телеги с дошедшим до «полной кондиции» мужиком. В мужике угадывалась родня – он был точной копией: тоже в розовой рубахе, в таких же сапогах, только лет на тридцать постарше.

– Не слухай, батя, бабских рассуждений! – втолковывал ему рекрут. – Ежа им всем, батя, за пазуху! Нету у Пашки на тя обиды, крест на пуп...

Мужик что-то промычал в ответ, то ли пытаясь возразить, то ли выражая полное согласие.

– Рази не чую я любви родительской? Пашка знает, сколь соболишек в четырнадцатом годе воинскому начальнику отвалено было. Множественное число, крест на пуп! А в пятнадцатом того боле, да ещё исправника со шпор до усов золотить потребовалось... Не, батя, нонче Пашка на тебя подозрений не держит. Будя, погулял, девок пошшупал! Енерал-то Брусилов за пять ден ещё семь тыщ австрияков в плен забрал, а! Будя, батя, время и Пашке с Вильгельмой свидеться, крест на пуп!

Ухватившись друг за друга, сын с отцом топтались возле телеги, размазывая по лицам хмельные слёзы. Но тут рекрут заметил, что сходни уже спущены с парохода на берег, и пассажиры с узлами, корзинами, мешками устремились на земную твердь. Он сунулся к телеге и, разворошив в передке сено, вытащил ведерный бочонок-лагушок. Легко подхватив лагун под мышку, пошатываясь, но крепко, циркулем расставляя ноги, он поспешил к месту высадки. Вслед за Пашкой, размахивая зажатым в кулаке стаканом зелёного стекла, устремился и родитель.

У самых сходен, плеснув в чреве жидкостью, бочонок плюхнулся на землю, перекрыв пассажирам путь на берег. За спиной

у Пашки скопились десятка полтора предвкушавших развлечения новобранцев. Остановленный же неожиданным кордоном, народ на прогибающихся сходнях заволновался.

– Осподи, чевой-то будет?

– Неужто проверка документов?

– А ты как думала, бабка? Ерманского шпиёна ловют. По причине, значит, военного времени.

– Дык полиции и жандармов не видать...

– Зато, гляди, сколь бритых рекрутов сбежалось. Они тя чище жандармерии отделают!

– Осподи, пьяны-то рекрута, пьяны-то!

– Да уж это фактически. Шпиён не шпиён, а бить всех будут...

– А вы не мелите чепуху, уважаемый! За что же бить-то?

– Дык, значит, за дело... Аль безгрешным себя полагаете?

– Осподи, мать честная, и чевой-то буде теперя?..

А Пашка, поймав за рукав зипуна пытавшегося проскочить «заставу» перепуганного мужичонку, уже зачерпывал из лагушка полнёхонький стакан самогона.

– Погодь, землячок, куды торопишься!? У меня дядька все спешил, да враз и помер. Ну-ка, со прибытием во град богоспасительный Минусинск! Прими во здравие расейских воинов, отбывающих на царску службу!

Опасливо поморгав глазами и уразумев, что битья, возможно, не будет, мужичонка перекрестился на божий храм и опорожнил стакан.

– Дык, закусить бы чево, ребятушки?

– Закусывают господа за завтраком, землячок! Мы же седни пьём, завтра похмеляемся, послезавтра каемся. Не задерживай народ, крест на пуп! Очередной, подгребай!

Очередным был длинный и тощий дядька с фиолетовым носом, волочивший по сходням большую корзину, поверх обтянутую рядом. В корзине что-то трепыхалось, квохтало и крикало.

– Пей, дядя, не боись тёщи! – зубоскалил Пашка. – Видать, весь птичник на базар skonфисковал? Ну, во славу русского оружия и за Вильгельмову кончину!

– За кончину с удовольствием, да ведь жди, пока черт сдохнет, а он ещё и хворать не думал... – дядька махом осушил посудину. –

Я, ребяташки, на японской в унтерах хаживал, так што всю воинску премудрость превзошёл. За ерманский капут употребил, плесни вторую – во здравие боевых сибирских орлов! Солдату ведь что надо? Сыт крупой, пьян водой, три деньга на день – куда хошь, туды и день!

Рекруты-казаки за спиной у Пашки одобрительно загоготали, и говорливый отставной унтер был поощрён вторым стаканом.

Тут подошла очередь толстенной бабе в плюшевом шушуне, пыхтевшей в бесполезных усилиях прорваться и избежать винопития.

– Эй, тётка, ты што же так-то? Торопишься, как поповна замуж! Не, кума, не забижай солдатушек! При такой фигуре тебе и ковша мало будет! – крикнул кто-то из рекрутов.

Растерявшаяся кума даже не поняла, как полнёхонький стакан оказался пустым, как два новобранца вытащили её с узлом из толпы и усадили на свежей травке. Потом она где-то добавила ещё и вскоре уже залихватски плясала с мужиками под развесистым тополем.

...Ой, не вино меня качает,
Меня горюшко берет!..

А винопитие продолжалось. Пашкин лагушок, по мере высадки пассажиров, заметно пустел. К тому же кое-кто невозбранно заходил и по второму разу.

– Хе-хе, болтали, ерманского шпиёна ловют!

– Дык, это без сумления... Тута, значит, хитрость требуется: который стакан первака выдюжит – свой в доску, расейская душа! А ерманец таку плепорцию вживях не снесёт... Самовернейшее средство!

Высадку на берег завершал вконец оробевший тщедушный паренёк в форменной студенческой фуражке и в тужурке со светлыми металлическими пуговицами.

– Замри, студент, не дёргайси! – гаркнул Пашка и выщедил остатки самогона из бочонка. – Толковал ведь я бате, крест на пуп, што единого лагушка по таким делам недостатотно... Будя, будя – вот те и будя!

Студентик с ужасом уставился на стакан, но Пашка, выпучив глаза, устрашающе рявкнул:

– Валяй, учена душа! За битвы кр-р-овавые!..

«Учёная душа» зажмурился, захлёбываясь выпил стакан и, хватая воздух открытым ртом, бросился наутёк...

Когда озорная компания рекрутов разбрелась по все так же пляшущему, поющему и орущему табору, на борт «Дедушки», перекрестившись у трапа, незаметно проскользнул батюшка Иннокентий. Там, в судовом буфете, «по времени» его уже поджидал капитан...

И тут на пустом трапе появился ещё один, запоздавший пассажир. С интересом разглядывая живописный площадной табор, элегантный молодой человек в модном сером костюме, не торопясь, спустился по сходням. Был он лет двадцати пяти – тридцати, высокий и стройный, без головного убора. Золотисто-рыжая шевелюра, владельцам каковых обычно не дают прохода в гимназиях и кадетских корпусах, сочеталась с голубыми глазами. Тонкие усики и золотая оправа пенсне придавали открытому лицу особенную приятность. Через левую руку его был перекинут макинтош стального цвета, а в правой он держал небольшой дорожный саквояж жёлтой кожи, сверкавший на солнце никелированными застёжками. Такие добротные саквояжи чаще всего встречаются у практикующих врачей. Сойдя на берег, молодой человек достал из жилетного карманчика часы на цепочке и мельком взглянул на циферблат, затем, щёлкнув крышкой серебряного портсигара, закурил ароматную питевскую папиросу «Миледи». Ещё раз оглядевшись по сторонам, неспешно направился через площадь в город.

Когда молодой человек пробирался между телегами шумного табора, то услышал за спиной громкие смешки из девичьей стайки:

- Ой, девки, не иначе, новый дохтур с Красноярска!
- Рыжай-то какой, да симпатишный!
- Тише, дура!
- Ясно дело, пилюлюшник-порошошник...
- Нече глаза пялить, не про нас женишок!

Молодой «дохтур» улыбнулся, но не остановился, не завёл с девками шуточный разговор для знакомства, а по тому, как, выйдя из толпы, он стал изучать извлечённую из внутреннего кармана записную книжку, видно было, что в Минусинске приезжий впервые.

– Итак, улица Итальянская, дом номер шестнадцать... – проговорил он вслух.

Пройдя по Михайловской, приезжий свернул на искомую Итальянскую и остановился в некоторой растерянности. Потоптавшись

на перекрёстке, вежливо остановил семенившую навстречу маленькую суетливую старушку:

– Извините за беспокойство, сударыня! Не укажите ли местоположение собственного дома Викентия Владимировича Епанчинцева?

Но «сударыня», как оказалось, была туговата на ухо.

– Мил человек, громче покричи, што ли! В энто ухо вот!

Приезжий, разогнав дымок папироски, наклонился к самому уху старушки:

– Собственный дом Викентия Владимировича Епанчинцева где тут!?

– Господи, оглушил, како ерихонская труба! – бабка даже присела. – Теперь уразумела, батюшка! Знаю, знаю Владимырыча-то! И дом его здесь каждому известный... Вот теперича гляди, батюшка: как пройдёшь дом Крюковский, будет по правой стороне хоромина Поташиных. Два тополя у ихних ворот, они отсель видны. А насупротив Поташиных, как через улицу перейти – тут тебе Соколовы живут. Ставни на окошках-то зелёного цвету... А дале Спирины – у них черёмуха в полусаде... А там и Викентия дом... Токо дай тебе Бог, мил человек, споймать его на дому, он увёрткий, частенько на рыбалку убегивает! Хотя, што я болтаю! Ведь болеет он должно, не выходит который день! А ты дохтур, што ли?..

– Какой он, дом-то из себя? – попытался уточнить приезжий.

– Ну... дом как дом. Добротный...

Распрошавшись с бестолковой старушкой, молодой человек зашагал вдоль домов сразу изменившейся, решительной походкой: миновал два тополя у ворот, зелёные ставни и черёмуху в «полусаде». Вот, наконец, и собственный дом Епанчинцева Викентия Владимировича – отставного уездного следователя по уголовным делам, давно уже вышедшего на заслуженный пенсион...

* * *

Викентий Владимирович, седовласый, небольшого роста и сухощавый, интеллигентного вида старичок в это чудесное солнечное утро был занят ответственной работой: сидя на маленькой открытой веранде своего дома, то и дело поправляя сползавшие с носа очки в роговой оправе, он на разостланной газете «Енисейские губернские новости» старательно сплетал из конского волоса рыболовную лесу. Чуть колыхал листву тополей лёгкий ветерок, и слышно было, как домоправительница Наумовна где-то на заднем дворе, пригова-

ривая, кормила пшеном суматошно пищавших цыплят. Шаловливый белый котёнок, резвившийся у ног старика, всё норовил запутать изготавливаемую лесу...

Викентий Владимирович уже в который раз отгонял его прочь, добродушно увещевая:

– Уймись, Стёпка, не то насидишься без рыбки! Ведь любишь, шельмец, полакомиться, не так ли? Вот мы сейчас наладим наипрочнейшую лесу... Из четырёх волос. Три волоса, сам знаешь, харюза нынче не признают, рвут, Стёпка, да ещё и надсмехаются! Да и как не порвать, ежели вес имеют три, а то и все четыре фунта. Дородный харюз пошёл, прямо как... Ну, к примеру, вроде нашего полицмейстера Петра Семёныча. Видал, какое пузо сей полицейский чин имеет? Вот то-то же... Ну а мы с тобой, Степан, по такому случаю пустим в лесу не три, а четыре отборнейших волоса! Соображаешь, каково им, то бишь харюзам, придётся?

Викентий Владимирович что-то вспомнил, поправил очки на носу.

– Наумовна, кормилица ты наша! – громко позвал он. – Не пора ли, наипочтеннейшая, наладить чайку? Раскачай-ка самоварчик, любезнейшая!

Наумовна, женщина дородная и степенная, важно, словно каравелла, проплыла мимо веранды, поднялась на крыльцо.

– А и то верно, Владимирович! Там к чайку и блинчики вчерашние в запасе имеются...

– Вот-вот, Наумовна... Мы со Стёпкой вполне согласны. Блин, Наумовна, не клин – брюха, как говорится, не распорот!

Наумовна отправилась «раскачивать» самовар, а Викентий Владимирович продолжал разъяснять котёнку:

– Итак, Степан, запустим в лесу не три, а четыре волоса. Закручинятся ведь хариусы, как думаешь? Конечно, мы с тобой ещё на той неделе отправили в Москву срочный заказ в магазин Биткова, что на Большой Лубянке: подавай нам английскую лесу! Премного наслышаны про сию заграничную снасть... Ежели на поверку важнецкой окажется, так мы с тобой, Стёпка, выпишем к осени ещё, да и безкурковку «Дюмулен», бельгийскую. Пенсион наш позволяет... Как ты насчёт рябчиков, Степан, интересуешься?..

Вот в этот самый момент и звякнула железная щеколда калитки. Отворив её, во двор шагнул элегантно одетый молодой человек

в пенсне, с саквояжем в руке. Он внимательно осмотрелся, не сразу заметив сидящего на веранде хозяина.

Викентий Владимирович отложил в сторону неоконченную лесу и поднялся со стула, с интересом разглядывая незнакомца.

– Ежели вы ко мне, уважаемый, проходите смелей! Не опасайтесь, собаку я не держу... Чем могу служить?

Незнакомец, улыбнувшись, прошёл по дорожке, посыпанной песком, к крыльцу.

– Надеюсь, я не ошибся адресом?.. Очевидно имею честь видеть в добром здравии Викентия Владимировича Епанчинцева?

– Не ошиблись, уважаемый, ничуть не ошиблись! Разрешите, в свою очередь, поинтересоваться, с кем имею честь?

Молодой человек вежливо наклонил голову и звонко, повоенному, щёлкнул каблуками штиблет.

– Стронский... Константин Стронский! Имею к вам, Викентий Владимирович, рекомендательное письмо, – молодой человек протянул белый конверт. – От Его Превосходительства господина губернского прокурора...

* * *

Стол на веранде был накрыт со всей щедростью провинциального сибирского гостеприимства. Наумовна «расстаралась» от души: пышущий жаром самовар взяли в кольцо лоснящиеся янтарным маслом блины, рыжики-пяточки и грузди в сметане, хрустские огурчики-корнишоны, штабель малосоленного хариуса и особый деликатес – радужная икра енисейского тайменя. На подходе были и фирменные пельмени, обещанные разругавшейся домоправительницей. Старинные графины розового стекла с настойками на кедровых орешках и золотом корне украшали все это изобилие своим многообещающим присутствием. Графины снисходительно косились на пузатенькую бутылку «Коньяка от Шустова» с медным колокольчиком на этикетке, извлечённую гостем из саквояжа.

Викентий Владимирович и его неожиданный гость – жандармский ротмистр Главного управления Департамента полиции Министерства внутренних дел Константин Александрович Стронский, сидя в плетёных креслах, вели разговор, живо интересовавшийся, судя по всему, обоим.

– Признаюсь, Викентий Владимирович, я нарушил маршрут предписанной мне командировки. Должен был из Красноярска возвращаться в Петроград, но счёл своим долгом побывать у вас в Минусинске...

– Ну и слава Богу, батенька! Всегда рад столичному гостю! – хозяин наполнил рюмки из розового графинчика и хитро улыбнулся. – Судя по запретному «Шустовскому», прибывшему на наш стол вопреки «сухим законам» российским, чиновник вы далеко не простой?..

– Очень рад, что польстил вам, Викентий Владимирович, сим скромным подарком!

– И все же любопытствую... Ведь не ради праздного знакомства с моей персоной совершили вы сей вояж? Кому нужна сегодня старого леса кочерга – отставной уездный следопроизводитель Епанчинцев? Засим слушаю вас, батенька...

Ротмистр, попросив разрешения закурить, щёлкнул портсигаром и внимательно посмотрел на старика.

– Видите ли, Викентий Владимирович, цель моей поездки в Красноярск заключалась в следующем. Один раз в десять лет моему ведомству предписано осматривать и, так сказать, ревизовать все российские губернские архивы, хранящие старые документы по линии юстиции: и судебной, и по Министерству Внутренних дел. Проверки, по сути, формальные, ибо бумаги надёжно сохраняются... Да и куда им деваться? Случаются, конечно, мелкие неприятности! К примеру, в Архангельске как-то после масленицы мыши с аппетитом съели одно маловажное дело, оставив только папку. Блины масляные виноваты – у архивариуса пальцы были жирные, – в глазах Стронского на мгновенье мелькнул весёлый чёртик. – Разумеется, наказали...

– Уж не мышей ли, батенька? – Викентий Владимирович весело хохотнул и заново наполнил рюмки.

– Ну и мышей тоже. Приказано было поселить в архиве парочку знающих дело котов...

Ротмистр попробовал настойку, закусил аппетитным груздочком и даже глаза зажмурил от удовольствия, потом задумчиво пригладил ладонью свою огненно-красную шевелюру и продолжил уже серьёзным тоном:

– На сей же раз в архиве красноярском произошёл более странный случай. Обнаружена пропажа документов из папки за номером сто семнадцать от тысяча восемьсот шестьдесят девятого года по делу «Об убийстве сотника шестого полка Сибирского казачьего войска Иштеева»...

Викентий Владимирович встрепнулся и в волнении даже отложил в сторону серебряную вилку.

– Ни о каких грызунах предполагать не пришлось, – продолжал ротмистр. – Сорок два пронумерованных листа были исключительно аккуратно вырезаны острым ножом, а на их место вложена папка старых «Губернских ведомостей». Папка имела вполне пухлый вид, и если бы не нынешняя ревизия...

– Это очень любопытно! Крайне интересно! – Викентий Владимирович вскочил со стула, позабыв о болях в спине. – Милостивый государь, я прекрасно помню это давнее дело!

Старик, все больше волнуясь, забегал по веранде.

– Это одно из моих первых серьёзных дел! Я был тогда совсем молодым следопроизводителем Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, с новеньким дипломом Петербургского Императорского университета. Скажу вам со всей ответственностью, убийство сотника Кулы Иштеева – это весьма странное и отчасти загадочное преступление! Думаю, что не все было тогда распутано и выяснено... Впрочем убийца отыскан, наказан бессрочными каторжными работами на Сахалине, и производство дела велено было прекратить. Судил убийцу военный суд при закрытых дверях... Но ведь прошло уже около полу-сотни лет, милейший Константин Александрович!

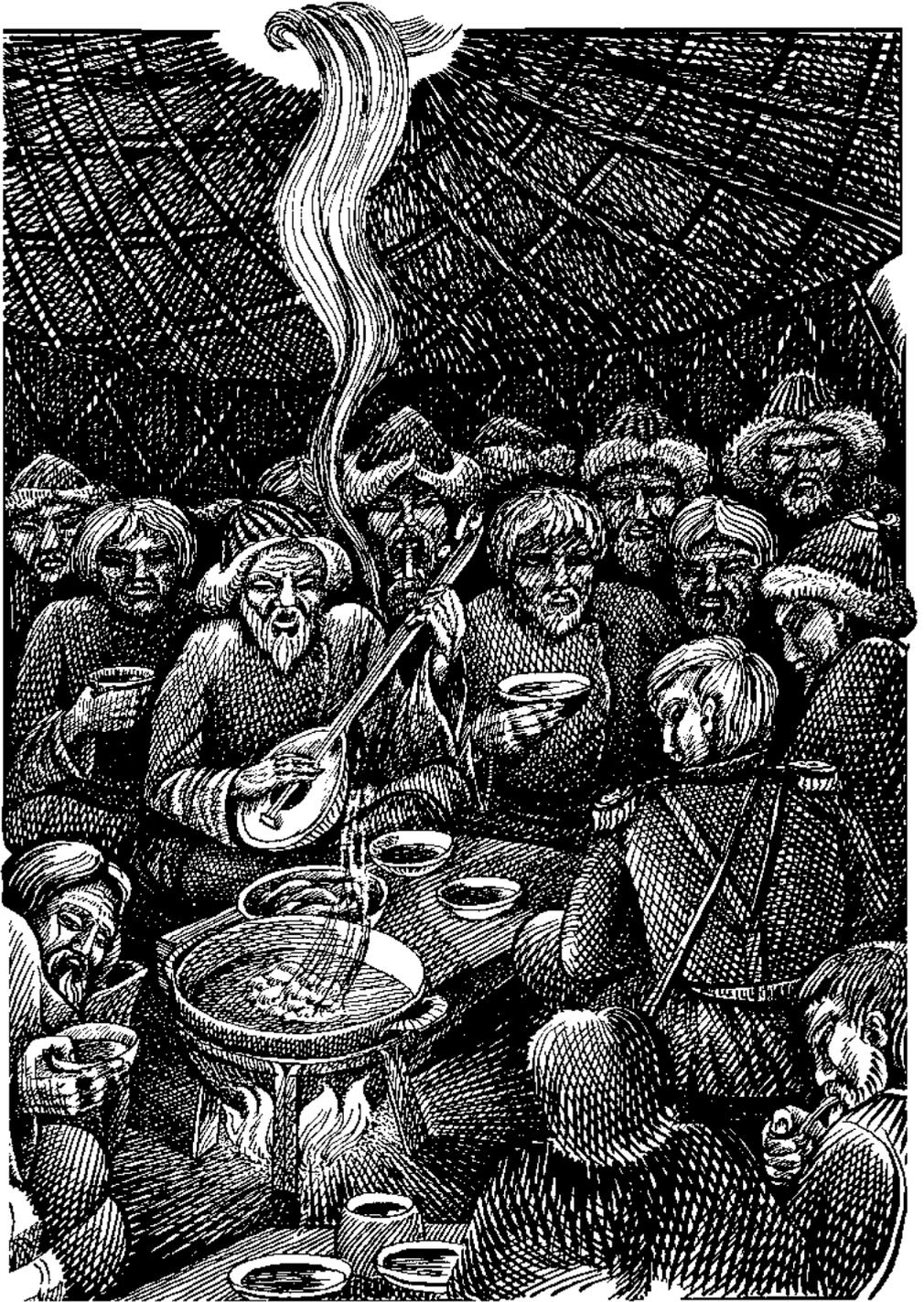
– Да, сорок семь лет. Тем более непонятно, кому могли понадобиться старые допросные листы?.. Документы пропали за время с тысяча девятьсот шестого года, когда проводилась предыдущая проверка. Архивариус скоростижно умер в тысяча девятьсот седьмом году, а новый, молодой чиновник, ничего пояснить не смог. В картотеке архива я обнаружил только послужной список на сотника Иштеева, признаюсь, весьма заинтересовавший меня, – ротмистр достал из саквояжа толстую тетрадь в кожаном переплёте. – Список служебного продвижения убитого офицера я не поленился скопировать. За давностью лет, хотя вы сами и вели это дело, разрешите напомнить, Викентий Владимирович, главное...

Стронский раскрыл тетрадь и стал читать, заодно поясняя:

– Выписки из послужного формуляра сотника Иштеева. Родился в тысяча восемьсот сорок шестом году, происхождением из довольно знатных инородцев – кыргызских князцов Иштеевых. Его отец, Шанда Иштеев в тысяча восемьсот пятьдесят пятом году представлен генерал-губернатором Восточной Сибири к серебряной медали «За усердие». Он перехватил где-то в степях между Енисеем и Абаканом двоих опасных государевых преступников дворянского звания, бежавших из Иркутской военно-каторжной тюрьмы. По ходатайству генерал-губернатора Гасфорда, который являлся и командующим отдельным Сибирским корпусом, тринадцатилетний сын Иштеева Кула был записан в Сибирский кадетский корпус. Обучался он в Омске с тысяча восемьсот пятьдесят девятого по тысяча восемьсот шестьдесят третий год на отделении «Эскадрон» для детей инородцев. Выпущен корнетом в армейскую кавалерию. Обратил на себя внимание исключительными способностями к восточным языкам. По согласованию с Азиатским департаментом Министерства иностранных дел, в составе группы молодых офицеров из шести человек направлен в Китай для совершенствования в китайском, монгольском, японском и уйгурском языках... Посещал Пекинский и Шанхайский императорские университеты. Вернулся в Россию в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году. И здесь самое любопытное, Викентий Владимирович, – ротмистр, бросив на хозяина внимательный взгляд, интригуяще помолчал и прикурил очередную папироску. – Обратите внимание: за усердную службу произведён в поручики, поощрён годовым отпуском и тремя годовыми окладами жалования. Но и это не все! Поручик Кула Иштеев, инородец, представлен Военным Министерством к ордену Святого Владимира с мечами...

– Да-с, милейший Константин Александрович, случай весьма неординарный, – согласился старик, не забывая при этом в очередной раз наполнить рюмки. – Именно тогда я и видел на нём этот маленький рубиновый крест с мечами и чёрно-красным бантом. Дающий, между прочим, право на личное дворянство!

– Совершенно верно! Все это заставляет предположить, – ротмистр усмехнулся, и в глазах его опять возник хитрый чёртик, – что сей молодой офицер изучал в Китае не одни лишь только восточные языки...

Глава 3. Кривавый тоя

Велика матушка-Россия и настолько обширна её территория, что можно прожить всю жизнь и не знать о какой-нибудь народности, испокон веков обитающей на окраине или даже в центре страны. Это не удивительно, ведь географический центр России, да и всей Евразии – неведомая европейцам Сибирь. И мало кому, кроме специалистов-историков, известно сейчас, что на юге Центральной Сибири располагалось когда-то сильное Кыргызское государство, главными составляющими территориями которого являлись современные Алтай, Тува и Хакасия...

Народ, именуемый ныне хакасами, никогда не входил ни в Золотую орду, ни в государство Сибирского юрта, последним правителем которого был прибывший из Средней Азии шейбанидский царевич – хан Кучум. Кыргызское государство оказалось самым крепким оплотом политической власти местных тюркоязычных князей в Северной Азии. Неоднократно переживая в своей истории захваты и разорения от джунгар и монголов, бурят и русских, это государство каждый раз, словно сказочная птица Феникс, воскресало из огня и пепла. И просуществовало в целом свыше двенадцати веков.

Дружине Ермака потребовались три года непрерывных упорных сражений, прежде чем хорошо вооружённое казачье войско сумело сломить сопротивление так называемых западносибирских татар. А на завоевание и последующее присоединение к Российскому государству обширных и благодатных территорий в среднем течении Енисея, по его притокам, а также в верхнем течении впадающей в Обь реки Чулым у царских воевод и служилого казачества ушла целая эпоха – свыше ста двадцати лет...

* * *

Давно не было такого богатого тоя в улусе бая Шанды Иштева. Большой шестиугольный шатёр бая, покрытый новым белым войлоком, возвышался, как подобает, в центре, многочисленные же юрты большим полукругом рассыпались по высокому берегу озера Солбан¹. Обращённые входом на восток, войлочные и берестяные,

---

¹ Движущаяся звезда (хакасск.)

они были тоже, как на подбор, ладными и добротными. Их вид говорил о том, что хозяин сытно кормит свой народ, а люди улуса хорошо пасут огромные отары его овец, неустанно заботятся о многочисленных конских табунах.

Едва взошло солнце, как все, отложив повседневные дела, начали готовиться к празднику. В двух юртах уже курили для гостей араку¹, а мужчины отбирали в ближайшей отаре лучших баранов и волокли их к шатру хозяина, где Шанда лично шупал жирные курдюки, после чего либо ругался, либо одобрительно цокал языком. Если его правая рука после этого величественно указывала в сторону семи больших, клокочущих кипящей водой медных хазынов² – то вопросов больше не возникало. Расторопные парни привели на аркане и двух молодых упитанных бычков, которыми бай тоже остался крайне доволен.

Женщины хлопотали внутри шатра под присмотром ещё не старой жены бая Амырын. Им хватало работы и на восточной женской половине, и на западной – мужской. С женской половины слышалось осторожное позвякивание протираемых чашек и пиал³ – дорогой китайский фарфор, расписанный цветными узорами диковинных растений и оскалившимися драконами, скоро будет щедро наполняться аракой. Сама Амырын сбилась с ног, извлекая из закровов обильные запасы домашней снеди: тут и хыйма⁴, и пызлах⁵, и талкан⁶... Да, хозяин бывал скуповат, и кошелёк у него обычно раскрывался потуже, чем волчий капкан, но в праздники никак не жаден. А уж для сегодняшнего тоя Шанда вообще не жалел ничего!

На мужской половине шатра женщины расстилали дорогие персидские ковры, а на самом почётном месте, в центре, разложили две шкуры полосатых амурских тигров. И в завершение сам Шанда – тучный, лоснящийся от сытости и довольства – бережно достал из

---

¹ Спиртной напиток, обычно из риса, но хакасы по настоящее время изготавливают его из молока.

² Казан по-хакасски звучит «хазын», то есть «хозяин».

³ Небольшая фарфоровая чашка для питья, без ручки.

⁴ Название особого вида колбасы в оболочке из толстой конской кишки, впоследствии ставшее у хакасов обобщающим.

⁵ Овечий сыр.

⁶ Талкан (талган) готовят так: на открытом огне обжаривают ячменное зерно, пропеивают и мелют, потом смешивают с мёдом. Едят руками, и по сытности кушанье не уступает мясу.

за пазухи заветный ключ. Он не спеша открыл им большой старинный, окованный медными узорчатыми накладками сундук. Пыхтя и негромко охая от боли в пояснице, лично развесил на стенах юрты изогнутые сабли с голубыми клинками, богато отделанные серебром и золотом дамасские кинжалы, боевой лук и украшенный резными накладками из слоновой кости колчан со стрелами. Наконец, со дна сундука бай достал большую, размером в половину чайной чашки серебряную медаль с надменным профилем русского царя и надписью «За усердие» на оборотной стороне. Сегодня царская награда на голубой шёлковой ленте снова будет украшать грудь своего владельца!

Только после этого совсем раздувшийся от самодовольства Шанда откинул белый полог своего шатра. Важно вышел за порог – и сощурился от ярких солнечных лучей: внизу под холмом ласковое летнее солнце рябило в серо-голубой глади озера Солбан, тёплый ветерок колыхал молодой ковыль в степи, а вокруг юрты суетились люди и весело бурлила в хазынах кипящая озёрная вода. Да, жирного и сытного мяса нынче хватит всем, кто не поленится приехать на той радушного бая Шанды!

– Готово! Всё готово! – донеслись со всех сторон до бая радостно-угодливые крики служанок.

– Готово! Готово! – вторили женщинам мужчины улуса, кланясь своему хозяину и заранее предвкушая обильное угощение в хмельном весёлом застолье.

Шанда ещё раз окинул свои владения довольным взглядом, и ему захотелось громко, очень громко – на всю залитую щедрым солнечным теплом степь – крикнуть молодецки громким, богатырским голосом:

– Экей-а, люди степи! Слушайте все, кто близко, слушайте все, кто далеко! Собирайтесь, гости, собирайтесь на Солбан-озере! Узнайте все радостную весть, прилетевшую, как птица, в моё сердце! Возвращается в род былая слава моего предка, князя Шанды Иштеева! Знайте, что к родным юртам спешит мой сын, большой начальник, царский офицер Кула Иштеев! Мчится на красивом и быстром, как ветер, коне! Передайте дальше, люди степи, эту новость, и собирайтесь скорее на щедрый той!..

Да, никогда ещё не было такого многолюдного, такого богатого, такого щедрого тоя в улусе бая Шанды Иштеева! К закату солнца

на озере Солбан собрались многочисленные гости. Их разномастные кони, примчавшие хозяев со всей Койбальской¹ степи и теперь рассёдланные, вольно паслись целым табуном неподалёку от юрт. Раз лошадей не привязывали к коновязям, значит, их хозяева собрались провести на празднике не одну ночь и, может быть, не один даже, а много дней за весёлыми беседами и развлечениями, за сытной едой и хмельной аракой.

Собрались все родственники Шанды: младшие братья Агбай с Азылом, старший Колей со своими сыновьями и внуками – Коргоем, Мунгатом, Миргеном, Опончой, Орахаем, Пууром... Да, племянников у Шанды было так много, что даже сосчитать их трудно, поэтому, вспоминая многочисленные имена, он нередко сокрушённо разводил руками, а с некоторых пор, окончательно сбившись со счета, даже перестал напрягать память. Ну и дорогих аалчы² – уважаемых, богатых и знатных людей степи съехалось по крайней мере столько, сколько было в округе аалов и чуртов³.

По приглашению хозяина из дальнего аала притрусил на рыжей монгольской лошадке – такой же древний, как и его старинные кипчоохи⁴ – великий хайджи⁵ Сюзей. Конечно, разве может настоящий той обойтись без хайджи, без четырёхструнного чатхана и без желанных кипчоохов?! Его сопровождали на красивых быстрых конях внучка Азынтай и два молодых парня – родные братья Отой и Кабай. Братья были высоки ростом и широкоплечи, их рыжеватые волосы и удивительно голубые глаза говорили о том, что они из рода редких уже подтаёжных енисейских татар, предками которых были легендарные динлины. Главной заботой братьев была доставка в сохранности драгоценного чатхана Сюзея, но видимо, эта забота не была единственной, потому как по их ревнивым взглядам было заметно, что оба влюблены в красавицу Азынтай...

Виновник же предстоящего пиршества в это время уже отдыхал после дальней утомительной дороги в одной из гостевых юрт, спе-

¹ Степное пространство в междуречье Абакана и Енисея, в древности называемое Хонгораем

² Гости.

³ Место обитания бега; поселение типа русской деревни, обычно объединяющее родственников.

⁴ Не сказочная проза, включающая мифы, легенды и сказания. Буквально «рассказы о прошлом» (хакасск.).

⁵ Сказитель хакасского эпоса.

циально установленных неподалёку от шатра Шанды, и его денщик Семён – казак из приписных – никого не подпускал к ней. Более пятисот вёрст от Хызылчара¹, с остановками лишь на ночлег, проделали они с Кулой в сёдлах, ведя в поводу третью вьючную лошадь, нагруженную подарками. Прибывающие гости бая прекрасно понимали, что такой дальний путь и для отличных всадников далеко не прост!

Ещё по приезду казак Семён, сам едва не падая от усталости, воткнул в землю перед юртой свою пашку и улёгся на кошме поперёк входа. Так что даже сам отец Кулы, хозяин улуса Шанда не решился перешагнуть через денщика и потревожить отдых сына. Как и все, он терпеливо ждал пробуждения уставших служивых людей...

Солнце уже опускалось на ночлег между двумя вершинами за озером, когда самые уважаемые аалчы, теснясь, начали рассаживаться на коврах в белом байском шатре. Если бы он был даже в десять раз просторнее, и то не смог бы вместить всех желающих оказаться рядом с хозяином, поэтому вокруг шатра разожгли многочисленные костры. Пусть все оставшиеся вне шатра гости – и аксакалы,² и молодые – не таят обиды на счастливого отца Шанду Иштеева!

Наконец, тихонько насвистывая какую-то мелодию, улыбающийся Кула показался из своей маленькой юрты. Его запылённую дорожную одежду сменил тёмно-зелёный офицерский мундир, и в лучах закатного солнца серебром горели на плечах эполеты. Блестела чёрная кожа начищенных до блеска сапог, которые негромко позванивали серебряными звёздочками шпор. На левой стороне груди, под черно малиновым бантом ярко пламенел небольшой кроваво-рубиновый крестик с перекрещенными золотыми мечами...

– Здравствуй, Кула! Здравствуй! Да здравствует Кула! – посыпались на бравого офицера приветствия со всех сторон.

Польщённый и даже слегка смущённый такой встречей, Кула прошёл в белый шатёр. Шанда, млея от гордости за себя и за сына, несколько суетливей, чем требовала обстановка, усадил его на почётное место рядом с собой – напротив уважаемого хайджи Сюезя. И долгожданный той начался...

То и дело казачий сотник Кула ловил на себе внимательные, изучающие взгляды гостей, кивал в ответ, улыбался. Не было в шатре

¹ Хакасское название города Красноярск.

² Буквально «седая борода», т. е. мудрый, уважаемый старик.

человека, который не мечтал бы принять на свой счёт улыбку виновника торжества, даже неприступно гордая красавица Азынтай время от времени скашивала в его сторону свои прекрасные чёрные глаза. Вон и занавеска, отделявшая женскую половину, заколебалась: немало любопытных девичьих глаз сегодня рассматривают молодого офицера, его непривычный нарядный мундир, отмечают стройную фигуру и военную выправку. Да, не одно пылкое юное сердце, подобно нечаянно оброненной фарфоровой пиале, разобьётся в этот вечер!

А перед гостями исходили аппетитным паром огромные блюда, вожделенный аромат варёной баранины, говядины и хана¹ все гуще насыщал воздух внутри шатра. Островерхо высились горки сыров и колбас, и конечно же, притягательно расположились посреди всего этого изобилия объёмистые тозоры,² причём не только с домашними напитками, но и с красным вином, привезённым в стеклянных бутылках из Минусинска, и с крепкой русской водкой «Березовка». Сливались в общий гул голоса, негромко потрескивали фитили новомодных, высоких и толстых стеариновых свечей. Праздник начинался шумно и весело.

Да, признавали все гости, никогда ещё на их памяти не было такого щедрого тоя в Койбальской степи. И не было сегодня на целом свете человека счастливей Шанды Иштеева. Если бы только бай Шанда и его гости знали, что злые духи степи – хуу-хат, айна и сам чилбиген³ – тоже собрались в этот вечер на озере Солбан для своего чёрного тоя, несущего горе и многие несчастья веселящемуся улусу...

* * *

На другой день, почти загнав захлёбывающихся пеной коней, племянник Шанды Атык и казак-денщик Семён намётом ворвались в Минусинск. Осадили лошадей они у здания окружной судебной палаты, ибо привезли страшную, убийственную по своей нелепости весть. Весть о том, что той в улусе бая Шанды неожиданно закончился трагедией: сын Шанды, казачий сотник Кула Иштеев убит в белом шатре отца прямо на глазах пировавших гостей...

¹ Кровяная колбаса. Готовится так: кровь сливают в баранью кишку, добавляют лук и варят вместе с мясом; нарезают и едят горячей.

² Богато украшенный сосуд для вина.

³ Ведьмы, черти и мифическое семиголовое чудовище (хакасск.).

Ротмистр Стронский внимательно и не перебивая слушал разволновавшегося от воспоминаний Викентия Владимировича.

– Разумеется, в самом спешном порядке была запряжена наша полицейская бричка, – продолжал тот, – и судьба сопутствовала в этом следственном деле мне, ещё молодому и неопытному следо-производителю. Волею счастливого случая в Минусинске как раз гостил у своего брата полковник вашего же, ротмистр, ведомства, если мне не изменяет старческая память, Балов Сергей Николаевич из Красноярска... Он незамедлительно присоединился ко мне, и мы втроем – ещё был приставлен полицейский унтер – помчались на озеро Чолпан¹.

Владимир Викентьевич утёр ладонью со лба выступившую от волнения испарину.

– Нас сопровождали верхами молодой племянник бая Атык и денщик убитого Семён, если не ошибаюсь за давностью лет, Семён Татаринцев. Они-то и указывали нам кратчайшую дорогу. Я, разумеется, очень нервничал и был крайне благодарен полковнику Сергею Николаевичу за сохраняемые им спокойствие и хладнокровие на всём пути нашего следования. Ведь мне лично, признаюсь честно, до этого случая доводилось разбирать только незначительные и совсем несложные городские происшествия, например, воровство колбас из лавки купца Пашенных или кражу граммофона с тремя пластинками у золотопромышленника Сафьянова... Иногда, правда, угон скота в какой-нибудь казачьей станице или иногородческом аале. А тут, извольте видеть, убийство офицера!

Викентий Владимирович перевёл дыхание и подкрепился рюмкой своей наливки.

– В становище у озера прибыли к вечеру. Над белым шатром бая был вывешен чёрный флаг. Это, знаете ли, древний обычай степняков: умирает ребёнок – вешают красный флаг, если скончался старик – белый, а чёрный означает смерть мужчины в расцвете сил...

– Символические цвета... – впервые перебил рассказчика Стронский.

– Сейчас же я приступил к опросам очевидцев убийства, – продолжал, не прерываясь, Викентий Владимирович. – К слову сказать, красноярский полковник практически не вмешивался в мои дей-

---

¹ Русское название озера Солбан.

ствия. Первым делом, конечно, мы внимательно осмотрели тело убитого сотника. Всего одна рана, ножевая и очень глубокая, причём точно в сердце! Вот сюда, – Викентий Владимирович ткнул себя в грудь, – рядом с орденом Святого Владимира. Родители убитого, бай Шанда и мать не отходили от тела сына, их горе, несомненно, было неподдельным. Мать заливалась слезами, отец лишь глухо стонал и скрипел зубами, проклиная чилбигена и других злых духов степей: «Ай, ай! Хомай кирек, хомай кирек! Хайдаг хыйял!»¹

Викентий Владимирович легко выговаривал инородческие слова, видимо неплохо зная язык.

– Нож, которым был убит сотник Кула, довольно большой и достаточно тяжёлый, поражал старинным видом и странным узором по рукояти, – оживлённо продолжал свой рассказ старик. – Я, уважаемый ротмистр, тут же как вещественное доказательство упаковал его и спрятал в свою кожаную дорожную сумку. Этот нож, помнится, крайне заинтересовал и полковника. В дальнейшем я передал его вместе со всеми следственными бумагами в Красноярск для изучения и экспертизы...

– Убийство произошло в шатре, при многих свидетелях, – задумчиво произнёс ротмистр, – надеюсь, выявить преступника не составило большого труда? Не так ли, Викентий Владимирович?

– Вначале именно так думал и я, – живо отозвался старик, – но все оказалось гораздо, гора-а-здо сложнее, милейший Константин Александрович! Определённо и конкретно ни один из двадцати двух очевидцев указать на убийцу не смог. Более того, показания пировавших в шатре противоречили друг другу. Одни уверяли, что нож в груди офицера оказался как-то сам по себе, без чьей либо посторонней помощи. Глупейшее, согласитесь, утверждение! Другие неуверенно припоминали, будто бы за несколько мгновений до убийства в шатре появился ещё один запоздавший, зловещий гость. Причём находившиеся снаружи никого постороннего возле шатра не видели, ввиду, должно быть, изрядного к тому времени подпития. Третьи почему-то ссылались на предсказание сказителя-хайджи, под рокот струн чатхана исполнявшего в этот момент очень древнюю, никому из гостей доселе неизвестную легенду... Были и такие, кто не сомневался, что в кровавом деле замешены не кто иные, как злые духи, степные демоны. «Хуттар! Хут!»² – повторяли

¹ Ай, ай! Плохое событие, плохое событие! Какая беда! (хакасск.)

² Духи! Дух! (хакасск.)

они на все мои вопросы. И разубедить в этом тёмных людей не было никакой возможности...

– И какая же картина преступления сложилась у Вас, Викентий Владимирович, на фоне всей этой мистической чепухи? – спросил Стронский, иронично улыбнувшись.

– Вот-вот, уважаемый ротмистр, картина складывалась очень уж необычная и достаточно мистическая, что тогда же не преминул отметить и полковник Балов. Чтобы, как говорят степняки, «не растягивать аркан долгого рассказа», я перейду к неопровержимым фактам, ведь в следственной практике важны только они...

Викентий Владимирович в очередной раз чокнулся рюмками, на сей раз наполненными «шустовским», и смачно закусил коньяк солёным огурчиком.

– Вполне очевидно, что к моменту убийства пир в самом шатре достиг уже полнейшего апогея. Гости к тому времени изрядно захмелели, без счета выкрикивая здравицы Куле и его счастливому родителю. Между прочим, ротмистр, арза и хурза,¹ приготавливаются по особенному ойротскому² рецепту, даже по сравнению с нашей русской водкой действуют просто убийственно. Говорят, перебрав этих дьявольских напитков, как кстати и местной араки, не протрезвеешь в два, а то и в три дня. Но следственного эксперимента по этому поводу я, естественно, не проводил...

Старик улыбнулся и, взглядом попросив разрешения, снова наполнил рюмки коньяком.

– Так вот, с вашего позволения, ротмистр, я вернусь к рассказу о пире. Очень скоро, надо думать, пришло время развлекать гостей сказителю-хайджи, девяностолетнему седобородому Сюзею. Великим мастером, утверждают, был этот Сюзей: он одинаково хорошо владел и двухструнным хомысом, и многострунным чатханом, а кроме кип-чоохов, несмотря на почтенный возраст, мог порадовать искусным горловым пением «хай». Итак, сам виновник торжества Кула сделал старику первый заказ: попросил Сюзея порадовать собравшихся старинной и никому из присутствующих не известной легендой о так называемом золотом караване. Он, якобы, загадочно улыбаясь каким-то своим мыслям, уже слегка заплетающимся языком обратился к сказителю: «Ещё не будучи кадетом, в своей юно-

¹ Самодельные крепкие спиртные напитки на основе кобыльего молока.

² Калмыкскому.

сти я как-то слышал от вас, уважаемый Сюзей, кип-чоох о «золотом» караване. Сегодня, вместе с гостями, хочу услышать этот древний кип-чоох ещё раз!»

Рассказчик интригуяще поднял вверх указательный палец и продолжил:

– Сразу почему-то нахмурившийся Сюзей поначалу не соглашался: «Нет, Кула, ты просишь плохой нымах¹ на таком весёлом тое, он испортит всем гостям настроение!» Тут уж загалдели изрядно захмелевшие гости: «Ай, ай, какой такой может быть плохой нымах? Старик, тебя просит наш дорогой Кула, поэтому бери скорее свой чатхан, и кроме того, мы тоже хотим узнать о золотом караване!»

Викентий Владимирович, движением указательного пальца предупреждая ротмистра, намеревавшегося перебить рассказчика каким-то вопросом, продолжил:

– В конце концов Сюзей настроил струны чатхана... Опрашивая свидетелей и, в первую очередь, самого нымахчи, я и узнал о злополучной легенде, милейший ротмистр, следующее... Хотя, надо признаться, далеко не все, что хотелось!

Рассказчик ещё раз интригуяще потряс указательным пальцем.

– Дело в том, что во времена Чингисхана монголы покорили в числе прочих и местных приенисейских кыргызов или, как их сейчас называют, приенисейских татар. Разумеется, обобрали их, как говорится, до нитки – угнали скот, людей. Но, главное, это сокровища! Была у хакасов военная добыча – трофеи победоносного похода в восьмом, кажется, или в девятом веке против уйгуров². И вот теперь монголам удалось захватить все эти значительные сокровища благодаря предательству какого-то изменника. Он – единственный оставшийся в живых из тех, кто знал, где спрятаны сберегаемые народом бесценные богатства. Сей предатель якобы отдал монголам горы серебра, золота и драгоценных камней, так что захватчики нагрузили целый караван вьючных лошадей. И «золотой караван» ушёл в земли Повелителя стран и народов Чингисхана...

– Мало ли легенд о бесценных сокровищах слагают малые народы, – усмехнулся ротмистр. – Для них и мешок золотых монет, это невероятно много...

---

¹ Сказка.

² Один из древних тюркоязычных народов, расселившихся на территориях Восточного Туркестана, Казахстана и Кыргызстана

– Не скажите, ротмистр, – возразил Викентий Владимирович, – и позвольте досказать сию историю до конца. Это ещё не все, что мне удалось выяснить о легенде. Заканчивается-то она вполне в духе обычаев и нравов степняков, притом весьма неожиданно...

Он вскочил из-за стола и взволнованно зашагал веранде.

– Предательство, милейший, совершенно не поощрялось средневековыми кыргызами! Да, да, ротмистр! Это был большой позор для всего степного народа. Наказать смертью изменника, который ушёл вместе с «золотым» караваном, они никак не могли. Но кыргызы все же казнили его, причём иным способом! Во все улусы, во все чурты, аалы и стойбища помчались гонцы с беспощадным приговором народа. По всем, даже самым крохотным селениям было объявлено, что люди должны навечно, навсегда забыть имя подлого предателя! Никто и никогда под страхом смерти не должен произносить имя негодяя вслух! Само имя, как видите, было объявлено вне закона. Смерть тому, кто назовёт имя изменника! Более того, смерть и тому, кто назовёт родившегося в здешних степях ребёнка его именем. Таким образом, было узаконено следующее: да будет приговор народа во веки веков неизменен, да будет нерушим всегда!

Стронский, разволновавшись не менее Викентия Владимировича, торопливо закурил папироску и спросил:

– А что же дальше произошло на тое? Признаться, явственно ощущаю, как в шатре накалилась обстановка! Эта необычная, и, я бы даже сказал, странная легенда...

– А дальше, голубчик вы мой, поднялся сотник Кула. Уже в изрядном подпитии, пошатываясь, он расстегнул мундир и достал из внутреннего кармана какую-то бумагу. Поднял её над головой и заговорил громким голосом: «Слушайте все! Слушайте и вы, уважаемый нымахчи Сюзей! Я знаю это имя! В библиотеке Пекинского университета я нашёл документ из архива Чингисхана и сейчас произнесу имя того, кого все незаслуженно называют изменником!»

Несколько секунд Викентий Владимирович интригуяще помолчал, затем продолжил:

– В этот момент в шатре, естественно, повисла напряжённая тишина. И вот тут якобы многие услышали приближающийся топот копыт... «Да, – продолжал подвыпивший Кула, – сейчас я назову вам запрещённое много веков имя!» Язык его при этом, по словам гостей, изрядно заплетался. «Нет! Не делай этого! – хайджи Сюзей даже отбросил в сторону свой драгоценный чатхан и испуганно за-

махал руками. – Вспомни приговор народа! Народ был мудр!» На лицах многих гостей отразился ужас. «Не делай этого, Кула! Не надо имени, Кула!» – попытались остановить его встревоженные гости. Но сотник только пьяно улыбался и, развернув сложенный вчетверо лист бумаги, упрямо продолжал: «Узнайте же все имя того...»

У Викентия Владимировича от волнения перехватило горло, и он поспешно промочил его рюмкой наливки.

– Кула так и не успел закончить начатую фразу... – рассказчик вновь утёр со лба выступивший от волнения пот. – И вот тут, действительно, начинается совершеннейшая мистика, дорогой мой Константин Александрович. Внезапно ворвавшийся ветер, якобы от распахнувшегося полога шатра, погасил все свечи, и в наступившей тишине все тут же услышали вскрик Кулы и его последний сдавленный стон. А ещё! А ещё некоторые слышали удаляющийся в степь топот конских копыт...

– Наумовна, голубушка! – открыв дверь в соседнюю комнату, позвал Викентий Владимирович. – Нам бы, золотая моя, желательно чего-нибудь покрепче, от расстройства нервов. Посмотри-ка на кедровых орешках спиртовое снадобье! Ведь есть же у тебя, я знаю, на особый случай!?

– Действительно, случай необычный! – все ещё находясь под впечатлением от услышанного, задумчиво согласился Стронский. – И все же, как вам удалось найти преступника, Викентий Владимирович?

– Я, признаюсь, и не нашёл его, просто убийца Кулы сам пришёл ко мне. Спасибо за добрый совет полковнику Сергею Николаевичу! Целых три дня я вёл на озере Чолпан допросы и расспросы – и всё впустую, знаете ли. Те гости, что пировали снаружи, только больше запутывали следствие. Стоило мне при допросе раз упомянуть про загадочного всадника, как уже вскоре нашлись очевидцы. Но те, кто во время тоя были потрезвее, появление запоздалого гостя начисто отрицали. Сергей Николаевич сочувственно помалкивал, но уже перед отъездом в Минусинск посоветовал: «У вас, господин следопроизводитель, нет до сих пор ни одного конкретного подозреваемого. Но в самом деле, не злой же дух, не мифический же чилбиген убил царского офицера? А посему у вас остаётся единственный выход и последний проверенный способ: возьмите из инородцев ну, как бы это сказать, парочку заложников, что ли...

Закон этого не позволяет, но тут уж не до чистоплюйства! С азиатами следует поступать по-азиатски, господин следопроизводитель. Подержите заложников несколько дней под караулом, объявив всем, что они будут освобождены только в случае обнаружения убийцы. И не отпускайте до той поры домой никого из гостей! На этом прощаюсь и желаю вам успеха. А с азиатами, поверьте мне, можно только по-азиатски!»

Викентий Владимирович ненадолго замолчал, словно ожидая возражений со стороны ротмистра, потом продолжил:

– Решившись на сие крайнее средство, я объявил заложником кого бы вы думали? Самого хайджи, старика Сюзея! Он, донельзя огорчённый, два дня прожил в отдельной юрте под присмотром полицейского унтера. А его внучка Азынтай добровольно пожелала составить дедушке компанию. И представьте себе, ротмистр, на третий день убийца объявился! Да не один, а целых два! С понишками головами ко мне пришли оба брата – Отой и Кабай. Те самые, которые возили по степи чатхан Сюзея, повсюду сопровождая хайджи, а заодно и его внучку. Они были под сильным впечатлением от ареста Сюзея и Азынтай. Но мне-то, черт их побери, нужен был один убийца! Нужны были и какие-нибудь доказательства! Уразумев это, братья посовещались – и младший, Отой в качестве бесспорного факта извлёк из-за пазухи ножны от того самого рокового ножа, пронзившего сердце поручика... Скажу я вам, ротмистр, ещё пару слов об этом старинном ноже. Рукоять из слоновой кости была украшена искусной резьбой. Когда нож вдвигался в ножны, тоже украшенные костяными пластинками, возникал единый рисунок-композиция: стрела туго натянутого лука целила в убегающего оленя. Олень же бежал между двух скал причудливой формы, на одной из которых изображён крестик. А на другой, заметьте, стрела, но заключённая в круг. Будто карта графа Монтекристо... Нож тот я, естественно, отправил вместе с материалами следствия в губернию.

Рассказчик посмотрел на Стронского: на лице жандармского ротмистра был написан живейший интерес к рассказу.

– Но и это ещё не все! – продолжал Викентий Владимирович увлечённо. – По прошествии времени из Красноярска поступила экспертная справка по поводу времени его изготовления. Во-первых, экспертиза установила приенисейское происхождение оружия: на левой щёчке лезвия, у самой рукояти разглядели малозаметный, наискось перечёркнутый тремя линиями квадрат. Именно

такой формы, квадратной, в средние века было боевое знамя кыргызов: зелёного цвета, с тремя развевающимися конскими хвостами. Так что нож был откован не позднее начала тринадцатого века, в крайнем случае в эпоху Чингисхана!

Стронский хлопнул себя ладонью по колену и огорчённо произнёс:

– Жаль, не пришло мне в голову заглянуть в камеру вещественных доказательств! Не исчез ли нож заодно с вашими опросными листами из папки?

– Желал я оставить сей нож у себя, но никак было невозможно, – припомнил Викентий Владимирович. – А парня этого, Отоя судил военный суд при закрытых дверях...

Старик достал из застеклённого книжного шкафа толстый том, на котором золотом было вытиснено «Свод военных постановлений».

– Вот, извольте, статья тридцать первая... «Для местностей, не объявленных в исключительном положении, на рассмотрение военных судов передаются дела о государственных преступлениях, а также о вооружённом сопротивлении властям или нападении на чинов войска и полиции... если эти преступления сопровождались убийством или покушением на убийство». А наказание-то предусматривалось статьёй двести семьдесят девятой! Таким образом, Отой Оспаларов был удостоен пожизненной каторги и незамедлительно отправлен этапом на остров Сахалин. Вот так-то, дорогой ротмистр!

– Любопытная деталь, Викентий Владимирович... – Стронский задумчиво поерошил свою рыжую шевелюру. – Судя по вашему рассказу, оба брата-инородца сидели рядом с хайджи... Как его там? Сюзея, кажется? Сидели они напротив сотника Кулы и его отца на довольно значительном расстоянии. А между ними на коврах закуски, напитки... Если сотник мгновенно был порешен ножом прямо в сердце, такое возможно только при метком и очень сильном, я бы даже сказал, опытном броске. Ведь нож пролетел полторы-две сажени, к тому же в темноте, не так ли?

– Так, все именно так, дорогой ротмистр! – снова разволновался старик. – Я, помнится, тоже был тогда смущён этой неувязкой дела! На допросах всем присутствующим в юрте гостям задавал вопрос: умеют ли степняки метать ножи, принято ли у них это боевое ис-

кусство? Абсолютно все начисто это отрицали, говорили, что здешние степняки прекрасно владеют арканом, метко стреляют из лука, но искусных метателей ножей среди них не знают.

– Это означает, что мы опять в тупике, Викентий Владимирович, – Стронский усмехнулся. – Может быть, роковой нож вонзил в сердце Кулы вовсе и не Отой? Тут снова вспомнишь о таинственном топоте копыт, распахнувшемся положе шатра и задутых свечах. Согласен, что от мистики в данном случае отрешиться весьма трудно... Кстати, можно спросить о втором подозреваемом, родном брате Отоя? Как там его звали?

– Кабаем, – напомнил Викентий Владимирович. – Кабай той же осенью сыграл свадьбу, и взял в жены... кого бы вы думали?

– Внучку Сюзея, красавицу Азынтай?

– Вы очень проникательны, любезный ротмистр. Но какова новая деталь после такой драмы?! Она сразу наводит на некоторые размышления.

– Да, тут есть над чем задуматься, дорогой Викентий Владимирович. Один брат на каторге, другой женится на их общей, по видимому, любви... И ещё один вопрос, немаловажный в этой странной истории! Как вы думаете, жив ли, здравствует ли сегодня, через сорок семь лет каторжник Отой. Я думаю, он мог бы рассказать много интересного и прояснить ситуацию?

– Как Вы помните, ротмистр, в тысяча девятьсот четвёртом году, по причине войны с Японией всех каторжан вывезли с Сахалина на материк. Мне кажется, вам будет не трудно, при вашем-то голубом мундире, выяснить судьбу Отоя Оспаларова?

– Попробуем! Попробуем, Викентий Владимирович! – оживлённо проговорил ротмистр. – А кстати, вы так и не сказали, что было написано на том листке, который достал несчастный сотник?

– В том то и дело, что листок исчез бесследно, словно его не было...

– Выходит, именно он и послужил поводом к убийству! – воскликнул Стронский, и опять в его голубых, обычно ироничных глазах мелькнул весёлый чёртик. – А согласитесь, Викентий Владимирович, что приговор народа – дело серьёзное...

Глава 4. Дезертир

Первая мировая – одна из самых кровопролитных войн в истории человечества... Истинные герои её вскоре были забыты, зато те, кто жаждал поражения и краха России, водрузили на свои головы лавровые венки победителей. Парадокс исторических хроник в том, что их пишут всегда в угоду пришедшим к власти, и только время способно каждому воздать должное. У многих эта война ассоциируется с поражением России и позорным Брестским миром, а всю вину за унижение народа возлагают на «бездарное» царское правительство. Но так ли это было на самом деле?..

Несмотря на отдельные неудачи военной компании, в шестнадцатом году стало ясно, что Германия выдыхается и до победы Российской Империи в первой мировой войне остаётся один шаг. На семнадцатый год Ставкой Верховного главнокомандования уже был намечен захват Босфора и Дарданелл. Для союзников становилось очевидным, что после неизбежной победы под российский контроль попадают Балканы и главный торговый путь Европы – Дунай. Россия также превращает Чёрное море в свой внутренний водоём, а заодно и Каспий становится Русским морем, поскольку три четверти Ирана с его нефтеносными провинциями отходят под контроль Петербурга. Ещё в начале войны Император Николай II добился от западных стран подписания секретного договора о передаче России после победы Константинополя, проливов, средиземноморского побережья, а также Силезии и Галиции вплоть до Познани. Россия после окончания войны становилась безусловным гегемоном Европы, поскольку за предвоенное двадцатилетие её население выросло на шестьдесят миллионов человек, а всего лишь за три года войны военное производство увеличилось в семьдесят раз.

Именно по этим причинам Англия и Америка начали в шестнадцатом году интенсивно финансировать «обрушение» Российской Империи. Современные западные исследователи приводят секретную переписку полковника Хауса – «серого кардинала» администрации президента США, за которым стояли крупнейшие банковские корпорации, и который, по словам историков, сделал президента Вильсона марионеткой Ротшильдов. «Если победят союзники, – писал полковник, –

это будет означать господство России на европейском континенте». Но и победу немцев Хаус считал крайне нежелательной, отсюда напрашивался вывод: победить должна Антанта, но... без России. Поэтому США с Англией «вложились» в Февральскую, а потом и в Октябрьскую революции, и передаточным звеном в этой финансовой цепочке выступила заинтересованная Германия. По данным французской разведки через Якоба Шиффа¹ прошло не менее двенадцати миллионов долларов, а через лорда Мильнера² – двадцать один миллион рублей. И уже от «февралистов» были получены первые дивиденды: революционная Россия полностью отказалась от предусмотренных секретным договором завоеваний...

* * *

Из Красноярска минусинских новобранцев привезли поездом в город Ачинск – обучаться в запасном батальоне воинской дисциплины и владению военным снаряжением. При этом курс солдатского обучения, в отличие от мирного времени, предполагался довольно коротким, поскольку развивавшееся Брусиловское наступление требовало всё больше пополнений.

В разношёрстной команде маршировал теперь Пашка Ведмедь по плацу и по июньским пыльным улицам Ачинска с устаревшей винтовкой Бердана на плече и распевал марш сибирских стрелков:

Из тайги, тайги дремучей,
От Амура, от реки,
Молчаливо, грозной тучей
Шли на бой сибиряки.
Их сурово воспитала
Молчаливая тайга,
Бури грозные Байкала
И сибирские снега...

– Ать, два! Ать, два! – командовал рыжеусый унтер. Ему вторила сотня пар ног, поднимая городскую пыль и рождая эхо в переулках, спорящее иногда даже с дружной песней.

...Ни усталости, ни страха;
Бьются ночь и бьются день,

¹ Американский банкир еврейского происхождения.

² Английский политический деятель, член «Общества круглого стола», ставящего целью создание мирового правительства.

Только серая папаха
Лихо сбита набекрень.
Эх, Сибирь, страна родная,
За тебя ль мы постоим,
Волнам Рейна и Дуная
Твой привет передадим!

Прохожие останавливались и провожали марширующих новобранцев сочувствующими взглядами, босоногие мальчишки пристраивались сзади в самые клубы пыли, пытаясь маршировать в ногу под команды унтера.

А Пашка, в который раз оглядывая разношёрстную учебную команду, думал с сожалением: «Скорее бы уж на фронт! А то играем, как ребятня в казаков-разбойников, куда там брусилковские солдатушки георгиевские награды зарабатывают. Так ведь и война может кончиться, пока нас здесь муштруют».

Наконец, через месяц обучения всех переодели в полное казённое обмундирование: в нижнее бельё и солдатские шаровары, в гимнастёрки с солдатскими погонами и фуражки с кокардами. Правда вместо сапог, по причине их нехватки, временно выдали ботинки с полотняными обмотками. И сразу стали бритые призывники все как будто на одно лицо: поверх одинаковой формы поясной ремень с двумя подсумками и малой лопатой в чехле, вещевой мешок с водоносной баклагой на перевязи, парусиновый патронташ через левое плечо, шинель-скатка с подвязанным котелком. А вот верную подругу-трёхлинейку выдадут уже там, на передовой.

С форменной гимнастёркой у Пашки, правда, загвоздка вышла – не сразу отыскали на складе такую, чтобы не натягивалась на его могучих плечах, грозя разойтись по швам.

– Здоров ты, однако, казак! – посочувствовал батальонный капитанармус. – Шинелка-то тоже, пожалуй, тесновата будет? Ну да ведь и фамилия у тебя под стать – Ведмедь!

Командир команды приказал старую одежду сдать, а личные вещи переложить в вещмешок. Что ж, рубахи розовой, изрядно пообносившейся, да и сапог, крепких ещё, Пашке не жалко. А из личных вещей всего-то малая иконка-ладанка, кисет с табаком и бумагой, мыло, ложка, да иголка с ниткой – вот и всё солдатское богатство. Да и к чему больше, если вместе с казённой формой и казённой вин-

товкой, сама жизнь солдатская становится казённой. И не сам солдат распоряжается ей отныне, а отец-командир да ещё, может быть, ангел-хранитель, которого никто никогда не видел, но в существование которого так хочется верить.

Перед самой отправкой на железнодорожную станцию выстроили на городской площади солдат в шеренгу для принятия присяги. Пашка вместе со всеми повторял её слова и думал, что начинается для него теперь совсем иная жизнь. С этого момента обратного пути нет: теперь либо грудь в крестах, либо голова в кустах.

Вот и выговаривал он старательно, вместе со всеми клятву Самодержцу, командирам, товарищам своим, а самое главное, Богу-спасителю:

– Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемиловитивейшему Великому Государю...

Произносимые доброй сотней ртов, слова присяги звучали не только торжественно, но и как-то весомо. Они, сливаясь с такими же словами справа и слева стоящих, сразу устремлялись вверх, к ясному синему небу – для того, конечно, чтобы достигнуть ушей вездесущего Бога и вверить ему дальнейшую судьбу солдатскую.

– ...и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному солдату надлежит. В чём да поможет мне Господь Бог Вездесущий. В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь.

Прошёл вдоль строя священник с целовальным крестом, окропил каждого святой водой, обещая прощение всех грехов и вознесение, в случае гибели, прямо на небеса, как «воинству Христову».

Когда поцеловал Пашка крест и проводил взглядом медленно шествующего далее священника, мелькнула вдруг в его голове крамольная мысль:

«А ить капелланы-то немецкие тож обещают солдатам врата небесные за убийство солдат расейских? Кому ж он теперича помогать должен? И куды он тогда, Вездесущий, смотрит, коль чада его изводят друг дружку безо всякой пощады?..»

* * *

В поезде, а тем более везущем на фронт, о чём только не говорят; и не только с соседом по нарам, но и с малознакомым солдатом, с которым впервой раскуривают сигарку-самокрутку возле приоткрытой двери вагона-теплушки. Иной выложит всю свою подноготную, чего при других обстоятельствах не открыл бы даже лучшему другу, а иной нагородит про себя небылиц, наврёт в три короба и сидит, ухмыляясь над доверчивостью попутчиков. И то, какой спрос, коли завтра, быть может, тебя или их уже и в живых-то не будет?

Пашкиными соседями по теплушке оказались Степан Чемров и Егор Никифоров, призванные из деревни Красновки, что под Ачинском. О чём только не порассказали они в долгом пути, лёжа на жёстких нарах: и о житье-бытье в родной деревне, и о призванных в начале войны, да так и сгинувших на ней красноцветов, и особенно красочно – об отчаянной храбрости их земляка, Пётра Ефимовича Щетинкина. На Западном фронте служил до самой своей гибели в роте земляка младшим командиром брат Степана – Михаил, который чуть ли не в каждом письме писал о своём замечательном командире-односельчанине. Щетинкин, к тому же, был женат на их сельчанке – Вассе Черепановой, и вообще Чемровы жили якобы по-соседству со Щетинкиным. Правда, бахвальству о соседстве Пашка не очень-то верил: мало ли что могут наговорить некоторые для красного словца. А вот рассказы про людское геройство он слушать любил и даже помечтал, что хорошо бы попасть под команду такого вот смельчака...

Война, пока ты вдали от неё, едва ли не каждым воспринимается как возможность отличиться, ведь, как и любое масштабное действие, она постоянно рождает новых лидеров и новых героев. При этом военачальниками, распоряжающимися судьбами тысяч, а то и миллионов солдат далеко не всегда становятся самые достойные: тут главную роль играют знатность происхождения, дворцовые интриги, политические игры, а то и просто слепая случайность. Героями же становятся исключительно благодаря личным качествам: военному профессионализму, отчаянной храбрости и беззаветной преданности Отечеству. Именно таким нежданно-негаданно, а вернее просто волею счастливого случая и оказался Пашкин ротный – командир седьмой роты двадцать девятого Сибирского стрелкового полка штабс-капитан Щетинкин...

Когда вновь прибывших выстроили в траншею для знакомства с офицерами, Пашка самолично увидел легендарного героя. Щетинкин неспешно шёл по траншее с двумя офицерами-заместителями, из-под козырька фуражки пристально вглядываясь в глаза молодых солдат. Был он невысок ростом, но, как говорится, крепко скроен ладно шит. Сбоку сабля, на поясе кобура с револьвером, а через всю широкую грудь ряд георгиевских медалей и крестов.

Пашка при виде такого «иконостаса» даже присвистнул:

– Ничё себе! Командир-то наш – орёл!

– Ты его в парадном мундире не видел, – отозвался кто-то из унтер-офицеров. – Как орденов ряд нацепит сверху, да ещё и французские – вот тогда истинно орёл...

Напротив Пашки Щетинкин остановился, окинул цепким взглядом с головы до ног и, улыбнувшись в усы, сказал с явным удовлетворением:

– Вот, сразу чувствуется, что будущий герой. Ну, держись теперь прусаки, боись наших казаков-сибиряков!

Возле Егора со Степаном ротный тоже задержался, поприветствовал:

– Здорово, земляки! Ну, как там мои – не так давно их, поди, видели?

– Нормально, Ваш Бродь! Супруга Ваша Васса поклон передавала, коль свидимся нечаянно.

– Выходит, сердцем чувствовала, что свидимся...

В общем, сильно понравился Пашке ротный. И как-то сразу поверилось во все невероятные рассказы о нём: и об отчаянной храбрости, и о справедливости его...

* * *

Десятая армия генерала Сиверса держала фронт южнее Немана, вдоль линии Мазурских озёр, а Третий Сибирский армейский корпус под командованием генерал-лейтенанта Трофимова, в составе которого и состоял двадцать девятый полк, располагался на левом её крыле. Осенью пятнадцатого года армию от полного разгрома спасло героическое сопротивление именно этого полка. Тогда полегла большая часть офицерского состава, и Щетинкину присвоили звание прапорщика; столь же велики были потери и в недавних

боях июня шестнадцатого года, так что вскоре стал он уже штабс-капитаном.

Пополнение, с которым прибыл Пашка Ведмедь, влилось в изрядно поредевший полк, когда активные боевые действия Западного фронта уже закончилось. На линии обороны наступило продолжительное затишье, и позиционная война требовала от бойцов уже не героизма и доблести, а солдатской терпимости к бытовым неудобствам. Долгое сидение в сырых окопах, скудное питание и недостаток боеприпасов постепенно, словно ржа железо, разъедают армейскую дисциплину – именно по этой причине командование дивизии периодически предпринимало мелкие операции, вылазки разведчиков или мероприятия по укреплению линии обороны. От командиров рот требовалась инициатива, а от рядового состава – беспрекословное исполнение...

Уже несколько дней донимал солдат вражеский аэроплан, появлявшийся обычно под вечер со стороны низко заходящего солнца – так что замечали его практически уже над позициями. Летал аэроплан явно с разведывательной целью, но каждый раз на подлёте к расположению роты бросал пару бомб, целя в траншею. Потом, делал круг за русскими позициями и миновал зенитные установки, пилот повторял своё прицельное бомбометание. Зенитчики же, сделав пару выстрелов шрапнелью по надоедливому аэроплану, замолкали, экономя боеприпасы: что поделаешь, если даже на гаубицы выделялось на день от силы по пять снарядов.

В конце концов Щетинкин отобрал нескольких стрелков – бывших охотников – и предложил устроить на немца охоту.

– Тут, главное, правильное упреждение брать, – объяснял штабс-капитан, – как в охоте на уток. Вы люди в этом деле опытные. Важно ведь не только скорость оценить, но и расстояние до цели, и направление полёта.

– Это мы знаем, Ваш Бродь, но, говорят, ихние лётчики в кабине броневыми плитами защищены.

– Так вы по мотору цельте! Это же механизм: одну важную деталь зацепишь – и всё! А коль мотор заглохнет, то аэроплан сразу начнёт высоту терять. Тут уж не зевай, бей и по пилоту!

– Ясно, Ваш Бродь!

– Да, и лучше залпами, чтобы пули гуще летели, – посоветовал, уходя, Щетинкин унтер-офицеру.

Немец и в этот вечер появился как по расписанию. Уже после третьего залпа надоедливое гудение в небе смолкло: аэроплан, правда, продолжал лететь, но значительно медленнее. Было видно, что он поворачивает по большой дуге, чтобы спланировать за линию фронта, на немецкую сторону. Позади аэроплана тянулась тонкая струйка дыма.

По траншее прокатилось громкое «Ура!»

– Молодцы, стрелки, – прокричал Щетинкин, следивший за аэропланом в бинокль, – подбили-таки немчуру!

Но аэроплан, несмотря на частые выстрелы вслед, перетянул-таки на свою сторону и только там стал резко снижаться к земле.

– Эх, – пожалел ротный, – если бы на нашей стороне сел, была бы вам особая благодарность от командования. Но всё равно, молодцы сибиряки!

– А что, Ваше Благородие, за сбитый ероплан полагается? Чай, награда? – полюбопытствовал Пашка.

– Ну, сбившему – Георгиевский крест, само собой! Но вас же много стреляло, так что, кто знает, чья пуля немца настигла?

Пашке даже обидно стало – уж он-то точно знал, что это была пуля из его трёхлинейки...

Так что всё больше и больше нравился Пашке ротный. Но и сам он нередко замечал, что штабс-капитан тоже выделяет его из среды нового пополнения: проходя мимо, остановится, поинтересуется здоровьем, настроением, а то и просто пошутит.

Пашка осмелел, и как-то сам, когда никого не было поблизости, попытался завести разговор с офицером:

– Вот вы, Ваше Благородие, из образованных...

Штабс-капитан рассмеялся.

– Ну, насчёт моей образованности ты глубоко заблуждаешься. Довелось мне учиться всего лишь две зимы. Мать умерла, когда мне только три годика стукнуло, а нас-то аж трое ребятишек осталось. Так что плотничал да столярничал я с отцом по всей Рязанской губернии, хоть и самым младшим был. Вот и всё моё образование!

– И у меня мать рано померла и тож оставила нас с сеструхой Настёной на батю, – поделился Ведмедь. – Так што особо учиться некогда, да и негде было. Тайгой жили, она и учила, крест на пуп...

– Тайга, дорогой мой, и есть самый лучший учитель. Недаром среди людей сибирских столько талантов рождалось и рождается.

Я вот не из коренных сибиряков, а полюбил эту землю так, что остался в ней жить. Если б не война, хозяйствовал бы сейчас на земле...

– А я прежде думал, што раз офицер, значит непременно либо из дворян, либо из образованных?

– Мы с тобой оба дворяне, только от слова «двор». Просто я в армию угодил ещё в шестом, по жребию. И попал в славный город Ачинск, в двадцать девятый Сибирский стрелковый полк. Так вот и стал сибиряком! А теперь уж истинным, поскольку жена-то у меня и дети – коренные сибиряки.

– И с шестого года всё в армии?

– Нет, конечно. Сначала отслужил действительную унтером, а в двенадцатом году сам напросился – уже на сверхсрочную. Тогда же школу подпрапорщиков окончил, но присвоили звание лишь фельдфебеля, поскольку происхождение-то моё и подкачало! Ну, а с самого начала войны – на германском фронте...

– А за што, Пётр Ефимович, кресты свои заслужили?

– Интересуешься, значит, за что кресты дают?.. Первый за «языка» – за немецкого полковника, второй за штыковую атаку, третий – это когда моя рота прикрывала отступление полка... Ну, а четвёртый скорее уж так, по совокупности...

Ротный шутливо хлопнул крепкой рукой Пашку по плечу:

– Не горюй, рядовой Ведмедь! У меня глаз намётанный, вижу, быть и тебе Георгиевским кавалером!

И запали, ох как запали в голову Пашки Ведмедя слова штабс-капитана о георгиевском кавалерстве...

* * *

К середине октября наступление соседнего Северо-Западного фронта окончательно захлебнулось, Западный же фронт, в основном из-за отсутствия резервов да и боеприпасов тоже, не смог поддержать соседей и расширить «Брусиловский прорыв». Хорошо оборудованная линия обороны немцев состояла из двух, а местами из трёх оборонительных позиций, расположенных в трёх-пяти верстах одна от другой, причём позиции были оборудованы бетонными блиндажами, прикрывались несколькими полосами проволочных заграждений и заложеными фугасами, а в самих немецких окопах русских ожидала ещё одна новинка – огнемёты.

Говорят, сила силу ломит, но как быть, если российским артиллеристам приходилось экономить каждый снаряд? Немцы же боеприпасов не жалели: их дальнобойная артиллерия постоянно обстреливала не только передовую, но и тылы, а любую вылазку противник встречал просто шквальным огнём пулемётов и лёгкой артиллерии. Попробуй тут, сунься...

Окопное сидение сначала угнетает сознание, а потом начинает разлагать дисциплину. От каждодневной грязи, крови, нелепых и как будто бы даже бессмысленных ран и смертей люди порой впадают в отчаянье. А когда такое длится месяцами или даже годами, то некоторых это доводит до животного страха или же, наоборот, до полного безразличия к смерти. Но подавляющее большинство просто начинают задумываться: когда же закончится кровавая бойня и кто во всём этом виноват? Не потому ли в траншеях среди солдат начала хождение неизвестно откуда взявшаяся большевистская газета «Пролетарский голос», в которой был напечатан манифест социал-демократов «Война и российская социал-демократия», написанный Лениным? Её внимательно читали и осторожно, пряча от глаз унтер-офицеров, передавали из рук в руки...

Пашка Ведмедь как раз стоял в карауле, когда в соседнем окопе собрались несколько солдат. Ветерок тянул в его сторону, поэтому был слышен голос читающего запрещённую газету Никифорова:

– ...Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабёж её богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов... – голос Никифорова иногда становился очень тихим, видимо он поворачивался спиной, – ... таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны.

Далеко не всё понятно Пашке, но то, что большинство солдат соглашались с неведомым Лениным, говорило о его несомненной правоте.

– ...чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной и действительно освободительной войны... буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается... что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного.

Пашка заслушался и поздно заметил идущего по траншее Щетинкина. Чтобы предупредить читавшего, громко произнёс:

– Стой, кто идёт?!

– Будто бы и не узнал? – ротный усмехнулся и, подойдя к сгрудившимся солдатам, спросил: – О чём разговор?

Чей-то несмелый голос отозвался:

– Да вот, хотим знать, за что воюем...

– Как за что? Все присягу принимали.

И ничего не добавив, Щетинкин развернулся и пошёл назад по траншее.

Кто-то недоумённо произнёс:

– Промолчал наш ротный, а ведь слышал, поди, о чём говорили. Почему смолчал-то?..

– Молчание – знак согласия, – заключил уверенно Никифоров. – Пётр Ефимович не хуже нас всё понимает.

– Да, он мужик правильный, хотя и офицер...

Пашка мысленно согласился с солдатами. Что тут говорить, если, по слухам, в соседних частях часто происходило братание русских и немецких солдат на нейтральной полосе. Договаривались якобы даже до того, чтобы стрелять в воздух, а не друг в друга. Война порядком надоела и немцам тоже.

А где-то через неделю неожиданно объявилось высокое начальство – командир полка полковник Смирнов, грузный, с окладистой седой бородой и в высокой офицерской папахе, которую он снимал только в летнюю жару. Всю роту построили в траншее, и Смирнов, в сопровождении офицеров, проследовал взад-вперёд, опираясь на палку-трость и вглядываясь в лица солдат.

– До меня дошли сведения, братцы-сибиряки, – начал полковник, повысив голос, – что среди солдат вашей роты завелись агитаторы, которые призывают не подчиняться офицерам, брататься с немцами. В военное время это означает только одно: предательство Отечества и Государя Императора...

Все замерли, и в наступившей гробовой тишине только голос подполковника разносился далеко по траншее:

– А это, как вы сами понимаете, грозит трибуналом. Но я не хочу, чтобы пятно позора легло на вашу доблестную роту. Поэтому рядовые Чемров, Никифоров и Пестунов назначаются в вылазку на не-

приятельские позиции за «языком». Пусть делом докажут свою смелость, верность присяге и смоют чёрное пятно с моего полка.

Молчит солдатская шеренга. Каждый понимает, что это и есть приговор для большевистских агитаторов, ибо немного шансов вернуться живыми из такой вылазки, в которой, к тому же, нет никакой необходимости. Похоже, нашёлся-таки Иуда-доносчик среди солдат или унтеров, потому как на справедливого ротного никто в эту минуту даже и не подумал.

После ухода начальства Щетинкин решил обсудить с солдатами предстоящую операцию. Пашка, сам не зная почему, топтался поблизости, прислушиваясь к каждому слову.

– Не так страшен чёрт, как его малюют, – начал ротный с шуток. – Немчура нашей вылазки ну никак не ожидает, поэтому расслабились. А я как раз вчера в их обороне брешь выглядел.

Штабс-капитан снял с шеи бинокль и, высунувшись из траншеи, стал разглядывать неприятельские позиции.

– Вон там после дождей овражек прямо под колючую проволоку углубился, – Щетинкин протянул «цейс» Никифорову. – Не знаю насколько, но можно ведь и лопатой подкопать. Главное, что ночью к заграждениям можно подобраться незамеченными.

Тут уж и Пашка не выдержал, подошёл ближе и, решившись, спросил:

– Ваше Благородие, а можно и мне с ними?

– Ну, коли тебе собственной головы не жаль?..

– Дак ведь и война закончится, а я ещё живого немца ни разу не пошшупал.

– Я думаю, такой здоровяк не помешает? Как думаешь, Семён? – спросил ротный у Никифорова.

– Да он, в случае чего, пожалуй один полдюжины стоит!

– Вот и хорошо. Вы только в овражке этом посматривайте, как бы немцы фугас не заложили. А я, чтобы вас прикрыть, пару расчётов с пулемётами Кольта сюда переведу.

Вот так потемну и пополз Пашка вслед за тремя «смутьянами» в сторону неприятеля, вверив свою судьбу удаче и ангелу-хранителю...

Вернулись они только под утро, а через полчаса у немцев поднялась суматоха: застрочил с их стороны пулемёт, защёлкали пули

по деревянному брустверу, а потом и мины взрыли землю впереди и позади линии окопов. Обнаружили, значит, немцы пропажу.

Пашка к тому времени уже пил с товарищами чай в блиндаже, а развязанный здоровенный немец, постепенно приходя в себя, ошалело хлопал глазами и что-то бормотал, должно быть, ругательства.

– Кто ж его так контузил-то? – поинтересовался Щетинкин.

– Да такого бычару только Ведмедь смог завалить!

– Ну, спасибо тебе от меня лично, рядовой Ведмедь, за службу.

– Премного благодарен, Ваше Благородие! Обещал ведь, что не подведу, крест на пуп!

– Ну к первому кресту, как ты говоришь «на пуп», место, я думаю, можешь готовить. Я за этого гауптфельдфебеля, что ты приволок, обязательно представление напишу. Правда, вот если б офицер был, тогда бы уж ты наверняка с крестом щеголял, а за фельдфебеля – это уж как вышестоящее начальство посмотрит!

– Что фельдфебель, Ваше Благородие, – расхвастался Пашка. – Я батю по пьяне самого Вильгельма обещал в плен взять...

– Ну, коли так и дале будешь исполнять обещание, быть тебе со временем полным Георгиевским кавалером...

– А што, полный Георгиевский кавалер Павел Егорыч Ведмедь – это звучит, крест на пуп!

– Только ты следующих-то побереги, а то этому немцу, как есть половину зубов выстеклил. Ведь мог и вообще зашибить!

– Дак ведь он, Ваше Благородие, сам первый начал. Как пистолет-то у его отняли, то вздумал английцкий бокс нам показывать.

– А ты что, и английский бокс знаешь?

– Да был у нас в Минусинске один англичанин-управляющий. Глядел он как-то на масленицу бои кулачные и решил сам поучаствовать. Супротив меня попал, крест на пуп! Ну, перед носом кулаками помахал – да и двинул мне в ухо. Разозлил англичанин, жуть! В общем, приложил я ему от души по сопатке, да так, што водой отливали, крест на пуп. После того случая в наши русские бои со своим английским боксом боле остерегался соваться.

– Верю, что не хвастаешь, Павел. Такой кулак, как у тебя, в бою пострашнее револьвера будет!

– Вот я и говорю, не к месту энтот немец кулаками по англицки стал сучить! Вломил я ему по старой своей памяти, правда, опять, как с англичанином, не рассчитал...

Солдаты дружно расхохотались, загалдели:

– Ну, даёт Ведмедь!.. Разозлил Пашку фельдфебель!.. Ишь, на российского солдата руку поднял!.. А мы его за это по рылу!..

– Ты и нашего держиморду-унтера при случае угости, – прозвучал чей-то негромкий голос. – А то любит руки распускать, когда ротного поблизости нет.

Пашка оглянулся, но так и не понял, кто сказал. Щетинкин, похоже, тоже услышал, потому как сразу нахмурился. А уходя, проговорил тоже негромко, но так, чтобы ближние расслышали:

– Ну, с унтером-то я и без Ведмеда разберусь.

* * *

Зачастило полковое начальство в расположение несчастливой седьмой роты. Не к добру, ох не к добру снова появился полковник Смирнов.

– Ну, что, братцы-сибиряки, просьбы есть? – спросил полковник первым делом.

– Насчёт питания позаботьтесь, Ваше Высокоблагородие. А то солдатские щи – хоть портянки полощи, в них, как говорится, крупинка за крупинкой бегаёт с дубинкой

– Это временные перебои со снабжением. Мы и сами не шоколады едим, так что, потерпите, братцы!

– Вошки заедают, Ваше Высокоблагородие.

– Я уже распорядился отводить всех по ротню в баню. Там и нижнее бельё от вшей прожарят. Завтра моются ваши соседи, так что придётся половине личного состава временно переместиться на их позиции. Ещё вопросы есть?

– Когда на отдых отведут, Ваше Высокоблагородие?

– Этот вопрос в компетенции высшего командования, так что определённого ничего сказать не могу. Но у меня к вам, братцы, тоже есть претензии. У двоих солдат вашей роты найдены газеты крамольного содержания и манифест так называемой рабочей партии.

Смирнов обвёл шеренгу замерших солдат взглядом, огладил бороду и продолжил:

– Эти двое рядовых призывают вас к предательству и измене Отечеству. Сами понимаете, что по закону военного времени такие действия подлежат полевому суду. Я просто вынужден арестовать их и передать в трибунал.

Молчит строй, ждёт, кого же из их товарищей выкликнут, кого ожидает суровая кара?

– Рядовые Чемров и Никифоров, выйти из строя!

Вышедших тут же разоружили, сняли с них ремни и заперли до утра в одной из землянок. Выставили, как положено, и часового.

Настроение в роте – хуже некуда, и ротный ходит, глаза не поднимает, словно тоже виноват в чём-то.

По темноте уже заступил Пашка в иудин караул: боевых товарищей своих сторожить. Тошно, ох и тошно на душе от такого караула, однако куда денешься: приказ есть приказ. Но через какое-то время не выдержал, снял засов, приоткрыл дверь землянки и спросил в темноту:

– Как вы там, братцы? Может, нужно чево?

– А, это ты, Ведмедь? – донёлся изнутри голос Никифорова. – Чего теперь на нас добро переводить! У нас завтра дорога короткая. Всё одно, голодному или сытому помирать...

От слов таких у Пашки даже слёзы навернулись на глаза. Вспомнилось всё: и как в поезде на фронт ехали, и как из одного котелка хлебали, и как немца через нейтральную полосу тащили...

– Послушайте, братцы, – оглянувшись по сторонам, зашептал он. – Выходите потихоньку. Отпускаю я вас, а там как Бог даст...

– А ты как же? Может, с нами? – участливо спросил Никифоров уже в траншее.

– Не, я остаюсь. Я не агитатор и к кресту представлен. Лишат «георгия», на том и успокоятся...

– Ну, бывай, коли так. Может, и свидимся ещё...

И две фигуры в распахнутых шинелях, выбравшись на борт траншеи, растворились в темноте.

Стоит Пашка на посту возле пустой уже землянки, и тяжело у него на сердце. Утром обнаружится пропажа – и, знамо дело, несдобровать ему. Ох, точно несдобровать! Надо было попросить, чтобы связали его арестанты хотя бы для вида...

Чу, идёт кто-то по траншее. Пашка, не отошедший ещё от мрачных мыслей, весь напрягся. До смены-то, пожалуй, ещё долго? Мо-

жет, передумали, вернулись товарищи? Или ещё кого несёт в такое позднее время?

– Стой, кто идёт?

Голос у Пашки от волнения хриплый и словно бы чужой.

– Это я, ротный!

Услышав голос Щетинкина, Пашка даже обрадовался.

– Ты чего так разволновался-то? – спросил штабс-капитан. – Или случилось что?

– Случилось, Ваше Благородие! Отпустил ведь я арестованных-то. Не смог товарищев своих на расправу отдать. Вместях под пули немецкие ходили. Пусть теперича меня судят...

Щетинкин помолчал и, приблизившись к Ведмедю почти вплотную, негромко проговорил:

– Я тебя, Ведмедь, прекрасно понимаю. Только ведь арестуют тебя теперь за измену присяге...

– А что делать, – сокрушённо вздохнул Пашка. – Видать, судьба моя такая...

– Я думаю, что в этой ситуации тебе точно не поздоровится, – продолжил штабс-капитан, – попадёшь заместо них под расстрел. Так что оставляй в траншее винтовку – и дезертируй. Бог даст, доберёшься до нашей Сибири – там и отсидишься. Дела, как я подмечаю, завариваются нешуточные, так что скоро не до нас с тобой будет.

Вот так, отслужив всего-то полгода, стал Пашка Ведмедь дезертиром. И не исполнилась его мечта стать георгиевским кавалером, хотя всего в шаге был он от неё. Ну да человек предполагает, а Бог располагает...

И штабс-капитан Щетинкин тоже недолго задержался в ротных. Командование полка, да и более высокие чины были хорошо осведомлены о недозволительном панибратстве штабс-капитана с солдатами. Ему не раз уже приказывали принять строгие меры к большевистским агитаторам, на что ротный неизменно отвечал, что таковых в его роте не имеется, солдаты несут службу добросовестно, дисциплину не нарушают и от боёв не уклоняются. Но тут такое: сразу три дезертира...

Наказать героя войны, полного георгиевского кавалера, да к тому же награждённого боевыми офицерскими орденами Станислава 2-й и 3-ей степени, и Анны 3-ей степени командование не риск-

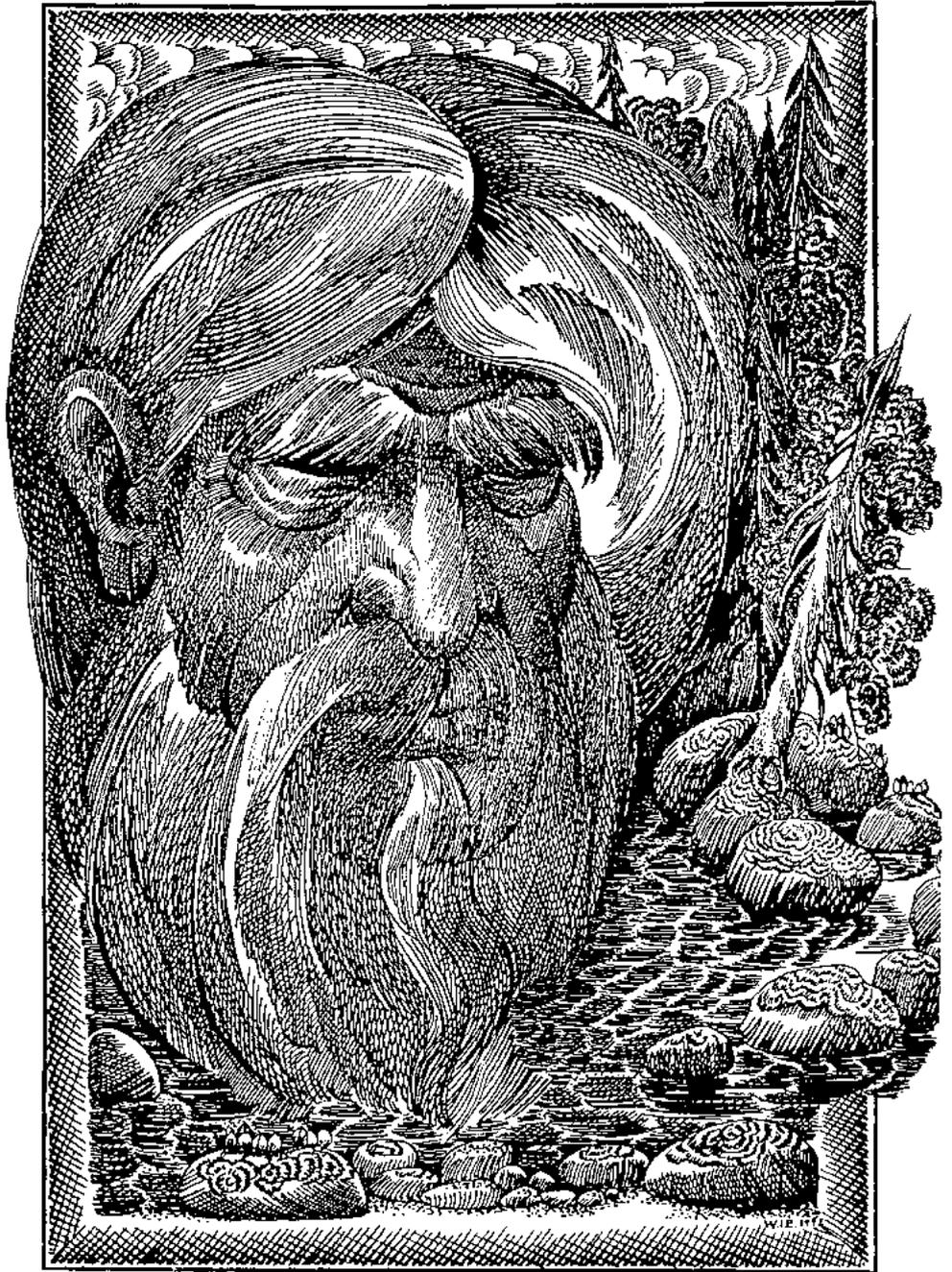
нуло. Однако недовольное лояльностью штабс-капитана по отношению к «смутьянам» не придумало ничего лучшего, как перевести его в тыл. И в декабре шестнадцатого года штабс-капитана вызвали в штаб и вручили приказ, в котором говорилось, что он, Щетинкин, назначен начальником учебной команды пятьдесят девятого стрелкового полка, находящегося в городе Ачинске, куда и должен отбыть немедленно.

* * *

Газета «Сибирские войсковые ведомости», которую периодически разносили по солдатским траншеям, писала: «Блестящая операция Юго-Западного фронта хотя и не получила того завершения, на которое можно было рассчитывать, но сыграла большую роль в ходе всей кампании шестнадцатого года: австро-венгерская армия потерпела сокрушительное поражение и её потери составили около полутора миллионов убитыми и ранеными. От победы российской армии получила неопределимые выгоды и Антанта, так как были остановлены операции противника у Вердена во Франции и Тренто в Италии».

Солдаты, конечно, не могли знать истинного положения вещей. Фактически же Западный фронт генерала Эверта провалил генеральное наступление русской армии, и противник успешно, с большими потерями для атакующих, в конце концов отразил его. По приблизительным подсчётам Ставки русская армия потеряла убитыми и ранеными тоже более полутора миллионов человек, что и решило судьбу наступления – фронты захлебнулись собственной кровью. А Брусилов не выполнил ни одной из поставленных задач для развития операции: враг не был разгромлен, его потери были меньше, чем у русских, успех для атак Западного фронта также не был подготовлен этой грандиозной отвлекающей операцией. Ковель, который притягивал всё внимание генерала, как Селена лунатика, так и не был взят, несмотря на чудовищные потери трёх армий, тщетно его штурмовавших. Не случайно кое-кто из окружения царя Николая II связывал разложение русской армии именно с крахом надежд на развитие успеха в результате наступления Брусилова.

И до февральской революции, в корне переменившей не только судьбы многих людей, но и всей России оставалось всего лишь два месяца...

Глава 5. Кузнец Оттой

В отличие от народа, уединившегося на острове посреди океана, живущие на материке всегда имеют соседей: миролюбивых или воинственных, малочисленных или неисчислимых, хороших или плохих. Пусть даже за широкой стремительной рекой или за труднопреодолимыми горными хребтами...

Соседняя с Хакасией Тува в течение длительного времени была ареной административных притязаний со стороны России, Монголии и Китая. Но в апреле 1914 года император Николай II на докладной записке министра иностранных дел Сазонова по вопросу о принятии населения пяти хошунов¹ под покровительство российского правительства написал «Согласен» – так был объявлен протекторат России над Тувой. Под официальным названием Урянхайского края она была включена в состав Енисейской губернии с ведением политико-административных дел иркутским генерал-губернатором. А вскоре заведующий устройством русского населения в Урянхае отправил заведующему урянхами по реке Хемчику Гуну Буян-Бадыргы письмо следующего содержания: «Высшее Российское Правительство, идя навстречу к улучшению быта коренного населения Урянхайского края, уполномочило меня создать в местности Виланах, при слиянии двух Енисеев административный центр».

Новый город заложили в местечке, известном среди русских под названием Виланы, а среди тувинцев – Хем-Белдир, что означало «устье рек Хем». На большой возвышенной равнине русские стали строить административный центр края под названием Белоцарск – в честь Державного Вождя русского народа, известного урянхам под именем «Цагань Хань», то есть Белый Царь. И крайне необходим стал связующий колёсный тракт между разделёнными высокими горами Урянхаем с Россией...

* * *

Ещё в далёком 1886 году командир Усинского пограничного округа Александрович с минусинскими купцами Сафьяновым, Пашенных и Весёлковым ходатайствовали перед Иркутским генерал-губернатором о прокладке чайного пути через Усинский погран-

---

¹ Районов.

округ из монгольского города Улясутай. Дороге этой отводились не только торговое и военное значения. Давно назрела потребность в заселении малообжитых районов, да и связь между городом Минусинском и Тувой на участке от села Григорьевка до села Верхнеусинское осуществлялась лишь по горной почтовой тропе. Однако только в 1906 году в Иркутске, на совещании о путях сообщения в Сибири, было принято решение о строительстве через горные перевалы колёсного тракта протяжённостью триста девяносто вёрст и шириной в три сажени¹. Само же строительство началось ещё позднее, через четыре года. В качестве рабочих привлекли местных крестьян и переселенцев. Но с началом Первой мировой войны часть строителей Усинского тракта была мобилизована в армию, поэтому на смену им привезли политических ссыльных, каторжан, а потом и военнопленных. Общая численность работающих к этому времени достигла двух тысяч человек...

Усинский колёсный тракт... Жители редких, разбросанных вдоль тракта таёжных сел долго ещё будут помнить страшные картины строительства. Много каторжного железа осталось в горах, так много, что не нужно брать его из недр горняцким инструментом и выплавлять в печах из руды. Ходи, не ленись, подбирай железо «самородное» задарма: чистое, ковкое, звонкое. «Подымешь, – рассказывали мужики, – кольцо заржавевшее, похожее на браслет, а рядом, глядь, обрывок увесистой цепи, а там ещё и ещё извиваются в траве ржавыми змеями...». Встречались нередко возле полусгнивших барачных и кучей сваленные поломанные лопаты, кирки, колеса-блины от тачек...

Да, много кандалного железа осталось возле этой каменистой, пропитанной потом и кровью строителей дороги. Означало оно одно: свободу тех, кто долгие годы носил тяжёлые цепи на себе. Свободу не от неволи, а чаще всего от самой жизни... В зимнюю стужу и в летнюю жару шли всё новые колонны каторжан мимо этих проросших травой, заржавевших уже кандалов своих предшественников, представляя, как падало снятое кузнецом железо на землю, как вздыхали невольные свидетели и шептали: «Отмучился, раб божий!» А сверху, должно быть, смотрела отлетевшая душа на то, как кладут измочаленное тело в неглубокую могилу и ликовала: «Ос-

¹ Шесть с половиной метров.

вободилась!» Живые же вгрызались в землю кирками и лопатами, и размышляли с некоторой завистью, что вот окончились чьи-то мучения, которые им придётся терпеть ещё долго-долго, чтобы потом вот так же, без слез и причитаний, быть погребёнными в наспех вырытой товарищами яме...

В февральскую революцию семнадцатого года каторжане, пробивавшие дорогу через Саянский хребет, прослышав об амнистии, разбежались. Все, кто долгие годы носил железо на руках и ногах, сбросили ненавистное ярмо и ушли по ими же пробитой в скалах дороге. Ушли к желанному дому и молились по пути не Христу, а новому неведомому богу-спасителю – Революции. Ушли и политические, и уголовные, конвойные казачьи сотни вернулись в свои станицы – и обезлюдел недостроенный тракт, опустели арестантские бараки. Правда, непонятное дело, остался в этих проклятых всеми местах на жительство один человек...

Как-то проезжавшие обозом из села Ермаковского крестьяне увидели сизый дымок над крышей небольшой кузни, где раньше «каторгу» ковали в железа. Звенела наковальня. Подивились мужики, не без робости свернули к кузне, встреченные лаем собаки-лайки; а свернув, не пожалели – познакомились с угрюмым и неразговорчивым кузнецом из приенисейских татар, однако добрым мастером любых железных дел.

Иудина работа выпала до этого кузнецу Отою в каторжной неволе. Приговорённый к бессрочной каторге на Сахалине, он вместе с другими арестантами был вывезен на материк лишь по случаю русско-японской войны девятьсот четвёртого года. Да только и здесь, в Саянах, пришлось ему по приказу начальства обрывать в цепи своих же горемык-товарищей. И, может, от этого почти палаческого, рвущего душу труда сплошь поседела его голова, стал кузнец молчалив и замкнут? Правда, хотя и шёл в ту пору Отою уже седьмой десяток, был он, несмотря на возраст, крепок, коренаст, удивительные на его смуглом лице голубые глаза не поблекли, не выгорели от солнечного света прожитых лет. Большая сила угадывалась и в его руках, словно перешла к кузнецу от закаливаемого железа, да и задержалась, проглядев побелевшие с годами волосы и многочисленные глубокие морщины на лице.

Ничего не знали окрестные мужики о прежней жизни кузнеца, да никто особо и не любопытствовал: кто он, откуда, за какие грехи попал на каторгу? Мужиков устраивало главное – очень скоро они признали Отоя отменным мастером. Топор или коса, капкан на зверя или широкий охотничий нож шли с его наковальни первым сортом, «без сумления». И уж само собой, никто в округе не мог лучше Отоя подковать доброго коня звонкими подковами. Личная мета кузнеца на металле – треугольник с кольцами по углам – крепко уважалась от села Верхнеусинского до Минусинска, а то и до самого города Ачинска.

Если случался заботливому хозяину дальний конец из Урянхайского края в Ачинск или же в стольный город Енисейской губернии Красноярск, лошади всенепременно ковались у «каторги». Порою даже бесплатно, ибо деньги Отой соглашался брать на обрате – возвратном пути – когда мужик убеждался, что ни одна подкова не дала «шата» и не испортила ногу коню. Окрестные мужики были довольны кузнецом, только одного не могли уразуметь: зачем остался бывший каторжник в постылых краях, коли вышла полная свобода, отчего не уходит в родные места?

А Отой подбирал по тракту «самородное» железо, возил его к себе на тачке да ладил для людей косы-литовки, лемеха к плугам, топоры. Работа была добрая, цена сходная, так что вскоре мужики уже не считали за труд при попутном случае бросить в телегу пару-тройку ржавых цепей, да свалить их у кузни. Хорошему человеку помощь, а и лошадке не в тягость!

Мудрёное слово «революция» уже прочно вошло в крестьянский обиход, вот только в сибирские деревни эта далёкая Февральская революция не принесла ожидаемого облегчения: не возвратились домой долгожданные солдаты со страшной войны, по-прежнему надрывались на огородах старики, женщины и подростки. И то, без своего-то огорода как выживешь, коли пахотные земли сплошь позарастили бурьяном? Именно по этой причине не только в закромах, но уже и на рынке всё больше ощущалась нехватка зерна. И уже не пшеничным духмяным караваем, а ржаному чёрному хлебу радовалась ребятня чуть ли не в каждой солдатской семье, да и не с молоком вприкуску, а с колодезной водой,

замешанной на слёзах матерей. Откуда взяться молоку-то, коли скот зимой гибнул с голодухи, потому как не по силам бабам и ребятишкам сметать хороший стог. Вот и сгнивало сено в осенние дожди, прело, превращаясь в труху, внутри подмоченных скирд. Некому, ох некому насадить и отклепать косу, сделать новые вилы или грабли взамен поломавшихся, починить пришедшую в полную негодность конскую сбрую! За годы войны обветшало хозяйство, обнищали деревни без умелых мужских рук. Не увидишь теперь былых девичьих хороводов, не услышишь вечером песен на деревенских улицах под переборы задорных гармошек. Да и с чего веселиться, ежели большинство парней на фронте, а на мужей и отцов многие уже и похоронки получили. Потому и не собираются боле весёлые молодёжные вечёрки, перестали справляться народные праздники, когда съезжалась родня из окрестных деревень на заливчатские сибирские гулянки...

Правда, даже в такое лихое время Отою работы хватало. Всё, что ещё можно было отремонтировать – лемех ли, вилы ли железные или пешню рыбацкую – собирали сельчане со всей округи у баб и привозили с оказией кузнецу. Вот и приводил он поломанное в божеский вид, а то и новое ковал за скромную плату деревенскими продуктами: картошкой, луком, молоком, а то и куском сала, либо кругом домашней колбасы. Кузнец с ценой не торговался, понимал, что даже это отрывали бабы от сердца своего, а то и от голодного детского рта.

Жил кузнец Отой скромно: в небольшой избушке рядом с кузней, которую сам и срубил, не без помощи, правда, мужиков. Они же привезли ему в счёт оплаты за работу и кирпичи на печь, и доски на пол, и даже снятое с какого-то старого дома окошко с помутневшими от времени стёклами. Так и бобылевал кузнец в своём уединённом жилище казалось бы вне событий и политики – лишь раздувал при надобности старые меха в прокопчённой кузне да постукивал сосредоточенно молотом по раскалённому добела железу. Только ведь от жизни не отгородишься ни высоким забором, ни стеной равнодушия – всё равно будет она стучаться днём и ночью не в дверь, так в окно, не в думы, так в сердце, иначе ты и не мыслящий человек вовсе, а жить тебе надобно в берлоге или в волчьей норе, хоронясь от всех людей и думая только о своём желудке...

И это только на первый взгляд время в тайге течёт однообразно и размеренно, словно тот же безымянный ручей ниже кузни. Журчит и журчит в ручье прозрачная вода, гладит камешки на дне, колышет склонившиеся к самой струе ветви смородины – и кажется, что ничего не меняется день ото дня на его берегах. Но вот прошли где-то далеко в горах грозовые дожди – и уже не узнать спокойный ручей: ярится и шумит в нём разом помутневшая вода, несёт неведомо откуда взявшийся мусор. А когда схлынет паводок, то уже много заметишь изменений: тут она подмыла корни дерева, там вырвала смородиновый куст и унесла птичье гнездо, погубив не успевших подняться на крыло беспомощных птенцов... Так вот и человеку не дано знать, когда, из какого далёка придёт разрушительная сила и чем она обернётся лично для него?

Нелёгкие времена наступили в Сибири, но главные события происходили всё же не здесь. Где-то далеко кипели революционные страсти, эхо которых не скоро докатывалось до окраин бывшей Российской Империи. Докатывались с оказией новости и до кузнеца. Иногда, когда работа была не слишком большой, заезжий сельчанин дожидался её окончания, потом пил с Отоем чай или, как водится, «примал» и покрепче чего. А уж что за застолье без задушевной беседы? Конечно же, делился сельский «философ» новостями, высказывал своё личное к ним отношение, а то и мнение неразговорчивого кузнеца выспрашивал. И про Петроградскую большевистскую революцию с её Лениным, и про скорый конец войны с немцами, и про Советы, неожиданно взявшие власть чуть ли по всей Сибири.

– Вот, бают, красноярская газета пишет, што в Ачинском-то уезде Советы заставили хлеб ссыпать на пункты. Мол, не только для голодных Москвы и Питера, но и местным семьям голодающим. Никогда такого не бывало, штоб власти о народе шибко заботились, – делился своими сомнениями сельчанин. – Обманут, поди, опять?

На такие вопросы сельчан кузнец просто отмалчивался, поскольку прожив столько лет на каторге, хорошо знал лишь её законы: порой справедливые, а порой и крайне бесчеловечные...

В феврале восемнадцатого мужики с тревогой заговорили о назревающем казачьем мятеже под предводительством атамана Сотникова. Зажиточные казачьи станицы Каратузская, Бузуновская,

Сустукская, Таштыпская, Фариусская, недовольные действиями Советов, за несколько дней превратились в очаги контрреволюции. Зачастили и казаки из Урянхая, а по пути, как водится, заезжали к кузнецу: кому лошадь перековать, кому отложенный было до весны сложный ремонт в инвентаре произвести. Хотя, конечно, были свои кузнецы едва ли не в каждой станице, но как не завернуть по пути на сборный пункт к известному всей округе мастеру, ежели выявился в амуниции или инструменте какой-либо изъян?

Как правило немногословные, дожидаясь исполнения заказа, разговаривали станичники больше между собой: о том, что попираются Советами исконные казачьи свободы, что новая власть, это просто какая-то насмешка над Россией-матушкой.

– Понаехала сюды голь перекатная! – возмутился бородатый казак, проверяя новую подкову на копыте лошади. – В кармане вошь на аркане, но зато уж глаза шибко завидушие и руки боле того за-гребущие...

– Недаром оне все в Советы поналезли, – соглашался другой бородач. – Это штоб свои порядки в Сибири установить, штоб исконных казаков к ногтю...

– Ну, ничо, мы им покажем, кто в Сибири хозяева!

– Да ты, кузнец, не боись, тебя мы не тронем, – успокоил молчавшего как всегда Отоя разбитной молодой казак. – Ты и мастер знатный, и работы не чураться. Окромя того, мы уж сколь лет с вами, с инородцами в мире живём...

– Да и деды наши часто на девках– инородках женились, – подхватил с усмешкой смуглый и черноволосый казак. – Почитай что кругом родня! Взять, к слову, прадеда моего, дак он, когда жена умерла, из инородок взял...

Через несколько дней поднявшиеся казачьи станицы юга Енисейской губернии двинулись на Минусинск. Однако уже в марте казачье войско было разгромлено красногвардейцами сначала под Минусинском, а потом под Таштыпом. Но с масштабными белоказачьими выступлениями красногвардейцы так и не покончили, и вскоре вся Сибирь была объявлена на военном положении. Советам же на местах теперь вменялось уже в обязанность немедленно приступать к организации Красной Армии...

– Не навоевались ишшо, – горестно вздыхал приехавший к кузнецу с заказом старик-ветеран, переступая на своей деревяшке-ноге, приобретённой ещё в японскую. – Токо начали мужики с фронту возвертаться, так нет, опять всех под пули. Перебьют-ка мужиков в Расее – как жить далее будем, а?..

Молчит кузнец, только сосредоточенной стучит молотом, да ловко поворачивает щипцами поковку на наковальне.

– Устал однакось народ воевать... Как думаешь, Отой, скоро ли бойня энта кончится?.. – спрашивает ветеран.

– Это, думаю, один Бог знает, – уклончиво отвечает кузнец.

– Бог-то, он знамо дело в курсе, а сам-то чё думаешь? – не унижается настырный дед.

– За грехи людей у зайца выпадает по одной чёрной ворсинке каждый год, – сунув поковку в раскалённые угли, то ли отвечает, то ли загадку собеседнику загадывает Отой. – У него теперь только концы ушей чёрные, а ведь раньше весь чёрным создан был...

Вот и поговори с таким! Слушателем, правда, Отой был отменным, никогда не перебивал собеседника. А на такие вот вопросы о его личном мнении рассказывал зачастую короткие, но поучительные притчи.

– Знаешь, почему у нас январь месяцем Бурундука называется? – спросит кузнец как бы совсем и не в тему.

– Ну и почему?.. – в свою очередь спрашивает ошарашенный собеседник.

– Однажды в середине зимы медведь и бурундук поспорили, сколько дней в январе месяце. Медведю не хочется лишний день в берлоге лежать, поэтому он ревёт: «Тридцать, тридцать!..» А бурундук свистит: «Тридцать один, тридцать один...» Медведь разозлился, да как хватит лапой бурундука! С тех пор и осталась спина у бурундука полосатой, а в январе всё равно тридцать один день.

– Ну и к чему твоя присказка? – ещё более озадаченно спрашивает мужик, почёсывая седую бороду.

– Да не зря говорят наши старики: силой правду не переспоришь.

Что ты скажешь, кругом прав кузнец. Потому-то и почитали мужики Отой как мудрого, хотя и не очень-то словоохотливого собеседника.

Но не просто, ох как не просто складывалась обстановка в Сибири. Там, откуда пришла гражданская война, в европейской части России всё было ясно: пролетарии поднялись против буржуев, крестьяне – против помещиков. В Сибири же пролетариев кот наплакал, а помещиков и вовсе не было – казаки изначально самоуправление избирали на сходках и подчинялись лишь местной выборной да ещё далёкой столичной государственной власти. Но и здесь в предреволюционные годы неожиданно возникло своё противостояние: казаки против столыпинских переселенцев. У казачества, считающего себя уже коренным населением и хозяевами земель, существовали крепкие, сложившиеся устои, унаследованные ещё от первых поселенцев и старообрядцев. В основной своей массе они были людьми зажиточными, владели наделами и таёжными заимками, имели крепкое хозяйство, переселенцы же ещё не успели крепко встать на ноги, а часть вообще вынуждена была наниматься в работники к казакам. То есть и в Сибири, как ни крути, возникло социальное неравенство. Кроме того, сибиряки-чалдоны не любили перемен, их быт, уклад жизни передавались из поколения в поколение и казались незыблемыми. И вот, когда всё как будто бы в Сибири устоялось, сначала нахлынул поток переселенцев, а теперь свершилась ещё и совсем не нужная им революция. Казакам не надо было новых свобод – дай Бог отстоять старые привилегии, давно закреплённые государством! А тут, того и гляди, всё может рухнуть под натиском Советов...

Слухи о расширяющей свои границы гражданской войне день ото дня становились тревожней. Иногда они подтверждались и газетой, перехваченной где-то по случаю на раскурку. Оторвав от самого края очередной лоскуток и скрутив из него «козью ножку», медленно, едва ли не по слогам разбирал сельчанин мелкие буквы, пуская под потолок едкие клубы махорочного дыма:

– Чешский корпус поднял мятеж и пытается захватить всю Транссибирскую магистраль... Вон оно как!.. Советский Ачинск, это бас... бастион на подступах к центру Енисейской губернии – городу Красноярску, который недаром называют «революционным сибирским Кронштадтом». Энтэ где же такой Кронд... штат, уж не в Америке ли?.. Ага, дальше... Вступайте в рабочие дружины,

создавайте отряды народного ополчения. Не позволим белочехам задушить Советы...»

– Энтим-то чехам чево надоть? – спрашивал неизвестно кого сельчанин-слушатель. – Однако получают они по соплям. У нас за- всегда было так: двое дерутся – третий не лезет...

Да, вести доходили всё более тревожные. Кто-то с боязнью, а кто и с откровенным злорадством, но всё чаще повторяли: «Конец, похоже, скоро Советам!» По дошедшим позднее слухам, почти месяц красноярские рабочие не пропускали чешский корпус и белогвардейские войска по железной дороге, но силы были слишком неравными – и остатки рабочих дружин отступили в тайгу. Снова выходило так, что вся пролитая кровь, все страдания людские – всё было напрасно, и не видать долгожданного мира и спокойствия в Сибири ни в ближайшее время, ни даже на дальнем горизонте. Какой уж тут мир, когда из искорок желанной свободы, которые снова пытались затоптать не то чехи, не то Советы, не то выступавшие за царя белогвардейцы, разгорался по всей сибирской земле опаляющий пожар гражданской войны. И никуда от неё не спрятаться: ни в городе, ни в деревне, ни даже в прокопчённой кузнице на обочине Усинского тракта...

* * *

Большевистское руководство после свержения Советской власти в Красноярске не смирилось с поражением и призвало население не сдаваться, вести партизанскую борьбу. А вновь созданное Временное сибирское правительство в Омске, назвавшее себя на заграничный манер «демократической Директорией», начало установление демократии с массовых расстрелов большевиков и руководителей Советов. Всем же потерпевшим от Советов были обещаны компенсации и льготы – но одновременно было введено повсеместное обложение «на военные нужды», то есть попросту тяжёлые поборы с крестьянских дворов. Так что в скором времени даже с недоверием прежде относившиеся к Советам середняки за- колебались, а иногда уже и добрым словом вспоминали низложенную Советскую власть.

В октябре восемнадцатого вспыхнуло-таки массовое крестьянское восстание в Минусинском уезде, которое вскоре охватило во-

семнадцать волостей. Сигналом к выступлению послужило убийство крестьянами села Дубенского казачьего урядника за то, что тот избивал людей. Восстание началось почти одновременно в сёлах Дубенское, Тесинское, Ермаковское, Шушенское, Субботино, Городок, Сагайское, Означенное, Очуры, Новомихайловка. Поговаривали о двадцати тысячах мятежных крестьян, в основном недавних переселенцев: русских, украинцах, белорусах, латышах. Восставшие осадили Минусинск, но сил, а главное оружия для его взятия не хватило – пришлось отступить под натиском регулярных войск и казачьих дружин. Да и не оказалось пока среди повстанцев авторитетного руководителя, который бы смог объединить разрозненные отряды в дисциплинированную крестьянскую армию.

Волна восстаний, направленных против Директории, прокатилась едва ли не по всей Сибири. Поднялись Ачинский, Заманский, Баджеевский, Тасеевский уезды. Директория явно не справлялась, и в ноябре власть была передана «под твёрдую руку» адмирала Колчака. Минусинское крестьянское восстание было жестоко подавлено «верховным правителем», партизаны рассеяны и оттеснены в тайгу.

Да, в Сибири всегда было так: от врага – в тайгу, от властей – опять же в неё, родимую. Она, тайга, не только скроет и кров от непогоды даст, но и домом, если надо, на время станет, и сытно накормит. Есть оружие – будет мясо круглый год, речка хариусом и ленком побалуует, а уж налитой кедровый орех – это хлеб на всю долгую зиму.

На время затихли, затаились крестьяне, ведь теперь в отместку за «непокорность» безнаказанно сжигались колчаковцами целые деревни. В одной лишь Енисейской губернии, по слухам, было расстреляно около десяти тысяч человек, а кого в кровь пороли шомполами – тех вообще не счесть. Да и было чем колчаковцам держать крестьян в страхе: в декабре восемнадцатого из Америки в Омск было доставлено сто тысяч винтовок, да обещано ещё триста тысяч и две тысячи орудий. За оружие расплачивались, как утверждала народная молва, захваченным Колчаком золотым запасом России.

После зверских расправ крестьянские волнения как бы утихли, но настоящей «головной болью» для колчаковцев продолжал оставаться Ачинский уезд, где среди крестьян преобладали недав-

ние переселенцы и беднота. В донесении главнокомандующему колчаковской Восточносибирской армии сообщалось: «В Ачинском уезде Енисейской губернии с 5-го января 1919 года начала активно оперировать банда большевиков под командой бывшего штабс-капитана Щетинкина...»

Выводы Колчаком были сделаны соответствующие, и на партизанские отряды, действующие под Ачинском, бросили значительные силы, вооружённые пулемётами и орудиями. У партизан же не то что винтовок, но и патронов к имеющимся не хватало. Поэтому, вырвавшись после ожесточённых боёв под Красновкой из окружения, в конце марта объединённый партизанский отряд под командованием Щетинкина двинулся в Канский уезд – на реку Ману, для соединения с тамошними партизанами. В Заманье и Степном Баджее в это время действовала уже целая партизанская армия, и даже существовала Баджейская советская республика, охватывающая семнадцать волостей, с партизанским фронтом протяжённостью в двести вёрст. Но путь до Баджея, это семьсот вёрст по весеннему бездорожью и тайге. Да ещё шли по пятам и постоянно наседали части есаула Сотникова в количестве более тысячи штыков и сабель, с пулемётами и лёгкими пушками. А с флангов то и дело обстреливали партизанский обоз конные казачьи разъезды.

Однако несмотря на то, что партизаны отступали, по всему пути их следования, от деревни к деревне неслась весть о победах над белогвардейцами. Численность отряда многократно преувеличивали и называли не иначе, как «партизанской армией». Говорили, что армия эта пройдёт по всей Сибири, очищая её от колчаковцев и устанавливая, наконец-то, истинно народную, крестьянскую власть...

В кузне Отоя о Щетинкине крестьяне говорили чаще всего с восторгом:

– Видать, отчаянный мужик, раз Колчак за него двадцать пять тыщ золотом пообещал!

– Так ведь он из офицеров, к тому ж полный кавалер георгиевский! Он все воинские хитрости и премудрости изучил, потому и хочет его Колчак изничтожить.

– Да нет, из мужиков он. В деревне Красновке и семья у него есть. Просто он на разведку к колчаковцам завсегда в офицерской форме ходит...

– Из мужиков-то он из мужиков – это доподлинно известно, но на германской из фельдфебеля до штабс-капитана дослужился. И вся грудь в крестах, это точно. Наш сельчанин Иван Анисимов его на фронте встречал...

– Говорят, в Степном Баджее у них уже своя партизанская республика, куды колчаковцы боятся даже нос сунуть...

– Не, нипочём не совладать им с партизанами...

– Ты-то, Отой, как думаешь? – задавали вопрос кузнецу, для того видимо, чтобы услышать подтверждение своей правоты.

– Чужая земля с накипью, своя земля с маслом, – снова как бы уклончиво отвечал кузнец.

– Ты хоть разьясни свою присказку-то?.. – просили мужики после недолгого молчания.

– Так наши старики говорили. Это значит, что ничего нет лучше своей земли...

– А-а-а... – тянули сельчане. – Ежели с этой стороны поглядеть, тоды, конечно, правильно...

Слухи опережали партизан, и легенды о Щетинкине неведомо каким путём и с невероятной скоростью дошли из Ачинского уезда в Минусинский, и далее – практически до самого Урянхая. Рассказывали о партизанском командире, как о защитнике крестьян и геройском разведчике, которого даже вражеские пули не берут.

– Не иначе, сам Иисус Христос оберегает его, народного защитника... – рассуждали мужики.

Вскоре появились у завязтых курильщиков и листовки с приказом Колчака: «Верховный правитель приказал решительно закончить с енисейскими восстаниями, не останавливаясь перед самыми строгими, даже жестокими мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживающего их... Руководителей деревень предавать полевому суду... Для разведки пользоваться местными жителями, беря заложников. В случае неверных сведений – заложников казнить, а дома, им принадлежащие, сжигать...»

Листовки сначала читали, потом крутили в самокрутки и, пуская махорочный дым, рассуждали:

– Не, нипочём не справиться Колчаку с партизанами. Партизаны и Наполеона бивали, и колчаковцев всенепременно побьют. Поскольку солдаты дорог да деревень держатся, а партизанский дом – глухая тайга, которой в Сибири не мерено.

– Не хватит на нашу тайгу солдат, – солидно утверждал старик-сельчанин, – ни колчаковских, ни даже мериканских с японскими...

– Сибирь завсегда, при любой власти вольно жила, – поддерживал его другой, – а Колчак хочет мужика в бараний рог согнуть. Не приведи Господь нашего мужика разозлить!

– Да незнамо токо, за што все страдаем...

Действительно, бешеный вихрь гражданской войны принёс с собой в этот мирный и богатый край ненависть, кровь и череду безнаказанных злодеяний. Никто не знал, когда пробьёт его час; люди жили одним днём и, выйдя утром из дома, не знали, вернутся ли ещё под родную кровлю или их схватят прямо на улице и бросят в тюремные застенки. Непонятно за что, неизвестно по какому праву...

* * *

Солдаты, вернувшиеся с Первой мировой, теперь всё своё умение воевать, всю накопленную ненависть выплёскивали друг на друга. Вчерашние однополчане, которые ещё недавно ели из одного котелка, спасали в бою, теперь, охваченные всеобщим безумием, жестоко и безжалостно убивали друг друга. Да что там солдаты, не оперившаяся безусая молодёжь, подхваченная лавиной всеобщей ненависти и заражённая жаждой убийств, не ставила уже человеческую жизнь ни во что...

А партизанская армия отступала под напором карателей. Особенно тяжёлым для отряда Щетинкина оказался последний участок перехода в Баджей, когда, чтобы избежать нового вражеского окружения, партизаны повернули с берега Енисея в непроходимую тайгу Восточного Саяна. Здесь вообще не было никаких дорог, а сажённый снег на солнцепёках раскис и превратился в холодную жижу. Пять дней и пять ночей шла борьба уже не с врагом, а с силами весенней сибирской природы. Но люди всё-таки победили,

и во второй половине апреля отряд с лазаретом из четырёх десятков раненых и беженцами вышел, наконец, к долгожданной реке Мане.

По решению главного штаба партизанской армии Баджейской республики прибывший отряд вошёл в её состав под названием Северо-Ачинского полка, а Щетинкин был избран помощником командующего партизанской армии Кравченко. Так называемая армия насчитывала пока всего четыре полка – Манский, Канский, Тальский и Ачинский, а общая её численность составляла около трёх тысяч пехотинцев и кавалеристов. Тем не менее партизаны оседлали Транссибирскую железнодорожную магистраль на участке протяжённостью в двести вёрст, разрушали пути и пускали под откос эшелоны и бронепоезда колчаковцев, угрожая лишить их снабжения оружием и боеприпасами.

Осознав серьёзность партизанской угрозы, в середине мая объединённые силы белогвардейцев и чехословаков предприняли массированное наступление на Баджейскую республику. В нём принимали участие двенадцать тысяч солдат и офицеров с полусотней пулемётов и при поддержке двадцати пяти орудий. Силы были далеко не равными, поэтому после тяжёлых боёв и значительных потерь партизанская армия вынуждена была отступить. Командование приняло решение идти через хребты Восточного Саяна в Минусинский уезд – и дальше, уже через Западный Саян – в Урянхайский край и Монголию, на соединение с частями Красной Армии Туркестанского фронта. А это восемьсот неимоверно трудных вёрст. Последним отходил Северо-Ачинский полк Щетинкина, обеспечивая прикрытие остальных частей...

Сочувствие большинства крестьян было, конечно же, на стороне партизан. В деревнях их обеспечивали не только продуктами, но одеждой и обувью, которые у многих бойцов вконец износились. В Минусинском уезде в партизанские ряды вступило ещё восемьсот добровольцев из тех, кто несколько месяцев тому назад участвовал в восстании против колчаковцев, а для раненых и детей беженцев нашлись телеги. Так что даже в этих тяжелейших условиях разутая и полуодетая, с острой нехваткой винтовок и патронов, партизанская армия росла численно. Она не просто уходила, а отбивалась и одерживала победы над врагом. А чтобы оторваться от преследо-

вания, уходя по Усинскому тракту, партизаны сжигали позади себя мосты на реках и ущельях...

По законам войны волны ненависти и террора накатывали на сибирские сёла то с одной стороны, то с другой. Белогвардейцы расстреливали не только партизан, их семьи, но и простых сельчан – за сочувствие красным. Красные же расстреливали захваченных белогвардейцев и тех же сельчан за сочувствие белым – множа, таким образом, количество противников, ибо оставшиеся в живых оружие в руки брали уже не по убеждению, а чтобы отомстить за убитых родственников. Так что не только линия противостояния, но и глубокие тылы нередко покрывались кровью и трупами, ибо нет такой звериной жестокости, которая сравнялась бы с жестокостью людской. Каждый из взявших оружие надеялся, что именно он станет той последней каплей, которая склонит чашу весов в нужную сторону – и прекратится, наконец, эта кровавая бойня. На самом же деле он становился очередной щепкой, брошенной в гигантский костёр, в котором сгорали безвозвратно не только белые и красные, но и старики, бабы, малые дети. И не надеялись уже богомольные чалдоны на тот голос, который бы прокричал с небес: «Остановитесь, люди, что вы творите?!» Да и не услышали бы его в этой канонаде, потому что большинство верило сейчас не в Бога-спасителя, а лишь в свою винтовку да в острую пашку...

* * *

Вот и кузнец Отой со своей чёрно-белой лайкой Сапчы¹ жили словно на перекрестии всех ветров – невесело и неудобно. Гражданская война катилась по сибирской земле на бронепоездах по железной дороге, на пулемётных тачанках и кавалерийских конях по трактам, шла пешком по бездорожью: злая, беспощадная, освещаемая заревами полыхающих пожаров.

В июле девятнадцатого уходила по Усинскому тракту в сторону Урянхая партизанская армия Кравченко-Щетинкина. На обычно тихом, можно сказать, пустынном тракте стучали копыта эскадронов, скрипели колёса телег, шли усталые, понурые бойцы...

Тёмной ночью возле избушки Отоя осадили коней трое верховых.

---

¹ Вестник (хакасск.)

– Э-э-эй! Есть ли кто живой? Вылазь-ка сюды, хозяин!

Отой не спал, торопливо вышел на крыльцо. Один из незнакомецев спрыгнул с коня, принял у другого на руки какой-то свёрток.

– Вот, принимай живу душу, хозяин! Да не бойсь, не бойсь, не бомба тута! Подымай хозяйку, она разберёт, что к чему... Младенец, однако, тута, хозяин. Окончательно полный сирота... А ведь ему-то тоже жить охота. Смекаешь? Матку да отца казаки у Арадана шашками порубали – коня отдать им родители не схотели. Видать, проезжие были, издалека. Ну, а дитё в телеге уцелело...

Опешивший Отой не успел опомниться, как неожиданный подарок оказался у него на руках. А незнакомец уже вскочил в седло.

– погоди, начальник! – заволновался Отой. – Что я с дитём делать стану? Да ведь бобыль я! И бабы нету у меня!

– Во, язви тя в душу! Неладно оно обернулось, пироги-семечки... И бабы, сказываешь, нету? Да ведь теперь жилья по тракту вблизи не сыщешь. А и младенца писать в партизаны нет возможности...

Незнакомец, чертыхаясь, вновь спрыгнул с седла. Два его товарища нетерпеливо переговаривались где-то в темноте, сдерживая разгорячённых коней.

– Слышь, батя! – гремя шашкой по ступенькам, поднялся на крыльцо незнакомец. – Ты вникни: нам с младенцем нельзя, ни-ни... Будем ли сами живы к утру, не ведаю. А ты, батя, давай вот как: утихнет стрельба, спокойной дорогой дитё в Минусинск доставь. Должен быть, там приют сиротский...

Отой растерянно молчал, не зная, что ответить на такое предложение.

– Однако, как звать тебя, батя? – партизан вплотную приблизился к кузнецу, стараясь лучше рассмотреть в темноте его лицо. – Уж не инородец ли ты, пироги-семечки?

– Он и есть, начальник. Отоем звать...

– Эх ты, батя! Да ведь и младенец вашего роду-племени. Что тут нам с тобой разговоры разговаривать!? – повеселел незнакомец. – Выходит, сам Бог велел и наказывал сдать дитё в твои руки. Гляди, батя, заданье тебе строго партизанское – мальчонку в приют как есть определишь, в аккурате...

Уже на повороте к тракту конники придержали лошадей:

– Про-ще-вай, ба-тя! А не то сосватай молодку – младенцу мамкой станет! Шинелка, что завернут парень, на приданое пойдёт! Аглицкая шинелка, добрая! Э-э-эх, пироги-семечки!

Долго в растерянности топтался Отой на крыльце своей избушки, всматриваясь в темноту ночи, растворившую всадников. Свёрток на его руках шевельнулся раз, другой, пискнул тихонечко, потом погромче. Отой вздохнул, сокрушённо покачал головой и осторожно шагнул в сени избушки.

А в свёртке из английской шинели оказался Мангир. Так почему-то сразу назвал его кузнец в ту бессонную, тревожную ночь, беспокойно прислушиваясь к перестрелке, временами вспыхивающей на тракте. Плотнo закрыв оконные рамы, Отой засветил керосиновую лампу. Устроив на топчане мягкую постель, он уложил Мангира на чистой сухой тряпке. Вглядываясь в смуглое личико четырёх-пятимесячного малыша и чёрные, как сажа в кузнечном дымоходе, раскосые глазёнки, Отой грустно улыбался.

– Э, однако не обманул начальник! Привёз настоящего степняка, да ещё какого... Младенца-махачы¹!

А махачы хныкал и сучил кривыми ножонками, нетерпеливо чмокая губами. Молока у Отоя не было. Тогда старый кузнец размешал в тёплой воде мучную болтушку, добавил в неё немного духовитого таёжного меда. Младенец насупился, засопел, вникая в новые вкусовые ощущения, потом жадно – ложечку за ложечкой – стал глотать свою первую сиротскую пищу на этой непонятной, грохочущей выстрелами земле.

Английскую шинель Отой развесил у печи для просушки...

* * *

Через день стрельба на тракте совсем стихла. Кузнец спрятал в сапог весь свой наличный капитал и на попутной телеге тронулся с Мангиром в Минусинск. Лайка Сапчы была оставлена для охраны кузни и избушки. Дорога была безлюдной, встречались лишь казачьи разезды. Останавливали, допрашивали. Мангир плакал, Отой мрачнел всё больше и больше. Ехали медленно и долго. Заночевали в большом селе Григорьевка. Ворочался и кряхтел на лавке кузнец – не мог сомкнуть глаз. Вставал, подходил к сладко посапывающему

---

¹ Герой, богатырь (хакасск.)

во сне Мангиру, подолгу смотрел на малыша. Потом снова ложился. Забывался в недолгой дрёме и видел гарцующего на коне партизана: «Принимай живу душу, хозяин! И сироте ведь жить охота... Сам Бог велел и наказывал, пироги-семечки!»

Наутро в Григорьевке был базарный день. Упросив хозяйку приглядеть за Мангиром, Отой отправился искать попутных мужиков на Минусинск. Попутных не оказалось, пришлось нанимать за деньги мужичонку на дребезжащей телеге. Для укрепления договора распили штоф самогона, и кузнец заботливо устроил в сене Мангира.

– Я тя, паря, мигом доставлю в Минусу! – хвастал повеселевший возчик. – Коли, значит, надобно мальчонку в приют – это мы разом можем. Ить за делом и в Москву недалёк проезд!

Но когда выбрались на тракт и отъехали уже с полверсты, Отой вдруг досадливо крякнул и так хватил возчика рукой по плечу, что тот завалился в сено.

– Вертай обратно, слыш-ка! Забыл покупку на базаре сделать. Главную! Вертай, вертай, пока недалеко!

Митрий – так звали мужичка – взбунтовался:

– Ты чо, паря, такого уговору не держали! Время уж к обеду, гляди-ка! Ить и пути, ежели завернёмся, не будет! Кака така покупка важная?

– Куда как важная, Митрий! В стеклянной бутылки, что черти налили... Ты что, догадки не имеешь?

Возчик довольно ослабил, разворачивая лошаде́нку...

На базаре задержались на целый час. Когда снова выехали из Григорьевки на тракт, Митрий то и дело «имал» падавшую с головы рваную шапчонку и распевал:

Петроградски девки модны,
Ходют целый день голодны!..

А лошадка, кивая головой, охотно шагала в противоположную от Минусинска сторону. Капитал в левом сапоге кузнеца уже не жал ему ногу. За телегой неторопливо и степенно, подёргивая из-под Мангира пучки душистого сена, вышагивала на верёвке рыжая комолая корова. Отой со своим внуком-махачы возвращался домой...

Глава 6. Партизаны

Гражданская война... Если на европейской части России она была широкомасштабной и нередко даже позиционной, то в Сибири долго оставалась локальной и партизанской. В середине июля девятнадцатого года постоянно преследуемая колчаковцами партизанская армия, оставив на границе гор Манский полк прикрытием, вышла через голую степь к столице Урянхайского края Хем-Бельтыр – бывшему Белоцарску. В Урянхае сильно сказывалось влияние бывшей монгольской монархии, и для того чтобы задержаться, а тем более пройти дальше, требовалось разрешение монгольского владыки – Богдо-гогена¹. Поэтому партизанское командование обратилось к нему с письмом, в котором говорилось: «... Советы хотят устранить на земле социальное и национальное неравенство всех народов, рас и наций... Просим пропустить нас с оружием в руках через территорию Монголии... У нас имеется около 250 раненых, им такой путь невыносим и опасен. Поэтому мы обращаемся и просим за имеющиеся ценности взять у нас всех раненых под своё покровительство и содержание до выяснения политических обстоятельств».

Однако монгольский владыка, выжидая исход борьбы между красными и белыми, не торопился с ответом. Колчаковцы же, зная, что партизанская армия остановилась в открытой степи и понимая незавидное её положение – усталость от длительных переходов и непрерывных боёв, острую нехватку патронов, отсутствие артиллерии – спешили воспользоваться ситуацией. Командовавший преследователями есаул Бологов нисколько не сомневался в успехе, ведь его отборные казачьи части в количестве более трёх тысяч штыков и сабель имели на вооружении четырнадцать станковых пулемётов и два орудия.

Как и ожидалось, казаки потеснили Манский полк, с ходу заняли Хем-Бельтыр – и есаул поспешил сообщить генерал-атаману казачьего войска Попову, а тот в свою очередь адмиралу Колчаку, о полном разгроме противника. Однако ночью перегруппировавшиеся партизанские полки охватили город полукольцом и молчаливыми цепями двинулись на штурм. Понимая, что в случае неудачи пощады им не будет, партизаны яростной атакой опрокинули колчаковцев и прижа-

¹ Глава духовной и светской власти Внешней Монголии в тот период.

ли к Енисею. Те попытались спастись вплавь, но значительная часть попросту утонула в стремительных енисейских водах. А победителям в качестве трофеев достались орудия и пулемёты, две тысячи винтовок с запасом патронов, амуниция и фураж – всё то, чего партизанской армии так не хватало!

В результате яркой победы разрешение от Богдо-гогена на проход партизан через Урянхай и Монголию было тут же получено, но командование партизанской армии уже приняло новое решение: в связи с тем, что ударная сила белогвардейцев в этом районе была разгромлена и соотношение сил изменилось, имело смысл двинуться по Усинскому тракту назад на Минусинск. Намечался коренной перелом в партизанской войне...

* * *

Почти весь день под мелким морозящим дождём мимо кузницы снова шагали усталые, но весёлые пешие бойцы, рысили конные взводы, тянулся длинный обоз. Возле избушки Отоя ржали привязанные лошади, громко перекликались партизаны, а кузнец, получив под свою команду двух дюжих парней-подручных, быстро и ловко заменял новыми стёршиеся, разбитые подковы. Пот градом катил по лицу старика, но лишь несколько раз он позволил себе отлучиться в избушку, чтобы проведать и накормить Мангира.

Когда у кузни появлялись новые группы партизан, Отой с надеждой, смешанной с тревогой всматривался в их оживлённые лица. Тогда на крыльце он плохо рассмотрел в темноте внешность человека, положившего на его руки свёрток в английской шинели. Но ведь ночной незнакомец обязательно сам узнает и окликнет его, дружески хлопнет по плечу: «Здорово, батя! А ну, отвечай, как исполнил наказ партизанский? Да ты, поди, уж и молодкой обзавёлся, пироги-семечки!»

Но никто так и не окликнул Отоя, никто не хлопнул его по плечу. На берегу Улуг-Хема¹ после белоцарского боя осталась не одна братская могила партизан...

* * *

А над уездным Минусинском тем временем сгущался туман обречённости. Слово «партизаны», наводившее ужас на наполеоновских солдат более века тому назад, теперь точно так же будоражило

¹ Большого Енисея, образовавшегося от слияний Бий-Хема и Каа-Хема.

минусинцев. Кто-то произносил его громко и с ненавистью, а кто-то шёпотом – и с надеждой. Правда, внешне казалось, что город всё ещё на что-то надеется: на центральной площади с утра до вечера играл духовой оркестр, нарядные дамы под ручку со щеголеватыми офицерами прогуливались по улицам. Да и зажиточные горожане со своими расфуфыренными дочками на выданье и розовощёкими сыновьями-недорослями, как на работу, ходили на площадь – здесь от знакомых и от офицеров можно было услышать последние военные сводки. Работали магазины и рестораны. В общем, внешне в Минусинске многое напоминало старые спокойные времена...

Но ранним утром тринадцатого сентября девятнадцатого года улицы Минусинска были пустынно. Порывистый ветер гнал по ним пока ещё редкие жёлтые тополиные листья – предвестники наступающей осени. Партизаны входили в город колоннами с трёх сторон: впереди знаменосцы, на фуражках бойцов красные банты. Так, тихо и без выстрелов, вышли к центру, где их взорам открылось необычное зрелище: священники с хоругвями и иконами встречали партизанскую армию крестным шествием и в церквях на Базарной и Старой площадях, словно в праздник, громко зазвонили колокола...

Проснувшиеся горожане стягивались на центральную площадь – кто с радостным выражением лица, а кто и с хмурым. И то, кто знает, как поведёт себя новая власть, а к старой вроде бы как уже попривыкли. От пристани же, заваленной приготовленными купцами к погрузке товарами, в это время торопливо отчаливали последние пароходы с колчаковцами, так и не решившимися принять бой...

* * *

Командир роты приказал Каркею и его дружку-односельчанину Николке осмотреть брошенный хозяевами купеческий особняк, отобранный для штаба. В таких богатых домах им бывать ещё не приходилось: кругом ковры, в комнатах люстры, на стенах картины. Поднимаясь на второй этаж по широкой лестнице, парни посмеивались, поглядывая на свои потрёпанные одёжки с рыжими подпалинами от костров. А на Каркее ещё и великоватая лохматая папаха: вчера выбросил свою рваную, прожжённую у костра шапку и надел подобранную после перестрелки с вражеским разъездом казачью папаху.

Открывая очередную широкую дверь, Каркей услышал непонятный звук. Резко повернулся – и увидел чужого: с наганом в руке, в надвинутой на самые глаза чёрной папахе. Вскидывая наган, увидел, что «казак» делает то же самое. Не целясь, нажал на курок два раза. После первого выстрела какая-то белесая паутина накрыла лицо противника, после второго на пол со звоном посыпались осколки стекла...

Только после этого Каркей сообразил, что стрелял в зеркало, в котором увидел себя. Вот тебе и роскошная папаха, что надел взамен своей привычной шапчонки! Сам себя не узнал, почерневшего от солнца и от костров.

На выстрелы прибежал напарник, замер в дверях с винтовкой наизготовку:

– В кого стрелял-то?

– Да в себя, дурака! В буржуйском зеркале не признал.

– И чё, попал?

– Да уж не промахнулся! А щас и в тебя попаду...

Каркей прицелился в огромное зеркало, отражавшее дверь и застывшего в нём напарника.

– Кончай дурить! Бабка сказывала, что разбить своё отражение, это худая примета, – стал отговаривать Николка.

– Бабкины сказки для ребятишек малых, а ты красный партизан.

– Тоды дай я лучше сам из винтаря вдарю по энтому буржуйскому зеркалу, в которо они на себя любовались.

Напарник прицелился. Оглушительно громко грохнул винтовочный выстрел.

– Вокурат между глаз, – произнёс Николка удовлетворённо.

Пока осматривали остальные комнаты, наверх поднялись командиры во главе со Щетинкиным.

– В кого стреляли? – полюбопытствовал Пётр Ефимович.

– Да так, поблазнилось... – смущённо ответил Каркей.

Внимательно глянув по сторонам и оценив произошедшее, Щетинкин пришёл в бешенство.

– Я вам покажу, как народное достояние портить!

Он с размаху хлестнул Каркея плёткой по спине, потом, изловчившись, ещё раз – чуть пониже короткого ватника. Шагнул к Николке и приказал, как нашкодившему пацану:

– Подыми-ка подол!

Парень покорно подтянул полы длинноватой шинели и получил заслуженный хлёсткий удар по мягкому месту. Напрягшись, ждал второго, но Щетинкин медлил. Замахнувшись, строго спросил:

– Уразумел?!

– Уразумел, Пётр Ефимович.

– А ты? – спросил у виновато потупившегося Каркея.

– Уразумел, товарищ командир.

– То-то...

Щетинкин больше пороть не стал и, резко повернувшись, направился к двери. Уже в проёме погрозил поднятой над головой плёткой и, лукаво улыбнувшись, произнёс:

– Эх вы, валенки...

* * *

Хотя и взят был город без боя, но повоевать Каркею с Николкой всё ж таки пришлось – с мародёрами. Многие дома зажиточных минусинцев, уплывших с колчаковцами на пароходах, стояли открытыми, и немало в них оставалось привлекательного для любителей лёгкой поживы. Кто-то, остановленный партизанским патрулём на улице с узлами, безропотно отдавал награбленное, а кто-то, бросив узлы, пытался скрыться и даже отстреливался.

Одна из таких выпущенных наугад пуль и нашла Николку. Слово бы споткнулся он после выстрела и неловко ткнулся лицом в начинающую уже желтеть траву. Подбежал к нему Каркей, перевернул на спину лежащего неподвижно сотоварища – и даже заплакал навзрыд. Точно в переносице, между глаз темнела у того кровавая отметина лихоимской пули. Сбылась-таки страшная бабкина примета...

А в городе наводили порядок, так что в штаб то и дело либо прибывали конные с донесениями, либо приводили кого-нибудь из задержанных. Пойманных мародёров допрашивали и чаще всего расстреливали, чтобы другим неповадно было.

Вот двое бойцов ввели коренастого парня. Одет он был в старую шинель без погон, и на самые глаза надвинута лохматая чёрная папаха. Щетинкин сразу отметил, что шинель явно с чужого плеча, поскольку не сходилась на могучей груди, облаченной в грязнова-

тую солдатскую рубаху. Однако новые сапоги да ещё армейские штаны, несомненно, выдавали в нём колчаковца.

– Вот, Пётр Ефимович, колчаковца споймали, – доложил молоденький партизан. – Хотел тишком из города улизнуть. Гдей-то успел и гимнастёрку, и винтовку скинуть. Ну да от нас не убегишь...

– Хотели его к другим пленным посадить, – продолжил второй, что постарше, – а он говорит, что знакомец ваш. Потому в штаб и привели.

Щетинкин поднялся со стула, подошёл к пленному и внимательно оглядел его. Рукояткой нагайки скинул с головы лохматую папаху и, ещё раз внимательно оглядев, уверенно произнёс:

– Однако Ведмедь!?

– Так точно, Пётр Ефимыч, – обрадовано отозвался парень. – Ведмедь и есть, крест на пуп!

– Не ожидал... Выходит ты, валенок, против меня воюешь?

– Ей Богу, Пётр Ефимыч, ни разу в ваших не стрельнул. Мобилизовали в родной деревне Знаменке силком, деться некуда было, но все дни токо и ждал, штоб от их сбечь.

– Что ж в городе-то остался? Не побоялся, что в суматохе могут пристрелить?

– Дак я с пулемётным заградотрядом напросился. А когда они последними снялись – я тишком и отстал!

– Вон у твоей деревни название-то какое боевое – Знаменка, – Щетинкин усмехнулся. – А тебя силком мобилизовывать приходится...

– Дак ведь Знаменка-то, Пётр Ефимыч, не от знамени, а кода церковь сгорела, одна икона и уцелела. От её и название пошло, потому как называлась иконой Знамения...

– Гляди-ка, как я ошибся... – Щетинкин удивлённо покачал головой. – Ну, допустим я тебе поверю, а дальше что? Ко мне в отряд бойцом пойдёшь?

– Извиняй, Пётр Ефимыч, токо я уразумел, што в своих русских не могу стрелять. В немцев запросто мог, а в своих никак!

– Так куда ж ты, валенок, тогда собираешься бежать?

– А на батину таёжну заимку! Уж там-то меня никто не сыщет, крест на пуп. А то в голове така каша образовалась, и надоть сна-

чала в сознательность прийти, чтоб определиться, значит, за кого воевать-то.

– Понятно, отсидеться, значит, хочешь за печкой?.. Ну, да мы не колчаковцы, силком тебя мобилизовывать не будем, а расстреливать тебя мне как-то жалко... А ежели отпущу, даёшь слово, что опять к колчаковцам не примкнёшь?

– Даю слово. Ей Богу, Пётр Ефимыч, можешь на меня положить-ся. Ты ведь моё слово знаешь?

– Ладно, поверю. Проводите его ребята до окраины города, чтобы кто не подстрелил случайно. А дальше пусть добирается как знает...

И пошёл Пашка от Минусинска, в котором изредка ещё постреливали, в сторону родной Знаменки. Шёл да радовался, что легко отделался, что так удачно всё сложилось. Представлял, как протопает двадцать вёрст и окажется дома, а потом и на далёкой заимке – и думать забудет про белых да красных. Однако чем дальше отходил, тем больше в нём таяла уверенность, что все неприятности остались позади.

«Нет, – думал он, – пока идёт такая война, не удастся отсидеться за печкой. Значит надо к кому-то прибиваться. Вот только кто их разберёт, за кем правда, кто истинно, а не на словах о народе печётся?..»

А с другой стороны, обидно Пашке, что получается, не нужен он никому. И стыдно перед тем же Щетинкиным, что довелось стать дезертиром уже во второй раз.

«Но предлагал ведь мне настоящий мужик, хоть и бывший офицер, предлагал Пётр Ефимович остаться в его отряде!.. – терзал он себя сомнениями. – А я чтой-то растерялся...»

За думами не заметил Пашка, как уже верстах в трёх от Минусинска развернулся – и понесли его ноги назад, навстречу будущим боям и военным опасностям. Навстречу неведомой партизанской судьбе...

* * *

К концу сентября между колчаковцами и партизанами возникла постоянная линия фронта длиной в двести вёрст, отделявшая Минусинскую партизанскую республику от колчаковских сил. Белые занимали левую сторону Енисея от Саянских предгорий у деревни Означенное до села Усть-Абаканское¹ и дальше. Партизанская же

¹ Ныне столица Хакасии, город Абакан.

армия закрепились напротив их, на правом берегу. Правда, на левобережье, в районе села Очуры, местный партизанский отряд в полторы сотни бойцов контролировал стратегический плацдарм, но организовать переправу больших сил через стремительный Енисей пока не представлялось возможным.

Пашке Ведмедю не впервой позиционная война, и он прекрасно понимал, что как только скуют морозы енисейскую стремнину, так и кончится затишье. Тем более, что партизанская армия всё время пополнялась добровольцами из окрестных сёл, и насчитывала уже почти двадцать тысяч бойцов, полторы сотни пулемётов да артиллерийский дивизион. Эка силища! Но и на другой стороне, на противоположном берегу тоже силы собрались немалые.

Пашка находился при партизанском штабе: вестовым – не вестовым, а вроде как разведчиком. Всё собирался в родную Знаменку заглянуть, пока не перебрался отец с сестрой на охотничий сезон на заимку, но всё как-то не получалось. Где какая вылазка поотчаянней, туда его непременно командиры Кравченко и Щетинкин направляют, правда, каждый раз спрашивают:

– Не засиделся ещё при штабе, Павел Егорович? Появилось дельце настоящее, так что, ежели желаешь?..

А Пашке того и надо – он завсегда, в любую заварушку с превеликой радостью.

В первых числах октября белые начали наступление на Очуры со стороны села Алтай, и на помощь левобережным партизанам срочно был направлен Тальский полк. Один спешенный эскадрон перебрался на остров, что почти напротив села, но попал под сильный пулёмётный огонь и залёг. Тем не менее, передовой отряд, в который напросился и Пашка Ведмедь, на лодках устремился через протоку к Очурам, на окраине которых шла интенсивная перестрелка.

Когда почти все лодки причалили к берегу, по партизанам ударили пулёмёты, а потом загрохотали и орудийные выстрелы – на косе стали рваться снаряды. Пашка понял, что их помощь запоздала и, похоже, партизан поджидала хорошо продуманная засада, поскольку береговая коса хорошо простреливалась, и каждый высадившийся был как на ладони.

Поэтому Пашка и не побежал назад к лодкам, а ринулся с группой бойцов к околице деревни. Тем более, что вот она – рядом. Пра-

всё его цепью бежали к спасительным домам ещё несколько партизан, и с ними новый Пашкин дружок, инородец Каркей Султреков.

Но едва подбежал Пашка к огородному плетню, как увидел сквозь него, что по проулку к берегу скачет конный казачий отряд. Затрещали торопливые выстрелы, однако Пашка сообразил, что стреляли казаки не в него, а вот бежавший правее Каркей упал не добежав до плетня – видимо, настигла его казачья пуля.

Невдалеке виднелась какая-то приземистая постройка, и Пашка, пригнувшись, побежал вдоль плетня в её сторону. Напротив постройки оказалась и калитка, от которой к реке была натоптана хорошо заметная тропка. Отворив калитку, Пашка проскользнул к двери постройки и оглянулся назад, на Енисей.

Наступавших не было видно: значит, либо полегли, либо повернули назад. А это означало, что на чью-то поддержку рассчитывать уже не приходится. Частая пальба и пулемётные очереди раздавались теперь вдаль, выше по Енисею – где-то за Очурами отстреливались местные партизаны. Правда, одиночные выстрелы звучали и в самом селе – выходило, что Очуры в руках казаков, и стреляют они по отдельным прорвавшимся партизанам Тальского полка.

Пашка приложил ухо к двери постройки и замер, прислушиваясь: внутри было тихо. А всадники в казачьей форме уже выезжали из проулка, так что раздумывать было некогда – и Пашка, придерживая дверь, чтобы не заскрипела, ринулся в эту то ли стайку¹, то ли сараюшку.

Внутри царил полумрак, в котором светилось только маленькое, замусоленное оконце, пахло сыростью и дымом.

– Всем молчать, а то буду стрелять! – скомандовал Пашка, выставив винтовку перед собой.

Никто не отозвался и, присмотревшись, Пашка понял, что он в бане. В большом котле, вмазанном в каменку, доверху налита вода, рядом с дверью большая кадушка, тоже полная холодной воды, и деревянная шайка с мочалом. А на широком полке с приступкой приготовлены два веника и деревянный ковш – значит, кто-то собирался топить баню, да перестрелка помешала. Окинув цепким взглядом всё это, да ещё железную трубу добротной каменки, Пашка понял, что хозяева зажиточные – так что вряд ли приходится рассчитывать на их сочувствие и надо искать другое место для ухорона.

¹ Постройка для скота.

Отдышавшись и убедившись, что выстрелы в селе прекратились, он уже хотел было приоткрыть дверь, чтобы выглянуть наружу, как за стеной послышались чьи-то шаги. Раздумывать было некогда и Пашка, упав на пол, ужом заполз под широкий полук. Вжался спиной в стену и замер, отгораживаясь сейчас от всего мира лишь спасительной темнотой, да ещё винтовкой, в обойме которой, насколько он помнил, оставался один патрон.

Распахнулась дверь, и вошёл мужик с охапкой дров. По добротной одежде и новым сапогам Пашка убедился, что хозяин, действительно, не из бедных. Так что придётся лежать тишком да ждать, когда он уйдёт.

Пока мужик закладывал в печку-каменку дрова, пока разжигал, снова послышались шаги, и в приоткрытую дверь просунулась голова в казачьей папахе.

– Што, Митрич, будет таки сегодня банька?

– Да вроде как стрелять перестали, так што можно будет и попариться, – ответил хозяин. – Ежели, конечно, подождёте с полчасика.

– Ничо, мы сами и покочегарим! Надо, поди-ка, ещё дровишек принести?

Когда хозяин вышел, в баню ввалились два здоровенных казака с охапками дров. Так что пришлось Пашке ещё крепче вжаться спиной в стену и даже затаить дыхание.

Казаки так и не ушли, а уселись на приступку возле входа и завели неторопливый разговор. Время от времени то один, то другой заходил внутрь и подбрасывал поленья в печь. Пашка, слушая, как они обсуждают последние сельские новости и стычку с партизанами, вспоминают погибших станичников, потихоньку заменил в винтовке обойму на полную. Мало ли чего может произойти: вдруг да и обнаружат нечаянно. Тогда уж только на неё, родимую трёхлинейку и останется последняя надежда...

Наконец, баня поспела – это Пашка почувствовал даже лёжа на полу: нижнее бельё под ватником всё больше пропитывалось липким потом, несмотря на то, что он давно расстегнул все пуговицы.

Да и казакам, видимо, надоело ждать. Оба зашли в баню, скинули в углу рубахи, стянули сапоги и шаровары с лампасами – и дружно полезли греться на полук.

– Ничо, припекает малёхо!

– Годится...

– А наподдали, однако, мы сѣдни краснопузым, – проговорил один из казаков весело. – Десятка два их положили, ежели не боле.

– Да боле того по берегу разбежались, попрятались сволочи...

– Ну, ничо. Его Благородие, господин хорунжий говорит, никуды от нас не денутся. Чичас не лето, вплавь на ту сторону не поплывёшь, а лодки все под охраной. Всѣ одно на наши кордоны выйдут...

После первого пара казаки вошли в раж. Подкладывали в каменку дрова, плескали на раскалённые камни воду из ковша, яростно, с воплями и матерками, хвостали друг друга берёзовыми вениками. Потом выскакивали наружу, окачивались холодной водой из вѣдер, которые услужливо подносил с Енисея хозяин – и снова на полок.

Пашка в своей одежде уже вымок до нитки, будто сам парился вместе с казаками. Шапку, правда, и шарф вязаный, когда казаки выскакивали на улицу, сбросил – но не будешь же догола раздеваться? Мало ли, как там дальше дело обернѣтся...

Приходил и хозяин ещё раз с дровами, так что насилу дождался Пашка ухода казаков. Только собрался выползть из-под полка, как снова услышал шаги. Кого там ещё несѣт нелѣгкая на его, Пашкины муки?

Дверь распахнулась и что-то напевая, в баню влетела закутанная в шаль баба. Зажгла на лавке принесѣнный огарок свечи и задѣрнула оконце цветастой занавеской. Потом резво скинула с себя шаль, ту-журку, стянула через голову белую длинную рубаху – и перед Пашкой в «одеянии Евы» предстала молодая ладная деваха.

Пашка, как увидел подобное великолепие, даже и про положение своё аховое забыл. От зрелища такого под ложечкой засосало, а сердце заколотилось неудержимо, как пулемѣт «Максим».

Деваха протѣрла мокрой тряпкой полок, но сразу, правда, на него не полезла, а решила помыть в шайке волосы. Расплела длинные свои косы и склонилась над шайкой, старательно намыливая их. У Пашки и вообще в глазах потемнело...

Но тут донѣся с улицы отрезвляюще громкий голос хозяина:

– Катюха, ты там не больно-то размывайся, а то господин хорунжий приехали! Тож париться надумали. Так што, когда уходить будешь, подбрось дровишек в каменку-то!

Пашка от этих слов с высот мечтательных сразу на землю возвратился. Подумал, что ещё час в этаким банном пекле живым не вылежит – задохнѣтся либо сварится заживо. И так уже нижнее

бельё хошь выжимай, да и в сапогах, похоже, при ходьбе пот хлюпать будет. Но вот как вылезти, чтоб деваху не переполошить?..

Выждав ещё немного, пока девка перестанет плескаться, произнёс негромко:

– Слышь, Катюха, ты меня не боись...

Деваху ойкнула и чуть не села на пол. Но соображать, похоже, со страху не перестала, поскольку срам сразу прикрыла обеими руками. Испуганно уставилась на полок, соображая, видимо, не поблазнилось ли часом.

– Партизан я, – открылся Пашка, понимая, что терять ему нечего, – Уже с пару часов под полком прячусь. Токо ты меня не боись...

Но девка оказалась не из пугливых, и, запахнув тужурку на голлом теле, спросила с вызовом:

– И долго ещё там сидеть собираешься?

– Не, боле не в мочь. Выпусти меня, девонька отсель, а то скоро кончусь от энтой жары. Даже и расстреливать не придётся...

– Ну, вылазь тогда скорее, – распорядилась деваху, – а то я даже и волосы прополоскать не успела.

Пашка с большим трудом протиснулся под приступкой, удивляясь про себя, как он ловко сюда проскользнул пару часов назад. Следом вытащил винтовку и шапку с шарфом, распрямился во весь свой рост.

– Экий ты здоровый! – удивилась деваху. – Будто медведь.

– Я Ведмедь и есть, по фамилии. Токо чичас боле на зайца похож, – Пашка невесело усмехнулся, – которова охотнички напрочь обложили.

Девка отступила к стенке, пропуская неожиданного гостя, но, когда Пашка уже взялся за ручку двери, сказала вдруг:

– Слыш-ко, заяц вислоухий, сейчас ещё народ на улице, так что полезай на баню. Там веники висят, за ними и схоронисься.

– Ну, спасибо тебе, девонька, – только и нашёл что сказать Пашка. – Жив останусь – не забуду!

– Все вы токо обещаетесь, – деваху облегчённо рассмеялась. – Ну, да там видно будет...

И подумав, добавила:

– Там, под крышей, и обласок¹ лежит, и весло в нём должно. Как стемнеет, в нём и переплывёшь через Енисей. Потом вернёшь при случае...

Поклонился Пашка своей спасительнице в пояс – и вышел наружу, а потом по приставной лесенке и под крышу полез...

Уже за полночь спустил Пашка долблёнку с бани, взвалил на плечо и побрёл к Енисею, дробно постукивая зубами от давно проникшего под влажный ватник ночного холода. Похоже, как раз в этом месте, напротив села, не было казачьего поста, поскольку пальнули в него пару раз с берега, когда подгребал уже к середине реки. Ну да разве попадёшь на таком расстоянии, да ещё и в темноте...

* * *

После того как бойцы Тальского полка, попытавшиеся форсировать реку у села Очуры, были отброшены, оставалось дожидаться надёжного льда, чтобы атаковать широким фронтом. Правда, потери партизан в том бою оказались меньше, чем предполагалось; очурскому отряду тоже удалось-таки вырваться из кольца и, погрузив в деревне Новоенисейке раненых на подводы, уйти по берегу в подтаёжную деревню Летник. Здесь отряд разделился: полсотни партизан на плотах и лодках переправилась на правый партизанский берег, а остальные с ранеными ушли в тайгу, в деревню Богословку.

С переправившимися пришёл через Сизую и Субботино в штаб партизанской армии, расположенный в селе Каптырево и Пашкин дружок Каркей.

– Я однако, паря, потерял тебя, – возбуждённо рассказывал Каркей. – Токо рядом, вроде, бежали через крапиву, а как казаки в нас начали палить, гляжу – нет дружка моего. Думал, убили!

– А я видел, как ты упал. И тож подумал, што убили!

– Всю ночь в чьём-то огороде в стогу просидел. Там баня рядом, и народ туда-сюда, туда-сюда... – продолжал свой рассказ Каркей. – А я всё глубже и глубже зарываюсь. Ну, словно мышь! Употе-е-ел весь...

– Хорошо, снега не было, а то б по следам нашли. Я тож сначала употел в бане, а потом замёрз, как собака. Тебе в сене-то, поди, сподручней моево было?

¹ Небольшая лодка, выдолбленная из цельного бревна.

– Ничо, только колется. У нас пословица есть: мышь под копной не сдохнет. Правда, это когда девка маленькая, а парень большой... Понял, о чём говорю-то?!

– Я думала, что ты, Каркей, парень скромный, – проговорила с укоризной проходившая мимо медсестра Алёна, – а ты такой же охальник, как и Пашка!

Друзья жизнерадостно заржали, но не над словами Алёны, а просто от рвущейся из души радости. Ещё бы, оба остались живы и даже не ранены, а ещё светит солнце и всё в их молодой жизни просто замечательно.

Пашка хотел было рассказать дружку о своей встрече с Катей, но почему-то промолчал. Вместо этого сказал:

– Похоже, мы с тобой в одном огороде отсиживались, токо ты мышью в стогу, а я на бане за вениками зайцем вислоухим...

– Похоже, так. Я уж после полуночи подался вдоль берега своих догонять, – закончил рассказ Каркей. – и токо возле Летника настиг, когда они на плоты садились

– А я затемно на долблёнке на энтог берег переплавился!

– Хорошо, что обошлось...

Теперь, спускаясь к реке за водой, партизаны шупали лёд у закраин, подолгу всматривались во вражеский берег, торопя долгожданные морозы. И готовились к генеральному наступлению. Ещё бы, ведь у многих из них там, на левом берегу остались семьи. Как они там, живы ли?..

Только не такой Пашка человек, чтобы сидеть без дела: выпросился-таки в разведку. Ночью переправился в своей лодке-долблёнке на противоположный берег, а к рассвету вернулся с «языком» – колчаковским офицером. Сам же и доставил его в штаб – аккуратно представил приехавшему на совещание Щетинкину.

Тот долго жал Пашкину руку, потом не удержался, хлопнул отличившегося по могучему плечу, похвалил:

– Молодец ты, однако! Не ошибся я в тебе, Ведмедь, крест на пуп! Такая, помнится, у тебя поговорка любимая?

– Такая и осталась, Пётр Ефимыч!

– Устарела она как бы...

– Но на пуп-то можно, Пётр Ефимыч?

– Пожалуй... – согласился Щетинкин. – Да, как на том берегу закрепимся, я тебя за твои заслуги домой на побывку отпущу! А пока, сам понимаешь...

– Понимаю, Пётр Ефимыч. Премного благодарен.

– Ну, ты эти старорежимные благодарности брось! Заслужил, значит, заслужил.

Щетинкин вроде бы как даже разозлился, но, помолчав немного, добавил примирительно:

– Эх ты, валенок...

Не признался только Пашка, что не столько за «языком» плавал, сколько для того, чтобы хоть мельком увидеть Катю-Катюшу. Вроде бы и виделась всего один раз в той злощастной бане, а застряла девка острой занозой в Пашкином сердце. Но только зря просидел несколько часов за баней, выглядывая зазнобу. А потом уж, скорее даже со злости, чем по умыслу, прихватил случайно подвернувшегося под руку хорунжего...

* * *

Белого офицера Щетинкин, собравшийся было уже уезжать на свой участок обороны, решил допросить сам. Не столько надеялся получить какие-нибудь секретные данные, сколько хотел выяснить настроения в колчаковских частях. Но казачий хорунжий оказался крепким орешком. Был он примерно того же возраста, что и Щетинкин и, похоже, также прошёл и окопы германской, и беспощадные бои гражданской.

– Можете меня сразу расстрелять, бывший господин штабс-капитан, – заявил хорунжий решительно, – потому как беседа с изменником Отечества меня оскорбляет.

– Я не собираюсь выведывать у вас, хорунжий, военные секреты, мне хочется просто поговорить с бывшим фронтовиком, боевым офицером.

– Вы, господин Щетинкин, потеряли свою офицерскую честь!

– У нас несколько разнится понятие о чести! – вскипел Щетинкин. – Я, в отличие от вас, не воюю с женщинами и детьми, не воюю с безоружным населением. А заслуг перед Россией, я думаю, имею ничуть не меньше вашего! Я ведь не только штабс-капитан и полный георгиевский кавалер – это, как вы говорите, от Отечества, у меня ещё и нагрудный знак почётного чекиста имеется – это уже от красных. А и с вашей стороны, от Антанты то есть, две французские награды за помощь союзникам имею. Но, главная награда у меня всё-таки от самого Колчака: он за мою голову уже пятьдесят тысяч золотом пообещал!

– Старые награды сейчас не в счёт. Вы, большевики, предали Родину, продали Россию!

– Это ещё вопрос, кто из нас воюет за Родину. Вон на вас даже и форма-то заграничная, а не российская. За неё что ли Россию продаёте? Антанта, небось, ещё и деньгами вам приплачивает.

– Россию господа большевики давно немцам оптом продали, а мы все за российские червонцы покупаем, которые вами тем же немцам предназначались. Не на водку и не на баб российское золото тратим, а на оружие, заметьте!..

– То есть согласны, что российский золотой запас иностранцам раздаёте?

– Наша беда, что практически все армейские склады у красных оказались! – повысил в свою очередь голос хорунжий. – А иностранцы будут помогать нам лишь до тех пор, пока этот золотой запас не кончится. Антанта ведь на самом деле вовсе не за нас, а только за себя. И с красными они тоже не воюют, что бы вы там ни говорили – они просто наблюдают, кто кому горло перегрызёт. Прогадать, сволочи, бояться! Вот к победителям они и присоединятся, чтобы и дальше богатства из России сосать.

– То-то белочехи вдоль железки чуть не на каждом столбе большевиков вешают!

– Чехи – это не Антанта. Если бы вы им дали возможность убраться из России, они давно бы уже во Владивостоке на пароходы грузились!

– Задурили вам, господин офицер, пропагандой голову ваши продажные генералы!

– Это вы, господин большевик, бывший штабс-капитан, дальше носа своего не видите! Пригрела новая власть, должность дала – вот вы им и прислуживаете! – перешёл уже на крик хорунжий.

– Эту власть я сам выбрал, поэтому за неё и воюю, – спокойно парировал Щетинкин, – а вот вы за старые прогнившие порядки сражаетесь! Чтобы, значит, и дальше сладко есть и мягко спать, а народ чтоб на вас горбатился. Не бывать больше этому!

– Нет, господин-товарищ штабс-капитан, свято место пусто не бывает, – не сдавался хорунжий. – Попомните мои слова: пройдёт совсем немного времени, и большевики, да и вы тоже, ими купленный, будете сладко есть и мягко спать. И лозунги свои революционные как молитвы твердить, только не перед иконостасом, а перед портретом своего Ленина!..

– Жаль, не получилось у нас разговора по душам, – разочарованно произнёс Щетинкин.

– И не получится, – заверил хорунжий. – Мы с вами принципиальные враги, так что можете меня расстреливать! Я бы на вашем месте...

Щетинкин взмахом руки прервал оратора и раздосадовано приказал конвойному:

– Увести!

– Куда его? – спросил партизан.

– Куда?.. Раз сам просит, чтобы расстреляли, не будем отказывать!

На войне не до полемик с противником. Пока считаешь себя правым, то способен стрелять, колоть, рубить любого врага, а стоит усомниться в своей правоте – и всё, считай, что дело твоё пропащее! Либо дрогнет в неподходящий момент рука, либо собьют прицел непрошенные слёзы на глазах, либо мысли заведут в сплошной непроглядный туман. Самое страшное на войне – это безверие...

* * *

Так и не довелось этой зимой Пашке свидеться с Катей-Катериной. Вскоре от перебежавшего колчаковского солдата стало известно, что большой отряд казаков намеревается прорваться в партизанский тыл и обеспечить поддержку наступлению своих основных сил в районе деревни Устуг, что от Очур более чем в двухстах верстах вниз по Енисею. Новость эта не особенно удивила, ибо предполагалось, что в связи с успешным наступлением Красной Армии остатки колчаковцев устремятся, в конце концов, на Минусинск, чтобы по Усинскому тракту напрямик уйти в Монголию и дальше в Маньчжурию. Вот и пришлось Пашке ехать с пакетом к Щетинкину, на правый фланг партизанской армии. По пути завернул в родную деревню, но не застал отца с сеструхой дома – охотничают, значит. А займка, к сожалению, совсем в другой стороне...

Победу в бою чаще всего приносит не превосходство в численности, а правильный манёвр и предвиденье командира. И ещё, конечно же, своевременно проведённая разведка: предупреждён – значит вооружён, значит сам диктуешь противнику правила предстоящего боя...

План предстоящей операции продумал Щетинкин. С двух сторон узкой долины и дороги, накатанной вдоль горной речки Убей должны залечь партизанские цепи, а в конец деревни выдвинуть-

ся кавалерийский разезд. При появлении противника он должен, как бы отступая, заманить казаков под огонь пулемётов и винтовок. Накануне вечером сам командир на широких охотничьих лыжах объезжал позиции своих партизан, подсказывая, где удачнее расположить пулемёт, где толстую валёжину превратить в надёжный бруствер, как пихтовый лапник подложить на дно снежного окопа. И то, ночной мороз уже крепок, а противник появится, скорее всего, только на рассвете. Щетинкин понимал, что самое главное, это подбодрить бойцов, ведь едва ли не половина из них впервые участвовала в серьёзном бою.

– Ничего, – подбадривал партизан Щетинкин самим же и придуманной шуткой, – устукаем колчаковцев на Устуге, а потом на Убее непременно убьём...

Лежит Пашка в засадной цепи, что растянулась на целый километр по склону горы вдоль дороги, прихотливо повторяющей изгибы речки Убей и пытается сохранить в теле остатки тепла. Предрассветный мороз далеко за тридцать, и всё глубже он проникает под полушубок, в валенки, сковывает пальцы даже в меховых рукавицах, щиплет лицо. Уже посветлело небо на востоке, осветив горы синеватым, каким-то призрачным светом. Парят полыньи на горной речке Убей, одевают в лохматый куржак придорожные деревья и кусты. Вот уже и синицы проснулись, прилетели на соседнее дерево: попискивают, перелетают с ветки на ветку, осыпая прямо на Ведмедя снег. А над соседним окопом поднимается струйка не то пара, не то дыма. Напахнуло махорочным запахом – кто-то курит тишком самокрутку...

– Эй, кто там дымит, – тихо разнеслось по цепи.

– Так ведь нет никого, – также тихо оправдывается виновный.

– Прекратить разговоры и туши сигарку. Всем соблюдать тишину и не шевелиться.

Легко сказать не шевелиться, когда мороз пробирает до костей. Пашке вдруг вспомнился рассказ партизана-пулемётчика, участвовавшего когда-то в трагическом отступлении только что сформированного Щетинкиным отряда под натиском карателей. Тогда так же вот, наступившие крупным казачьим отрядом, лежали партизаны по склону в глубоком снегу и, чтобы удалась засада, командир приказал не курить и не шевелиться. Рядом с ним жена и маленький сы-

нишка, бредивший от простудного жара. Вот он открыл мутные глаза и прошептал запёкшимися губами: «Пи-и-ть... Мама, пи-ить...» Васса зачерпнула кружкой снег и стала собирать на снегу сухие веточки, чтобы соорудить маленький костерок. «Ты что, с ума сошла?», – прохрипел Щетинкин и одним движением расшвырял ветки. – «Так ведь очнулся, пить просит...» – «Потерпит, не он один... Мы сейчас либо все выживем, либо все погибнем!...» И выждали-таки тогда партизаны, встретили поднимавшихся по склону казаков в упор кинжальным пулемётным огнём и меткими винтовочными выстрелами. В морозном воздухе гулко строчили тогда два фланговых пулемёта, а ещё трещали в центре специальные деревянные трещотки – пойми в этом множимом таёжным эхом грохоте, сколько пулемётов у партизан: два или десять?.. Смешались цепи, повернули назад – и ни один из преследователей не вырвался тогда из партизанской засады. Оглядывая усыпанный трупами карателей склон, Щетинкин якобы довольно похлопал пулемётчика по плечу и проговорил: «Ну, вот. А ты говорил «купаться»!...»

И сейчас тоже не лучше: мороз поджимает всё больше. Терпи, Пашка, терпи! Тем молодым партизанам, что впервые ждут боя слева и справа от тебя, в десять раз труднее. Скоро уж жарко станет, и про мороз забудут, когда засвистят вокруг пули, сбивая снег с ветвей, тупо ударяясь в стволы деревьев и в мёрзлую землю. А вот в избе на заимке сейчас, должно быть, хорошо, тепло! Тятка, поди, уже печь затопил – он рано поднимается. И сеструху Настёну, знамо дело, поднял: «Неча спать! Иди, девка, вари щи наваристые, жарь картошку на сале». После смерти матери готовкой завсегда сеструха занималась. Хорошо у неё получается жаркое в глиняном горшке или картошка, запечённая со сметаной. Ароматная, янтарная на просвет... А то ватрушки, когда творог аж покраснеет от печного жара и изнутри брызжет сладковатый смак... Да и стопочку бы первача в самый раз! Под хрустящий солёный огурчик или под обмакнутый в сметану груздь...

От таких сладких мыслей Пашка и про мороз на время забыл. Полный рот слюны и явственный вкус разносолов на языке. А следом мысли уже на Очуры, на Катю переключились. Как хорошо было тогда в бане: тепло, уютно... Много бы Пашка сейчас дал,

чтобы там, в жаркой бане оказаться и снова подглядеть хоть одним глазком за ладной девкой...

Но тут вдальеке – там, где за склоном горы пряталась деревня – торопливо хлопнуло несколько выстрелов. Через некоторое время в словно бы застывшей от мороза и ожидания тишине послышался далёкий лошадиный топот. Вот из-за поворота на дорогу высыпал плотный отряд всадников. Наши! Даже отсюда видны широкие красные ленты на шапках. А следом, на расстоянии, вылетели и казаки-колчаковцы: лохматые папахи, из-под бешметов виднеются буро-зелёные лампасы.

По цепи негромко разнеслось:

– Не стрелять. Пропустить казаков и ждать главные силы противника.

А вот и главные силы показались. На каждых санях по три-четыре солдата с винтовками, а то и с пулемётом «Максим». Пашка насчитал аж две сотни саней, когда наконец раздалась долгожданная команда «Огонь!»

И сразу же с обоих концов километровой партизанской цепи, а потом и в центре застрочили пулемёты, перекрёстно и дружно громыхнули залпы с противоположных склонов реки, раздались взрывы гранат. На дороге тут же всё смешалось – и вот уже вместо растянувшегося обоза сплошь опрокинувшиеся сани, барахтающиеся в глубоком снегу люди и лошади. Редкие офицеры, размахивая револьверами, пытались восстановить порядок – но куда там! Солдаты в панике скатывались с дороги к речке, закапывались в снег. Тех, кто пытался отстреливаться, находили пули партизанских снайперов.

Вернувшийся казачий отряд попытался было прорваться вверх по крутому склону, чтобы выйти в тыл партизанской цепи, но лошади то и дело скатывались назад, к дороге, а партизанские пули останавливали наиболее упорных. Выстрелы снизу становились всё реже, а потом и вообще стихли. Вот один поднялся из снега с поднятыми руками, следом другой, третий... И тогда, словно две сокрушительные волны, покатались навстречу друг другу две партизанские цепи, зазвучало громкое «Ура-а-а!»

Да, благодаря Щетинкину и Кравченко, партизанская армия, выросшая из малочисленных когда-то отрядов, превратилась в грозную и всесокрушающую силу. И силу эту уже невозможно было ни остановить, ни тем более победить...

Глава 7. Бог войны Унгерн

Алюбые события впоследствии можно фальсифицировать, но всё-таки некоторое время в памяти народа они живут именно такими, как их воспринимали современники. Это уже потом, в угоду победителям чёрное постепенно превращается в белое, насильники в защитников народа, кровавые убийцы – в героев. И наоборот...

Независимость Внешней Монголии¹ была провозглашена соглашением 1912 года между Монголией, Китаем и Россией – и властителем монгольского народа Халха² стал духовный глава «жёлтой веры» Его Святейшество Живой Будда, получивший титул «Богдо Джебтсунг Дамба хутухта-хан»³. Пока Россия оставалась сильным государством, правительство Пекина соблюдало все соглашения, но стоило Николаю II вывести войска из Сибири в связи с началом войны с Германией, как Китай вновь стал заявлять о своих правах на территорию. И после революции, свергнувшей династию Романовых, в разгар гражданской войны Китай ввёл на спорную территорию свои войска. За короткий срок были заменены все монгольские министры, на их место назначены прокитайски настроенные лица, были арестованы и посажены в пекинскую тюрьму многие сторонники автономии, была назначена китайская администрация в столице Урге и других городах Монголии. По существу, был отстранён от руководства и сам Богдохан – его превратили в послушную марионетку, ставящую лишь свою подпись под китайскими указами. За короткое время цвет нации – князья и ламы, боровшиеся за свободу – погибли в тюрьмах от голода и пыток, простой же народ был настолько запуган, что должно было случиться нечто совсем уж невообразимое, чтобы он поднялся на вооружённую борьбу. И тут возник авторитетный бурятский князь Джам Болон, который вступил в переговоры с генералом Унгерном, сражавшимся в это время с большевиками в Прибайкалье – князь предложил барону войти с его Азиатской дивизией в Монголию и помочь вытеснить китайцев.

---

¹ Внешняя или Северная Монголия – современная Монгольская Народная Республика; со времён империи Цин она противопоставлялась Внутренней Монголии, входящей ныне в состав Китайской Народной Республики на правах автономного региона.

² Народность, составляющая основное население Монголии.

³ Возвышающий веру, осчастливливающий живущих святой владыка (монг.).

Дав согласие участвовать в освобождении Монголии, барон Унгерн настоял, чтобы в северных её районах провели мобилизацию для пополнения Азиатской дивизии. Стремительно войдя во Внешнюю Монголию и перевалив через священную гору Богдо-Ула, подъём на которую был дозволен только прямым потомкам Чингисхана, Унгерн подступил к дворцу, в котором содержался Богдохан, с практически незащищённой стороны. Далее тибетские лучники перестреляли китайских часовых, а монголы проникли во дворец и похитили своего Живого Будду. Потом барон, объединившись с другим русским отрядом под командованием полковника Казагранди и с монгольской кавалерией, осадил Ургу. Дважды он терпел поражение в боях с пятнадцатитысячной китайской армией, но 3 февраля 1921 года взял, наконец, город – и вновь возвёл на ханский трон Богдо-гогена, который тут же поднял на борьбу всю Монголию, пробудив в народе надежду на освобождение...

* * *

В конце февраля столица Урга, которую сами монголы называют Та-Куре¹, готовилась к пышной коронации Богдо-гогена. Год назад генерал Шучжен вынудил Богдо подписать отречение от престола, повсеместно установив власть Пекина, и теперь для монголов эта коронация имела значение ничуть не менее значимое, чем для России коронация Государя Императора. Выходец из бедной тибетской семьи, нынешний Богдо-гоген был одержим идеей независимости и величия Внешней Монголии, продолжением дела Великого Чингисхана; он не побоялся оказаться в немилости у маньчжурской династии Китая – а та, в свою очередь, не рискнула повести открытую войну с Живым Буддой, ибо это могло не понравиться тибетским ламам. В первую очередь именно этим Богдо добился огромного влияния у монгольских ханов, князей и лам.

Наконец, торжественный день коронации наступил. Едва начало светать, как по левой стороне полуторавёрстной дороги, ведущей от Зелёного дворца на берегу реки Толы к площади Поклонений, выстроились части Азиатской дивизии; по правой же стороне замерли монгольские и бурятские войска. Кроме того, ещё с вечера на коронацию собрались многотысячные толпы монголов: князья с многочисленными свитами приехали даже из самых отдалённых

---

¹ Великий Монастырь.

уголков Монголии. Так что все заборы и крыши домов были усеяны гостями и местными жителями.

Вот из дворца выехали на лошадях одетые в яркие костюмы «вестники»: зазвучали трубы, давая знать многотысячной толпе, что Богдохан скоро проедет в храм. Следом показалась золотая коляска с одетым в золотую парчу Живым Буддой, слепые глаза которого, как всегда, скрывали тёмные очки. Вокруг коляски скакали князья в пышных одеждах, их островерхие шапки с павлиньими перьями, соответствующими занимаемому владельцем рангу, сверкали на солнце драгоценными камнями. Тут же военные музыканты Азиатской дивизии громко заиграли «встречу», почти заглушив визгливые рыдания монгольских дудок, предназначенных отгонять от процессии злых духов. Сопровождаемый верховными ламами, генералом Унгерном, князьями и свитой, Богдохан вошёл в храм. Когда там начался молебен, загудели двухсаженные трубы-бурэ, чьи звуки изображают рёв небесных слонов, разлились трели башкуров, символизирующих щебет райской птицы Гаруды...

Часа через четыре барон, всегда предпочитавший полевую военную форму, появился в совершенно необычном виде: в монгольском княжеском платье и в шапочке с павлиньим пером. Видом своим он напоминал разноцветного попугая и, естественно, вызвал множество улыбок не только офицеров, но и солдат. А через какое-то время снова заиграла музыка – и между шпалерами войск, а потом сквозь многотысячную толпу восторженных зрителей проехал Богдо-гоген, отныне коронованный в неограниченные повелители государства. Все монголы и буряты опустили на правое колено, а русские взяли шашки «на караул». Громогласное «Ура!» раскатилось над улицей, над площадью и далеко над окрестностями ликующей столицы независимой отныне Монголии.

В связи с коронацией все офицеры Азиатской дивизии были возведены в ранги монгольских чиновников от первого до шестого класса, а Унгерну помимо чиновничьего титула цин-вана был присвоен неожиданный и наивысший, доступный лишь чингизидам по крови чин – ханский, со званием, которое в переводе звучало как «Возродивший государство великий батор, командующий». Отныне барон обладал правом на те же символы власти, что и правители четырёх монгольских аймаков¹: то есть мог носить жёлтый халат-курму

¹ Четыре административные территории, подчинённые четырём ханам.

и жёлтые сапоги, иметь того же священного жёлтого цвета поводья на лошади, ездить в зелёном паланкине и вдевать в шапку трёхочковое павлинье перо...

Какие мысли бродили в голове новоиспечённого хана Унгерна, нетрудно было догадаться: барон праздновал не только военный успех, но и окончательное своё возвращение к жизни из небытия последних месяцев. Он всегда воспринимал Монголию как хранительницу священных истин, как плацдарм для борьбы с разлагающим влиянием Запада на Востоке, и день 26 февраля 1921 года, когда Богдо-гоген среди всеобщего ликования торжественно вступал на поднятый из праха престол, должен был казаться барону великим днём. Наконец-то благодаря его усилиям колесо истории сделало первый оборот вспять, к золотому, как он всегда считал, веку человечества! И не имело значения, что произошло это на краю света, за пределами цивилизованного мира и в городе, о существовании которого большинство европейцев даже не подозревает. Главное, что его давнишняя мечта начала осуществляться!..

«Да, – размышлял барон, – как бы это ни воспринимали окружающие, но он всегда мечтал воссоздать великую державу Чингисхана, ибо только она способна противостоять разлагающей западной культуре, противостоять заразе мировой революции! Это новое государство будет состоять из автономных племенных единиц и находиться, конечно же, под моральным и законодательным руководством Китая – страны со старейшей культурой. Правда, пока они противники, а не союзники – но это лишь временно! В союз азиатских народов непременно войдут китайцы, монголы, тибетцы, афганцы, племена Туркестана, татары, буряты, киргизы и калмыки... Это будет не только военный, но и нравственно-философский оплот против расплывающейся по миру революции. Ведь человечеству угрожает вовсе не «жёлтая», а именно «белая» опасность, поскольку именно белая раса своей разлагающей культурой вносит непоправимый хаос. Теперь же, благодаря его усилиям, жёлтая раса должна воспрянуть, как когда-то во времена Чингисхана – и окончательно победить белую. Непременно, ведь она более жизненна и более способна к мудрому государственному устройству...»

Глядя вокруг, Унгерн представлял, что Урга вполне может стать будущей столицей возрождающейся Великой Империи, ведь она

находится в самом её центре. «Не напрасно я уже сделал первый шаг к этому, – размышлял барон, – распорядился очистить от мусора и продезинфицировать город, который не знал метлы со времён, должно быть, самого Великого хана. И это по моему приказу наладили автобусное движение между районами города, навели мосты через Толу и Орхон, начали издавать газету, открыли ветеринарную лечебницу и больницу, возобновили работу школ... Как и великий Чингисхан когда-то, я оказываю поддержку торговле, поэтому крайне уместен приказ безжалостно вешать как русских, так и монгольских солдат, замешанных в грабеже китайских магазинов. Всё будет как при нём, недаром же ламы считают, что именно во мне, в бароне Унгерне возродился дух Великого Правителя половины мира...»

* * *

Однако первая эйфория у новоиспечённого хана Унгерна вскоре прошла, а радость победы омрачилась новой угрозой со стороны потрёпанной китайской армии. Барону надо было закрепить достигнутый военный успех, и вскоре близ уртона¹ Цаган-Цэген разыгралось новое ожесточённое сражение – крупнейшее на территории Монголии за два последних века и, тем не менее, почти никому впоследствии не известное. На небольшом пространстве грудь в грудь, как в средневековых битвах, сошлось более пятнадцати тысяч человек. Артиллерии у обеих сторон было немного, кроме того она в этом противостоянии оказалась практически бесполезной, так как пушки не поспевали за стремительными перемещениями конных отрядов – и лук со стрелами в руках монгольских всадников порой превосходил винтовки в руках китайских солдат. Как во времена Чингисхана... Китайцы и на этот раз были разбиты, поэтому Унгерн надеялся, что они покинут, наконец, Монголию – но этого опять не случилось, а оставшаяся их группировка на юго-востоке страны рождала новую опасность для Урги. И поэтому Азиатская дивизия вынуждена была двинуться на восток, в сторону Китая.

В конце марта возле местечка Чойры, что вблизи китайской границы, произошло последнее крупное сражение этой малоизвестной войны. Впоследствии здешнее поле «ужаса и смерти» ещё много лет

---

¹ Станция смены лошадей.

белело костями китайских солдат. Генералы Чу Лицзян и Го Сунлин с кавалерией успели, правда, уйти в Китай, но их пехота была перебита почти полностью: полегло свыше четырёх тысяч человек. Унгерну же, кроме многочисленных пленных, достались огромные трофеи: артиллерия, винтовки, миллионы патронов и одних только верблюдов, навьюченных добычей, было захвачено более двух сотен. А пятнадцатитысячной армии, которую полтора года назад привёл в Монголию генерал Шучжен, больше не существовало.

В Пекине это восприняли как национальную катастрофу: телами павших «гаминов»¹ была выслана степь от Чойры до самой китайской границы. Однако правитель Маньчжурии Чжан Цзолинь начинать карательную экспедицию не спешил: слишком зыбкой была ситуация в самом Китае, чтобы ввязываться в эту войну, которая может и не принести скорых лавров, а неожиданная трагическая судьба пятнадцатитысячной армии стояла у него перед глазами.

В результате от того места, где остановилась Азиатская дивизия, до столицы Китая Пекина оставалось вёрст шестьсот – то есть даже ближе, чем до Урги. Однако Унгерн трезво оценивал собственные военные возможности и переходить китайскую границу не собирался; он прекрасно понимал, что в данный момент такая авантюра заведомо обречена. Поход на Пекин планировался им позднее, после создания центрально-азиатской федерации кочевых народов. И барон повёл своё победоносное войско назад, в Ургу...

* * *

В начале мая, как раз в дни триумфа генерала, в лагере Азиатской дивизии появился пробирающийся из Советской России в спасительный порт Владивосток географ – не географ, писатель – не писатель, и даже не путешественник, а скорее просто беглец от революции Фердинанд Оссендовский². Вскоре состоялась и его первая встреча с бароном, когда Оссендовскому, как он потом утверждал в своей книге, буквально за считанные мгновения и по од-

¹ Китайских солдат.

² Оссендовский Фердинанд Антони дважды избирался секретарём Географического общества (Общества изучения Амурского края). В 1906 году он был награждён премией имени Буссе, которой потом удостоились только П. В. Виттенбург (1912) и А. П. Окладников (1959), а второй раз он был избран в 1921 году – после путешествия по Сибири и Монголии.

ной лишь внешности удалось постичь весь характер барона Унгерна. В первую очередь, его поразили маленькая голова на широких плечах, беспорядочные рыжеватые волосы, редкая щетина усов и худое измождённое лицо, вызывающее в памяти лики на старых византийских иконах. Но всё это отступало на второй план, когда он ловил на себе пронизательный взгляд глаз, буквально сверлящих собеседника из-под массивного выпуклого лба. Это был взгляд хищника из клетки, и Оссендовский сразу заключил, что перед ним, прежде всего, неуравновешенный и крайне опасный человек, способный на самые непредсказуемые поступки...

Окружающие утверждали, что Унгерн немногословен и нелюдим, однако с Оссендовским он, вопреки утверждениям, беседовал часто и говорил много. Скорее всего, поверив неоднократным предсказаниям о своей близкой кончине, барон, как человек мистического склада ума, посчитал, что и неожиданное появление писателя в его лагере вовсе не случайно. Все великие и сильные личности мира сего стремятся оставить письменный след о себе, как о мудром и дальновидном правителе. При этом они зачастую выдают желаемое за действительное, а на добрую и долгую память окружающих попросту не рассчитывают, поскольку те воочию видели все их большие ошибки и маленькие слабости. Да, издревле и цари, и временные диктаторы раскрывали летописцам свои планы переустройства мира, говорили о своём высоком предназначении, и, делясь самыми тайными мыслями, надеялись, что летописец, даже погрешив перед истиной, опишет их именно такими, какими они себя мечтали увековечить. Что ни говори, а всем хочется выглядеть перед потомками примерно так: «Пришёл с севера белый воин и призвал монголов разбить цепи рабства, сковавшие свободолюбивый народ. В воина вселилась душа Чингисхана, и он предсказал приход могучего вождя, который много сделает для торжества чистой буддийской веры и прославит потомков Чингисхана, Угедей-хана¹ и Хубилая²...» Так что и барон в этом плане вовсе не был исключением...

– Мои дела здесь подходят к концу, – заявил Унгерн в первые же минуты их знакомства. – Через девять дней я выступлю против большевиков и направляюсь в Прибайкалье. Прошу вас, господин

---

¹ Третий сын Чингисхана, его преемник в завоеваниях и государственном устройстве.

² Внук Чингисхана, завершивший покорение Китая.

Оссендовский, провести со мной оставшиеся до выступления дни, ведь многие годы я попросту был лишён цивилизованного общества и живу наедине со своими мыслями. Мне хотелось бы ознакомить вас с ними, чтобы все увидели во мне не «кровавого свихнувшегося барона», как зовут меня враги, и не «сурового деда», как называют меня мои офицеры и солдаты, а просто человека, который много искал, а страдал и того больше...

Барон задумался, словно потеряв нить разговора, потом заговорил уже не о себе:

– В буддийской и древней христианской литературе встречаются суровые пророчества о времени, когда разразится битва между добрыми и злыми силами. Тогда, утверждают эти пророчества, в мир придёт и завоюет его неведомое Зло, которое уничтожит культуру, разрушит мораль – и тем самым истребит людей... И орудием этого Зла, как сами видите, стала революция. Это заразная болезнь, и вступающая в переговоры с большевиками Европа обманывает не только себя, но и всё человечество. Именно поэтому западная цивилизация должна пасть, как пал древний Рим...

– По поводу революции я с вами полностью соглашусь! – решил наконец перебить барона Оссендовский. – Но ваша слава «кровавого барона», действительно, повсеместна...

– Тем не менее уверяю вас, господин Оссендовский, что она преувеличена! Монголы считают меня живым воплощением Чингисхана, иногда я и сам подумываю, что в этом что-то есть. Я, тевтон, часто испытываю вспышки необузданной, чисто азиатской ярости. Потом, буквально через пять минут осознаю, что поступил слишком жестоко... Но, не могу же я каждые пять минут менять свои приказы? Так что каждый раз приходится говорить, не вслух конечно: «Извини меня, боевой друг!»

Оссендовский уже был наслышан от офицеров о «воспитательных» методах барона, среди которых десяток ударов бамбуковой палкой считались едва ли не самым мягким наказанием, поэтому посоветовал, хотя и не очень уверенно:

– Вы могли бы действовать через толкового заместителя, исполняющего роль некоего буфера...

– У меня азиатская дивизия, а у них диктатура в крови! – довольно резко возразил Унгерн. – Диктаторская власть и жестокость – вот в понимании азиатов признак силы! То есть всякая там демократия, это несомненный признак слабости! И если я тех же монголов перед

каждым выстрелом в противника стану уговаривать добросовестно воевать – завтра же все разбегутся! Я и для своих русских никогда поблажек не делаю, просто права не имею! Бойцы, а тем более азиаты, должны видеть, что для меня все равны.

– Вы считаете, барон, что психология азиатов настолько уж отличается от нашей европейской?

– Да, азиаты – народ особый, зачастую вам, европейцам, совершенно непонятный. Взять тех же тибетцев. Это свирепые и воинственные люди, которые даже возят с собой личную посуду, сделанную из человеческих черепов. Дикость?.. Но у них при этом своё понятие красоты: они инкрустируют эти черепа серебром и золотом.

– Да, я довольно хорошо успел познакомиться с тибетцами. Некоторые жуткие картины до сих пор стоят перед глазами...

– Это, как я думаю, просто частности. К тому же вы, хотя и являетесь писателем, очень далеки от понимания азиатской культуры.

– Пожалуй... – согласился Оссендовский, перед глазами которого за несколько мгновений промелькнули все ужасы его пути через Тибет. – И всё-таки я остаюсь сторонником гуманности.

– Ваша гуманность рождает революцию, и только жестокость несёт истинный порядок. Великий Чингисхан доказал это... Да и солдат я практически не наказываю, ибо они народ тёмный... – барон как всегда неожиданно сменил тему. – Разве беззащитных можно бить?.. Но вот Их Благородия зачастую не жалею. Офицерская честь – это, как я полагаю, не болезненное самолюбие, а пример другим для подражания. Но некоторые господа офицеры порой просто скоты. Дивизия моя состоит из людей, прошедших, как они сами любят повторять, «огонь, воду, медные трубы и волчьи зубы», и они без наказаний жить уже не умеют. Конечно, жестокие меры мало кому нравятся, даже во время такой жестокой войны...

Не полагаясь на свою память, Оссендовский каждый раз записывал эти беседы, вернувшись в свою палатку. Во-первых, барон был ему интересен как человек и военачальник, а во-вторых, он собирался непременно вернуться к этим записям. Кто знает, что родится потом, когда он очутится в спокойной обстановке за своим письменным столом? Книга – не книга, но хотя бы эссе об этом ярком и необычном лидере великого российского противостояния...

Нащупывая главные нити будущего повествования, он задавал иногда и откровенно провокационные вопросы:

– Не обижайтесь, барон, но красные изображают вас прямо-таки садистом, помешанном на бессмысленных убийствах.

– Красные добились многого благодаря именно жестокости, – парировал Унгерн. – И я даже не заметил, как стал использовать их же методы. Но оказалось, что прощается «товарищам», разглагольствующим о свободе, то не прощается «господам», воюющим за свободу истинную. Согласитесь, история показала, что все революции рождали не свободу, а только тиранию? Российская революция тоже непременно родит своего страшного тирана!

– В Европе – революции, в Азии это называется переворотом... – Оссендовский развёл руками. – Так что же по Вашему всё-таки есть Россия, Европа или Азия?

– Россия традиционно считалась и считается азиатской страной. Её беда в том, что Николай оказался слишком слабым царём, а ей нужен был правитель с твёрдой рукой и великими целями. Как Иван Грозный, например, или Пётр Великий!.. – жестикулируя, барон тоже вскинул руки, причём высоко вверх. – Человек с непреклонной волей, не слушающий придворных советников. Такому не грех даже иногда ошибаться и заблуждаться, ибо сильных ничто так не учит, как ошибки! Это же закон природы! В волчьей стае только один авторитет – это её вожак! Нет сильного вожака, и она из грозной стаи превращается в сброд, который смельчак может разогнать обыкновенной палкой. На Востоке есть пословица: «Армия баранов под предводительством льва сильнее армии львов под предводительством барана...»

– Но в белом движении ведь тоже были сильные личности, вожди...

– В белом движении не было и нет единой цели, нет единства лидеров, – лицо барона перекосила гримаса ярости, но он сделал заметное усилие над собой и сдержался. – Только большая идея смогла бы их объединить, а пока все они попросту люто ненавидят друг друга. Все эти новые «наполеоны», все эти императоры местного разлива...

С одной стороны, Оссендовский был уверен, что нужен Унгерну как собеседник, а с другой стороны, он ни на миг не забывал, что находится в полной власти этого непредсказуемого человека, о вспышках неукротимой ярости которого ходили легенды. Так что приходилось быть дипломатичным. Но иногда он забывался, ведь барон был интересен ему даже тем, что практически по любому во-

просу высказывал личное мнение, зачастую отличное от общепринятого. Это говорило не только о его недюжинном уме, но и о хорошо продуманной программе будущих действий. Так, в следующий раз их беседа приняла откровенно философское направление.

– Вы, барон, христианству предпочли буддизм, – неосторожно затронул тему веры Оссендовский. – С тех пор вам, как утверждают некоторые ваши недоброжелатели, помогает, должно быть, сам дьявол?

– Буддизм отрицает существование дьявола, – Унгерн, вопреки ожиданию Оссендовского, не оскорбился, а даже снисходительно усмехнулся. – Сие означает, что мне помогает именно Господь Бог. И если христиане утверждают, что во всём есть Божий промысел, то это только подтверждает, что моя вера и мои, как некоторые уверяют, неблагоприятные поступки угодны самому Богу...

– Да, ламы определённо почитают вас избранным.

– Просто Монголии сейчас нужен избранный предводитель... – барон ненадолго замолчал, словно потеряв нить разговора, и тут же, как это случалось уже не раз, неожиданно заговорил совсем об ином. – Если бы я не был рождён бароном, я, признаюсь, хотел бы родиться простым монголом-пастухом. И ни за что бы не променял жизнь кочевника на скучную жизнь горожанина. Они, как и тысячу лет назад, живут в единстве с природой, являясь всё это время рациональной частью мироздания. Просто живут – и радуются жизни! Без излишеств, без ... без политики в конце концов...

– И тем не менее, эти пастухи тоже взяли в руки оружие... – смело возразил Оссендовский.

– Не все! – живо возразил барон. – Жители Урянхая сойоты гордятся тем, что являются истинными буддистами; они исповедуют совершенное учение святого Рамы¹ и приобщаются одновременно к глубочайшей мудрости Шакьямуни². Сойоты – последовательные враги всяческих войн и вообще любого пролития крови. В тринадцатом веке они предпочли покинуть свои исконные земли и уйти на север, нежели сражаться за Чингисхана и стать подданными его империи. Хотя грозный завоеватель мечтал видеть в рядах своего воинства этих великолепных наездников и метких лучников. Трижды

---

¹ Наряду с кришнаизмом, начиная с XI века культ Рамы стал одним из двух главных культов индуизма.

² Будда Шакьямуни, дословно «Пробуждённый мудрец из рода Шакьев» – легендарный основатель буддизма.

приходилось сойотам отходить на север, чтобы уклониться от службы в войсках захватчиков, зато до сих пор никто не может сказать, что они запятнали себя кровью...

– И вы, боевой генерал, восхищаетесь ими?

– Скорее преклоняюсь перед незыблемостью их убеждений! Возлюбив мир, сойоты неколебимо отстаивают его. Даже жестокосердные китайские правители не смогли в полной мере насадить в этой мирной стране свои бесчеловечные порядки. Подобным же образом проявили себя сойоты и теперь, когда обезумевшие от крови и злодеяний русские принесли с собой заразу на их землю...

– То есть в вашей дивизии нет урянхов? А среди красных?

– Надеюсь, что тоже нет! Но вот кого я бы определённо хотел видеть среди своих приверженцев...

Барон Унгерн был удивительным человеком: с одной стороны, он не боялся ни Бога, ни чёрта, а с другой, слепо верил во всяческую мистику. В этом Оссендовский убедился, когда приехал давний приятель барона – бурятский князь Джам Болон – и пригласил их в гости в свою юрту.

Странная дружба барона-тевтона и князя-азиата завязалась, когда Джам Болон специально прибыл в Забайкалье, чтобы уговорить генерала Унгерна освободить Богдо-гогена из китайского плена. И сейчас они говорили в основном о пережитом: о былых сражениях, о павших друзьях. Оссендовский слушал сначала очень внимательно, потом откровенно стал дремать, временами даже теряя нить их разговора – сказывался напряжённый день.

Около полуночи Джам Болон встал и вышел из юрты.

– Хочу ещё раз узнать свою судьбу, – сказал, как бы оправдываясь, барон Оссендовскому. – Мне уже неоднократно предсказывали близкую смерть. Но рано умирать, ведь дело моё ещё не закончено!.. Сейчас князь приведёт ясновидящую, которая, как он утверждает, никогда не ошибается в своих предсказаниях.

Через какое-то время бурятский князь вернулся с маленькой женщиной, которая тут же, по-восточному на корточках, уселась перед огнём и, поклонившись несколько раз, впилась взглядом в барона. Лицо её было блее и тоньше, чем у типичных монголок, а глаза, наоборот, были пронзительно чёрными. По матери в ней, как потом выяснилось, текла цыганская кровь, да и облачением она напоминала скорее цыганку, чем азиатку.

Тем временем гадалка вытащила из кожаной сумы небольшой мешочек, из которого извлекла пучок сухой травы и птичьей кости. Бросая в огонь траву, она что-то довольно долго шептала себе под нос. По юрте распространилось пряное благовоние, от которого у Осендовского закружилась голова и учащённо застучало сердце. Он взглянул на барона – тот замер и не отрывал взгляда от женщины...

Как только трава сгорела, гадалка положила на угли птичьей кости и стала осторожно переворачивать их с боку на бок бронзовыми щипцами, а когда кости почернели, принялась внимательно изучать их. Лицо её всё больше мрачнело, а затем внезапно исказилось страхом и болью. Сдёрнув со своей головы платок, она задёргалась словно бы в судорогах, отрывисто выкрикивая бессвязные слова:

– Вижу... Вижу Бога Войны... Жизнь уходит из него... ужасно... Потом тень... чёрная, как ночь... Тень... Осталось сто тридцать шагов... И мрак... Больше ничего... Я ничего не вижу... Бог Войны исчез...

Унгерн обречённо понурил голову, а в юрте князя воцарилось гробовое молчание. Но тут барон порывисто вскочил на ноги и стал кружить вокруг жаровни, тоже что-то бессвязно шепча. Наконец, остановился и быстро заговорил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Я умру! Умру!.. Но это неважно, неважно... Дело начато, и оно не погибнет... Я продвигу, как оно будет продвигаться. Потомуки Чингисхана разбужены, невозможно погасить огонь в сердцах монголов! В Азии возникнет великое государство от берегов Тихого и Индийского океанов до Волги. Мудрая религия Будды распространится на северные и западные территории. Дух победит! Появится новый вождь – сильнее и решительнее Чингисхана и Угедей-хана, умнее и милостивей султана Бабера¹. Он будет держать власть в своих руках до того счастливого дня, когда из подземной столицы поднимется Царь Мира. Почему, ну почему в первых рядах воителей буддизма не будет меня? Почему так угодно Карме? Впрочем, значит, так надо!.. А России нужно прежде всего смыть с себя грех революции, очиститься...

Таким барон был в жизни: абсолютно бесстрашным в кровопролитных схватках с врагами, и полностью зависимым, как самый беззащитный и тёмный пастух, от различных предсказаний...

---

¹ Потомок Чингисхана (годы жизни 1483–1530), завоеватель Индии и основатель Могольской династии. Его правление землями Индо-Гангской равнины было отмечено передовыми реформами.

И ещё одна встреча, состоявшаяся в главном храме Урги, произвела на Оссендовского столь же неизгладимое впечатление... Тогда медленно раскрылась дверь, и на пороге появился первый человек Монголии – Живой Будда, Его Преосвященство Богдо Джебтсунг Дамба хутухта. Хан Внешней Монголии оказался довольно тучным пожилым человеком с бритым одутловатым лицом, на нём был надет монгольский халат из жёлтого шёлка, подпоясанный чёрным поясом. Богдохан чем-то напомнил Оссендовскому римских кардиналов. Сквозь распахнутую дверь можно было видеть и часть молельни: большой стол, заваленный книгами – некоторые были раскрыты. Книги также лежали и на полу; там же жаровня с раскалёнными углями; корзина с лопатками и внутренностями барана, приготовленными монахами для гадания...

Несмотря на слепоту, Его Преосвященство хорошо ориентировался в помещении – он направился напрямиком к Унгерну. Барон склонился перед Богдо-гогеном в низком поклоне, а тот, возложив на его голову руки, зашептал слова какой-то молитвы. Затем Живой Будда снял с себя образок, повесил его барону на шею и произнёс:

– Ты не умрёшь, а перейдёшь в высшую форму бытия, – он выговаривал слова медленно, словно в раздумье. – Помни об этом воплощённый Бог Войны, хан благодарной Монголии...

Уезжая, Оссендовский размышлял об Унгерне – этом странном и донельзя противоречивом человеке: «Он мнит себя избавителем человечества от всех напастей. Как и Живой Будда, он уверен в своей избранности и в своём высоком предназначении. Это можно считать и признаком сумасшествия, если бы... Да, если бы не все те мистические знамения и не менее мистические события, которые происходят вокруг него. Пули барона минуют, во всяком случае так утверждают окружающие его офицеры; барон словно бы ищет их, но за годы германской и гражданской войн не был даже легко ранен. Это может говорить лишь о том, что некие высшие силы берегут его для каких-то только им известных целей. Да, барон боится, что в случае предсказанной смерти его планы могут остаться неосуществлёнными, поэтому он и рассчитывает на меня... Но нельзя же изображать его таким, зачастую противоречащим самому себе? Тот, каким он видит себя и тот, каким его увидел я – это два абсолютно разных человека! Значит просто-напросто придётся поступиться частью моих записей...»

* * *

В солнечный майский день во всех полках Азиатской дивизии призывно запели трубы: «Всадники, други, в поход собирайся...» Барон Унгерн решил закончить мирное житье в Урге и начать боевые действия против красных: либо сломить их, либо сломить голову себе. И первой его целью был город Троицкосавск¹.

В отличие от первых боёв за Ургу, все русские всадники теперь были одеты в тёмно-синие шёлковые монгольские тарлыки вместо шинелей и в фуражки с шёлковым верхом. Башлыки за плечами – тоже шёлковые изнутри, причём у каждой сотни своего цвета. Все при шашках, винтовках и ташурах², на плечах погоны с серебряным двуглавым орлом и номером полка. Азиатская дивизия и выглядела теперь совсем по-азиатски...

Позднее, когда унгерновцы выдвинулись к русской границе, в Цогчине³ и в храмах Гандана⁴ ламы отслужили молебны о даровании барону победы. Ламы были искренни в своих молитвах, так как в победе Унгерна они видели единственный способ избавиться от диктатора-чужеземца. От поражения же ничего хорошего ждать не приходилось: в таком случае либо он сам должен был вернуться обратно в Ургу, либо на смену ему придут красные. И Богдохан, и его министры рассчитывали, что в случае победы Унгерн навсегда останется в своей России. Но монгольская знать глубоко заблуждалась, ибо барон вынашивал совсем иные планы: победа над красными в Забайкалье была для него не целью, а средством укрепить своё положение в Урге, где в последнее время он стал себя чувствовать достаточно шатко. Конечной же целью его по-прежнему оставалось возрождение империи Чингисхана и реставрация династии Циней, к которой, благодаря женитьбе на маньчжурской принцессе, он себя относил.

В самой же дивизии особого воодушевления по поводу этого похода не было. Мало кому хотелось менять спокойное сидение

¹ В 1934 г. вошёл в состав города Кяхта в Бурятии.

² Полуторааршинная трость, один конец которой обматывался ремнём. Монголы использовали ташур вместо нагайки для лошадей, в Азиатской же дивизии он стал обязательным атрибутом экипировки.

³ Бывший главный буддийский храм, находящийся на территории Улан-Баторского монастыря Гандантекчинлинг.

⁴ Буддийский монастырь Гандантекчинлинг в Улан-Баторе поныне является архитектурным комплексом из нескольких храмов.

в Урге на войну с красными, но так же мало кто решился бы высказать своё недовольство вслух. Унгерна боялись все, а кое-кто и попросту ненавидел барона, но в его удачу продолжали верить. Соотношение сил в предстоящей войне в расчёт никем не принималось, ибо взятие Урги, когда китайцы были побеждены вдесятеро меньшей по численности армией, показало бессмысленность подобных расчётов. Время крови, дикости, всеобщего озверения было одновременно эпохой случайностей и даже чудес. Казалось гири, склоняющие чаши весов то в одну, то в другую сторону, не имели постоянного веса, а просто подчинялись воле смелых и решительных. В считанные дни рушились режимы, казавшиеся незыблемыми, рассеивались и переставали существовать многотысячные армии, горстки фанатиков поднимали мятежи и почему-то побеждали. Как будто на стороне отдельных людей выступали высшие небесные силы...

Азиатская дивизия продолжала верить в своего командира. Правда раньше барон воевал или с китайцами, или с партизанами и не многим отличавшимися от них войсками «буфера» – Дальневосточной республики¹, а о регулярных красноармейских частях имел представления самые смутные. Так что о том, с каким противником им предстоит встретиться, унгерновцы не имели ни малейшего понятия. Разведки по сути дела тоже не было, и дивизия шла в полную неизвестность. На сочувствие сибирских крестьян Унгерну так же рассчитывать особо не приходилось: «семёновщину» в Забайкалье слишком хорошо помнили. В казачьих станицах и бурятских улусах к Советской власти относились безо всякой симпатии, но и силу её, в отличие от силы единственной дивизии Унгерна, сознавали – поэтому воевать с красными не хотел никто, тем более в самую посеивную страду. Таким образом планы Унгерна поднять здесь всеобщее восстание были построены даже не на песке, а скорее на воздухе. Барон шёл за призраком, хотя этого же призрака в глубине души побаивались и его враги – Советская власть.

В районе, куда направлялась дивизия, из постоянных войск находились лишь цирики² Сухэ-Батора, несколько партизанских отрядов и пехотная бригада войск Дальневосточной республики

¹ Дальневосточная республика (ДВР) была провозглашена 6 апреля 1920 года Учредительным съездом трудящихся Прибайкалья. Охватывая территории Забайкалья и российского Дальнего Востока, она фактически являлась буферным государством между Советской Россией и Японией.

² Монгольские солдаты.

в семьсот штыков, так что серьёзной угрозы для унгерновцев они не представляли. Зато сконцентрированные у границы ДВР силы Советской России были гораздо значительнее и, не в пример Азиатской дивизии, разведывательные службы в Пятой Армии имелись и не бездействовали. Тем не менее, до последнего момента мало кто верил, что Унгерн посмеет перейти границу: в военном отношении такое предприятие казалось настолько безнадёжным, что его попросту не принимали в расчёт...

* * *

В один из дней дозорные Азиатской дивизии задержали странную пару. Один русский, с огненно-рыжей шевелюрой, с подполковничьими погонами, был одет в щёгольски новую форму российской армии, а другой, невысокий и сухощавый – явно японец – был в военной японской форме, но без знаков различия. Судя по новенькой амуниции и свежим лошадям, в пути они были совсем недавно...

Выйдя из своей палатки, Унгерн намётанным глазом сразу определил, что главным среди них является всё-таки японец: по тому, как подполковник всё время находился чуть позади и по тщательно скрываемому, но иногда всё же проскальзывающему в его взгляде подобострастию.

Тем не менее русский представился первым:

– Подполковник Стронский, Константин Александрович! А это господин Мияги, японский журналист.

– Чем обязан? – не слишком приветливо ответил барон, у которого с утра было отвратительное настроение да к тому же побаливала голова.

– Я сопровождаю господина Мияги, который хочет написать статью о вас, барон, как об освободителе монголов от китайского засилья. Японская пресса очень заинтересована в этой публикации, – Стронский замолчал и вопросительно взглянул на своего спутника.

Тот согласно кивнул, и подполковник продолжил:

– К сожалению, господин Мияги плохо говорит по-русски... Но всё прекрасно понимает! Поэтому, если вы, барон, не возражаете, мы можем продолжить беседу, где вам будет удобно.

Первым желанием Унгерна было послать этих двоих подальше, но, поразмыслив, он решил, что публикация в японской прессе впоследствии может сыграть ему на руку.

– Прошу в мою палатку, господа, – пригласил барон гостей и тут же приказал дежурному офицеру: – Принесите мне в палатку бутылку хорошего вина и что-нибудь из закуски!

Они расселись треугольником на ковре, и Унгерн обвёл гостей вопросительным взглядом.

– Беседовать, с вашего позволения, барон, буду я, – снова первым заговорил Стронский. – Мы с господином Миягой оговорили круг интересующих его вопросов. Повторяю, он неважно говорит по-русски, но всё прекрасно понимает.

– Ну, что ж, валяйте...

– О вас, как об очень интересном человеке, рассказывал полковник Хирояма...

– Сразу скажу, что это далеко не лучшая рекомендация, – барон поморщился и продолжил с нескрываемой злостью в голосе. – Ваш полковник бросил меня и увёл свой японский отряд как раз перед боями за Ургу. Не знаю, то ли испугался, то ли полковничье жалование в моей дивизии показалось ему недостаточным?..

– И тем не менее, он отзывался о вас только в превосходной степени!

– Ну, что ж, признателен ему хотя бы за это.

– Объясните, барон, почему вы оставили свой оплот – Ургу, и двинулись в неизвестность? Возможно там, в Забайкалье остались какие-то золотые запасы, за которыми вы решили вернуться? Иначе в этом походе нет абсолютно никакого смысла...

– В войне вообще мало смысла, господа, – Унгерн в который уже раз криво усмехнулся и продолжил, одновременно массируя виски кончиками длинных пальцев. – Пока моя дивизия нежилась в Урге, большевики начали резать по всей границе Монголии русских офицеров, которые пробирались ко мне. Вот и пришлось, на время отложив мои паназиатские планы, вмешаться и объявить им войну. Однако я надеюсь после победы над большевиками ещё вернуться в Ургу, чтобы оттуда разбудить остальную Азию. И уже с помощью единой азиатской армии – такой, как во времена Чингисхана, собираюсь вернуть народам покой и веру.

– Почему же вы разошлись с атаманом Семёновым, которого поддерживает и снабжает японское правительство?

– Я никогда не подстраивался под атамана Семёнова, а его заигрывание с японским правительством не по мне. Ради своих целей

атаман готов распродать Россию оптом и в розницу. Для меня же офицерская честь – это вовсе не отвлечённое понятие. И тем более, мне сугубо противна его «атамановщина».

– Но вы же приняли от него часть захваченного золотого запаса России.

– Да, принял девять миллионов. И всё до последнего червонца потратил на формирование Азиатской дивизии! Никто не посмеет упрекнуть меня в том, что я хотя бы малую толику потратил на себя.

– Согласитесь, девять миллионов рублей золотом, это ведь довольно много? – задал вопрос подполковник и снова покосился на невозмутимого японца.

– Семёнов, откровенно говоря, просто пожадничал! А вот куда он дел всё остальное золото – это вопрос, извините, не ко мне! – ответил Унгерн резко, и было заметно, что он себя едва сдерживает. – Да если бы я имел столько золота, сколько имел он, а тем более адмирал Колчак, я бы давно поднял весь Восток. И не замахиваясь на «единую и неделимую», создал бы Сибирско-Азиатский каганат с границей по Уралу. Государство, которое сумело бы себя защитить и от большевиков, и от кого угодно...

– О ваших планах, барон, охотно рассказывал и атаман Семёнов, правда с усмешкой на губах. А скажите, ваш брак с китайской принцессой из рода Джанкуй был чисто политическим шагом, то есть как часть этих планов?

– Можете мне не верить, но это было настоящее увлечение, – Унгерн впервые с начала беседы улыбнулся. – И в то время в этом браке не было никакой политики, ведь она приняла христианство, и обвенчаны мы были тоже в христианской церкви. Она приняла даже христианское имя Елена Павловна, но живёт сейчас в Харбине по простой причине: не могу же я её возить за собой в этой палатке?

– Тем не менее, вы стали ваном – маньчжурским князем второй степени – и могли бы занять государственную должность высокого ранга? Например, управлять какой-нибудь провинцией Китая. Согласитесь, неплохая политическая перспектива?..

– А Богдохан пожаловал мне титул монгольского хана! А в России я ношу титул барона! Так что государственные посты могу занимать в любой из этих стран! Тем не менее я здесь, в походной палатке.

– И всё же в вашей женитьбе все увидели, в первую очередь, политический смысл. Так что любовный мотив в статье господина

Мияги по-иному преподнесёт миру ваш образ... А кстати, как вы, барон, познакомились со своей невестой?

– У её родственника, генерала. Он был командующим китайскими войсками западного участка КВЖД¹ от Забайкалья до Хингана, а я в это время был комендантом станции Маньчжурия. Дальше, как водится, познакомились, приглянулись друг другу, обвенчались...

На этом, собственно, перечень вопросов был исчерпан. Японец за всё время беседы не проронил ни слова, а Стронский, сославшись на их усталость, попрощался и удалился со своим спутником отдыхать в палатку. Унгерн испытал сильное разочарование от того, что к его политическим планам японский журналист не проявил должного интереса, но вынужден был смириться. И вообще, как барону показалось, в их беседе осталась какая-то недоговорённость, двойственность...

Несмотря на уговоры задержаться, японский журналист засобирался уезжать уже утром, причём очень рано. Перед прощанием с гостями Унгерн как бы невзначай отвёл Стронского за палатку, подалее от внимательных глаз его спутника.

– Кстати, Константин Александрович, – заговорил барон вполголоса, – вы такой же рыжей масти, как и я, поэтому у монголов пользовались бы большим авторитетом.

– Почему?

– Они всех рыжих считают потомками Чингисхана.

– Даже если те не азиаты?

– Буддизм, знаете ли, не исключает, что очередное воплощение может происходить в других государствах и в иных национальностях...

– Я довольно слабо разбираюсь в их верованиях...

– И всё-таки, господин Стронский, не хотите ли остаться в моей дивизии? Мне нужны умные помощники.

– Знаете ли, барон, у меня остались некоторые обязательства перед господином Мияги, – чересчур поспешно начал оправдываться подполковник. – Не могу же я его просто бросить?!

– Главные обязательства у нас сейчас перед Родиной.

– И тем не менее...

---

¹ Китайско-Восточная железная дорога, которая проходила по территории Маньчжурии и соединяла Читу с Владивостоком.

– Жаль. Очень жаль... – барон с сожалением покачал головой.

– Да и надоела мне уже, если честно сказать, эта бесконечная гражданская война! – произнёс Стронский, скривив губы.

– А я, знаете ли, люблю матушку-Россию за то, что у нас хоть в одном углу да всегда дерутся! Так, помнится, говорил какой-то из кутузовских генералов?..

Прощаясь, Унгерн пожал руку молчаливому японцу и вдруг предложил:

– Я обратил внимание, господин Мияги, что вы без оружия! А здесь всё-таки зона боевых действий. Хотите, я подарю Вам маузер? Очень хорошее оружие.

– Моя, журналиста, не воюй. Но моя, господина генерал, смоги постоять себя.

И Мияги достал из разных мест – один из-за отворота френча, другой из кармана галифе – два маленьких одинаковых пистолета необычного голубого воронения.

– Ну, это дамские игрушки! – усмехнулся барон.

– Моя они никогда не подводил, – заверил журналист.

Унгерн проводил уезжающих гостей долгим взглядом и приказал горнисту играть утреннюю побудку. Впереди ждал неблизкий путь, и во главе своей Азиатской дивизии барон неумолимо двигался либо навстречу своей славе, либо к своей гибели. Ведь желая узнать своё будущее у гадалок и предсказателей, люди всё-таки не верят им до конца, полагая в душе, что конечной инстанцией в написании книги судьбы является один лишь только Бог, который вправе как принимать решения, так и отменять их. И никому из смертных, никаким, даже самым изошрённым гадалкам не под силу абсолютно точно предсказать твою судьбу. Потому что это ему, Богу, решать: прервать жизнь своего сына земного или раз за разом спасать его от неминуемой смерти до тех самых пор, пока он не исполнит своё неведомое предназначение. Ведь твои идеи окружающие считают сумасшедшими лишь до тех пор, пока ты в меньшинстве, и кто знает, может быть совсем скоро в бурятских, монгольских и джунгарских юртах, у киргизских, калмыцких и тибетских костров станут слагать легенды о потомке крестоносцев и пиратов, утвердившем на Земле единую жёлтую веру?..

Глава 6. Железный батыр Цетинжин

Иногда чей-то поступок или какое-то событие, участники которого даже не представляли его значимости, может в корне изменить ход мировой истории. И уже никакие силы, никакие влиятельные лидеры не в силах что-либо исправить, поскольку невозможно повернуть время вспять, невозможно вернуться в ту роковую точку начала отсчёта новой истории...

В июне 1921 года китайский правитель Маньчжурии Чжан Цзолин торжественно перенёс свою ставку на станцию Маньчжурия и готовился отдать войскам приказ войти в Монголию – но его опередила Москва. Первым начав боевые действия, Унгерн оказал своим злейшим врагам большевикам поистине бесценную услугу: он дал Москве долгожданный предлог для вторжения. Ещё год тому назад красные попросту не рискнули это сделать, опасаясь быть втянутыми в войну с Китаем, но своими победами под Ургой и на Калганском тракте барон сам же расчистил им путь в Халху. Теперь Пекину не оставалось ничего другого, как с грустью наблюдать за новым поворотом событий в отныне уже безвозвратно утраченной провинции. Проявленная нерешительность китайского правительства в монгольском вопросе, а также дружественное отношение нового руководства и монгольского населения к Красной Армии позволяли советским вооружённым силам беспрепятственно оставаться здесь неопределённо долго. Так что Монголия фактически превратилась в сферу влияния Советской России, и такое положение дел вскоре было окончательно закреплено официальной просьбой монгольского правительства не выводить части Красной Армии из страны.

Таким образом в Монголии большевики смогли полностью реализовать установку Коминтерна на оказание поддержки национально-революционному движению на Востоке, недаром в 1926 году Николай Рерих привёз вождям Советского Союза восторженное письмо тибетских Махатм: «В Гималаях мы знаем совершаемое вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий; вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков; вы разрушили тюрьму воспитания; вы уничтожили семью лицемерия; вы сожгли войско рабов; вы признали, что религия есть учение всеобъемлющей материи; вы при-

знали ничтожность личной собственности; вы угадали эволюцию Общины, вы преклонились перед красотой; вы принесли детям всю мощь космоса. Мы признали своевременность вашего движения и посылаем вам всю нашу помощь».

* * *

Перейдя советско-монгольскую границу и с ходу разгромив унгерновские заслоны, части Пятой Армии двинулись на Ургу. Оказать красным серьёзное сопротивление было просто некому: Пятая Армия представляла собой поистине грозную силу. Лишь незначительную её часть составляли четыре приданных кавалерийских полка только что созданной в Троицкосавске Монгольской народной армии и сформированный из бывших сибирских партизан отряд под командованием Щетинкина. Тем более, что отряду Щетинкина отведено было действовать отдельно, в долинах рек Селенги и Джиды – в трудных горно-таёжных условиях. Это и понятно: кому как не бывшим партизанам воевать в местности, так напоминающей их родные сибирские места? Здесь каждое дерево и каждый камень защитят от пуль, а узкий распадок или скальная грива скроют от глаз противника, здесь птицы криком своим предупредят о приближении неприятельского разезда, а утренний или вечерний слабый ветерок донесёт запах костра, неосторожно разожжённого за много километров, здесь опытный глаз следопыта-охотника заметит свежий след не только на мокрой от росы траве, но и на каменистой тропе...

Так вот получилось, что вновь очутился Пётр Ефимович Щетинкин вдали от родных мест, и опять на войне – кровавой и беспощадной. Столько лет он уже под пулями, в окопах, в седле, так что можно было бы, наверное, и обвыкнуться, и даже посчитать войну своей профессией... Но нет, никогда нормальный человек не привыкнет к смертоубийству: к тому, что его пуля ищет живое и стремится проникнуть в трепетное тело как можно глубже, что его шашку притягивает, словно магнит, чья-то горячая податливая плоть. Каждый раз словно бы убивает воюющий человек и часть себя – пусть не насмерть, но непременно очередная частица данной ему природой ли, Богом ли души отмирает. И веет от этой всё увеличивающейся раны смертным холодом... Разве привыкнешь к такому? И если спросить, когда и почему выбирают люди воинскую профессию, то все ответят одинаково: когда надеются, что их врагами будут какие-то нелюди-завоеватели, а не односельчане, не соседи по улице и не родные братья...

Об этом, наверное, размышлял командир Щетинкин, едучи на коне во главе отряда, а ещё вспоминал вызов в Москву, в Главный штаб Красной Армии, где получил личное указание Ленина: помочь народной монгольской революции. Запомнил его, оказывается, Владимир Ильич с той предыдущей встречи во время восьмого Всероссийского съезда Советов. И каждое слово, сказанное во время этой второй встречи Ильичом, запомнилось партизанскому командиру, будто всё было только вчера...

– О ваших подвигах в Сибири легенды ходят, товарищ Щетинкин, – говорил Ленин. – Кстати, места эти очень хорошо помнятся мне по ссылке: Шушенское, Минуса, Ермаковское... Крепко ваши партизаны били там колчаковцев. Да и о героизме вашего сибирского отряда в боях с Врангелем в Крыму рассказал мне товарищ Фрунзе. Он, помнится, назвал вас «сибирским Чапаевым»... Вот мы и решили поручить вашему героическому сибирскому отряду и вам лично архиважное дело. С бароном Врангелем покончено, но остался ещё один недобитый барон – Унгерн. Ваш партизанский опыт очень бы пригодился в борьбе с ним...

То же самое говорили ему уже в Иркутске и монгольские товарищи – Сухэ-Батор с Чойбалсаном:

– Против народной армии сплотились и китайские с японскими интервенты, и Унгерн с монгольскими князьями. Ваш опыт партизанской войны нам просто необходим...

Таким образом снова продолжилась его партизанская война, только не колчаковцы преследуют их по тайге, а он сам теперь преследует унгерновцев по лесистым горам Северной Монголии. А генерал Унгерн, что бы о нём ни говорили, противник достойный. Как рассказал один из захваченных его офицеров, барон является человеком кристальной честности, отчасти жестоким по отношению к провинившимся офицерам, но не к солдатам и населению. Он безумно храбр и не признаёт никаких компромиссов.

«В этом-то и заключается, пожалуй, слабое место Унгерна, – размышлял Щетинкин. – Пока удача была на его стороне, барону прощали бескомпромиссность, а при первых же поражениях колеблющиеся сразу же покинут его. Тем более обиженные им офицеры...»

В своих же бойцах-партизанах Щетинкин абсолютно уверен. Эти не отвернутся при неудаче, не побегут даже под напором пре-

восходящих сил противника, не купят себе пощаду ценой предательства. Вон весело болтает с едущим рядом дружкойм Каркеем Султрековым неунывающий Пашка Ведмедь. И с германской дезертировал, и у колчаковцев служил, а верит ему Щетинкин как самому себе. Случись Пашке оказаться в безвыходном положении – жизнь отдаст без раздумий за боевых товарищей и за своего командира...

* * *

Уже в начале июля экспедиционный корпус Пятой Армии и монгольские части Сухэ-Батора вступили в Ургу. Начальник дворцовой стражи Богдо-гогена, сообщая о готовности Живого Будды признать революционное правительство, торжественно встретил их на расстоянии десяти вёрст от столицы – так в былые времена встречали пекинских наместников. Затем Сухэ-Батор, осенённый красным знаменем и сопровождаемый непрерывно трубящим трубачом, проехал по середине главной улицы столицы, а по обеим её сторонам, вдоль домов скромно тянулась красная пехота. Дипломатичный командующий корпусом Нейман строго соблюдал азиатский этикет...

Уже три недели прошло после боёв под пограничной Кяхтой, где Азиатская дивизия потерпела поражение и отошла, но Унгерна никто не искал, никто не гонялся за ним по горам и лесам Северной Монголии – он, как это ни удивительно, был предоставлен самому себе. И Нейман в Урге, и Матиясевич в Иркутске, и Блюхер в Верхнеудинске¹, недавно сменивший Эйхе на посту главкома Дальневосточной республики, были уверены, что смертельно раненный медведь Унгерн уже не сумеет зализать свои раны. А раз опасаться нечего, не стоит тратить и силы, чтобы добивать издыхающего зверя.

Но красные глубоко заблуждались: «издыхающий медведь» сумел переформировать свою Азиатскую дивизию, и она снова представляла собой грозную силу. А вслед за дурными новостями из Урги в лагерь унгерновцев на Селенге дошли и обнадеживающие: о вторжении японцев в Приморье. Правда, в отличие от первых, которые были абсолютно точными, вторые оказались искажёнными до полной неузнаваемости громадным расстоянием. Сведения о перевороте, предпринятом в конце мая во Владивостоке братьями Меркуловыми при поддержке Токио преобразились в слухи о том, будто

---

¹ С 1934 года называется Улан-Удэ, столица Бурятии.

японцы начали новое наступление от Тихого океана на запад, и уже вступили в Забайкалье. И Унгерну представлялось, что наконец-то исполнились обещания, данные ему атаманом Семёновым, поэтому барон загорелся надеждой встретить атамана где-нибудь на полпути между столицей ДВР Верхнеудинском и Читой...

Соотношение сил красных и унгерновцев на границе неожиданно изменилось на противоположное, поскольку основные силы красных ушли в Монголию – и теперь остановить Унгерна было некому. Он стремительно двинулся на север, к концу июля выйдя к берегам Гусиного озера, и по пути во все стороны рассылал своих вербовщиков. Но волонтёры так и не появились – дивизия занимала пустые сёла: в лучшем случае там оставались женщины, дети и старики. Все, способные носить оружие, или уже были мобилизованы, или скрывались от мобилизации в сопках. Первое время у барона ещё теплилась надежда на селенгинские станицы, где, как он утверждал, «живут самые верные казаки», но и там к дивизии не присоединился ни один человек...

Тем временем из Монголии подошёл Нейман, по пятам за «бешеным бароном» неотступно следовал столь же неистовый Щетинкин со своими конными партизанами, с севера приближался отряд особого назначения численностью в шесть пехотных полков. А по железной дороге из Иркутска спешно перебрасывались Кубанская дивизия численностью в тысячу сабель и другие оказавшиеся под рукой красноармейские части – так что общая численность противостоящих Унгерну войск вскоре составила пятнадцать тысяч. Соотношение сил было примерно такое же, как при взятии Урги, но противник, в чём барон уже имел возможность убедиться, был далеко не тот. К тому же от перебежчиков, пленных и местных крестьян стало, в конце концов, достоверно известно, что в Чите нет ни Семёнова, ни японцев. То есть Унгерн со своей дивизией оказался в Забайкалье один как перст...

Обложенный со всех сторон, словно волк охотниками, барон в какой-то момент даже «пал духом». Но после недолгой растерянности он повернул дивизию и уже по западному берегу Гусиного озера стремительно повёл её назад на юг. Правда, предугадав такое развитие событий и стремясь закрыть пути отхода в долину реки Джиды, предусмотрительный Щетинкин ещё раньше повернул

свой отряд наперерез Азиатской дивизии, а подоспевшие кавалеристы Кубанской дивизии сходу устремились вслед за отступающими. И тут Унгерну просто-напросто повезло... Возможно, красным и удалось бы окружить его, но азарт погони и накал ненависти был так велик, что столкнувшись по дороге, щетинкинцы и кубанцы приняли друг друга за казаков-унгерновцев и завязали бой, который вели в течение трёх с лишним часов. Поэтому кольцо окружения так и не сомкнулось вокруг Азиатской дивизии, ибо никто уже толком не знал, где она теперь находится. Удача снова, в который раз, выступила на стороне генерала Унгерна...

Барон ушёл в Монголию почти без потерь, если не считать перебежчиков и загнанных лошадей. Но сам факт, что Богдохан поддерживал правительство Сухэ-Батора, лишал барона последних иллюзий на Монголию как на оплот борьбы с мировой революцией. Наследники Чингисхана оказались недостойны сей глобальной миссии: большинство князей с необычайной лёгкостью перекрасилось в красный цвет, разом превратившись из друзей Унгерна в его заклятых врагов. Даже Максаржав¹, освобождённый бароном из китайской тюрьмы в Урге, предательски перешёл на сторону большевиков, даже ламы казалось начисто позабыли, что ещё совсем недавно провозглашали барона «Богом Войны», предтечей Майдари² и воплощением не то Махгалы³, не то Чжамсарана⁴. Теперь «возродивший государство великий батор», хан и цин-ван, обладатель трёхочкового павлиньего пера и жёлтых поводьев на лошади, спаситель Живого Будды, вернувший ему престол и изгнавший ненавистных гаминов, стал просто неудачливым полководцем, которого победили более сильные русские военачальники. Всего полгода назад Богдо-гоген писал Унгерну, что его слава «возвысилась наравне со священной горой Сумбер-Ула»⁵, а теперь ореол барона как великого воина и победителя врагов Монголии окончательно угас. И никто

---

¹ Хатан-Батор-Максаржав – монгольский военачальник, участник Монгольской национально-освободительной революции 1911 года, впоследствии военный министр Монголии и Герой Монгольской Народной Республики.

² Монгольское имя Майтреи – Будды Грядущего мирового периода.

³ В буддизме воинственный охранник и защитник учения Будды.

⁴ Другое имя Бегдзэ – грозное и главное защитное божество Монголии

⁵ Мифическая гора в центре мира, соединяющая землю с верхним и нижним мирами.

из монголов, даже сам Живой Будда в этот момент не предвидели, что вскоре предостережения барона по поводу пришельцев с севера во многом окажутся пророческими...

* * *

Закончилась горная тайга, а на дальнейшем пути партизан лишь степь – без конца и без края. Унылый и однообразный пейзаж без шелеста листвы, щебетанья птиц и говора ручьёв... Но представляется порою Пашке Ведмедю монгольская степь той, родной Койбальской, что за Енисеем, рядом с далёким домом. Действительно, много между ними общего: те же пологие холмы, изредка поросшие редким лесом с одной стороны и чахлыми кустами колючей акации с другой, те же голубоватые цепи далёких гор по всему горизонту; даже густые красно-фиолетовые заросли дикого абрикоса на склонах издали напоминают кусты сибирского багульника. А когда, зажмурив глаза, вдыхает Пашка полной грудью горячий, пахнувший степной пылью воздух – то и вовсе будто ощущает запах желанного дома. Так и едет, покачиваясь в седле, какое-то время с закрытыми глазами... Но это днём, а стоит заснуть – и неизменно являются в ночных грёзах ветвистые сосны вокруг деревни и могучий батюшка-Енисей, а то и желанные Очуры. Что ни говори, нет прекраснее любимой сторонки, даже если и не всегда она отмечена какими-то особенными красотами...

Степь впереди – бесконечная, однообразная и монотонная... Не отличаются степные пейзажи разнообразием, может, поэтому и сложил кто-то на голых вершинах холмов довольно высокие, в человеческий рост, сооружения из камней, которые издали можно принять за неподвижно застывших наблюдателей. А то ещё встречаются деревянный шест или большая ветка сухого дерева, закреплённые снизу камнями; а к ним привязаны кем-то множество разноцветных тряпочек и ленточек, часть из которых уже обесцветилась до грязно-белого цвета – так долго полоскались они дождями и выгорали под палящим солнцем.

- Что это? – спросил как-то Пашка монгола-проводника.
- Это обо, – ответил монгол коротко.
- А зачем они нужны?

Проводник хорошо знал русский язык и оказался на редкость словоохотливым, поэтому начал подробно пересказывать старинное монгольское предание:

– Чтобы попасть в монастырь Джахантси-Куре, в котором был спасён молитвами его матери То Син Ло потомок Чингисхана, надо перейти хребет Джагистай. «Мать-Земля и боги монгольские, – попросила она, – спасите потомка великого человека, прославившего Монголию по всему свету, не допустите гибели праправнука Чингисхана!..»

Временами порывы ветра относили голос спутника в сторону, и Пашка не всё слышал, но перебивать посчитал неудобным. И так всё понятно, а в любой легенде самым главным является её окончание: там и выводы, там и поучения, там и весь смысл.

–..Однако не поверив Джагистаю – демону Тарбагатая, она навлекла гнев Джагистая, который с тех пор стал опасен не только для плохих людей, но и для хороших. Вдова хана и её сын спаслись, но Джагистай сдержал своё обещание: проходя через перевал, нужно быть осторожным и смотреть в оба, ибо демон только и ждёт, чтобы погубить ни в чём не повинных путников. Потому вершины Тарбагатая так густо усеяны жертвенниками – обо из камней и сучьев, чтобы умиловать богов и получить прощение за неверие Та Син Ло...

«Можно верить или не верить сказке, – размышляет Пашка Ведмедь, – но по рассказам тех, кто не впервой преодолевал эти перевалы, демоны завсегда строят людям козни: то вызовут неожиданный холодный ветер, то засвистят и завоюют, будто стая разъярённой нечисти, а то могут даже среди лета напустить метель и засыпать снегом, вздымая вверх и бросая на людей целые снежные сугробы. А случается, что и коварно столкнут всадника вместе с лошастью прямо в пропасть. Много будто бы белеет на дне этих узких ущелий черепов верблюдов и лошадей, много разбросано по склонам костей неудачников, которые не знали обычая или забыли умиловать коварного Джагистая яркой шёлковой ленточкой на обо?..»

Пашка с Каркеем и ещё несколькими бойцами едут в передовом конном дозоре. Степь просматривается далеко вокруг: негде спрятаться конному, так что нет опасности попасть в засаду, под прицел вражеских винтовок. А пешему и подавно неоткуда здесь взяться. И не на чем остановить надолго взгляд: вокруг лишь рано побуревшая от зноя трава да корявые кусты колючей акации, а из живности лишь гордо парящие над головой коршуны да замершие неподвиж-

ными столбиками тарбаганы. Словно часовые, внимательно следят они за всадниками, чтобы при малейшей опасности подать тревожный сигнал для остальных и стремительно юркнуть в норку...

Подъехали к одинокой юрте с пасущимися рядом овцами и лошадьми, чтобы спросить, не проезжали ли здесь унгерновцы.

– Менге! Менге!¹ – приветствует перепуганный хозяин, прижимая руки к груди и беспрестанно кивая головой.

– Улан². Улан... – перешёптываются многочисленные и одинаковые, словно бы все на одно лицо, ребяташки, сгрудившиеся позади отца.

– Унгерновцы? Где унгерновцы? – спросил Пашка монгола.

– Цаган?³ – переспросил тот и медленно обвёл рукой вокруг себя, словно бы говоря, что они вокруг, по всей степи.

Действительно, откуда ему знать, с какой стороны появятся вооружённые всадники, и что за форма на них будет одета. В любом случае ничего хорошего ждать от этой встречи не приходится...

Как-то дружок Каркей, неожиданно расфилософствовавшись, сказал Пашке:

– Зачем им, монголам, эта война и наша революция? Мы для них всего лишь помеха в их спокойной жизни, которая, в конце концов, исчезнет сама собой. И всё здесь опять будет по-старому...

«Да, – подумал сейчас Пашка, снова мысленно соглашаясь с дружком, – здесь, где степям нет конца и края, а нового человека встретить можно лишь через недели, а то и месяцы, не может быть таких страстей, как в России. Здесь всегда было лишь извечное спокойствие: как и сто, как и тысячу, должно быть, лет назад. Иначе жить они просто не умеют...

* * *

Унгерну доложили, что в дивизию прибыл японский офицер от генерала Судзуки – командующего недавно ещё располагавшейся в Забайкалье японской армии. Появление японца было настолько же неожиданным, насколько и желательным в данный момент, поскольку могло внести ясность в обстановку и скорректировать дальнейший маршрут дивизии.

¹ Монгольское приветствие.

² Красные! (монг.)

³ Белые? (монг.)

Но в прибывшем барон с удивлением узнал того самого японского журналиста, что побывал у него вместе с полковником Стронским. Тем не менее барон поинтересовался:

– Не Вы ли тот журналист, с которым я беседовал не так давно?

– Мы знакомы, это моя, – японец согласно кивнул головой. – Настоящий зовут Хироси Масумура

– Быстро же Вы перевоплотились! – произнёс барон, не скрывая ехидства. – Не удивлюсь, если завтра окажетесь особой из окружения императора.

– Моя всего лишь майор японской разведка. Разведсика должна иметь много лиса, это еся главный путь к успех.

– А подполковник Стронский какое к вам имел отношение?

– Мы доверять друг друга. Скажу правда на правда: его – тозе сотрудник наса разведка.

– Значит, никакой статьи в газетах не будет, а просто японская разведка что-то вынюхивала в моей дивизии? – в голосе барона теперь сквозило разочарование и даже угроза.

– Мы хотела помогать генерала Унгерн.

– Что-то я сомневаюсь в искренности вашей помощи.

– Помось разведка полезна даже без искренность. Вам больсе, сем мне.

– Я думаю, господин Мацумура, Вы всё же переоцениваете значение разведки. Без неё, конечно, никак, но одна разведка победить в войне не может, тем более в такой.

– Война пятый год Япония на разведка дала двенасать миллиона золота, Россия пятьдесят тысяса год. И маленький Япония победила больсой-больсой Россия!

– Ну, на японскую финансовую помощь я даже и не рассчитываю! – Унгерн сделал пренебрежительный жест рукой, словно стряхнул с неё что-то невидимое и неприятное. – Вот если бы Англия или Америка... Но не желает, к сожалению, Антанта встревать в наши российские разборки. Мне почему-то кажется, что они больше симпатизируют объединённым единой целью красным, чем нашему разрозненному белому движению.

– Васа метода, васа зестокось пугает Европа. И дазе Япония...

– По-вашему я должен цацкаться с обывателями, которые не хотят сами воевать, не желают добровольно помогать нам, а мечтают просто отсидеться, как тараканы, за печкой? – барон разом утратил спокойствие и с трудом сохраняемую им доброжелательность. – Большевики просто-напросто мобилизуют под угрозой расстрела, реквизируют имущество – опять же под угрозой расстрела... Придумали очень удобный лозунг: «Грабь у богатых награбленное!» А нам что остаётся: миндальничать с богатыми, а грабить бедных, у которых просто ничего нет? Поэтому мне и приходится покупать всё нужное: оружие, амуницию, продукты и даже солдат. Благородно, конечно, но где взять столько денег? Те девять миллионов, которые отстегнул мне атаман Семёнов, давно закончились! Обыватель – сволочь, думающая только о собственной выгоде, солдат – сволочь, думающая лишь о том, как дезертировать... Я говорю об этом открыто, поэтому я для всех тиран и вампир!..

– Большевики выигрывают пропаганда, выигрывают мнений.

– Большевики говорят противоположное тому, что делают. Но им верят! – голос барона срывался и сам он, похоже, готов был вот-вот сорваться на истерику. – Наш народ глуп и доверчив, он верит красивым сказкам! Азия – вот спасение этого мира! Новый Чингисхан, вот что нужно азиатам! Чтобы он снова прошёл с огнём и мечом, чтобы снова установил железный порядок уже не на столетия, а на тысячелетия! История циклична: Азия была великой, потом – униженной, сейчас снова грядёт взлёт её величия!..

Осунувшееся лицо Унгерна вдруг передёрнула судорога. Было видно, что события последних дней не прошли для него даром и барон смертельно устал. Он вдруг закрыл глаза и стал массировать пальцами виски, потом снова уставил исподлюбья свой пронзительный взгляд на собеседника и ни с того ни с сего спросил:

– А вы знаете, майор, последние слова великого Чингисхана?..

И не дожидаясь ответа, продолжил:

– По заверению летописцев последнее, что он сказал перед тем, как навсегда закрыть глаза, были слова: «Я завоевал для вас огромные земли, но моя жизнь была слишком коротка, чтобы покорить целый мир. Это я завещаю вам...» Я, барон Унгерн, завоевал для монголов их страну, а они попросту предали меня!

– Вы, генерала, много говорить. Это беда всех русских.

– Это, к сожалению, беда всех европейцев, майор! Прежде, чем что-то сделать, они много говорят, а потом у них уже и сил на дела не остаётся...

– Слушай неудасы японский разведка помогай вам. Мы ждём генерала Япония. Сейсяс моя может принять любой сенности и открыть счёт на вас любой банк Япония. Вы будете Япония богатый селовек...

– К сожалению или к счастью, я гол как сокол. Моё богатство, это моя вера в «жёлтую расу», но, как сами видите, это богатство пока что не материально. Вам, господин Мацумура, с большими шансами на успех следовало бы искать сокровища в реке Орхон... – барон усмехнулся. – Согласно древней легенде, когда напавшие на Халху джунгары дошли до Эрдени Дзу, святой покровитель монастыря явился перед ними в окружении небесных львов. Джунгары бежали, и большая часть их потонула в Орхоне, за что китайский император возвёл реку в ранг князя пятой степени – туше-гуна. И положил, кстати, реке жалование в четыреста лан серебра каждый год. Так что ежегодно из Пекина приезжали чиновники и с соответствующими церемониями кидали деньги в воду. По моим подсчётам, за два с половиной столетия на дне скопилось где-то шестьдесят тысяч фунтов серебра...

Мацумура только слегка кивал головой, больше не перебивая решившего выговориться Унгерна. Майор сразу поверил, что у барона нет тех миллионов, о которых среди его сослуживцев ходили легенды. Да, золотой запас России, захваченный Колчаком, был немислимо велик – в «золотом эшелоне» будто бы находилось более шестисот пятидесяти миллионов рублей. Но ведь то золото огромными суммами депонировалось для приобретения в кредит винтовок у американской фирмы «Ремингтон», пулемётов Кольта у фирмы «Морлинроквель». Теперь только один эшелон, направлявшийся из Омска во Владивосток и захваченный атаманом Семёновым, заслуживал пристального внимания, поскольку золото растеклось ручейками где-то здесь, под боком. В поезде, по признанию Семёнова, находилось ценностей на сорок три с половиной миллиона рублей, но оно якобы было израсходовано атаманом на содержание своих

войск. И на такие вот экзотические цели, как попытка Унгерна привлечь монголов к борьбе против большевиков.

«От которых, – думал сейчас майор Мацумура, – похоже, тоже ничего не осталось...»

– Васи неудача, генерала, сыбко связан с командиром Щетинкин, – сменил тему Мацумура. – Я могу устранять его... За хоросий плата разумесса. Но моя нужна надежный помосника из васих офицер.

– Да, да! – воскликнул барон и в глазах его вспыхнуло какое-то дьявольское пламя. – Я ощущаю некую мистическую связь с этим штабс-капитаном Щетинкиным. Он поднялся из низов через свой военный талант, научившись воевать лучше, чем все эти хваленые генералы и адмиралы. Сейчас опять наступило время не политиков, а воинов. Как когда-то безграмотные мамлюки становились шахами только потому, что у них была ясная цель и сильное оружие. Щетинкин – мамлюк, и я тоже мамлюк. И дело даже не в том, что мы по разные стороны баррикад, а в том, что нам тесно на этой земле. Я слышал от очевидцев, что его тоже не берут ни пуля, ни шашка... Поэтому я обращаюсь к вам, господин Мацумура: уберите его – и я заплачу любую названную вами сумму. Если она будет мне по силам, конечно...

Мацумура умолчал, что инициатива убрать Щетинкина принадлежала не ему – это был приказ свыше. Но он всегда находил возможность иметь свою личную выгоду. В голове же Унгерна в очередной раз прозвучали недавние слова нищего монаха-странника, неизвестно откуда появившегося в лагере на одной из стоянок: «Вы умрёте раньше своего врага, но и он ненадолго переживёт вас. Это не будут собственные смерти – это будут подлые убийства. И только через много лет воинская ваша слава сравняется для потомков, но противостояние так и останется неразрешённым...»

* * *

Унгерн отошёл вглубь Монголии. Теперь спасением от преследователей могла быть только Маньчжурия, но до неё было очень далеко, а по пятам неотрывно шёл отряд Щетинкина, усиленный кавалерийским полком. И эта безжалостная погоня в конце концов

должна была настичь изрядно поредевшую Азиатскую дивизию...

Надвигающуюся катастрофу ощущал не только барон, но и вся его разношёрстная дивизия: люди стали угрюмыми, над вечерним лагерем больше не разносилось песен, и лишь ежевечерняя поверка говорила, что воинский дух ещё не совсем угас. После каждой поверки солдаты, как и прежде, выстраивались на поляне, и после команды «На молитву... шапки долой!» в небесную высь неслись разноязычные молитвы. Торжественно и стройно разносилось «Спаси Господи люди Твоя», заунывно звучало татарское «Иль Алла...», буряты пели молитву, отдающую стариною и тоской степи, в голос бормотали что-то китайцы, а японцы, наоборот, громко и слаженно пели свой национальный гимн. Потом разноголосый лагерь постепенно замирал и погружался в беспокойный сон...

По утрам же, после отдыха, Азиатская дивизия внешне снова выглядела боевой и дисциплинированной, хотя со стороны и являла собой достаточно экзотическое зрелище. Случайный наблюдатель был бы крайне удивлён, поскольку здесь можно было видеть русских солдат в длинных синих шинелях, монголов и тибетцев в красной форме с жёлтыми эполетами, на которых выделялась свастика – магический знак Чингисхана, а также китайских солдат, служащих в монгольской армии. Как это ни удивительно, но после поражения китайских войск две тысячи пленных обратились к Живому Будде с просьбой зачислить в его легионы, обязуясь служить верой и правдой. Просьба китайцев была удовлетворена, и в Азиатской дивизии создали два полка, солдаты которых носили на погонах и головных уборах старинную китайскую эмблему – серебряных драконов...

То, что дивизия доживает свои последние дни, понимал, наверно, даже самый отсталый монгол. Поход не удался – это было ясно, кольцо красных сжималось всё туже, продукты заканчивались, шёлковые тарлыки давно превратились в лохмотья, а ведь зима была не за горами. Так что настроение большинства было таким: повернуть назад на восток, к атаману Семёнову, который выглядел сейчас спасительным маяком, несмотря даже на то, что о нём давно не поступало никаких вестей.

Но Унгерн выбрал иной маршрут. Решение идти в Тибет – на первый взгляд неожиданное – вытекало из всех устремлений барона,

и было закономерным итогом его идеологии. Если под натиском революционного безумия пала Монголия, исполнявшая роль внешней стены буддийского мира, нужно было перенести линию обороны в цитадель «жёлтой религии», то есть в Тибет. Мысль об этом приходила Унгерну и раньше, в мае, когда он хотел снарядить послом к Далай-ламе Тринадцатому единственного человека, который, как ему казалось, мог по достоинству оценить его грандиозные замыслы – писателя Оссендовского.

Среди колеблющихся сейчас унгерновских офицеров были давнишние соображения в пользу данной версии: куда-то же пропала из Азиатской дивизии самая преданная Унгерну часть – тибетская сотня? Не исключали, что он сам отослал «тубутов» на родину, дабы они там провели предварительные переговоры, а с ними отправил и соответствующее письмо. Барон якобы кому-то проговорился, что написал Далай-ламе, надеясь, что тот с радостью примет его, как борца за веру и как врага китайских республиканцев. Это вполне могло быть правдой, ведь после свержения династии Циней, республиканцы всё активнее заявляли свои права на Тибет, который раньше подчинялся Пекину чисто формально. В ситуации, когда по югу Китая расплзалась «краснота», Азиатская дивизия могла бы очень даже пригодиться хозяину Поталы¹...

Но Тибет одному лишь Унгерну казался землёй обетованной и вместилищем тайной мудрости. Как для казаков, так и для мобилизованных в Урге колонистов это была дикая горная страна, где русскому человеку совершенно нечего делать. Ужас вызывала сама идея такой экспедиции, поэтому среди офицеров зрел заговор против барона, и они опасались лишь монгольского полка, который считал Унгерна своим «Богом Войны», да ещё преданного бурятского дивизиона, свято выполнявшего приказ отлавливать и расстреливать всех дезертиров.

– Мы хотим идти на восток и защищать наши кочевья, нам нечего делать в Тибете! – говорили Унгерну всё чаще азиаты.

– Мы готовы пробиваться к Семёнову, но Тибет русскому человеку – это смерть! – уже открыто, не боясь гнева барона, возражали рядовые казаки.

---

¹ Царский дворец и крепость, буддийский религиозный храм и место паломничества.

– Если пойдёте в Маньчжурию, – предостерегал барон, – на таком длинном переходе непременно начнётся голод, и вам придётся глотать кости друг друга, а красные уничтожат всех до последнего!

Барон непреклонно настаивал на своём, и заговор против него созрел окончательно. Победы сплывали абсолютно непохожих и даже случайных людей, поражения же, как и предполагал Щетинкин, внесли раздор в некогда сплочённую Азиатскую дивизию. Унгерн большинству представлялся уже не талантливым и удачливым командиром, а злым гением, стремящимся в угоду своей бессмысленной идее вести их неведомо куда на верную погибель...

Развязка наступила во время одной из вечерних поверок: построенные в шеренги солдаты молчали, офицеры прятали глаза. Совершенно один, без конвоя, начавший уже отчаиваться Унгерн объезжал ряды недвижимо замерших сотен и команд, то призывая их к верности присяге, то осыпая оскорблениями и проклятьями. Заговорщики же сжимали в руках оружие, но выстрелить в барона никто не решался – как и всегда, они ощущали необоримый страх перед своим командиром. Такое молчаливое противостояние не могло продолжаться вечно, и Унгерну уже казалось, что вот-вот автоматически сработает привычка солдат и офицеров повинаться каждому его слову. Он, в конце концов, сумеет подчинить их!..

Луна, появляясь из-за облаков, освещала лицо Унгерна, которое выглядело страшным: безумным огнём горели глаза, жутко звучал в наползающей на безмолвные ряды темноте его голос – но молчаливые, замершие шеренги как будто не слышали барона. Видимо, отчаявшись, он вдруг вздыбил коня и, развернувшись, поскакал в темноту. Вслед запоздало затрещали выстрелы опомнившихся от мистического страха заговорщиков, несколько раз даже стукнул пулемёт, но преследуемый градом пуль, ни одна из которых и на этот раз его не задела, Унгерн умчался прочь. Белая кобыла стремительно взлетела ещё на вершину ближайшего холма – и унесла своего седока в долину, погружённую в непроглядный глубокий мрак августовской ночи.

Никто из унгерновцев никогда больше не увидит своего командира, и что с ним произошло дальше, они узнают не скоро...

Глава 9. Крушение Царских надежд

Как правило, смерть не ставит точку в биографиях величайших героев и не менее великих злодеев. Современники ещё долго пытаются понять феномен их популярности, правители же стараются списать на них ошибки и проблемы, доставшиеся им якобы в наследство. И порой даже непонятно кто, злодеи или герои создали больше проблем, и ещё более непредсказуемо, память о ком проживёт дольше?..

За три с половиной года гражданской войны в Сибири красным не удалось пленить ни одного сколь-нибудь значительного белого генерала: Колчака выдали чехи, Зиневич¹ в Красноярске сам отказался воевать. На Южном фронте наблюдалась та же картина: все крупные военные деятели Белого движения или погибли, или ушли в эмиграцию. На всеобщее обозрение сумели выставить лишь выкопанное из могилы тело Корнилова. Унгерн, по сути дела, был единственным настоящим пленником с генеральскими погонами. Причём считалось, что его захватили на поле боя, а подлинные обстоятельства, при которых он попал в плен, старались не афишировать: на суде об этом умалчивали, в газетах писали, что барон схвачен вместе со своим штабом и охраной, и не сообщали о том, что Азиатская дивизия почти в полном составе пробилась в Маньчжурию. В советских газетах даже появились сообщения о том, что вместе с бароном захвачено девятьсот его всадников и три боевых знамени – то есть победители из понятных соображений всячески стремились преувеличить его силы. И в итоге, по сводкам Пятой Армии, возникла фантастическая, но дожившая до наших дней цифра – около десяти с половиной тысяч человек в составе Азиатской дивизии. Ведь просто невозможно было поверить, что с ничтожными силами генерал сумел причинить столько хлопот. Так что статистика тоже стала формой легенды о нём, ведь общую численность своих войск перед наступлением на Кяхту-Троицкосавск сам Унгерн определял максимум в три с половиной тысячи сабель...

Однако создав первоклассную по дисциплине и боеспособности Азиатскую конную дивизию, барон Унгерн в своей всепоглощающей ненависти к красным отдался стихийным порывам и из отца-командира постепенно превратился в маньяка, в результате чего боготворившая

---

¹ Зиневич Бронислав Михайлович, поляк, генерал, в декабре 1919 года возглавил белогвардейский мятеж в Красноярске.

его прежде дивизия подняла бунт. Огромную роль в этом сыграло и кровавое окружение барона, которое по какому-то таинственному закону практически всегда возникало вокруг идейных вождей борьбы за Белую идею, за Русь Православную. Кто знает, может сам Господь готовил для растерявшейся Руси испытание разрухой и безверием, ибо только через немислимые испытания и страдания прорастают истинная вера и всеобщая справедливость?..

* * *

Ни командир отряда Щетинкин, ни кто-либо из его красноармейцев не могли знать, что произошло ночью в стане Унгерна. Они шли по «горячему» следу Азиатской дивизии, и точный срок завершения операции предвидеть было невозможно. Пожалуй, его могли предсказать гадалки или те же ламы, но Щетинкин, в отличие от Унгерна, в мистику не верил...

Накануне вечером Пашка с Каркеем вызвались съездить на охоту. Не то чтобы с провиантом в отряде было плохо – всё выдавалось кашеварами согласно нормам – просто настоящим охотникам не больно-то хочется жевать приевшуюся баранину и постную конину, когда вдали то и дело видишь небольшие стада упитанных оленей-маралов. Поневоле тут захочется свежей и наваристой дичины!..

Неторопливо ехали они в сторону двух близко расположенных сопок, на покрытых довольно густым лесом склонах которых бойцы заметили в бинокль нескольких пасущихся маралов. Охота – дело добровольное, да и лишние люди в этом деле чаще не помогают, а мешают, вот и поехали друзья вдвоём, хотя и был, конечно, риск нарваться на случайный унгерновский разезд.

Пусто вокруг, только парят в безоблачном небе высоко над головой коршуны, высматривающие добычу, да пересвистываются сурки-тарбаганы, неподвижными столбиками замершие над своими норками. Они только кажутся лёгкой добычей, а стоит поднять винтовку, как тут же, словно чувствуя и понимая опасность, зверьки дружно ныряют в свои убежища. Недаром ленивый тарбаган в осознании монголов, это пример правильного поведения. Действительно, зачем торопиться до тех пор, пока тебе ничто не угрожает, если само время в этих бескрайних и веками неизменных степях словно бы остановилось?..

Лошадей друзья оставили пастись не доезжая с полкилометра до сопок, а сами по распадку между вершинами добрались до голлой седловины. Здесь, среди камней каменистой гривки охотники и устроили засаду. Прикинули, что всё равно маралы будут переходить из леска в лесок по открытому месту, да и на ночную лёжку они обычно устраиваются на опушке – а отсюда, из камней обзор во все стороны был исключительно хорош.

Так оно и случилось. Стадо, состоящее из крупного рогача и десятка самок-маралух с несколькими молодыми первогодками вышли с наветренной стороны в распадок: туда, где комаров сдувал лёгкий ветерок, да и в русле пересохшего ручейка трава ещё не выгорела окончательно. Тем не менее, держалось они на дистанции шагов в триста, словно чувствуя некую незримую линию, являющуюся гранью между жизнью и смертью, и никак не хотели приближаться к засаде.

– Похоже, ближе не подойдут, – зашептал Каркей, – а там и стемнеет. Ты лучше моего стреляешь, так что давай первым, а я уже следом...

Пашка кивнул и стал целить в грудь рогача. Далековато, правда, ну да винтовка у него хорошо пристреляна!

После выстрела бык-марал рухнул, словно подкошенный. Каркей двумя выстрелами уложил двух крупных самок. Сказал, словно извиняясь:

– Вообще-то я самок и молодняк не бью, но тут уж одно к одному. И разделявать на одном месте, и больше искать не надо, да и темно вот-вот станет...

Остатки стада в панике кинулись врассыпную и вскоре скрылись в кустах.

– Давай так, – предложил Каркей, – один за тачанкой поскачет, а другой пока туши разделявает.

– Если ты не прочь, разделявай сам, – ответил Пашка. – Не люблю я кровь: хошь человечью, хошь звериную, крест на пуп...

А когда ехали друзья назад следом за гружёной мясом тачанкой, всё ещё возбуждённый Каркей, заметив стоящих столбиками тарбаганов, вдруг рассмеялся и стал рассказывать:

– Видел я, как монголы тарбаганят. У них больше тарбаганий жир ценится, но и из шкурок тоже шапки шьют. Неплохие, кстати, шапки!

Каркей подъехал почти вплотную, чтобы его лучше было слышно и продолжил:

– Охотник одевается в белую одежду, даже на лицо надевает маску белую, но обязательно с длинными заячьими ушами.

Каркей показал руками длинные висячие уши и, предвкушая эффектный конец своего рассказа, заранее расплылся в улыбке.

– Вот он потихоньку приближается, приближается к тарбаганьей колонии, при этом ещё размахивает белым хвостом яка да приплясывает, словно пьяный. Это, значит, чтобы их внимание привлечь...

Каркей потянул поводья, чтобы объехать тарбаганью нору, и чуть приотстал. Сколько уже лошадиных ног переломано в этих глубоких норах, когда проваливается в её лошадиное копыто. При медленной езде лошадь ещё сама выбирает место, куда поставить ногу, но только не на всём скаку да в общей конной лаве, когда от скачущих впереди стелется густая пыль!.. Немало покалеченных лошадей приходится потом пристрелить, да и всадники не всегда отделяются просто ушибами...

– Вот и получается, – продолжил Каркей, снова поравнявшись, – что пугливые эти тарбаганы сначала удивляются, а потом поголовно вылезают из норок и в изумлении начинают пересвистываться: мол, смотрите, какое диво, где ещё такого ненормального косога увидишь?!

Пашка и то улыбнулся, представив такого несуразно огромного зайца и поголовное изумление тарбаганов.

– А охотник тем временем уже совсем рядом – и начинает стрелять. Причём не из ружья, иначе после первого же выстрела все прячутся, а из лука. С близкого расстояния пускает стрелу за стрелой с тупыми наконечниками, чтобы шкурку не попортить – а те стоят, вытянувшись, и ничего понять не могут. Вот один упал, словно бы от изумления, потом второй, третий...

«Смех, да и только, – думал Пашка. – Ведь пока зверька самого стрела не зацепит, он и вправду не сообразит, отчего другие падают. Может, думает, в самом деле от изумления?.. Правда и люди зачастую не разумнее этих тарбаганов: вокруг убивают одного за другим, а они всё думают, что их-то такое не коснётся. А несуразная смерть в белом саване, размахивающая косой, давно уж вплотную подобралась и, приплясывая, меж ими, дураками, ходит...»

* * *

А скрывшийся в ночи барон Унгерн метался по степи до рассвета. Лишь когда первые пурпурные солнечные лучи осветили землю – словно сам сатана сбросил на сопки свою огненно-красную мантию – барон увидел на опушке редкого леса большую конную группу. Это оказались дезертировавшие монголы, которые тут же открыли по приближающемуся барону беспорядочную пальбу. Однако Унгерн, не обращая как всегда внимания на свистевшие вокруг пули, бешеным налётом летел прямо к ним. Когда же он подскочил вплотную, стрелков обуял неопиcуемый страх: монголы соскочили со своих коней, дружно упали на землю и стали умолять пощадить их, поднявших руку на божество. И в этом для барона не было ничего удивительного, ибо монгольская молва гласила, что только Цаган-Бурхана – Бога Войны пули не берут.

Унгерн тут же молча направился к начальнику монгольского дивизиона Сундуй-гуну и стал уговаривать его помочь подавить мятеж. Так и не получив внятного ответа, вконец измученный барон приказал поставить для него палатку и, сказав, чтобы все пока отдыхали, заснул мёртвым сном.

А несколько сотен распростёртых на земле монгольских воинов, немного успокоившись, отползли от палатки, сгрудились и обсудили сложившуюся ситуацию. Довольно скоро пришли к единодушному мнению, что ничего хорошего от такой встречи ждать не приходится и барон непременно принесёт им всем гибель. После этого, посоветовавшись со своим командиром, к палатке поползли несколько самых отважных, а может, и самых безрассудных храбрецов. Они бесшумно проникли внутрь, кто-то накинул на голову спящего Унгерна тарлык – и все навалились разом. Торопливо связав осыпавшего их проклятиями барона верёвкой, а потом, отдавая поверженному «богу» поклоны, смельчаки так же бесшумно выскользнули наружу...

Естественно, что монголы не посмели убить своего Бога Войны, ведь они все были уверены, что просто не в силах это сделать, ибо предание гласит, что Цаган-Бурхана не могут убить обыкновенные смертные. И разве они не получили только что верное тому доказательство, когда буквально осыпали скачущего барона пулями, которые не причинили ему абсолютно никакого вреда? Все тут же торо-

пливо сели на коней и галопом помчались в разные стороны, чтобы дух всесильного Цаган-Бурхана не знал, кого из них преследовать и кому мстить...

А когда солнце перевалило уже за полдень, послышался топот лошадиных копыт – это был передовой красноармейский разъезд. Всадники осторожно подъехали к палатке, трое спешили и с винтовками наизготовку откинули полог палатки. Внутри лежал непонятный тюк...

Распахивая палатку, командир разъезда Ведмедь готов был увидеть кого или что угодно, но в ней оказался шевелящийся не то мешок, не то тюк. Когда же странный тюк развязали, сверкнул шитый золотом генеральский погон. Пашка не поверил своим глазам: перед ними был сам барон Унгерн.

– Продали, сволочи! – были первые и единственные слова пленённого барона.

Не веря в удачу и опасаясь, что это ловушка и что вот-вот нагрянут унгерновцы, пленного со связанными руками посадили на лошадь позади одного из красноармейцев – и поскакали к своим, в сторону озера Косогол. Опасались погони, красноармейцы всё время мчались налётом, время от времени пересаживая пленника с одной лошади на другую.

Барон же всю дорогу угрюмо молчал, но когда переезжали через быструю речку, вдруг рванулся – и упал в стремительный поток. Похоже, таким образом он хотел покончить с собой. С большим трудом нахлебавшегося воды Унгерна удалось выловить и вновь посадить на коня. На всякий случай пленника даже привязали верёвкой к впереди сидящему красноармейцу.

Как только кавалеристы доставили захваченного Унгерна к Щетинкину, тот распорядился срочно и под большой охраной доставить барона в Троицкосавск, в штаб экспедиционного корпуса Пятой Армии. Включил командир в охрану и отличившихся в дозоре бойцов, а командиру охранения вручил пакет со своим рапортом.

После Пашкиного рассказа о том, как пленный пытался утопиться, Унгерна не только связали, но и привязали к седлу – опасались, что он снова бросится в воду при какой-нибудь переправе, тем более, что часть пути до Троицкосавска предстояла по воде. И когда возле Усть-Кяхты барка из-за мелководья не смогла причалить, Ун-

герна даже не развязали – просто комбат Перцев на закорках перенёс его на берег.

– Последний раз, барон, сидишь на рабочей шее! – сказал Перцев со злостью, опуская ношу на траву.

Но барон, на которого, похоже, навалилось полное безразличие ко всему, промолчал, ничего не ответил.

В Троицкосавске Унгерна сразу же отобрали у сопровождавших представители командования Пятой Армии. Те же, кому он достался непосредственно, как это нередко и бывает, были отёрты в сторону более высокими чинами: их отослали с глаз долой, чтобы никто не помешал счастливую случайность превратить в героический подвиг. Вот так и получилось, что командиру разезда Пашке Ведмедю и его бойцам даже спасибо не сказали, а в телеграмме, срочно направленной в Москву, значились уже совсем другие фамилии...

После возвращения конвоя из Троицкосавска Щетинкин вызвал Пашку Ведмедя и, выслушав его, сказал задумчиво:

– Комбат Перцев мне всё доложил! Не обижайся, Павел Егорович, и не переживай: не всегда и не всех награждают, кого нужно. Может, твоя награда в том, что пули тебя минуют? А там, в Москве, возможно, и разберутся со временем? Верь мне, что крепко ты, Павел Егорович, отличился перед Советской властью! В царское время, как ты сам помнишь, за пленение вражеского генерала тебе определёнno георгиевский крест и повышение в чине полагались бы, а теперь даже и не знаю... Орден тебе по моему рапорту то ли дадут, то ли нет, а вот взводным тебя назначить в моей власти. Так что принимай взвод, герой!

Вот так, неожиданно-негаданно стал Пашка Ведмедь красным командиром. Но недолго довелось походить ему в начальниках: через неделю в стычке с вражеским разездом нашла-таки его шальная пуля и пробила навывлет лёгкое. А там госпиталь, лечение...

* * *

Положенный для поправки здоровья отпуск он выпросил в Минусинск. И то, хотелось отца повидать, да и сеструху Настёну. Подросла сестрёнка, поди женихается уже?.. А там, глядишь, и до Очур рукой подать, где ждёт его ненаглядная Катя-Катерина. И виделись-то с ней всего два раза: первый, когда прятался Пашка от колчаковцев в их бане, а второй – когда перед отправкой на врангелевский

фронт, рискуя опоздать в эшелон на станции Абакан, прискакал он из Знаменки на отцовской лошади, переправился через Енисей на чьей-то оставленной без присмотра лодке в Очуры и спросил напрямую:

– Будешь меня ждать?

Девка стрельнула глазами в его сторону и густо залилась краской. Можно было и не спрашивать во второй раз – и так всё было понятно, но Пашка повторил вопрос:

– Будешь меня ждать-то?

Вместо ответа Катерина обхватила его за шею и так поцеловала, что до сих пор, как вспомнит Пашка тот поцелуй, будто огнём жжёт губы...

Добирался на этот раз Пашка от Знаменки на попутной подводе. Как и в предыдущий раз, переплыл через Енисей в лодке и прошёл за околицей вдоль енисейского берега к заветной баньке. Остановился у знакомой калитки в изгороди, стараясь унять бешено заколотившееся сердце. Всё так же, всё по-старому вокруг... И вдруг услышал женский плач внутри бани: кто-то плакал горестно, навзрыд.

Прошёл Пашка через калитку, распахнул настежь дверь бани – и обомлел: вот она, его Катя-Катерина, сидит на скамейке и льёт горькие слёзы. Шагнул Пашка внутрь, подхватил на руки, прижал разом обмякшую девку к груди. Целуя в податливые губы, спросил настороженно:

– Что ж так убиваешься-то? Уж не по мне ли шибко стосковалась?..

– Кабы так... – тихо отозвалась Катя-Катерина, ещё крепче прижимаясь к широкой Пашкиной груди.

– Ну, так скажи, хто тебя обидел? Я его в труху сотру, крест на пуп!

– Да уполномоченный белоярский с начальником милиции приехали. В который раз уж сватает уполномоченный. Говорит, ежели жить с ним не соглашусь, то заберёт отца как контру, да и мне, мол, тогда не поздоровится!

– Он чево, в доме чичас? – спросил Пашка, свирепея.

– В доме. Он там со сватом своим да с отцом самогонку пьют. Навроде как помолвка...

– Ну, я им чичас!..

Пашка поставил Катю на пол и решительно направился из бани.

– Не ходи туда, Паша! – попыталась остановить его Катерина. – Давай, просто уедем от греха подальше. Согласная я...

– Я красный командир, с самим Щетинкиным воевал, – всё больше сатанел Пашка, – а тута крысы тыловые изгаляются над людьми! Души повытрясаю, крест на пуп!..

Вломившись в дом, Пашка решительно шагнул в горницу и обвёл её тяжёлым взглядом. За столом сидели трое: уже знакомый ему по давней встрече Митрич – отец Катин, рядом молодой чернявый мужик в кожаной куртке и кожаной фуражке – изрядно уже захмелевший, а напротив их – здоровенный парень в форме. На столе закуски и почти пустая бутылка самогона.

Вся подвыпившая компания озадаченно уставилась на Пашку.

– Ты кто такой есть? – задал первым вопрос «кожанка», подняв на Пашку неподвижный и словно бы неживой взгляд.

– Жених я Катеринин! – произнёс Пашка без обиняков. – А вот кто вы такие, что здесь расселись, как хозяева?

– Я власть! – повысил голос «кожанка». – Гольмер Исаак Моисеевич, здешний уполномоченный ВЧК. А это начальник белоярской милиции Зайцев. И таких-сяких женихов знать не знаем!

Он развернулся к Пашке и, расстёгивая кобуру на поясе, потребовал:

– Предьяви-ка, для начала, документы. Поглядим, кто ты есть!

– А я есть красный командир Ведмедь Павел Егорович, – тоже повысил голос Пашка. – Нахожусь здесь в законном отпуске после ранения! Так што попрошу покинуть дом, да пошибчее...

– Ага, теперь понятно, – Гольмер вытащил револьвер и, взведя курок, многозначительно положил его на стол перед собой. – Ещё одна контра, похоже, объявилась?..

– Да я тебя за таковские слова... – Пашка аж задохнулся от ярости. – Рога пообломаю, мать твою!

– Во, как заговорил, – Гольмер зло усмехнулся. – Фиксируем угрозу законной власти в доме пособника контрреволюции.

– Да вы што, мужики, сдурели нахрен? – возмутился Пашка, сразу осознав, что ему и Митричу «лепят». – Да я сам, кода партизанил в здешних местах, в ево бане прятался!

– А мне вот доподлинно известно, что сей Коновалов Тимофеевич принимал в своём доме белых офицеров и лично содействовал акциям против красных партизан. В том и свидетели есть! Так что в его бане ты мог пребывать, как я понимаю, лишь в единственном случае...

– Ну, здесь у тебя ничё не выйдет! – возразил Пашка, немного уже успокоившись. – У меня тож свидетели найдутся.

– Да ты и сам-то, поди, из казаков?

– А у нас кто коренные сибиряки, те все из казаков! – не сдержался Пашка. – Вот пришлые, они из всяких...

– Из каких это из всяких? – спросил со злостью Гольмер. – Ты что тут, контру разводишь?

– Из всяких и есть, – сообразив, что его слова можно истолковать по-разному, попытался пойти на мировую Пашка. – Со всей почитай Расеи.

– Вот, всё сказанное тобой и доказывает, что ты тож контра колчаковская! – заявил Гольмер прямо Пашке в лицо и зло сощурил глаза. – А посему сейчас мы тебя арестуем и препроводим в Белый Яр, а потом и в Минусинск с соответствующим рапортом.

Пашка, хотя и был уверен, что в Минусинске во всём разберутся, но от такого нахальства просто опешил. Не найдя слов, шагнул к сидящему Гольмеру и, наклонившись, поднёс к самому носу того свой кулак:

– А этто видел, гнида тыловая! Не будь я красный командир, я б с тобой по-мужицки поговорил, крест на пуп. А уж в Минусинске, не сумлевайся, разберут, кто есть кто!

Может, на этом и закончился бы конфликт, если бы усадили Пашку за стол и за стаканом самогона успокоившиеся мужики повели бы беседу о прошлых боях и о новой жизни – и всё встало бы на свои места. Но сидевший напротив милиционер, видимо, уверенный в своей силе, крепко ухватил Пашку за ворот гимнастёрки.

Ох, не надо было ему этого делать, потому как в следующий миг Пашкин кулак оторвал парня от пола и отшвырнул в угол горницы. Падая, милиционер ударился затылком о дверной косяк – и распластался неподвижно поперёк выхода.

В этот момент Гольмер успел-таки схватить со стола свой револьвер, но Пашка уже озверел и не помнил себя. Захватив в свою

огромную пятерню эту руку с револьвером, он с силой ударил ею о край стола. Послышался хруст ломаемой кости, потом дикий крик Гольмера – и револьвер с грохотом покатился по полу, прямо к лежащему неподвижно милиционеру.

Приходя в себя, Пашка услышал тихий, еле слышный после всего этого шума и грохота, голос Катерины:

– Что ж ты наделал, Паша? Что ты наделал...

Так с этими снова и снова звучащими в голове словами и просидел Пашка, пока Катя с Митричем перевязывали раненых. Потом пришли в дом вооружённые милиционеры и забрали всех, а через час повезли назад, в районный центр Белый Яр: на одной подводе связанного Пашку, на другой раненых – уполномоченного ВЧК Гольмера и начальника милиции Зайцева.

После нескольких допросов Пашка понял, что не помогут ему красноармейские заслуги и грозит ему пусть и не расстрел, но серьёзный срок по контрреволюционной статье в исправительно-трудовом лагере. Из показаний Гольмера вытекало не только организованное нападение Ведмеда на органы Советской власти, но и долговременное пособничество сначала колчаковцам, а потом и затаившимся контрреволюционерам. Прикинув, что никто ему теперь уже не в силах помочь, пусть даже сам Щетинкин, который сейчас за сотни вёрст, Пашка бежал из-под стражи, не дожидаясь суда.

Куда идти? И потянуло Пашку снова в Очуры, чтобы хоть одним глазком увидеть Катю, повиниться перед ней, что загубил не начавшуюся практически их любовь. Затемно прокрался вдоль околицы к заветному дому, но оказалось, что дверь заколочена досками крест-накрест. Выходит, хозяйева тоже арестованы и надо искать их в лучшем случае в Минусинске, а то и того дале. Велика Сибирь, много в ней тюрем и острогов, чтобы затеряться человеку на долгие годы, а то и навсегда...

Сидел Пашка на берегу протоки за селом и плакал, хотя вроде бы и не по-мужицки это. Но сейчас плакал и слёз своих не стыдился, поскольку были это слёзы обиды. Выходит, всё напрасно: и любовь он свою погубил, не сумел защитить, и Петра Ефимовича подвёл. Так что нет ему ни счастья, ни прощенья на этом бе-

лом свете! Неизвестно, где Катя, но искать её ему, объявленному вне закона, это только ещё хуже сделать. Не поймут его и дружок партизанский Каркей с молодой женой, весёлой медсестрой Алёной, выходившей его от ран – поскольку по разные стороны фронта они теперь. И остались из близких людей у Пашки только отец да сеструха Настёна. Да ещё, пожалуй, примет беглеца заимка отцова, что сможет схоронить его от всех людей. Туда ему и дорога...

Вот и опять, в который уже раз, Пашка в бегах. Позорное клеймо дезертира приклеилось к нему навсегда, и теперь уж, как ни старайся, не избавиться от него. Недаром, наверное, говорят в народе: от сумы да от тюрьмы не зарекайся...

***

Для большего пропагандистского эффекта генерала Унгерна решено было судить не в Иркутске, а в Новониколаевске¹, ставшем к тому времени официальной столицей Сибири. Здесь же был сформирован состав Чрезвычайного трибунала. Как и следовало ожидать, военный суд приговорил барона к смертной казни, и приговор был приведён в исполнение 13 сентября 1921 года – то есть как раз в предсказанный ему гадалкой сто тридцатый день.

Когда весть о смерти освободителя Монголии пришла в Ургу, Богдохан всё-таки повелел служить молебны о нём во всех монастырях и храмах. Сам он ещё какое-то время считался повелителем Халхи², давал аудиенции, восседая на двойном троне рядом с Эхе-Дагиной и безжизненными глазами слепца глядя на посетителей; к нему ещё являлись на приём члены революционного правительства и подносили дары – тем меньшие, чем выше было положение дарителя, но в этом старце видели теперь только мумию прежнего священного величия. Богдо-гоген Джебцзун-Дамба-хутухта, «многими возведённый» монгольский хаган и Живой Будда ровно на три года пережил генерала Унгерна, и сбылось-таки старинное пророчество: восьмой Богдо-гоген оказался последним перерождени-

---

¹ В 1925 году переименован в Новосибирск.

² Северная Монголия. Халха-монголы – самый многочисленный из народов, населяющих Монголию.

ем Даранаты¹ – и его высушенное, покрытое золотой краской тело торжественно поместили в храме Мижид Жанрайсиг². Там оно сохранялось несколько лет, а позднее, когда начались предсказанные Унгерном гонения на «жёлтую религию», мумия последнего ургинского хутухты исчезла из столицы вместе с тысячами священных изваяний. Но, согласно тому же старинному пророчеству, Живой Будда не умирает, а в день формальной смерти душа его переселяется в новорождённого младенца – и новое земное воплощение священного духа Будды рождается непременно в бедной тибетской или монгольской семье...

Победители барона ненадолго пережили его. Через полтора года, не дожив до тридцати лет, умер от простуды Сухэ-Батор – отважный и наивный воин священной Шамбалы, вождь Монгольской народной революции. В той же Урге, переименованной к тому времени в Улан-Батор, через шесть лет при весьма загадочных обстоятельствах погиб инструктор Государственной внутренней охраны Монголии Пётр Ефимович Щетинкин. То ли по секретному приказу коварного и подозрительного тогдашнего начальника, главного инструктора Якова Блюмкина убили его, то ли японская разведка устранила опасного противника милитаристской Японии. Кто знает, может быть именно майор Мацумура выполнил своё обещание, данное когда-то барону? И легендарный вожак сибирских партизан Александр Кравченко, добровольно сложивший все дарованные ему новой властью высокие чины и должности, перешедший на хозяйственную работу, умер в Ростове-на-Дону всего через два года после процесса в Новониколаевске, где он был членом Чрезвычайного трибунала.

А вот Пашке Ведмедю судьба, приведшая его в 1921 году в дорогой сердцу дом села Очуры, сохранила жизнь, но повела от Катюшиного порога в непредсказуемую сторону: к иным людям и к страшным событиям...

¹ Ургинский хутухта (или Богдо-гоген – великий святой) считался перерожденцем весьма чтимого буддистского учёного Даранаты, полный титул которого Чжебцун-дамба-хутухта. Святость Богдо-гогена признавалась во всех северобуддистских странах, он считался третьим по достоинству иерархом после панчен-ламы и далай-ламы.

² Последнее буддийское сооружение в Монголии, возведён в 1911–13 гг. при Богдохане.

Глава Ю. Семья Отоя

дна вежа – это, может быть, и не вежа вовсе, а просто воткнутая кем-то в землю палка. Вот если за ней виднеется другая, потом третья – то это уже пройденный кем-то путь. Плохой человек никогда не ставит вежи для других, поскольку на пути к наживе и власти оставляет малозаметные знаки только для себя, а вежа – это приглашение идти следом к некоей цели. Так что если придётся заблудиться однажды в таёжной глухомани, иди по затёсам, от вежи к веже – и обязательно выйдешь к хорошим добрым людям.

Так же и вся наша жизнь – это путь от одной вежи к другой, потому как сказано в Библии, что лишь идущий во тьме не знает, куда идёт. Каждый обязан прожить детство и отрочество, когда познаётся окружающий мир, потом юность, когда происходит становление характера, и лишь после этого возможен выбор собственного жизненного пути. Все проходят одинаковый, казалось бы, путь до возмужания, но одни становятся героями, другие же трусами, одни становятся яркими личностями, другие – никчёмными обывателями. Почему так? Говорят, Судьба! Но одному по воле судьбы дано родиться знатным и влиятельным, а он умудряется быстро растерять эти преимущества, другой же, безвестный и зависимый, сам добивается всего, чего только можно пожелать. Как, каким образом?.. Да просто рядом был настоящий учитель, вложивший в его сознание не только все то, чему научился сам, но и желание идти дальше. Хороших людей в нашем мире всё-таки больше, чем плохих, и это означает, что хороших учителей тоже было больше...

* * *

Один за другим незаметно прошли месяцы, за ними годы; всё так же шумела вокруг жилища кузнеца суровая саянская тайга. Мангир подрастал и это время стало, наверное, самым светлым в жизни старого Отоя. Была теперь и у него своя маленькая семья, связанные с нею заботы и тревоги, добрые помыслы и надежды. Когда малыш, теребя Отоя за рукав, впервые пролепетал «Апсах,.. апсах! ¹» – старик смущённо смахнул с глаз непривычную солёную влагу, ибо дав-

---

¹ Дедушка (хакасск.)

но забыл бывший каторжник, что бывают на свете радостные слезы человеческого счастья...

Мангир подрастал, и наковальня кузнеца звенела веселей, чем прежде. А заказчиков у Отоя стало довольно много: мужики хвалили его работу и не раз даже соблазняли переселиться в село, поближе к людям. Оно и впрямь, больно уж несподручно было мужикам, матерясь, крепить к плугам широкие японские штыки вместо лемехов. Но кузнец и слышать не хотел о Ермаковском или Григорьевке, поэтому и пополз среди селян слух, что каторжанин дал зарок жить на этом самом месте до тех пор, пока не перекуёт всё проклятое кандалное железо на полезные людям вещи. Зауважали за этот зарок Отоя ещё больше, но давал ли кузнец его на самом деле, нет ли – доподлинно было известно лишь ему самому.

А ещё заметили заезжие селяне за стариком такую странность: зимой он всегда был на своём месте и стучал молотком от зари до зари, то есть зимой его всегда можно было застать в кузне и сделать нужный заказ. Но едва наступала весна, рождались над тайгой и плыли со свежими ветерками пьянящие ароматы трав и цветов, как Отой начинал исчезать раза два-три в месяц. С котомкой за спиной, со старенькой берданкой и верной Сапчы он пропадал в горах по нескольку дней. Правда, случалось такое ещё до того, как у кузнеца появился внук... Подъедут, бывало, мужики к избушке и сокрушаются: «Опять же, язви ты, не ко времени довелось!» Зайдут в кузню, заберут свой готовый заказ, вскипятят самовар в избе, напьются чайку и обязательно посудачат: «И што, этта, носит ево по тайге нелёгкая? Зверя на продажу не бьёт, не рыбалит, золотой корень не копает... Али, мужики, золотишко разыскиват?» Впрочем, через пару-тройку дней Отой снова разжигал горновой огонь, над кузней кучерявился дымок – а мужики и не допытывались, где старик был и чем занимался.

Пока Мангир подрастал, Отой перестал отлучаться в тайгу, потому как и малец, и корова требовали постоянного ухода и заботы. Лишь зимой, особенно по первой пороше, уходил на несколько часов, чтобы поставить поблизости от кузни капканы на ценного соболя – ну и потом периодически, чтобы проверять. Капканы Отой ставил собственной, особо надёжной конструкции, тоже пользующиеся большим спросом у местных промысловиков, и если сезон

охоты бывал удачным, то в сенях избушки на вешалах обязательно набиралось несколько десятков дорогостоящих шкурок. А в четыре года уже и Мангир сопровождал деда: старик учил его узнавать следы белки, зайца, соболя, норки, кабарги, марала... Да в богатой саянской тайге всякого промыслового зверя великое множество!

Мангир подрастал настоящим махачи. Когда ему исполнилось пять лет, Отой сладил внуку красивый маленький лук со стрелами. Наконечники стрел были стальными, а колчан кожаный, обшитый кабарожьей шкуркой – настоящий маленький боевой садак. И малыш каждый день тренировался в стрельбе, а мишенью ему служила нарисованная углем на стене кузницы фигурка бегущего марала. Отой одобрительно хмыкал, замечая, что маленькие стрелы всё чаще впиваются точно в шею оленя, а Мангир с каждым днём всё дальше отступает от мишени.

– Эй, махачи, скоро ты сможешь убить настоящего марала! – подзадоривал внука кузнец. – У нашего народа мужчина считается охотником, когда ему исполняется двенадцать лет – и тогда он должен принести в свой аал свежее мясо оленя. Это очень старый обычай, Мангир! Но пока тебе только шестой год, и у тебя ещё много времени, чтобы накопить в руках мужскую силу, а в глазах охотничью меткость. Да и у меня есть срок, чтобы купить тебе хорошую винтовку, махачи!

Как-то после таких слов маленький Мангир очень внимательно посмотрел на деда и спросил:

– Апсах, а это много – двенадцать лет?

Отой выдернул из висевшего у мальчика на боку колчана шесть маленьких стрел и стал объяснять:

– Видишь, махачи, когда уйдут друг за другом столько лет и столько зим, тогда тебе будет двенадцать...

Мангир насупился, засопел, перебирая стрелы и сказал решительно:

– Апсах, зачем так много стрел достал? Нет, я раньше принесу тебе мясо оленя!

Это посторонним Отой казался молчуном, а для бесед с Мангиром у него всегда находились слова и темы. Старый кузнец знал много старинных сказаний и сказок, и память у него, несмотря на возраст, была поразительная, внук же был благодарным слуша-

телем и мог часами слушать деда, сидя подле него на деревянной лавке и закутавшись в его овчинный полушубок.

– Прилетел издалека орёл и начал строить гнездо на сухой лиственнице, – начинал очередную сказку Отой, снаряжая охотничьи патроны или занимаясь какими-то другими повседневными делами. – А под этой лиственницей жил в норе крот. Вот он и говорит орлу из своей норы: «Корни у дерева давно сгнили, того и гляди упадёт оно от сильного ветра». Только разве станет царь-птица слушать какого-то никчёмного слепого крота!? Свил орёл гнездо и вывел в нём птенцов. Но однажды принёс он им корм и увидел, что лиственница, упав, задавила его орлицу вместе с детьми. Только тогда вспомнил орёл слова крота и горько пожалел, что не прислушался к ним, ведь крот, хотя и слеп, но живёт в земле среди корней. Однако было уже поздно! Как ты думаешь, Мангир, чему учит эта мудрая народная сказка?..

– Чему, апсах!?

– Она учит: не оставляй без внимания ничьего совета, и тогда избежишь беды. А ещё она говорит: не считай себя великим и самым умным, потому что и слепой крот может знать то, чего не дано знать зоркому орлу...

– Я понял, апсах! Чтобы хорошо знать нашу тайгу, нужно учиться и у марала, и у тетерева, и даже у бурундука!

– Ты правильно понял сказку, махачы! И не гордись даже перед простодушным бурундуком, что ты больше и умнее его. В чём-то он наверняка окажется похитрее тебя!

– Апсах, а ещё есть сказки про глупых зверей?!

– Про зверей много разных сказок сложено. Это, наверное, чтобы людей не обижать, которым эти сказки рассказывают, – разъясняет старый кузнец. – Кто захочет узнать себя в трусливом зайце или глупом тетереве? Только умный человек узнаёт, а глупец лишь над зверушками посмеётся.

– Ну, тогда какую хочешь сказку расскажи, – просит внук. – Я не буду над зверушками смеяться!

– Ты, Мангир, когда вырастешь, охотником станешь, а потом и настоящим миргеном¹, поэтому я расскажу тебе сказку о двоих охотниках, которых звали Абай и Хубай. Абай был не шибко ло-

---

¹ Метким стрелком из лука.

вок и стрелял неважно, зато Хубай сильным был, ловким как белка и стрелял очень метко, как настоящий мирген. А ещё они такими друзьями были, что поклялись никогда друг друга в беде не бросать. Как-то пошли они на охоту, а Хубай ружьё в избушке забыл. Говорит: «Не буду возвращаться. Отдай мне своё ружьё, ведь я намного точнее тебя стреляю. А ты добычу носить будешь, которую мы потом пополам поделим». Только отдал Абай другу ружьё, и тут навстречу им медведь. Ловкий Хубай и про ружьё забыл – мигом оказался на высоком дереве. Безоружному же Абаю ничего другого не оставалось, как упасть на землю и притвориться мёртвым. Медведь подошёл, обнюхал лицо Абая и дальше пошёл, потому как мёртвых сытые медведи не трогают. Хубай дождался, когда медведь уйдёт, спустился с дерева и спрашивает Абая: «Что тебе медведь говорил?» Отвечает ему грустно Абай: «Мне медведь сказал, чтобы я больше не ходил в тайгу с другом, который только о себе думает и клятву забывает...» С тех пор и появилась в народе поговорка «Без беды друга не узнаешь», – заканчивает назидательную сказку Отой.

– Какой плохой человек этот Хубай! Зачем тогда ружьё забрал?.. – искренне возмущается Мангир. – Я бы, апсах, ни за что на дерево не полез, раз Абай в беде!

– Я знаю, Мангир, что ты настоящий махачы! И ты никогда не станешь таким, как Хубай...

Иногда Мангир так и засыпал на теплом овчинном полушубке, и Отой бережно переносил внука на его кровать...

* * *

Жизнь в тайге не обходится без повседневных бед и трагедий. И окружающая саянская тайга тоже соблюдает свои жестокие законы: так же неумолимо и беспристрастно, без скидок и снисхождений для её обитателей. Здесь выживает только самый сильный и опытный, самый хитрый и осторожный, а ещё самый удачливый.

Когда в марте-апреле в логове у изголодавшейся волчицы появляется семья из пяти-шести ненасытных обжор, то не всякий волк-супруг способен прокормить эту голодную ораву. Какой-нибудь жалкий отощавший заяц или зазевавшийся бурундук уже не могут удовлетворить аппетита волчицы и жалобно скулящего потомства, и тогда неизбежны сцены, когда клочьями летит шерсть с боков

и загривка неудачливого папаши. Неделя-другая голодовки – и требовательный визг большелобых волчат объединяет супругов в единственном стремлении: во что бы то ни стало добыть пищу. И тогда волчица, покинув логово, выходит на охоту вместе с самцом...

В иное время и при других обстоятельствах красавица-маралуха не упустила бы случая позабавиться над парой отошавших и поэтому внешне неопрятных хищников, а делать это она умела отлично: например, могла неспешно, поддразнивая и разжигая в разбойничьих сердцах кровожадные надежды, завести серых убийц в такие завалы-буреломы или на такие каменные осыпи-курумники, откуда те выбрались бы очень не скоро. Или подпустив волков вплотную, могла позволить им безуспешную бешеную погоню вниз по знакомому логу, вдоль глубокого бурлящего ручья. А когда простучат копыта по высокой скале у низвергающегося водопада – стальные мускулы ног и отважное сердце помогут ей перенестись на золотистый песок противоположного берега. Как прекрасен каждый раз этот победный полёт! Так, опьянённый погоней беспощадный красный волк, всегда осторожный и умный, попытался однажды повторить смертельный прыжок – и окрасил своей кровью острые камни и водяные струи под водопадом...

Но на этот раз два голодных и беспощадных хищника, потерявшие от длительного голода много сил, но только не своё острое чутье, сумели подкрасться слишком близко. По-злодейски, против ветра подползли они к скрытой в чаще густого пихтача, прогретой весенним солнцем елани¹, где маралуха кормила своего малыша. Тычась вверх мордочкой в поисках упругого, брызжущего сладким молоком соска, нетерпеливо перебирая копытцами и путаясь слабыми ножками в весенней траве, тот как будто выплясывал под материнским брюхом радостный танец – первый танец маленького счастливого существа, довольного своим недавним появлением в этот чудесный мир, полный лучистого солнца, зелёных трав и поющих птиц...

Волчица выскочила на поляну и прыгнула первой. Но как ни стремителен был её бросок, маралуха успела резко пригнать шею и, инстинктивно рванувшись назад, освободилась от впивающихся в горло клыков. Перевернувшись в воздухе, волчица, коротко взвизгнув, ударилась о землю. Но она уже успела ощутить вкус

¹ Обширная прогалина в лесу, поросшая травой.

живого тела и судорожно проглотила кусок оторванной, пахнувшей горячей кровью шкуры. Через мгновение волчица была готова для нового прыжка, а на холке жертвы тем временем уже повис прыгнувший сзади волк...

Неравная схватка близилась к развязке. Но словно на что-то ещё надеясь, маралуха медленно отступала к серым отвесным скалам, всё время пряча оленёнка под своим брюхом. Скалы возвышались в полусотне шагов, и волки рвали её шкуру на куски, всё больше свирепея от брызжущей из глубоких ран горячей крови. Слабеющая маралуха дважды падала на передние колени, но вновь и вновь поднималась, старательно прикрывая малыша истерзанным телом. А серые, в трещинах и неровных уступах, скалы всё ближе – вот они уже совсем рядом, и можно, наконец-то, прижаться крупом к их каменной прохладе и собрать остаток сил.

Мать, как могла, давала понять детёнышу: здесь, на этих скалах твой единственный шанс спастись, малыш! Понимаешь меня?! Ведь там, выше отвесного карниза, такие родные, недоступные для волков кручи... Ты понял меня, малыш?!

И словно услышав мать, маралёнок выскользнул из-под её брюха и прыгнул на крохотный, почти неприметный скальный выступ. Пошатнулся, но удержался и молодой упругой пружинкой перебросил лёгкое тельце ещё выше. Уводя вверх, неровный и очень узкий уступ заканчивался на недостижимой для волков высоте. И этого крохотного шанса оказалось достаточно, чтобы спасти жизнь несмышлёнышу.

А внизу волки продолжали терзать свою жертву. Сверху малыш видел, как мать, привалившись к скале и отфыркиваясь кровавой пеной, из последних сил отбивалась передними и задними копытами от яростно нападавших хищников. В последние мгновения этого неравного боя дикий волчий вопль заставил малыша в ужасе прижаться к каменной стене: это скулящий хищник, отброшенный ударом копыта, отползал на брюхе по истоптанной, окровавленной траве, а за ним на синей жилке нерва волочился выбитый глаз. Но волчица, вцепившись мёртвой хваткой, уже висела на загривке жертвы, всё ниже склоняя её к земле...

Дважды после этого всходило и пряталось за дальними хребтами солнце, дважды на тайгу опускалась чёрная тревожная ночь, а маралёнок всё так же стоял на узком каменном карнизе, с которого теперь никак не мог спуститься вниз. Его тонкие дрожащие ножки слабели всё больше, временами малыш закрывал глаза – и тогда мир становился удивительно хорошим и добрым: лёгкие порывы ветерка казались тёплым шершавым языком матери, нежно вылизывающей его шерстку... Вот сейчас она накормит его вкусным молоком, и он, наконец-то, сладко заснёт в высокой траве, прижавшись к её тёплому боку...

На третий день сверху, со скалы бесшумно скользнула и повисла, раскачиваясь перед мордочкой маралёнка, серая, изогнувшаяся кольцом лента-змея. Словно прицеливаясь, петля качнулась несколько раз взад-вперёд – и мягко обхватила его шею. Копытца малыша беспомощно заскребли по карнизу, отыскивая опору, и он, теряя сознание, плавно поплыл куда-то вверх, к голубому небу, к тёплому и ласковому солнцу...

* * *

Услышав под вечер знакомый радостный лай Сапчы на тропе за ручьём, Мангир выбежал из избушки встречать деда, три дня пропадавшего с собакой в тайге. Устало горбясь, Отой перебрёдал ручей, придерживая на плечах заброшенную вокруг шеи непонятную ношу. Это было что-то пятнистое, рыже-чёрное. А над головой кузнеца, к изумлению Мангира, шевелились... два чёрных уха!

– Апсах, ой апсах! – вырвалось невольно у испуганного, замершего на месте Мангира.

Всматриваясь, он даже протёр глаза ладонями: неужели... неужели у деда выросли такие уши? А Отой, перебравшись через ручей, нагнулся, положил на траву ружье, а следом бережно опустил свой груз. И тогда этот груз звонко чихнул, фыркнул, стукнул по гальке тонкими передними ножками и взбрыкнул задними. Симпатичная мордашка повернулась на длинной шее и доверчиво потянулась к Мангиру, принюхиваясь влажным носиком и шевеля ушами. Большие лучистые глаза с любопытством уставились на него, и замороженный махачы осторожно и ласково коснулся рукой бархатистой шерстки маленького оленя...

– Пусть он станет твоим хорошим другом, – сказал растроганный Отой. – Ажо остался совсем один, и ему теперь нужна наша помощь.

– Как ты назвал его, апсах? У него уже есть имя? – удивился Мангир.

– Да, это настоящий ажо¹, махачы. Посмотри внимательно, разве ты не заметил, какого необычного цвета у него шкурка?

Мангиру уже приходилось видеть издали красавцев-маралов. Летом они были рыжевато-бурыми, со светлым пятном-зеркалом у хвоста, к зиме цвет менялся – становился серым, почти пепельным. Только маленькие оленята щеголяли в светлом наряде, с желтоватыми, похожими на спелые яблоки, пятнами на боках. У маралёнка же, принесённого Отоем, были чёрные ушки, чёрная голова, чёрная грудь и чёрные до колен передние ноги.

– Я никогда не видел таких чёрных маралов, – признался он.

– Конечно, ведь это ажо, махачы. Старые охотники рассказывали, что такие олени рождаются в горах очень редко, может быть раз в сто лет. И убивать чёрного марала нельзя! Запомни это: ажо – гордый, отважный и справедливый, а ещё старики говорят, что чёрный марал всегда приходит на помощь людям, попавшим в тайге в беду...

Отой присел на корточки, поглаживая маралёнка.

– Как думаешь, махачы, отчего наша Сапчы не лает на него? Когда я поднял на скалу маленького Ажо на своём аркане, Сапчы долго облизывала его, пока он не пришёл в себя...

– Она, наверное, согласна, что Ажо будет жить с нами. Правда, апсах?

– Я тоже так считаю, махачы...

Кузнец поднял маралёнка на руки и понёс к дому. В избушке Ажо, словно Сапчы, понюхал воздух, обошёл все углы и, успокоившись, лёг на половик у входа.

– А теперь, Мангир, давай накормим его досыта молоком, потому что Ажо очень голоден, – предложил Отой. – Когда-нибудь я расскажу тебе о чёрном марале все, что слышал в давние времена от седобородых стариков...

¹ Царь (хакасск.)

Теперь в хозяйстве кузнеца Отоя добавился ещё один жилец, с которым Мангир, как с младшим братом, делился молоком от комолой бурой коровы.

А через несколько месяцев, зимой, кузнец вернулся с охоты со шкурой убитого матёрого волка.

– Однако, махачы, этот волк был с одним глазом. А почему с одним, об этом, должно, знает лишь наша тайга? Знает, но молчит...

* * *

Зимой случилась беда: медведь-шатун ночью задрал рыжую корову и сильно поранил вступившую с ним в схватку лайку Сапчы. Однако полакомиться добычей не успел и ушёл вверх по логу, припадая на переднюю лапу, простреленную из берданки Отоем. Остались Мангир и Ажо без молока.

Забросив за спину ружье, кузнец два дня выслеживал опасного раненого зверя, но сильный снегопад скрыл следы, а медведь, похоже, ушёл далеко за перевал – в глухие, «крепкие» места...

Как-то, уже под вечер, Отой обтягивал в кузне железной шиной тележное колесо. Заканчивая работу, удивился, что долго нет Мангира – обычно в это время внук приходил к нему, помогал разложить по местам инструмент, подметал пол и, взяв дедушку за руку, вёл в избу пить чай. Почувствовав неясное беспокойство, кузнец поспешил в избушку. Там Мангира не оказалось, поблизости тоже. Не было в сенях и отлёживавшейся после схватки с медведем Сапчы, а также исчезли со стены лук и колчан со стрелами, большой охотничий нож, а со стола – полкаравая хлеба и коробок спичек-серянок. И уж совсем странно, что исчезла лежавшая в углу таёжная котомка.

Отой сбежал с крыльца и, оглядевшись вокруг, пошёл вдоль ручья, приглядываясь к следам на снегу. Он тревожился всё больше. Так и есть: отпечатки маленьких мягких маймахов¹ и собачьих лап вели к ручью, а дальше по логу уходили следы маленьких лыж и терялись вдали...

Быстро спускаются зимой на тайгу сумерки, рано темнеет среди гор. Так что отшагав на лыжах версту по глубокому снегу вдоль

---

¹Меховые сапожки.

следа Мангира, Отой уже почти в полной темноте увидел впереди, в распадке у замёрзшего ручья красноватый мерцающий огонёк. Спрямяя дорогу, он осторожно скатился вниз по заснеженному склону и, раздвигая колючие пихтовые лапы, выбрался на небольшую елань. Между стволами двух кедров догорал костёр, а рядом на ворохе свеженарезанных веток пихтача и под охраной заворчавшей было Сапчы крепко спал Мангир. Лук и колчан со стрелами висели на сучке.

Улыбнулся и облегчённо вздохнул старый Отой, потом подложил в костёр охапку сушняка и долго сидел у огня, вспоминая, быть может, своё далёкое, очень далёкое детство... А на рассвете, когда солнце только обозначило своё место за горизонтом и звёзды ещё мерцали на противоположной половине неба, дед и внук проснулись бок о бок – под тёплым овчинным полушубком Отоя.

– Скажи, махачы, какой охотник уходит в тайгу, никому не сказав об этом? – строго спросил Отой.

– Не сердись, апсах! – Мангир виновато опустил голову. – У ручья, где мы берём воду, я увидел совсем свежий след. Хотел догнать, пока было светло, но не успел, потому что быстро стемнело. И я шёл не по следу, апсах, а рядом, как ты учил меня...

Отой сердито пробурчал что-то, но сегодня сильно ругать внука ему не хотелось. За пихтами и кедрами, прорисовывая их вершины на светлеющем небе, обозначился рассвет. Совсем близко, подняв облако снежной пыли, с треском и хлопаньем крыльев вырвались в воздух ночевавшие в сугробе глухари.

– Слушай, охотник Мангир! Нельзя убить марала такой маленькой стрелой. Это ведь не мишень на стене нашей кузницы. Для того, чтобы принести в родной аал свежее мясо оленя, нужна тяжёлая пуля...

– Апсах, я не хотел стрелять в оленя, – смутился Мангир, – я ведь просто шёл по следу...

– Ладно, давай посмотрим след, по которому ты шёл! – примирительно сказал старик.

Саженья в тридцати от места ночлега Отой увидел ровный след маленьких детских лыж. Второй параллельный след – это бежала Сапчы. Всё ясно: они преследовали дичь, потому что вот и третий,

глубокий след. Действительно, прошёл крупный одинокий марал... А чей там след ещё дальше, чуть в стороне? Но ведь это... Это же!..

Старый Отой явственно ощутил, как под шапкой на его седой голове зашевелились волосы и на лбу выступил холодный пот: в некотором отдалении, параллельно следам марала шёл след хромого медведя-шатуна...

Ничего не сказал старик Мангиру: и пугать не хотел, и в глубине души осознавал, что его в этом вина. Да, многому, очень многому нужно ещё научить внука, чтобы тайга стала для него родным домом, а не опасным местом выживания...

А Мангир, догнав неторопливо идущего впереди молчаливого Отоя, размашисто зашагал параллельной лыжнёй и спросил с любопытством:

– Апсах, а как ты умеешь никогда не заблудиться в нашей тайге?

– Просто каждый охотник знает, что если правую руку направить на восход солнца, а левую туда, где оно заходит за горизонт, то глаза будут смотреть прямо на север. И это значит, что за спиной – юг.

– А если, как сейчас, нет солнца, если кругом ночь?

– Для этого нужно знать Северную звезду, которая всегда указывает направление на север, – Отой остановился и поднял глаза к небу. – Чтобы найти её, сначала нужно отыскать созвездие Читиген¹. Оно похоже на ковш с изогнутой ручкой. Вон, смотри, – старик показал пальцем в небосвод. – Сзади идут друг за другом три брата-охотника, впереди две звезды – это их собаки, которые гонят двух маралов. Если мысленно провести через пару звёзд-маралов линию верх и, вытянув руку, отмерить два вершка, то увидишь яркую звёздочку. Это и есть Северная звезда, и она всегда указывает точно на север.

– Я нашёл её, апсах! Сейчас она как раз указывает путь к нашему дому.

– Сейчас да, но это простое совпадение. А вот когда будешь в сумерки выходить из дома, то не поленись, взгляни на неё – и ты всегда будешь точно знать, как вернуться назад.

---

¹ Семь Царей (хакасск.).

Дома охотники затопили печь, вскипятили чай и, неспешно попивая его с донниковым мёдом, продолжили свою беседу.

– Апсах, скажи мне, – задал очередной непростой вопрос Мангир, – почему волки похожи друг на друга, медведи или белки похожи, а пограничники и все те люди, кто приезжает в кузницу, совсем не похожи на тебя?

– На земле живёт много малых и больших народов, и все они отличаются друг от друга, – ответил Отой и, поймав внимательный взгляд внука, продолжил, – так создал Бог. Когда ты пойдёшь в школу, махачы, то много нового узнаешь о своём народе. Историю его по крупицам донесли в древних сказаниях, только трудно уже отличить правду от красивого вымысла. Так о происхождении наших соседей-алтайцев говорят, что их народ пошёл от чудом спасшегося от врагов мальчика и волчицы, которые жили в пещере и родили десять сыновей. Один из их внуков, которого звали Чика, царствовал между реками Абакан и Енисей, другой, превратившийся в лебедя, стал родоначальником североалтайских лебединцев, а самый старший внук по имени Тюрк стал государем Алтайского государства. Сильное же племя кыргызов, что правили всеми нашими землями, происходит вовсе не от волков, а от южного рода гяньгуней, у которых есть своя легенда. Было и другое великое племя наших предков, это динлины или люди-журавли. Они были белолицы, голубоглазы, рыжеволосы и якобы появились от сочетания бога с коровой в горной пещере. У нашего многоликого народа было много имён, и лишь после революции мы оставили себе одно – хакасы. Есть, правда, ещё одна древняя легенда, что хакасы, это дети Белой Волчицы, у которой было сто тридцать три ребёнка. Днём они были людьми, а ночью превращались в волков... Но ты сам понимаешь, что человек не может произойти от волка или коровы. Однако уже не заглянешь через века, чтобы посмотреть, откуда, из каких земель пришёл сюда наш народ...

– Апсах, ты хакас, но совсем не похож на корову! У тебя голубые глаза, но не рыжие волосы, и совсем тёмное лицо, не как у пограничников... Почему так?

– Так выглядят почти все теперешние хакасы, правда изредка встречаются и голубоглазые с рыжими волосами. Это говорит о том, что в древних сказаниях всё-таки есть доля правды...

* * *

Так повелось, что редкий день теперь не сворачивали с тракта телеги к кузнице Отоя. Мужики приезжали за получением исполненных заказов или обговаривать новые. Шумно и наперебой здоровались с кузнецом «Здорово, паря!», распрягали лошадей, задавали им корму – и только потом степенно шествовали в кузню. Здесь с величайшей бдительностью и вниманием осматривалась и изучалась всякая поковка: на железо осторожно плевали, скребли заскорюзлыми ногтями, слушали «на звон», некоторые зачем-то даже нюхали. Не зря, видимо, говорится, что наш русский мужик с большим тщанием выбирает сапоги на ярмарке, нежели даже невесту к венцу...

Однако всё это делалось более для порядка и соблюдения обычая, потому как в надёжности работы Отоя никто не сомневался. А уж потом, покончив с делом и расплатившись, все скопом отправлялись в избу пить чай. В чаепитии с сахаром вприкуску с привезёнными калачами спешка тоже не уважалась – и здесь кузнец с внуком узнавали о продолжении прежних житейских историй, а также свежие наиважнейшие новости. Мужики с осознанием причастности к происходящему, со смаком рассказывали о коммунах и колхозах, о строящейся «чугунке» Ачинск–Абакан, о ликбезах и комсомольцах, о белобандитских шайках и отрядах ГПУ.

Конечно же, всякий народ сиживал за столом у Отоя, попадались и такие, кто слово «коммуна» разьяснял зло и ехидно: «кому – на, а кому – и нетути». Как-то прижимистый, себе на уме Савкин из Ермаков, спросил с ехидцей:

- Знаете, как ГПУ надо понимать?
- Чего тут понимать? Чекисты, они и есть чекисты.
- Не скажи, в любом названии есть смысл.
- Ну и какой же здесь смысл?

– А вот смотрите, што по буквам выходит: «Господи, помоги убежать!» А ежели наоборот читать, то получается: «Убежишь – поймаем гадину!» Так што с какой стороны ни читай, а смысл-то один...

- Действительно...

Мужики удивлённо качают головами, потом кто-то спрашивает:

– Ну, а прежний ВЧК что означал?

– Энтэ ещё проще, энтэ наш сельский батюшка так разъяснял: «ВЧК – энтэ Вселенский чертей кагал».

– А наоборот-то што получается, как батюшка ваш говорил? – заинтересованно спрашивает тот же мужик.

– Кажному человеци вышка.

– Гляди-ко ты, – удивляются мужики. – И здеся всё в точку! Черти и есть.

– А мой сосед Петруха так разъяснял, – не соглашается конопатый Северьян из Григорьевки. – Всех чохом кончим. А ежели наоборот читать, то коммунистическая челядь выживет.

– Не расстреляли ещё твою Петруху? – ехидно интересуется кто-то. – У них за такое объяснение быстро: хошь чохом, хошь по одному.

– А вот, мужики, – не унимается Савкин, – слыхал я от одного грамотея, как иностранцы наш СССР раскладывают. Мол, получается: смерть Сталина спасёт Расею...

Мужики, сообразив, что данная тема может обернуться неприятностями, примолкли. Но ненадолго... Отдуваясь после третьей или четвёртой кружки чая, Савкин задаёт присутствующим вроде бы простой, невинный вопрос:

– А и сколь, этта, ребятушки, при старом ампиракторском режиме была положена стандарта родимой российской водочке? Крепость по градусам какова предписывалась царём-осударем?

Он ухмыляется, потом невинно шурится и добавляет:

– Запамятовал чтой-то я, душа моя грешная...

Мужики такое дело помнили очень даже хорошо, поэтому отвечают наперебой:

– Дык, стандарта строгая была и блюлась, Епифаныч!

– Сорок градусов штоб, и ни-ни...

– Щупалом особливым иной раз полиция по кабакам мерила, штоб, значитя, никакого обману не было!

– Вона как! – притворно удивляется Савкин. – Сорок полных градусов?.. Ну а ныне стандарта какова? При рабоче-крестьянской, народной-то советской власти.

– Ну, теперича, Епифаныч, тридцать восемь градусов! Но, всё едино, крепка, слава те Господи, родимая!

– Не зря народ говорит, что чиста, как слеза Божьей матери, и крепка, как Советска власть, – добавляет кто-то.

– Ну и ну, мужички, ну и ну... – словно бы на всякий случай, притворно опасливо посмотрев на дверь, пригорюнился Никифор Савкин. – Вот я и думаю, что оно, конечно, ежели скажем рассуждаючи, какой же за резон такой из-за энтих двух градусов в амперии революцию надо было производить?..

Мужики не знают, что и ответить, поскольку что не скажи, а всё вроде как против новой власти...

Савкин же никак не унимается, продолжает:

– А вот, к примеру, скоко градусов будет в нашинском самогонеперваче?

– Ну энто кто как гонит, а то и градусов под семьдесят потянет...

– Вот и у меня сумление, – подытоживает как бы задумчиво Савкин, – што ежели о крепости власти по энтому продукту судить, то мужицкая-то самая крепкая выходит...

Такой вот «язвой» был этот Савкин из Ермаков. В другой раз он же, усмехаясь, сообщил в кузнице Отоя, что колхоз в Белом Яре «трахтур Фортзон мериканский заполучил, что карасином двигается».

– Залили в него карасин, и пошёл ведь, – рассказывал он с упоением, подогреваемым всеобщим вниманием мужиков. – Хорошо-о-о идёт! Поле запахали, посеяли пшеничку – взошла кормилица в колос, ровно путняя. По времени бабы жать её пустились, а потом и обмолот провели, на мельнице в муку смололи. Под престольный праздник тесто в печь – хлебы печь. Мужики за стол уселись щи хлебать: караваи румяные, душа радуется... Только што за штука, язви тя, носами крутят – хлеб в рот нейдёт. Господи, да он чисто на карасине замешан! И-и, пресвятая Богородица, такая вонь по избам идёт, што хошь святых выноси! Вот когда спохватились мужики: «Гут нам трахтур мериканский и отрыгивается, карасиновая ево душа!»

– Што, так и сгинул хлебушек-то, Епифаныч? – заохали слушатели.

– Ну, пошто сгиб... Жалко ведь ево, кормильца нашего. Ничё, приноровились люди добрые спользовать.

– Так и жуют, стало быть, с карасином теперя? – окончательно расстроились собеседники.

– А и недогадливые же вы мужики, будто безголовые! Народ-то в Белом Яре этот хлебушко спробовал на самогон приспособлять. Лакают ево, перекрестясь, за милу душу! Потому как тут главное достоинство не в ароматах, а в крепости. Приобвыкли помаленьку, а и убытку, навроде, нету...

Такие вот разговоры возникали порой в избе кузнеца, но все же больше бывало у Отой гостей, глаза которых по-хорошему, жадно блестели, когда делились новостями о справедливых переделах пашен и выпасов, о кредитных и машинных «товариствах», об избе-читальне, и об учительше Софье Андреевне, что собирает по вечерам в школу пожилых мужиков да баб и учит их письму, чтению, счету «арихметичному». И ещё о том, что изобразила она на красном лоскуте слова «Ученье – свет!» и повесила над крыльцом – а коли так, то каждый теперь по очереди должен приносить в школу склянку керосина для семилинейной лампы...

Как-то Отой долго рассматривал оставленную мужиками, отпечатанную на грубой серой бумаге минусинскую газету «Соха и молот», потом аккуратно вырезал с первой страницы портрет прищурившегося умными и добрыми глазами лысоватого, большелобого человека. Внук внимательно следил за тем, как дед бережно клеит портрет мучным клейстером на кусок плотного картона, как ставит на полку в переднем углу избы.

– Кто этот человек, апсах? – спросил Мангир. – Он похож на того учителя из Буйбы, которому ты делал замок для школьной двери.

– Правильно говоришь, махачы... – печально улыбнулся Отой. – Он маленько похож на учителя из Буйбы. Он тоже учитель, только самый главный. Этого человека звали Ленин... Все говорят, что он учил людей, как нужно правильно жить и как нужно работать, чтобы всем было хорошо. Только вот уже скоро год, как Ленин умер – тяжёлая болезнь одолела его, махачы... И я очень сильно хотел помочь ему снова стать здоровым, но не успел.

– Апсах, разве ты лекарь? – удивился Мангир. – Как ты хотел вылечить этого... хорошего человека?

– Хотел, Мангир... Я думаю, что смог бы помочь ему, хоть я и не лекарь, а простой кузнец. Здешняя тайга много лет хранит рецепт вечной молодости... – старик печально вздохнул. – Однако сейчас ещё не пришло время знать тебе все, что знаю я. Вот когда вырастешь...

Отой погладил внука по голове и продолжил:

– Ленин говорил, махачы, что нужно обязательно учиться, всем учиться, и хорошо учиться. Мне рассказывали, что Ленин велел нарисовать азбуку, это такие особенные буквы – для нас, для хакасов. И учёные люди уже придумывают нужные знаки, так что скоро, очень скоро напечатают в городах умные книги на родном языке для нашего степного народа...

Мангир заморожено слушал деда, ведь такие «взрослые» слова Отой говорил ему впервые.

– Скоро, Мангир, буду покупать тебе новые маймахи, новую шапку, а ещё тетради и карандаши! – пообещал расчувствовавшийся кузнец. – И тёплую шубу тоже. Повезу тебя в Усть-Абаканское, в хакасскую школу. Там научат и читать, и писать, и обязательно расскажут историю нашего народа. Хорошенько её изучай и запоминай, Мангир! И будь особенно прилежен в истории. Почему – я расскажу тебе позже, когда ты станешь смелым и сильным мужчиной, настоящим махачы...

Вроде бы и в стороне от людей жили Отой с Мангиром, но скучать им не доводилось: кое-кто из мужиков заезжал довольно часто, превратившись в хорошего знакомого. Однако больше всего бывали рады дед и внук, когда к их кузне сворачивали с тракта на рысях подтянутые и весёлые всадники в гимнастёрках с зелёными петлицами и в зелёных фуражках с красными звёздочками...

Глава II. Пограничье

Есть стражи надёжнее и неподкупнее пограничных – это непроходимые горные хребты. Правда и на них существуют свои пропускные пункты, это редкие, закрытые значительную часть года снегами тропы через перевалы. Только самые отчаянные и самые безрассудные рискнут отправиться зимой по столь опасным маршрутам – и смельчаки эти, чаще всего, бандиты или контрабандисты.

Без пограничных застав государству никак не обойтись, и год строительства на Енисее Саянского острога справедливо считается годом присоединения хакасских земель к Российскому государству. Эта деревянная крепость была сооружена казаками в первой четверти восемнадцатого века на стратегически важном месте: вблизи исхода прорезавшего Западный Саянский хребет ущелья – то есть при выходе Енисея из «саянского камня» в степь. Зимой, когда лёд надёжно сковывал стремительную воду на целых четыре месяца, «труба» на протяжении веков являлась прямой дорогой, по которой приходили враги из Тувы и Монголии. По этой причине когда-то, много веков тому назад, здесь и была возведена пограничная крепость под названием Умай-Тура – ибо находилась она неподалёку от священной горы «приенисейских татар» Умай-Тайга. Теперь, с приходом казаков земли от набегов надёжно закрыл пограничный Саянский острог. Правда официальная пограничная линия появилась лишь в 1728 году – после заключения с Китаем так называемого Буринского договора.

Итак, на юге с Хакасией граничит труднодоступная Тува, за протяжёнными горными хребтами – Монголия, а за нею – сильный Китай. В царские времена на границе несли нелёгкую службу кордоны Отдельного корпуса пограничной стражи, а после окончания гражданской войны её взяли под охрану полтора десятка стрелковых рот Пятой Красной Армии. Обстановка в этом районе все двадцатые годы оставалась тревожной: через протяжённую монгольскую границу туда и обратно – с боями, с лютой ненавистью к пограничникам – прорывались белогвардейские банды, состоящие из оголтелых врагов, не добитых в гражданской войне. Цепочка далеко разбросанных друг от друга пограничных застав в Саянах и на Алтае перекрывала две тысячи километров государствен-

ной границы, и бесконечные эти километры тянулись по дикой тайге, по изрезанным ущельями горным хребтам, по заснеженным перевалам высотой до четырёх километров. Кроме всего прочего, бойцам-пограничникам приходилось жить в те годы в землянках, в охотничьих избушках, даже в шалашах. Это уже позднее, когда врагам дали достойный отпор, на заставах начали строить деревянные казармы, конюшни, бани. Оружие тоже было старое, прошедшее Первую мировую и гражданскую войны, вот и приходилось пограничникам рассчитывать больше на боевую сноровку, на доброго коня да верный клинок, а ещё на длинную казачью пику...

* * *

Добрыми соседями и полезными знакомцами кузнеца с некоторых пор стали пограничники Семиозёрской заставы Минусинского погранотряда, ибо довольно часто нуждались в перековке своих лошадей. Сибирский простор и, вместе с тем, труднопроходимость горной тайги формируют своё представление о расстояниях: если есть тропа, а тем более дорога, то и полсотни вёрст для хороших соседей не препятствие, чтобы просто наведаться в гости. А тем более, когда по пути потерялась или дала шат подкова...

Кузнец всякий раз радушно угощал бойцов лучшим из того, что было в доме. На столе неизменно появлялись малосольные и копчёные хариусы, мочёная брусника и солёные грибы, розовое минусинское сало и окорока, которыми помимо денег расплачивались за работу заказчики. Кузнец разливал гостям – по малому гранёному стаканчику – бутылку самогонки либо водки, притворно ворча при этом про строгости воинской дисциплины и пограничных командиров.

Пока пограничники сидели за столом, Отой с Мангиром нередко выходили к коновязи. Кузнец, любивший лошадей, с любопытством и даже некоторой завистью поглаживал малорослых, но резвых и невероятно выносливых «монголок». Эти словно бы специально созданные природой не только для монгольской степи, но и для саянских гор кони были переданы погранзаставе кавалеристами Кубанской кавбригады, возвращавшейся из Монголии после разгрома барона Унгерна. Будто бы сам Константин Рокоссовский – прославленный командир одного из полков – лично отбирал для саянских пограничников лучших коней...

Вскоре Отой и Мангир уже знали всех командиров: начальника Семиозёрской заставы латыша Лапса, его заместителя Петра Дзензуру, начальника таможенного поста Барба-хак Николая Успенского, а также многих молодых красноармейцев. Среди пограничников же авторитет кузнеца Отоя был чрезвычайно велик, и на то была веская причина...

Случилось как-то в студёный сорокаградусный мороз заночевать в избушке Отоя Дзензуре и Успенскому, которые направлялись в Минусинск. Они везли на санях старенький «Льюис», требующий срочного ремонта. Отечественные пулемёты «Максим», французские «Гочкисы», немецкие «Шварцлозе» весили более трёх пудов, поэтому предпочтение пограничники отдавали хотя и донельзя изношенным за долгие годы войны, но более лёгким ручным пулемётам – французским «системы Шоша» и английским «Льюисам». Конечно, стрельба из пулемёта со стёршимися ствольными нарезками не претендовала на высокую точность, но, хотя бы, давала много шума. Вот такой, довольно лёгкий – весом чуть больше пуда – и удобный в перевозке ручной пулемёт «Льюис» на посту Барба-хак был всего лишь один, поэтому и пришлось в срочном порядке везти его за сотни вёрст на «лечение».

Отогрев командиров крепким обжигающим чаем, Отой долго рассматривал неисправный пулемётный затвор и лопнувшую пружину подачи патронов из круглого диска. Мангир тоже пощупал латунные патроны, тесно прижавшиеся друг к другу, словно солдаты в строю: сорок семь островежских пулек ждали своего часа, своей минуты освобождения, своего свистящего смертоносного полёта...

– Нет, Отой, ударник затвора можно выточить и заменить только в хорошей мастерской, не говоря уже о пружине, – подвёл неутешительный итог недугов «Льюиса» подошедший Дзензура. – Ладно, завтра поутру двинем в Минусинск, а там мастера что-нибудь придумают...

Давно заснули крепким сном усталые пограничники, сладко посыпаемый на лежанке Мангир, всхрапывали у коновязи кони, и только в маленьком оконце кузницы долго ещё мерцал свет керосиновой лампы, доносилось негромкое и неторопливое позвякивание молотка о наковальню...

Утром, после плотного завтрака, когда отдохнувшие лошадки уже были запряжены, Отой с Мангиром вышли на крыльцо – прово-

жать гостей. Пограничники тщательно размещали в санях немногочисленную поклажу, многострадальный «Льюис» из вороха сена смотрел в небо толстым, непривычно молчаливым стволом.

– Пётр Мефодьич! – словно бы спохватившись, обратился Отой к Дзензуре. – А подарил бы ты нам с Мангиром дюжину пустых гильз. Больно ладные зажигалки из них получаются. Ежели не жаль, конечно?..

– Почему же жалко? Патронов на заставе достаточно, так что заведём тебе гильзы при случае. Только не забудь и для нас парочку зажигалок смастерить. А мы, со своей стороны, в долгу не останемся!

Тогда Отой неспешно спустился с крыльца и, разгребя в стороны сено, развернул ствол пулемёта в сторону тайги. Пристукнул ладонью сверху по круглому диску, оттянул сухо лязгнувший металлом по металлу затвор... Неожиданно и гулко простучала в морозном воздухе длинная пулемётная очередь, испуганно дёрнулись кони, упругим фонтанчиком брызнули и зарылись в снег дымящиеся гильзы. Ликующий Мангир кубарем скатился с крыльца, пытаясь на лету поймать их в свою шапку...

С того дня Мангир, гордясь своим дедом, никогда не забывал при случае важно спросить у пограничников:

– Однако, как здоровье у пулемёта, которого зовут Луис?

– Служака отличный! – смеялись красноармейцы. – Он завсегда передаёт вам с дедушкой пламенный боевой привет!

* * *

Наряду с охраной границы, ещё одной повседневной заботой пограничников была борьба с контрабандой. И проторёнными тропами, и неприметными тропинками беспрерывно проникали на советскую сторону дефицитные китайские и японские товары: чай, спирт, шёлковые и шерстяные ткани, папиросы и сигареты, сахарин, мыло. Так, китайский спирт в Минусинске и Абакане стоил почти в шесть раз дороже, чем за кордоном, а в Шуше или Означенном за два литра его брали уже по сто граммов золотого песка. Таким образом, едва ли не пятая часть старательской добычи золота и сопутствующей ему платины оседала в глубоких карманах контрабандистов и закордонных купцов. Вот и несли многочисленные «спиртоноши» в резиновых мешках и кожаных бурдюках за плечами китайский «ханшин»¹ по нелёгким, а зачастую и крайне опас-

¹ Китайский спирт.

ным таёжным тропам. Потом частенько сплавляли его уже вниз по Енисею, например, в выдолбленных брёвнах плотов. Да что уж там, дальше каждый исхитрялся как мог...

И не только жизненно необходимое стране золото уходило за кордон, но и его эквивалент – первосортная пушнина. В той же Канаде на пушных аукционах ежегодно выставлялось до двух миллионов контрабандных саянских и алтайских соболей, а ещё колонок, норка, горностаи, не говоря уже о несметном количестве белки. Почти треть добываемой в Сибири пушнины теми же золотыми ручейками просачивалась через границу...

Контрабандисты – народ на выдумку гораздый, поэтому каждый из случаев задержания на границе анализировался, а наиболее интересные приказы рассылались Главным Таможенным Управлением по всем таможенным постам в качестве своеобразного пособия:

Приказ от 3 июня 1928 г. «При личном досмотре в Себежской таможне у гр. Рейтер, следовавшей за границу, были обнаружены в пуговицах, пришитых к платью, два бриллианта, каждый весом в четверть карата. В деревянных пуговицах были выдолблены отверстия, в которые и были вложены бриллианты, а сами пуговицы обшиты шёлковой тканью...»

Приказ от 15 августа 1928 г. «В трёх случаях личного досмотра китайцев, возвращавшихся на родину, под прикрытием бинтов на интимных местах были обнаружены золотые кольца и 9 червонцев, причём китайцы жаловались на болезненное состояние, но снятие бинтов этого не обнаружило и выявило ещё один способ ухищрения контрабандного провоза...»

Приказ от 24 сентября 1928 г. «При выезде в Китай шести китайцев через Мациевский пост были обнаружены искусно вплетённые в корзины 1679 долларов, 1 фунт английских стерлингов, 5 даян и 50 центов китайских. Новые корзины не вызывали подозрений, и лишь при осмотре их против света были обнаружены тёмные пятна, оказавшиеся долларами...»

Ухищрялись по-разному: вырезали внутренние листы в книгах и прятали там контрабанду; пересылаемые в бандеролях фотографии бывали накрепко склеены, а между ними оказывались долларовые бумажки; прятали доллары и в подошвах сапог; в спичечных коробках под спичками прятали золотой песок; бриллианты закрашивали зелёной краской... Так что служащие таможни на посту

Барба-хак, проверяя многочисленные обозы, идущие из Минусинска в Кызыл¹, в первую очередь присматривались к сбруе и не провисают ли оглобли телег. Если сильно оттянуты вниз постромки – не исключено, что в оглоблях тяжёлое золото: песок, самородки, а то и золотые монеты царской чеканки.

Вот на телеге штабель деревянных ящиков со знаменитой минусинской махоркой. Что ж, провоз табака дозволяется по торговому договору с бывшей Танну-Тувай², а ныне Тувинской Народной Республикой!

– Проезжай, дядя! – командует пограничник-контролёр.

Возчик суетливо дёргает за вожжи, подгоняя застоявшуюся лошадку и думает обрадованно: «Слава Богу, пронесло!»

– А ну-ка, стой, дядя! – останавливает телегу начальник таможни Успенский.

И вот уже махорку из ящика ссыпают на землю: табачок прекрасный, чистейший... Ох, напрасно его в дорожную пыль, ох напрасно! Да еще зачем-то ломают деревянный ящик, разбивают доски топором? А ещё бы обойтись без топора, ведь тара махорочная на совесть сколочена гвоздями! Много их вогнали, не жалели, видать?! А начальник Успенский уже с большим вниманием рассматривает гвоздики. Зачем это ему понадобилось, али делать более нечего? Ах, язви ты в душу, не зря видать прислали его на саянскую границу аж из самой Одессы? Гвоздики-то... откованы из платины!

Когда бородатого дядьку берут под конвой, он мимоходом зачерпывает в карман горсть высыпанной махорки. Пригодится ему табачок, ох как пригодится, когда придётся объяснять на допросах в ОГПУ, кто поручил ему провозить через границу эти невзрачные на вид серенькие поковки...

После приезда на Семиозёрскую заставу нового начальника таможни Успенского саянские мужики-промысловики поскущели, посмурнели, а потом и вовсе запечалились... Вот ведь каким злыднем оказался: чисто «язва египетская». Главное, из себя не так

¹ Бывший Белоцарск, в 1918 году под названием Хем-Бельтыр стал столицей Республики Танну-Тува Улус, в 1926 году переименован в Кызыл (Красный) в связи с провозглашением Тувинской Народной Республики.

² Всетувинский Учредительный Хурал 13 августа 1921 года провозгласил бывший Урянхайский край Республикой Танну-Тува Улус, а в 1926 году Тувинской Народной Республикой. Как самостоятельное государство она просуществовала до 1944 года, и вошла в состав СССР на правах автономной области.

чтобы видный, росточку невысокого, в плечах неширок, на груди завсегда ремешок с «двуглазом». И на кой ему цейсовский бинокль, ежели и так наскрозь всё видит, язви его в душу! На поясе, как должностью положено, револьвер в кобуре, во рту четыре али боле зубов блестящих, должно золотых. Из самой Одессы прибыл с женой и дочкой строгий начальник – как мужики вскоре порешили: «на наше с вами большое неудовольствие»...

До Успенского-то можно было почитай что невозбранно иметь большую пользу за счёт здешней тайги, поскольку богата она сободем, белкой, маральими пантами и кабарожьей струёй, да и золотом, что в изрядном количестве год от года намывалось малыми старательскими артелями. Пообвыкли мужики, что ране всё это добро по хорошей цене сбывалось за кордон; и вспоминали тепер с тоской, как в прежние времена, перед уходом их на промысел в тайгу, ежегодно объявлялись в сёлах и деревушках неизвестные люди, что приходили, ясное дело, не откуда-нибудь – из-за кордона. Милиции, а того прежде полиции чужаки, конечно, слегка опасались, но по ночному времени заходили в избы не таясь. А в избе, осмотревшись, выставляли на стол бутылъ злейшего спирта и участливо интересовались:

– Что хозяевам в трудных условиях жизни требуется? Шёлковые отрезы? Ситчик али цветная китайская ткань-далемба? Чаек первосортный, мыльце духовитое али сигареты японские? А, может, и часики из «мериканского» золота? Али, скажем, хозяйке иголки для швейной машины – вон она, безработная, в углу избы пригорюнилась?..

– Господи, – встрепенётся мужик, – твоя воля! Как же этто нам да такое добро не требуется? Обожгём-ка душу для начала стаканом спирту! Нам все получить желательно! Вон девки и бабы вконец обносились, сам хозяин в штопаных-перештопаных портках ходит! Скус чая позабыли! А что, к примеру, баня без мыла?! Словом, паря, не страшай началом – покажи конец!

И доставал, улыбаясь, незнакомый человек из кармана карандашик с памятной книжечкой. Чтобы, значит, чего-нибудь из наказов не позабыть ненароком, ибо всякий-разный товар вписывался туда. И слово давалось крепкое – бились по рукам, что доставка будет верная, прямо в избу...

– За этто дело огорчим-ка душу ещё стаканчиком! – подводил итог сделке хозяин.

Условие же со стороны незнакомого человека выдвигалось одно: хозяин заплатит соболями, как возвратится с промысла. Или, скажем, старательской добычей – рыжим песочком...

И вот, возвращаясь в конце зимы с удачного белкования-соболевания, мужик слышит через дверь бойкое стрекотание в избе швейной машинки «Зингер». Распахивает дверь: бабы и девки, ровно на свадьбу наряжаются – примеряют новые нарядные жакеты да сарафаны. На столе пышет жаром медный самовар, а по горнице густой дух ароматного чая...

– На портки-то хозяину далембы оставили? – спрашивает повеселевший мужик, истово крестясь на икону Николы-чудотворца. – Да за такую-то благодать и соболишек не жалко! А ну-ка, бабы, плесните в стакан с дороги, чтоб не гудели ноги!..

Но всё это в прошлом. А ныне не стало ходу через кордон благодетелям с памятными книжками. Бабы переломали все иголки у зингеровской машинки – охают да причитают, ровно по покойнице... Баня тоже без мыла – обходись, народ, одним берёзовым веничком да зольным щолоком! На границе рыщут дозоры да верховые разъезды, на таможне опять же он, глазастый и неподкупный начальник Успенский...

Конечно, пробовали люди всякие способы переправлять обменный продукт за кордон. Рассказывают, один хитрован из Арадана для этих целей пару специальных лошадок содержал. Лошадки пустышные, но дело своё знали на удивление хорошо: по тайной тропке через границу самостоятельно хаживали – как есть без хозяина! Первая, особенно надёжная, за собой на длинном поводке вторую, подручную водила, и обе скотинки при этом изрядно навьючены бывали пушным товаром... А на другой стороне границы их уже встречают компаньоны – с полным удовольствием и одобрением. Вскоре, однако, этому изобретению пришёл конец по причине обыкновенного скупердяйства. Мужичок тот, из Арадана, жаден был очень и лошадок своих до отправки кормить воздерживался: дескать, пушай их на той стороне компаньоны овсецом радуют, а дотуда потерпят, ибо они давно к воздержанию привычны. Только лошадки с таким односторонним пропитанием несогласные оказались и однажды, аккурат как через границу переходить, «надёжная передовая» ушами чутко повела и встала – это она сытое и довольное ржание в стойле на пограничном кордоне услышала. Фыркнула она, оглянулась на свою товарку, да и отвела её за длинный поводок пря-

мёхонько к пограничникам. Таким вот образом и пришли лошадки из противоправной в свою новую, сытую жизнь...

Ещё до чего додумывались ушлые мужики: ребятню десяти-двенадцатилетнюю с торбами по заветным тропкам отправлять. Мол, коли уж споймают пограничники, всё одно под уголовную беду не определяют, ведь детишки до четырнадцати лет по тюрьмам сидеть не могут – закон даже такой имеется. Но, по времени, конный пограничный разезд задержал-таки четверых мальчишек с полными торбами на спинах и привёл на заставу. Осерчали на такую хитрость пограничники, поначалу хотели даже спустить с них заплатанные штанцы и хорошенько отстегать красноармейским ремнём, но командир дал отставку, и только слегка надрал уши пацанам. А потом напоили юных контрабандистов чаем с сахаром – и отправили под охраной по домам. Причём с соответствующими указаниями, от которых тятьки и мамки тут же слёзно забожились более ребятню в опасные таёжные походы не отправлять, разве что за ягодой и молodyми груздочками. Ну, что тут поделаешь, ведь против нынешней окрепшей власти ты как есть букашка и букашка...

* * *

Как-то жарким летним полднем заметил Отой едущий со стороны Тувы обоз: минусинские мужики, бравшие подряды на перевозку казённых грузов в города Туран и Кызыл, возвращались домой. Работать по подрядам было выгодно: государство не скупилось, да и в Туве смекалистым минусинцам при удаче случалось разжиться кое-каким контрабандным товаром. Вот и на сей раз восемь подвод поспешно сворачивали с тракта к кузнице Отоя.

Дед и внук с удивлением наблюдали за непривычно сердитыми, нещадно нахлёстывающими лошадей и матерившимися возчиками. Мужики сидели в телегах, все как один по пояс зарывшись в сено. Даже подъехав вплотную к избушке и сгрудившись, они не торопились, как это происходило обычно, слезать на землю.

Восседавший на передней подводе старый знакомец Отоя, рыжебородый и кривой на один глаз Анисим, опасно уставился на кузнеца.

– Во здравии ли пребываешь, Отоюшка? – начал он как-то издалека.

– Да жив, грех жаловаться, – ответил кузнец.

– Прймай гостевать, так нас разэдак, через хомут опять же, и в дугу! Вот, видишь, с самого кордону лошадей понужаем, не при-

веди Осподи. Телом притомились, душой исстрадались, Отоюшка! Дык примешь ли на постой, друг ты наш разлюбезный?

Озадаченный подобным началом, Отой развёл руками.

– Да что вы, мужики? Распрягайте лошадок, а внучок мигом самовар наладит.

Но мужики по какой-то причине не изъявляли желания вылезать из телег. Анисим, окинув их своим единственным глазом, хмыкнул и смущённо спросил:

– Слыш-ка, Отоюшка! Ну, а этих самых, посторонних народов не имеется у тя в избе? Особливо, не приведи Осподи, баб каких? Женщинов, по-городскому ежели...

– Какие бабы, Анисим, что болтаешь? – кузнец даже обиделся. – Приезжих нынче нету, а баб мы с Мангиром не держим, не завели пока. Вот ежели женится внучок...

И тогда, раскидав сено и отряхиваясь, мужики – кто ругаясь, а кто и похохатывая – стали выбираться из телег.

Картина перед взором кузнеца обозначилась уморительная: все до одного возчики были... без портков. Стыдливо одёргивая белые исподние подштанники, мужики торопливо распрягли своих лошадей и отпустили их на травяную поляну поблизости. Затем, не мешкая, дружно набились в избу, правда, не забыв угостить Мангира разноцветными базарными леденцами. Рассевшись, кто где сумел, задымили самосадом.

Выкурив самокрутку, Митрий – тот самый, что когда-то доставил из Григорьевки на хутор кузнеца с внуком и рыжей комолой коровой – отлучился на минутку к своей телеге. Вернувшись же, выставил на стол литровую бутылку спирта, чем сами мужики были несказанно удивлены.

– Ай да Митяй, – похвалил кто-то, – ведь через кордон провезть исхитрился! Волоки скорей, кака есть, закуску, робята!

После первой стопки кривой Анисим, время от времени сокрушённо вздыхая и матерясь, стал повествовать:

– И не приведи же Осподи, Отоюшка, в другой раз такому быть! Подзадержались мы этга, знатца, в городе Кызыле. Базар, конечно, шибко богатеющий, опять же то да се... Винца, конечно, по случаю приняли в плепорции, ему ведь даже в святцах запрету нет. А здесь, знатца, невзначай китаёза один объявляется и говорит: «Моя маленько продавай, ваша много-много покупай!» Словом, имею, григ,

самый размануфактурный товар. Осмотрели мы тот товар: материал шибко даже завлекательный – далемба, как он именуется по ихнему. Та далемба и черна, и красна, и голуба, и зелена, и желта, и так её переэтак... Повело тута мужиков в соблазн: оборот-та по цене агромадный выходит, ежели этаку красоту в Минусу благополучно доставить. Ну и хватанули мы весь товарец, Отоюшка, не приведи Осподи!.. – Анисим осуждающе оглядел своим единственным глазом молчаливо жующих сотоварищей. – Ишь, как жрут-то с похмелья, купцы беспортошные!

Никто из мужиков не огрызнулся, лишь головы ниже склонились над чашками, да чавканье несколько приутихло.

– И вот, – продолжал Анисим, – тута встаёт один мудроственный вопрос – каким таким Макаром товарец нами купленный через границу просочить? Обыск ведь завсегда серьёзный на таможене, спаси Осподи... Здеся китаёза, будь он неладен, опять же и присоветовал: «Шей многа-многа штан, все их на жопа надевай. И рубаха длинный шей. Так китайса делала».

Быстро захмелевший с устатку Анисим уже с довольной, хотя и кривой ухмылкой на обмякшем лице, почесал бороду.

– Ну, сговорились мы скоренько с некоторыми тамошними бабами. Пущать матерью в рубахи они запротестовали: портнихи, мол, из них никудышные, только товар попортят. А вот ежели шальвары, да поширше, дык это им по силам придётся. Ведь два дня старались те бабы, Отоюшка, пока всю нашу мануфактуру в штаны вбили, сердешные...

Захмелевшие от спирта мужики, зная развязку истории, уже потихоньку ухмылялись.

– Едва-едва натянули мы друг на дружку шальвары энти: и толсто, и жарко, и парко. При пешей ходьбе ноги почти не гнутся, и не дай Бог, ежели коснётся дело по нужде до ветру сходить! Умашься, Отоюшка, распрягаться! Коли успеешь, конечно...

Кое кто из мужиков уже давился от еле сдерживаемого смеха, да Отой и сам посмеивался, ожидая услышать про чей-нибудь неожиданный конфуз. Анисим же, всё больше распаляясь от выпитого спирта, продолжал:

– Я-то хоть, по скромности и малодетности своей, имел всего шесть портков, да и то не каждый раз управлялся, а Захар – вон энто, что харюза лопаает, жадность аж на девять проявил. Так в под-

мокшем образе дорогой и пребывал... Тьфу на ево, и на подштанники ево, которы по дороге выбросил. Цельный час ведь в ручье отмывались...

Мужики за столом, хохотнув – впрочем, не слишком весело – тут же снова пригорюнились. По всему чувствовалось, что рассказ поворачивает к своей трагической развязке.

– За Шивилигом, у Барба-хака остановили нас зелёные фуражки. Досмотр, само собой, был произведён не шутейный, но пронесло, слава те Господи! У Митяя даже бутылъ спирту не сыскали – ту, што на столе теперя порожняя...

– У меня сам черт не сыщет! – встрял пьяненький Митрий.

– Хотели пограничники нас уже и пропускать – ан здесь, через дугу нас в хомут, главный ихний начальник появляется! Господи, твоя воля! В галихве и при нагане, а улыбается – ажно золоты зубы поплёскивают. Успенский ево фамилия. Спрашивает: «Эй, мужики-сечевики, Тарасы Бульбы запорожские! Что это вы так кавалерно вырядились, а едва вышагиваете, ровно гуси перекормленные? А ну-ка, подходите ближе. Ша-а-гом марш!» Какой там «марш», не приведи Господи, – Анисим перекрестился. – Приковыляли мы до крыльца, а Успенский тут возьми да пошшупай наши портки. Враз осерчал. «Все ясно, – грит, – хитроумная контрабанда в целях спекуляции! Сколько штанов на душу-то приходится, а, мужики?»

Некоторые из сидящих снова заулыбались, пряча улыбки в бороды.

– Тут мы молчим – спорить не приходится. Нешто, думаем, в «чеку», в ОГПУ то есть отправка будет? Так нас разэтак, через хомут... А Успенский призадумался – видать, принимает решение. «А где у вас старые-то портки, запорожцы хреновы? – любопытствует. – Ведь сохранили, поди, и старые по жадности своей? А ну-ка быстро их сюда предъявить к досмотру!» Ослушаться не посмели, Отоюшка, постаскали с возов стары портки, сложили кучей... Господи, грехи наши тяжкие! – Рассказчик перекрестился. – Нешто, думаем, такую рвань skonфисковывать будут? А начальник тута и кричит: «Красноармеец Сазонов! Принести жестянку с керосином и облить. Какая это амуниция – заплаты да дыры, махрой прожжённые?..» И тут красноармеец этот, так его разэтак, окропил кучу керосином, да и пыхнул серянкой. Господи, стоим, что дале будет – не ведаем, но доброго уж и не ждём!

Анисим, разведя руками, смахнул пустую стопку на пол, которая гулко покатила в наступившей абсолютной тишине.

– А дале начальник Успенский говорит: «Слушай мою команду, мужики-сечевики! Контрабандные шаровары... ски-ды-вай долой!» Ну, Отоюшка, тут сопротивление бесполезно. Помялись мы и скинули по одним штанам – по черным-та. Остались в красных, словно енералы. А начальник опять: «Ски-ды-вай дале!» Скинули – и остались в голубых, чисто ангелы небесны. «Ски-ды-вай!» Стоим в зелёных, ако кузнечики луговые. «Ски-ды-вай!» Вот и жёлтеньки теперя показались. «Ски-ды-вай!» Тут уж, кто в каких остался, не приведи Осподи... Красноармейцы гогочут, а мужики-то едва что не плачут. А как всю контрабанду поснимали, несут, значит, нам большущий куль. Пересчитал Успенский добро – пятьдесят шесть штук оказалось – сложили их в два куля, завязали и печатью припечатали. А мы, Отоюшка, остались ведь в одном исподнем. Красноармейцы опять хохочут над нами: «Вона каки красавцы! Теперя по тракту до самого дома все девки да бабы ваши будут!»

Анисим, завершая невесёлый конец рассказа, погладил свою рыжую бородёнку и похвалился.

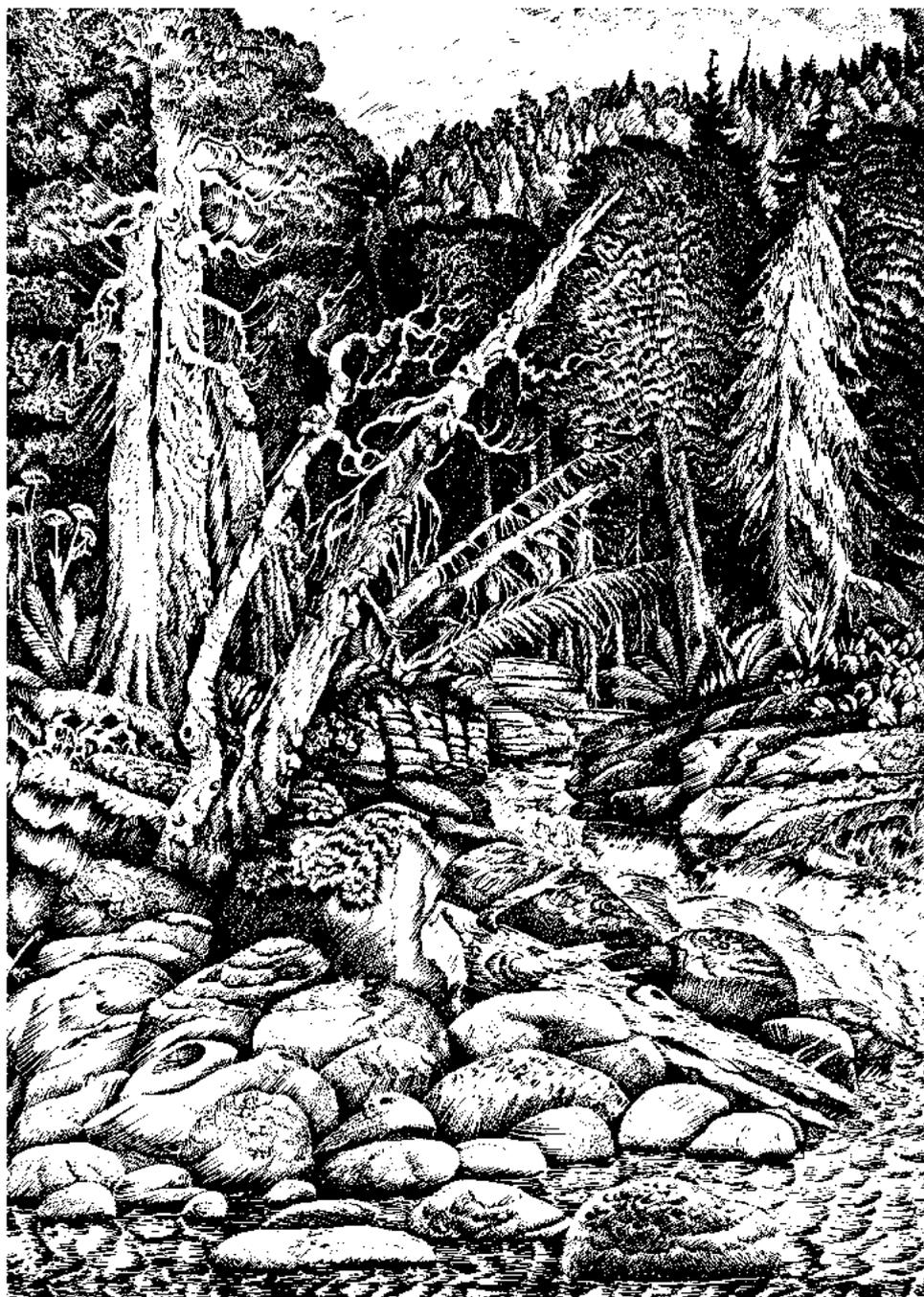
– И тогда начальник Успенский, поимев до меня особое доверие, заявляет: «Сии кули с шароварами, товарищ Анисим Герасимович, всенепременно в сохранности доставите в Минусу и сдадите под документ-расписку в детский приют. Пускай пацанва и девчонки опосля перешивки в новом обмундировании ходят! А расписочку при последующем извозе предъявите мне. Да не забудь, товарищ Анисим Герасимович, отлепортовать детишкам в Минусе, мол, подарок выслан от красных пограничников с дальней заставы Барба-хак!

Анисим, закончив повествование, снова заметно погрустнел.

– Вот и понужаем мы, Отоюшка, конвоируем собственные портки-шальвары по указанному адресу. Ладно хоть, не в «гепеу», а в приют! К тебе же, по нашей дружбе, просьбица – уважь, паря, не разглашай сию конфузу! Засмеют ведь народ, через хомут нас в дугу!..

Мужики, рассевшись по своим телегам и тщательно зарывшись в сено, тронулись в дальнейший путь – на Минусу. В последней телеге хмельной, никогда не унывающий Митрий распевал:

– Петроградски девки модны, ходют целый день голодны...

Глава 12. Джойский стербятник

Бескрайни просторы Кёгменских земель¹, но редко доведётся встретить кого-либо из людей в глухой тайге или в предгорных распадках, а тем более на продуваемых всеми ветрами снежных гольцах. Самая обитаемая часть их – это Хонгорайская степь с прилегающей к ней плодородной котловиной Четырёхречья², однако и здесь, куда ни глянь, простираются лишь пологие степные холмы, разделяемые редкими перелесками вдоль ручьёв и речек – и нечасто встретишь одинокую юрту пастуха, а тем более крохотный затерянный посёлок. Вокруг же, по всему горизонту, тянутся цепи гор, в которых выделяются своими белоснежными шапками несколько тасхылов³. И над всеми ими возвышается, конечно же, ослепляющий своей белизной священный пятиглавый Борус.

На восходе солнца причудливые тени придают его вершинам объём, и гора напоминает профиль смотрящего в небо воина-степняка: тот же приплюснутый нос, те же выдающиеся скулы и ниспадающая на прилегающие к нему горы пониже тёмная борода. Будто прилёг усталый воин отдохнуть за первой цепью гор, из которых вытекает синяя-синяя река, да и заснул на много веков. Или, может быть, потерял сознание от глубокой раны – и его голубая кровь всё бежит и бежит, питая собой священный Улуг-Хем?

Там, за этой горной цепью, и ещё за великим множеством труднопроходимых хребтов находится земля Кэм-Кэмджиут⁴ – и откуда зимой, по застывшей реке приходили чужаки, а потом и воины Джучи-хана с жадными раскосыми глазами и чёрными, как ночь, волосами. Приходили, чтобы грабить и безжалостно убивать всех от мала до велика. Для захватчиков во все века существовали лишь два пути в эти земли: один, изнурительный и возможный только летом – по реке Адарчын, и другой, что значительно легче и короче – зимой по льду застывшего Улуг-Хема. Всего-то три сотни вёрст вниз по течению, меж крутых, покрытых тайгой и глубочайшим снегом берегов... Правда, перекаты и пороги закрывались ледяным панцирем только лишь к середине зимы.

¹ Средневековое название Хакасии.

² Минусинская котловина.

³ Горные вершины, на которых практически весь год держится снег.

⁴ Древнее название Тувы.

Этим относительно коротким путём чаще всего и пользовались воинственные грабители-степняки. Но однажды встала на их пути преграда, возведённая уже человеческими руками – крепость Умай-Тура. Высокий земляной вал с плотной деревянной городьбой поверху был насыпан от скального прижима правого берега до самой воды, а перед ним дополнительно вырыт глубокий ров. И вся ширь Улуг-Хема, от вала до противоположного берега, каждую зиму ошетинивалась стеной вмороженных в лёд брёвен. За этой городьбой могли надёжно прятаться меткие лучники, которые по первому сигналу сторожевого поста на вершине скалы Хабас¹ быстро занимали свои места, ведь с высокой отвесной скалы река просматривалась на много полётов стрелы вверх по течению... Только очень многочисленные и крайне самоуверенные воины могли решиться на штурм этой твердыни. И не раз с тех пор защитники давали грабителям достойный отпор, устилая лёд телами незваных пришельцев, не раз возвращались вверх по Улуг-Хему лишь жалкие остатки отрядов чужаков.

Но для местных жителей и самой удобной дорогой через труднопроходимую тайгу, и транспортной артерией через бескрайнюю степь изначально был и доныне чаще всего остаётся лишь он – Йонесси, Ким-су, Улуг-Хем, Енисей-батюшка...

* * *

Неохватно велика сибирская земля, пришлому человеку порой может показаться даже, что нет у Сибири ни конца и ни края. Действительно, куда ни глянь, всё те же горы да горы вокруг, к тому же поросшие сплошной дремучей тайгой. А в тайге той на каждом шагу подстерегают человека смертельные опасности: это и крутые узкие лога со звонкими ручьями посредине – но с непроходимыми завалами деревьев и предательски скользким мхом на камнях; это и открытые каменные россыпи-курумники – но опять же предательски подвижные, готовые сорваться и погresti неосторожного путника под собой; это и отвесные скальные гривы, тянущиеся от вершины к вершине – где едва ли не на каждом шагу неожиданно открывается под ногами отвесная глубина; это и хозяева тайги медведи, которые далеко не всегда уступают путь пробирающемуся через заросли человеку; это и... Да что там говорить: не дай Бог оказаться в гуще тайги, вдали от реки, если не знаешь охотничьей

---

¹ Помощник (хакасск.)

тропы – пусть и далеко не лёгкой в любое время года даже для привычного таёжного охотника!

Только реки испокон веков являлись самыми лёгкими путями через опасную и бесконечную тайгу, хотя назвать такой путь «лёгким» решится кто-то лишь в сравнении. Ладно ещё плыть вниз по течению, хотя и здесь подстерегают тебя коварные бурлящие пороги или пенящиеся мелкие перекаты – а каково подниматься вверх, неустанно толкая лодку вдоль кромки берега? Иногда, особенно в большую воду, чтобы подняться десяток вёрст, приходится весь день махать тяжёлым длинным шестом, а то ещё выбираться на галечниковую косу и тянуть лодку на верёвке. Да так тянуть, что потом остаются на плечах от верёвки синие отметины...

А кто созерцал таёжную реку в половодье, когда только что протаял нетолстый слой почвы, накопившийся за десятки а то и сотни тысячелетий на голом когда-то камне – и талая вода вдруг разом устремляется вниз по склонам, в русло? Тогда нет уже ни песчаных кос, ни звериных тропок вдоль берега, да и самого-то берега тоже нет, а только бешеный мутный поток, несущийся с шумом и треском между гор, сквозь тайгу. Волочёт он на себе, словно не желая расставаться с добычей, подмытые вековые деревья, совсем недавно одевшиеся нежной молодой листвой и старый, лежавший где-то с прошлых половодий, ошкуренный от коры и выбеленный летним солнцем коряжник. Не приведи Господь сунуться на лодке в такую стремнину, ибо не так много шансов даже у самого отчаянного и опытного смельчака остаться в живых. Правда длится этот «вселенский потоп» недели две, и заканчивается к середине первого летнего месяца июня, а в остальное время года река – это и дорога, и рыбная кормилица, и отрада для глаз в жаркий полдень...

Всё это, только в значительно большем масштабе, относится и к самой большой реке Сибири – к батюшке-Енисею. Должно быть, ещё казаки атамана Ермака, замерев в восхищении на крутом берегу, нарекли его «батюшкой», поскольку за другой великой русской рекой уже давно укрепилось уважительное Волга-матушка. Да, способен поразить Енисей своей мощью и величием даже людей бывалых, немало чего удивительного на своём веку повидавших...

* * *

По левому берегу Енисея, скатываясь с Джойского хребта, впадает в него одноимённая речка Джой, а чуть ниже пенится и бурлит опасный каменистый порог, не замерзающий даже зимой – опять же Джойский. На взгорке, в самом устье притока притулилась к поросшему густым лесом крутому склону изба: старая, но ладная и ещё крепкая, из могучих кедров рубленая. За многие годы населяло ту избу не одно поколение таёжных отшельников – служилых лесников. Они сменяли друг друга, отслужив положенное время или до конца прожив отпущенное Богом. Кто-то из них помирал своей смертушкой, кто-то в тайге лютым зверем был задран, а кто и тонул в том же коварном пороге, по соседству с избой. Джойский порог всегда был суров и беспощаден к людям...

В тридцатом году, неся государственную службу, жил со своей семьёй в казённой избе на Джойском пороге очередной лесник – Ефим. Служба лесническая, надо сказать, была на кордоне пустяшная, потому как порубщиков леса в этой глухомани не водилось, а периодические таёжные пожары в одиночку всё одно не потушишь. Так что оставалось в таких случаях лишь следить, чтобы к самой избе пламя не подобралось. Жил лесник с довольно многочисленным семейством: женой Дарьей, тремя сыновьями – Трифоном, Санькой и Колькой, да ещё с древней старухой-тёщей, которую именовали Никулихой.

Была, правда, у него прежде ещё и дочка-малолетка Машенька, но тому три года назад довелось переплавливаться в лодке Ефиму с двумя сынами и Машей на противоположный енисейский берег за черникой-ягодой, которой в ту осень там уйма народилось. Лодка возьми да и перевернись на скрытом водой камне – и понесло всех быстрое течение прямо в клочущий порог. Тут уж, как говорится, спасайся кто может!.. Лодку, само собой, разнесло в щепки о камни, вся поклажа сгинула в водной пучине, и выбрались на мокрые камни всего трое: Ефим да двое сынов. А Машутку-семилетку, утробно ворча и отплёвываясь седой пеной, проглотил, забрал себе беспощадный порог...

Лесник, сумрачно глядя на спасшихся Трифона и Саньку – здоровенных уже на ту пору парней – сокрушённо проговорил:

– Маху дали мы с вами, ребятки! Не уберегли Машутку, царствие ей небесное! Но, знать судьба была дадена девке такая, неласковая...

И тут же, едва перекрестившись в помин невинной души, досадливо крикнул:

– Эх, карабин жалко! Добрый был карабин – австрийский, прицелистый...

Таков был джойский лесник. Непомерно жаден Ефим был ещё с молодости, из-за этой своей жадности и в неведомую Сибирь подался – сразу после того, как отслужил действительную царскую службу. Дело было ещё до революции. Бросил он избёнку-развалюху в нищей вятской деревушке, положил в заплечную котомку почти новые солдатские сапоги да две пары лыковых лаптей – третья пара на ногах, – помахал из-за плетня рукой матери-старушке на прощание, и подался на лёгкие хлеба. Из Вятской губернии пошагал пешим ходом прямо на восток, в сибирские неведомые края... Ну да молодой был мужик, крепкий! Две лишь мысли весь путь в голове сидели: выдюжат ли лапти до Сибири и доколь трёх пар хватит?..

Три пары лаптей выдюжили аж до могучего Енисея, до удивительно красивых Саянских гор. Однако не красотами природы Ефим обольстился, остановило другое: на его удачу оказалась вакантной должность лесника на Джойском кордоне. Это ещё выше по Енисею от приютившей его последней охотничьей деревушки, то есть, даже по здешним меркам, в таёжной глухомани. Охотников среди местных мужиков туда не находилось, потому как слава о тамошнем отшельническом житье-бытье и о коварном Джойском пороге ходила недобрая. Так, бытовала среди местного населения то ли сказка, то ли быль о неких женихе и невесте, утонувших в пороге и теперь в лунные летние ночи нередко пугавших людей. Именно по упомянутой причине последний из лесников поспешил уволиться, не прожив на кордоне и года. Может быть, историю с привидениями он сам и выдумал, но этого уже доподлинно никто сказать не мог...

Ефим утопленников не боялся, поэтому не только сам поселился в старой избе, но вскоре привёз из села Означенное и молодую вдову-солдатку Дарью, а в приданое выторговал за ней корову-первотёлку. Вятские, известное дело, мужики хватские!

Не потревожили дальнейшую жизнь лесника ни революция, ни гражданская война, которые прокатились где-то мимо, незаметно. Так что отсиделся он в своей таёжной избе и от колчаковской мобилизации, и от красноармейского набора. Когда же окончательно установилась Советская власть, Ефима опять же не тронули, потому как в лесниках нужда, знамо дело, при любой власти имеется: народное хозяйство тоже присмотру требует. А Ефим, к тому времени основательно укоренившись, стал на своём кордоне процветать да поживать за милую душу. Конечно, жалование лесниковское за всегда было мизерным, но он уже уразумел, что и порог может стать воистину щедрым кормильцем. И то, рыбы в притоке и в самом Енисее невпроворот, так что лови сетями ленка, тайменя, хариуса, стерлядь – и поспевай только сплавлять тяжёлые бочонки с солониной на рынки-базары большой деревни Шушь и города Минусинска. С рыбного-то промысла пошла к нему деньга как заговорённая, а с ней и жадности у Ефима ещё поприбавилось...

А тут ещё обнаружил он торную звериную тропу чуть пониже порога, что вела к звериному переходу через Енисей. Именно в этом месте почему-то испокон веков переплывали быстрюю реку маралы – сибирские олени, косули – по местному козы, ценная своей мускусной струёй кабарга, а то и хозяйева тайги – медведи. Любой зверь в воде – добыча лёгкая, и во время звериного переселения только дурак, как решил Ефим, будет сидеть дома, да валяться с бабой на печи. В такие месяцы он ни времени, ни патронов не жалел. И немалая деньга попёрла к нему ещё и с этой стороны. А кроме того, зимой промышлял соболя, белку и колонка, а по осени ядрёный кедровый орех, который сбывал десятками мешков-кулей. Кедровую шишку ему трудиться-сбивать вовсе и не надо было. За стенами избы бывало дождь проливной хлещет, ветер деревья раскачивает, гнёт, чуть ли не валит, а лесник со своей Дарьей попивают чай горячий в избе, поглядывают в окно и радуются. У них на этот случай да про такую погоду на обручах куски старых рыболовных сетей натянуты. В верховьях-то Джоя кедровники богатящие, вот оттуда и принесёт вода сбитую ветром шишку – только выходи с утра пораньше, едва развиднеется, подставляй сетки да выгребай на берег дармовое добро таёжное, что сплошняком плывёт. Кормилец Джой, ох кормилец!..

Словом, зажил Ефим с семьёй не просто безбедно, а уже и зажиточно. Жена Дарья тоже расстаралась: троих сынов на свет произвела да дочку Машеньку, которую, правда, забрал Джойский порог вместе с австрийским карабином. Царствие ей небесное, ибо на все воля Божья... Не вернёшь дочку, а из оружия осталась тогда одна лишь безотказная казённая винтовочка российская, системы капитана Мосина. Однако вскоре, по накопленному богатству, приобрёл он дорогой бельгийский дробовик. Хороший дробовик, ведь леснику, знамо дело, без оружейного арсенала никак не прожить...

На ту пору по мимолётной доброте душевной, а может и по какому умыслу, перевёз Ефим из Означенного и тещу, мать Дарьину. Старуха древняя, но помирать всё не собиралась и, в соответствии со своими старушечьими недугами, завсегда погоду верно предсказывала. Так что хотя и жила Никулиха исключительно на печи, но исправно предупреждала и о дожде, и о сильном морозе, и даже о непредвиденном прибытии воды в Енисее. Был у неё и ещё один неоспоримый талант: толковала Никулиха сны – как страшные, так и самые казалось бы пустяшные. Как уж так у неё получалось, но всегда в точку! Словом, даже старая карга большую пользу приносила в хозяйстве без особого неудобства для Ефимовой семейной жизни.

Что там рыба, зверь, шишка – это для лесника было лишь начало! Богатство, как люди утверждают, завсегда к богатству льнёт. А ещё труднее порой предугадать, где и когда оно в очередной раз привалит! Вот и Ефим однажды присел передохнуть-покурить у небольшого ключика, из малого ложка в Джой бегущего – а ключик бежит, журчит, солнечными бликами отсвечивает, вроде как ему улыбается. Присмотрелся лесник, и даже вслух воскликнул: «Господи, мать честная!» Все-то дно ручейка вспыхивает рыженькими огоньками! Загреб, зачерпнул рукой горсть песку вместе с золотишками, поднёс к глазам... Оно, оно самое! Оно, родимое, из которого на монетных дворах тяжёленькие червонцы льют-печатают! Ни с кем он своей тайной не поделился, даже Дарья ни сном ни духом не ведала, что появилась с этих пор у мужа заветная бутылочка, во мху под камнями-курумами припрятанная. Пусть не так скоро, как хотелось бы, но месяц за месяцем пополнялся и тяжелел штоф зелёного стекла...

Была у Ефима и ещё одна, тайная для всех посторонних статья доходов. В пороге, у самого левого берега три отдельных скалы острыми зубьями выпирали из енисейского дна. Первая по течению, самая опасная для незнающих людей, так и называлась – Разбойная. Ниже её скала с названием Сеновал. Название пошло от случая, когда течение аккуратно уложило прямо на неё большой плот с сеном. Хозяин сена, сам при этом едва не утонувший, от пережитого страха да от огорчения после и думать про него забыл, зато лесникова корова вволю кормилась неожиданным подарком почитай до самой весны. Доброе было сено – на таёжных елянях кошеное... А вот третья скала, нижняя по течению и самая безобидная на вид, собственного имени не имела – скала да и все, но возле неё всегда была зачале-на одна из лодок лесника. Зачем? Да так, на всякий нужный случай. И случаи нужные, надо сказать, бывали нередко. Скажем, идёт вниз по Енисею плот на два-три става – вместительный плот, что и говорить! На таком, случается, люди сплавляются в Минусинск и товар из Тувы везут. Бывает, что лоцман на плоту зазевается или неправильно оценит скорость течения, не примет вовремя ближе к правому берегу – тут и беда! Затащит плот в левую протоку, прямо на три острозубые скалы, развернёт поперёк, да и пойдёт крушить о камень, бревна по порогу размётывать. Паника, крики, люди и товар в воде! Лесник с сынами всё видят, но на помощь не спешат, поскольку у Ефима всё расписано. Вот товар уже весь смыло, значит теперь и людей, в воде барахтающихся ловить пора. Выгрбают он с сыном Трифоном из-за нижней скалы на спасательной лодке, подхватывают руками, а то и багром цепляют за одежду утопающих. И всё вроде бы ко времени и ладно получается – хоть медали им на грудь вешай! Правда, был случай, утонул один тувинец, поскольку не успели к нему. Да ведь спрос-то с лоцмана, не с лесника... Потом горячим чаем потчуют в своей избе Ефим с Дарьей бедолаг, горю сочувствуют, даже поутру снаряжаются со старшим сыном на обеих лодках до Означенного. Как же, надо пострадавшим людям помощь оказать! Правда, бабка Никулиха не забывает прокаркать с печи на прощание: «За чаек-то, сердешные, оставьте каку-никаку денежку! Дорог ить нынче чаек-то!»

А товар потонувший или меж камней прибитый спустя время он с сынами острыми кошками зацепят, в баньке просушат... Цвета-

стые тувинские ковры, как родные, приживались в избе у лесника, на чердаке грудились лосиные и маральи шкуры, пузатились мешки с овечьей и верблюжьей шерстью. Так что кормил, поил Джойский порог Ефима не только таёжными богатствами, но и людской бедою. А лесник матерел, богател – но жадность его не унималась, а наоборот, захватывала сильнее и сильнее. Всей душой, если она у него осталась, всем своим нутром чуял лесник: это ещё не вершина его богатства, это только начало...

Однако божьей карой для лесника было чудище, обитавшее в глубоком улове между скалой-Сеновалом и скалой-Разбойной. Громадный таймень, никак не менее пяти-шести пудов весом, продырявил и изничтожил уже с десятков новых дорогих сетей. Даже самая прочная сеть для него была, что коту паутина в амбаре! По вечерам и утрам таймень устраивал настоящую пушечную канонаду в улове: покажется из воды, извернётся, ударит огромным хвостом по рыбьей стае – ровно из полковой гаубицы бабахнет. Дарья попервости пугалась, ойкала, а Никулиха на печи мелко крестилась: «Святой Боже, святой Боже!..» Она же и назвала тайменя «антилеристом». Вот так, с шумом и грохотом этот лиходей постоянно и завтракал, и ужинал. Ворочая волну, он неспешно выбирал оглушённую рыбу, которая покрупнее, брезгая мелочью...

От такой непреходящей печали относительно тайменя у Ефима даже видения начались: будто бы надумал он заказать четыре новейших пеньковых сети аж в самом Ачинске, что стоит далеко на Чулым-реке. Денег будто бы немалых на это дело не стал жалеть, и доставили ему вскорости сети самые что ни на есть наипрочнейшие: пенька на плетенье пошла добрая, из которой судовые канаты вьют.

«Ну, держися теперя, чудище, – думал он со злорадством, предвкушая, как поставит эти сети с сыновьями, – отгулял пожалуй! Теперя обложу тебя так, что вовек не вырвешься!

Дальше снилось леснику, будто поставили они с вечера сети, а утром уже не было слышно привычной канонады в улове. Вот, кажись, и запутал сам себя в прочных путах «антилерист»! Уразумев такое дело, Ефим с сыном Трифоном похватали тяжёлые багры и с опаской подгрести на лодке к тяжело ворочающемуся злодею.

Даже взмокли, пока его добивали. Причалив к берегу, присели возле избы на скамье перекурить, и довольный Ефим будто бы толкует сыну:

– Всенепременно целиком на свадьбу дочки Поташиных в Минусу доставим! Деньга за такую громадину будет очень хорошая!..

– Сколь, батя, взять-то хочешь? – любопытствует Трифон.

Ефим почесал затылок – как бы не продешевить. И тут... проснулся.

Приподнялся лесник на своей широкой кровати в избе и заохал от досады и полного огорчения. Вскочив на ноги, обматерил Дарью и Трифона, пнул подвернувшегося некстати кота. В сенцах хватанул полный жбан квасу и только после этого опомнился. «Вот те и деньга от Поташиных! Вот тебе и улов! Да ведь и сетки-то из Ачинска всего лишь в задумке были, так-перетак твою мать!..»

Вышел окончательно расстроенный лесник во двор по малой нужде – а из улова гулко «Бах! Бух! Бабах!..» Будто из пушки-гаубицы «антилерист» пристрелку утреннюю ведёт. Ну, сплошь прямые попадания, аккурат по Ефиму! Так его разэдак, злодея этого!..

Хотя сон Ефиму был ясный, однако же требовал дополнительного толкования. Как ни крути, а без бабки Никулихи тут не обойтись. Плюнул лесник в сторону покрытого утренним туманом улова, где сытно завтракал злодей и зашёл в избу. Сел в переднем углу, против печи, где за занавеской проживала бабка, прикинул и так и эдак – и решил, что без припрятанной четверти самогона сладу со сварливой старухой не будет. Да и самому похмелиться желательно, поскольку вчера рождение Дарьи справлял. А бабка в таком разе откровенней и обстоятельней всё обскажет...

Для начала отослал он с младшим сыном Колькой старухе на печку полстакана первача. Старуха одобрительно забормотала, зашамкала беззубым ртом, посасывая солёный огурчик. Налил помалу среднему Саньке и соучастнику сна, старшему Тимофею. На Кольку, по его малолетству, запрет действовал, а Дарья похмеляться напрочь отвергала. После этого и Ефим самолично употребил полный стакан. Вроде как полегчало.

А бабка Никулиха из-за своей занавески ещё надеется, вниз поглядывает. «И когда ты сверзишься со своей верхотуры, ведьма

старая?!» – подумал лесник, однако же отослал с Колькой на печь ещё четверть стакана зелья. Прикинул, что можно, пожалуй, теперь уже и обсудить во всех подробностях интересный сон.

Все семейство лесниково, затаив дыхание, слушало повествование Ефима. Раз только Трифон перебил рассказчика:

– Так сколь, батя, взять-то хотел деньги с Поташиных?

Но Ефим на такой вопрос лишь огорчённо сплюнул и так глянул на сына, что тот язык проглотил. Никулиха же, выслушав до конца, завозилась на печи, потом уселась поудобнее и забормотала:

– Ох, Ефимушка, сон правду человеку кажется, да ить не всякому. Пришёл к тебе сон из семи сел, привёл старушек из семи деревушек... Хорош сон али нет, то мне истинно ведомо. Ежели не вовсе хорош, так давай ишшо маненько в стаканчике – я ево живо подправлю.

Леснику деваться некуда: в третий раз отправил гонца-Кольку на печку. Никулиха пожевала там беззубым ртом огурчик и, видать, окончательно размякла от удовольствия.

– Так что, стало быть, Ефим Евстигнеич..., – начала Никулиха.

«Вот ведь, ведьма старая! Даже по отчеству повеличала...» – подумал довольный лесник.

– Ждёт тебя в скорости полное благополучие. Агроматная рыбина, «антилерист» энтот сулит богатство в дом. А перед тем пройдёшь ты соблазны великие, страсти страшные, труды трудные. Все переборешь, так я разумею, хотя и ужастей хлебнёшь многовато. Как станешь богат, не забывай на печи и меня, вещунью правдивую! А сон, Ефимушка, хвали, когда сбудется. Пришёл этот сон из семи сел, привёл старушек из семи деревушек...

Никулиха, захмелев, стала бормотать что-то уж совсем несуразное и непонятное, и вскоре затихла за занавеской, только посапывала носом. Ефим вышел на крыльцо избы, глубоко вздохнул, погрозил кулаком в сторону «антилериста». Тот, видать, уже «отстрелялся» и сытый залёг в глубине улова. А Джойский порог всё так же гремел, шумел, плескал тугими волнами в своём каменном русле, противясь Енисею, рвущемуся из теснины Саянских гор на север, на равнинный простор...

Глава 13. Отпуск господина Фэна

Для кого-то война – это карьерная лестница, путь вверх, для кого-то – путь дальнейшей наживы, и только рядовые солдаты ставят в этой опасной игре на кон самое дорогое и единственное, что у них есть – собственные жизни. Ну что ж, гибель солдат – это всегда было побочным эффектом большой политики...

В разгар гражданской войны, в слепящую метель ноября двадцатого года на станции Маньчжурия Китайско-Восточной железной дороги встретились два вооружённых отряда. Японский полковник Рокуро Идзомэ, козырнув представителю атамана Семёнов, казачьему генералу Павлу Петрову, с любопытством приподнял мешковину, закрывающую тяжёлые ящики – сквозь щели в досках тускло просвечивало золото. Петров сразу же потребовал: «Так не дам! Пишите расписку!» Таким образом японское правительство приняло на «хранение» часть золотого запаса России: двадцать ящиков с царскими червонцами и два ящика с золотыми слитками, чтобы, по договорённости, переправить их в «Июкогами Сиокин банк» и не допустить захвата большевиками. Больше этого золота Россия не увидела. Как предполагает британо-американская фирма «Пинкертонс», в подвалах японских банков за годы гражданской войны оказалась весомая часть золотого запаса Российской империи, ведь Петров был не единственным, кто сдавал японским военным золото под расписку. Чуть раньше генерал колчаковской армии Сергей Розанов погрузил на борт японского корабля «Хидзэн» сорок пять ящиков золотых слитков. Последним отметился семёновский адъютант Клок, передавший «на пятилетнее хранение» Японии пять тонн монет и два ящика слитков.

В Госархиве Японии хранится договор с белогвардейцами от 1920 года, где в статье девятой указано: «Япония официально обязуется вернуть золотой депозит России, если он не будет использован на закупки вооружений». Но адмирал Колчак на допросах в ЧК и генерал Семёнов в своих мемуарах указывали одно и то же: японцы не поставили им ни одного боевого патрона, не говоря уже о заявленных танках. По словам Колчака и Семёнова, это стало едва ли не главной причиной, по которой Белая Армия в Сибири потерпела крах. Вплоть до сорокового года атаман Семёнов трижды обращался в верховный суд Япо-

нии, требуя вернуть золото. Наконец в 1940 году суд вынес решение, что, хотя факт получения золота японцами установлен, но поскольку Дальневосточная армия Семёнова больше не существует, частное лицо не может быть правопреемником Российской империи и Романовых, которым изначально оно принадлежало.

В японской печати неоднократно высказывалось мнение, что, кроме упомянутых выше сумм, какое-то количество золота, захваченное японскими войсками в Сибири, было скрыто японскими офицерами от своего правительства и присвоено ими в личную собственность. А сколько осело в карманах самих колчаковцев и в тайниках, спешно ими организованных во время кровопролитных боёв и отступления, тоже никто достоверно не знает...

* * *

Абсолютно прав был барон Унгерн, утверждая, что революция – это вселенская эпидемия. Как при нашествии страшной чумы каждый находящийся поблизости рискует заразиться, как бы он не оберегался от невидимых бактерий, так и революция незаметно переползает через любые границы, проникает в умы людей, ослепляет разум и толкает на братоубийственную войну. И в любой революции гражданская война неизбежна: как течение и как кризис этой страшной болезни. Из мятежной России, уничтожив там миллионы жизней, она двинулась во все стороны: и на запад – в Европу, и на восток – в Китай...

Революционное движение, развернувшееся на юге Китая, привело к образованию в семнадцатом году военного правительства защиты республики и, как и в России, политическая ситуация в стране окончательно вышла из-под контроля. А в двадцать первом году, по опыту соседней революционной Монголии, Советской Россией с помощью Коминтерна создаётся Китайская коммунистическая партия, правда, очень малочисленная и не пользующаяся в тот период никакой популярностью. Парадоксально, но в ней и числилось всего сорок четыре члена, причём многие из них впоследствии изменили свои взгляды и вышли из компартии. Тем не менее, коммунисты примыкают к сильной партии Гомиьдан¹, возглавляемой Сунь Ятсеном, которая ведёт борьбу за национальную независимость страны, а через два года в Китай в качестве советника уже прибывает специальный посланник советского правительства

¹ Национальная партия.

Бородин с тысячей военных специалистов. Тут же вооружённые силы Гоминдана начинают интенсивно насыщаться советским вооружением. Когда же в марте 1925 года Сунь Ятсен умирает, Сталин спешит воспользоваться этим для усиления советского влияния в высших властных эшелонах Гоминьдана – так он хочет обеспечить доминирующее положение в нём малочисленных китайских коммунистов, которые затем могли бы окончательно «оседлать» революционное движение. Планам СССР однако помешал ближайший военный советник Сунь Ятсена Чан Кайши, который осуществляет в Кантоне военный переворот и выдворяет из города коммунистов. А следом, укрепившись окончательно, изгоняет из страны и советских военных советников. Так завершился «странный союз» Москвы и Гоминьдана, тем более что ГМД и КПК уже не скрывают своего антагонизма и дело начинает доходить до прямых вооружённых столкновений.

По рекомендации Сталина, в декабре 1927 года в Кантоне было поднято коммунистическое восстание, которое после четырёх дней кровопролитных боёв гоминдановцы жесточайшим образом подавили. С ликвидацией кантонской коммуны дипломатические отношения между Москвой и гоминдановским правительством были разорваны, а Чан Кайши продолжил успешно наступать по всей стране – и вскоре его войска овладели Пекином. Однако, несмотря на все попытки Чан Кайши окончательно расправиться с коммунистическим подпольем, КПК не просто выжила, но и укрепила при поддержке Советской России свои силы. Вынужденная отступить под нажимом Гоминьдана, она закрепилась вместе со своими вооружёнными отрядами в горных приграничных районах провинций Цзянси, Хубэй и Хунань. Там была установлена китайская советская власть и начато формирование Китайской Красной армии, так что очередная гражданская война была уже не за горами...

В одном из боёв противоборствующих китайских группировок за город Шанхай сокрушительное поражение потерпел особый отряд белогвардейцев под командованием генерала Нечаева: три сотни русских солдат были взяты в плен. С присущей воюющим сторонам жестокостью всем пленникам отрубили кисти обеих рук. Когда генерал Сун Чуанфан узнал об этом, то приказал отрубить уже отпущенным пленным и головы, заявив: «Нет варварства в том, что они убиты – больше позора в отрубленных руках». И всего лишь

несколько человек – те, кто находились в Шанхайском госпитале Международного красного креста, остались в живых...

Этот госпиталь вскоре посетил очень внимательный и доброжелательный к персоналу господин Фэн. Из каких-то своих соображений он едва ли не каждый день стал навещать умирающего русского, Константина Александровича Стронского. Видимо, превосходный французский коньяк, который господин Фэн каждый раз приносил с собой, помог восстановить большую потерю крови – и русский подполковник пошёл на поправку...

Вообще-то офицер японского генерального штаба майор Мацумура нигде и никогда не появлялся случайно. Особенно часто он бывал востребован в зонах активных боевых действий, поскольку слыл опытным, а главное удачливым разведчиком. В Китае давно шла нескончаемая и непредсказуемая своим окончанием гражданская война, поэтому японский военный советник Хироси Мацумура под именем полковника Сун Ши или просто «господина Фэна» закономерно объявился в окружении командующего Северо-восточной группировкой генерала Чжан Цзолиня. Отлично владевший китайским языком, в особенности его северными диалектами, Мацумура очень ценился генералом как военный специалист, но ещё больше, пожалуй, за свою осведомлённость о текущей военной японской политике. Что греха таить, без поддержки японской стороны генерал Цзолинь почувствовал бы себя неудобно даже на своей территории, в Маньчжурии...

Видимо, питая глубокую признательность к своему спасителю, с которым его и прежде связывали некие общие интересы, Стронский при встречах рассказал Мацумуре много неизвестных тому эпизодов из своей прежней жизни – чем неожиданно вызвал явно повышенный интерес японца к своей особе. Благодетель зачастил в палату безрукого русского подполковника, а темы для неторопливых бесед становились, похоже, всё интереснее, поскольку Мацумура стал добиваться перевода Стронского в отдельную госпитальную палату. Руководство госпиталя, получив в качестве весомого аргумента целый ящик французского коньяка, не могло отказать щедрому господину Фэну в его маленькой просьбе.

О чём говорили японский разведчик и бывший русский жандарм, правая рука генерала Нечаева – не узнает никто. Но вскоре

Мацумура получил из Токио, из генерального штаба японской армии и из самой императорской ставки неограниченный по времени отпуск. Ясно, что у кадрового разведчика Японии появилось крайне важное дело, к тому же не терпящее отлагательства. Стронского же обнаружили мёртвым в его отдельной палате сразу же после отъезда господина Фэна из Шанхая. На тумбочке возле полковника стояла недопитая бутылка коньяка, а на полу валялись осколки уроненного стакана...

* * *

Как продолжение всех загадочных этих событий, в мае тридцатого года монгольско-тувинскую границу перешёл обычный, казалось бы, контрабандист, ничем на первый взгляд, кроме японской внешности, не отличающийся от многочисленных в ту пору спиртонош. Шёл он в сопровождении опытного местного проводника, однако тувинские цирики уже на третий день задержали эту парочку: когда нарушители, направляясь в сторону Усинского тракта, подошли к сопредельной советской территории. Спирт у них, естественно, цирики отобрали и тут же, не откладывая дела в долгий ящик, сняли пробу. Товар неожиданно оказался высшего качества.

«Шанхай! Шанхай!» – с гордостью и без заметного сожаления об убывающем на глазах товаре заверил спиртоноша.

Его проводник в знак подтверждения согласно закивал головой. Он-то был хорошо известен здешним цирикам, поскольку периодически выводил своих спутников прямёхонько на их пограничный кордон. Проводника по давнишней обоюдной договорённости каждый раз отпускали с миром на все четыре стороны, пообещав закрывать глаза на его контрабандистскую деятельность, и даже наливали на прощанье стакан конфискованного продукта, не всегда, правда, столь качественного. Таким же образом стражи границы поступили с проводником и на сей раз, а сами продолжили дегустацию содержимого объёмистого бурдюка. В результате чего менее чем через час все пятеро хором пьяным и нестройным исполняли боевые песни, а ещё через полчаса уже спали мёртвым сном на земляном полу юрты.

После этого молчаливо созерцавший происходящее спиртоноша неторопливо завязал отощавший бурдюк и закинул его на спину. Внимательно изучив через откинутый полог юрты местность

и ничего подозрительного не заметив, неспешно направился в нужном направлении. К самой границе подступал узкий горный распадок – он встретил гостя вполне дружелюбно, а через некоторое время тайга и вечерние сумерки надёжно укрыли контрабандиста от конных дозоров...

* * *

Разомлевшие под первыми лучами ласкового утреннего солнца и поминутно зевающие после бессонной ночи дозорные из отряда штабс-капитана Мишина поджидали смену, когда услышали доносившееся с другого конца поляны осторожное потрескивание. Не рассеявшийся ещё, ползущий по траве туман скрывал видимость, искажал звуки, поэтому трудно было понять, далеко их источник или совсем близко.

– Петро, никак медведь ломится? – зашептал тот, что помоложе.

– Какой те тут дурной медведь обзавёлся? Он подкрадётся – и не услышишь. Коза, поди, али марал пасётся. Вишь, ветер-то в нашу сторону тянет... А ну-ка, Ванька, прокрадись по левой стороне да шугани на меня. Я затаюся туточки... Свежее мясо, оно нам не помешает.

– Добро, Петро! Я, чтоб зверь не услышал, по ручью пойду... А ты винтарь-то с предохранителяними, а не то опять запамятуешь...

– Поучи свою мать щи варить...

Однако дозорные не успели осуществить свой стратегический план: прямо на них из зарослей мокрого кустарника выбрался человек. Незнакомец – по виду китаец – остановился, отряхнулся от росы и сторожко замер, прислушиваясь. Не заметив ничего подозрительно, стал поправлять лямки топорщившегося на спине бурдюка, а когда его окликнули, то замер, как вкопанный, и даже без команды медленно поднял вверх руки.

– Шао! Шао!¹ – залопотал незнакомец, услышав окрик, потом перешёл на ломаный русский: – Я долго тайга плутала. Шибко устала...

– Ты кто такой? – спросил Петро, не спеша подниматься из своей засады, – Какого хрена тута шляешься?

– Я спирта вам принесла! Не нада стреляй...

---

¹ Хорошо! Хорошо! (китайск.)

Увидев, что поднявшийся из-за камня человек не в пограничной форме, спиртоноша как-то сразу успокоился и не то попросил, не то приказал:

– Веди насальника – дела еся...

Под прицелом винтовки Василия Петро умело, не в пример тувинским цирикам, обыскал незнакомца – и, один за другим, нашёл два маленьких пистолета-браунинга. Оружие было редкое, неизвестной марки, с иероглифами-надписями на рукоятках, поэтому дозорные, поначалу попросту поделившие их меж собой, вскоре призадумались. А посоветовавшись, порешили, что подозрительного спиртоношу нужно представить штабс-капитану в полном, так сказать, боекомплекте.

Всю дорогу, пока незнакомца конвоировали, восточное лицо его продолжало оставаться бесстрастным, и только в искусно замаскированной среди вековых кедров землянке, куда его привели, выражение лица несколько изменилось. Правда лишь по взгляду можно было догадаться, что удивлён незнакомец прежде всего внешним видом Мишина: штабс-капитан полулежал в офицерском мундире с погонами на покрытом огромной медвежьей шкурой топчане. Понятно, что арестованный ожидал увидеть в землянке что угодно, только не такую идиллическую картину. И реакция незнакомца тоже была неожиданной: он вдруг весь подобрался, вытянулся и, щёлкнув каблуками жёлтых, изрядно поношенных сапог, по-военному приветствовал штабс-капитана.

Конвоиры положили на грубо сколоченный стол полупустой курдюк, следом молча выложили перед офицером оба браунинга. Мишин ничего не спросил, лишь кивком головы подал им знак, чтобы вышли. Какое-то время, не поднимаясь со своего удобного ложа, он молча, снизу вверх, разглядывал доставленного.

«Ярко выраженное восточное лицо, на которое словно бы натянута подчёркнуто вежливая и, скорее всего, привычная маска... – размышлял штабс-капитан. – Именно вежливая, а не подобострастная, поскольку ни малейшего испуга в глазах... Желтоватая кожа лица, раскосые глаза... Китаец или японец? А вот выправка у него, определённо, военная! Что-то не больно он походит на спиртоношу... Хотя то, что это не простой контрабандист, видно сразу: простому спиртоноше ни к чему два таких, необычного голубого воронения, поэтому слишком уж приметных браунинга. Ведь

не на продажу он их нёс через границу?.. Удобное, конечно, и малозаметное оружие, но вот затейливая вязь иероглифов на рукоятках и качество сразу выдают их японское происхождение. Чтобы просто продать, не стал бы он так рисковать... Значит, японец! И ещё лицо у него какое-то холёное, слишком интеллигентное для простого солдата...»

Мишин отметил всё это сразу, как и то, что в бурдюке ещё оставалось литров десять спирта. Очень, очень кстати! Штабс-капитан поднялся и, указав рукой на берёзовый сутунок¹ возле стола, гостеприимно предложил незнакомцу сесть...

Японец назвался господином Фэном, что, при полном отсутствии у него документов, могло быть и правдой. Да и что это меняло, назовись он хоть японским императором? Новоявленный господин Фэн выпил совсем немного и то, видимо, для того лишь, чтобы показать штабс-капитану, что спирт не отравлен. И довольно скоро их разговор принял вполне определённое направление.

– Японская правительства согласна снабзати вас оружие, под некоторый гарантии, разумесса. Мы можем открывать ссёт на васа имя в любой японский банка. Сто не потратить, разумесса, останется лично ваша, господина Мишин.

Штабс-капитан слушал японца очень внимательно, не перебивал и больше молчал, понимая, что этим своим молчанием провоцирует гостя поскорее перейти к главному. Торопиться было некуда, поэтому он терпеливо дожидался, пока японец выложит всё сам.

– По сведения осевидса, коляковсы имела несколько подвода с тязолый ясика. Потом эта ясика странным образом иссезла, когда отступала по река Си-за-я и Го-лу-бая. Я правильно называй, вы меня понимай? – переспросил японец.

– Да, есть такие речки выше по Енисею, – подтвердил Мишин.

– Потом по река Берёзовой – и дальсе, в Тува. У некоторый убитай, особенно офисера, карман был набита золотой сервонес. Но весь золото унеси с собой, разумесса, не могла.

– Разумеется, – подтвердил штабс-капитан.

– Напротив русей Карак был переправа серез река. Поздний вечер коляковса переправила на лодка много тяжёлый, осень тяжёлый ясика, а потома нести их куда-та вверх по русей. Там, говорит,

---

¹ Отрезок бревна.

по склон многа-многа сахт, оставсися от добыся медная руда. Моя думай, в одна из них и сложила ясика, потому несколько селовека рассказала, будта носью в той сторона прогремела взрыв. Моя думай, взрыв был завалена вход.

– Ну, я уже немало сказок слышал про это колчаковское золото, – Мишин усмехнулся. – И от белых, и от красных. А теперь вот ещё и от господина Фэна...

– И подозрительна, назад вернулася только два офицер, – продолжил японец, пропустив реплику Мишина мимо ушей. – Кто имена, мне так и не удалось узнать. Моя люди обсарила этот Карак километр два верх и сторона склон тозе. Но, абсолютна нисего не нашла.

Мишин слушал по-прежнему молча, но по глазам было видно, что рассказ его крайне заинтересовал.

– Мои ребята в деревне Сизой, где как раз эти речки Сизая и Голубая, продали мужикам несколько наганов за два золотых пятирублёвика, – прервал наконец штабс-капитан японца. – Осторожно их поспрошали: «У нас есть что продать, а у вас-то ещё золото найдётся?» И знаете, господин Фэн, что им ответили? – «Да сколь угодно!»

– Нада было пытай те музыка, они бы всё сразу рассказал.

– Они ведь тоже не дураки, – Мишин опять усмехнулся. – Как почуяли, что проговорились и жареным запахло, сразу исчезли. И теперь носа в деревню не кажут.

– Но моя думай, золота у них не так многа. Кое-сто от колсяковсы осталася. Ведь офицер на золото и провиант, и лошадь покупала. Вот если бы найти тот два офицер, сто Карак вернулася...

– Я, конечно, своих поспрошаю, – пообещал Мишин, – но навряд ли что прояснится. Окажись я на месте тех офицеров, то помалкивал бы в тряпочку.

Японец согласно кивнул и дипломатично сменил тему разговора.

– У меня еся есё интереса. По наши сведенья из Тува готовятся отправка ста килограмма золота. Если вам удасса эта груза перехватить, мы есё вернуться к наса разговор про японский банка. Перекрыть тракт и путь по Енисей, моя думай, вам не составит большой труд? Больше того: наса люди скоро-скора сообщит сильна верный информасия о срок отправка.

– Я не думаю, что вы, таинственный незнакомец, хотите сделать мне подарок? – достаточно ехидно произнёс штабс-капитан. – Вам наверняка что-то нужно. Какую часть хотите получить?

– Нет, моя услуга за услуга! Моя интересуется дипломатический поста, который собирается отправить вместе с золото...

Штабс-капитан Мишин беседовал с японцем ещё довольно долго, а потом собственноручно устроил его на проживание в одной из землянок. Так в отряде появился загадочный господин Фэн, который вёл себя крайне независимо и время от времени незаметно куда-то исчезал из лагеря...

* * *

Всю ночь, захватившую его в мшистом пихтаче на подходе к Енисею, продрогший Яшка слышал вдалеке могучий, наполняющий душу непонятной тревогой голос Большого порога. Порой ему удавалось задремать на несколько минут, но усталости это не снимало: в коротком забытии к Яшке являлась всяческая чертовщина, а очнувшись, он снова слышал гул реки – то зовущий, то пугающе враждебный. Снова и снова липкий страх обволакивал тело предчувствием неведомой опасности, и тогда Яшка судорожно нащупывал в кармане рукоятку тяжёлого и холодного, как лягушка, револьвера...

Поначалу привиделся Яшке в полудрёме штабс-капитан Мишин. Протирая белоснежным платочком стёкла пенсне, он укоризненно, словно нашкодившего пацана, отечески журил Яшку: «Слушай сюда, Яшенька, слушай сюда! Жалуется на тебя твоя мама, волнуется мама в Одессе! Зачем ты, Яшенька, без спросу и разрешения гулял по Дерibasовской? Зачем, Яшенька? Ой, грядёт тебе кара за непочтение родителей...» И Мишин начинал аккуратно расстёгивать свой широкий кожаный ремень. Ремень превращался вдруг в большую шипящую змею, которая имела голову господина Фэна, появившегося недавно в отряде при весьма загадочных обстоятельствах. Голова хитро подмигивала узкими глазками, а Яшка, словно какой-нибудь следователь, с подозрением интересовался: «Кто вы будете, господин Фэн, между прочим? Японец или китаец? Убедительно прошу предъявить ваши ксивы и вообще вид на жительство!» А змея в ответ успокаивающе шипела: «Ни-на-да та-ла-пи-са... Ни-на-да вал-на-ва-са...»

В другой раз Яшке примерещился его сотоварищ Ведмедь. Похохатывая, Ведмедь допытывался: «Ответствуй, крест на пуп, Адесса! Авторитетна разъясняю: «чека» – суть «чик-чик», и ваших нет!» Потом Ведмедь надувался, становился начальником одесского уголовного розыска с аккуратной бородкой: «Альзо, итак пан Яша Штоп, при каких таких подробных обстоятельствах смылись вы из мест казённо-отдалённых? Принимали ли, к примеру, ваше личное участие в ликвидации конвоира, красноармейца Трофимова? И каким манером попали в банду Мишина?» Затем следовательно опять начинал всё больше внешне смахивать на Ведмедя, совал Яшке на подпись какую-то бумагу и говорил по-одесски: «Прошу пана, вот туточки... Приложите ручку, распишитесь за полную сохранность известных вам кедров! Пан знает, за какие кедры разговор, крест на пуп!..» Яшка никогда не считал себя трусом, но провести в тайге ещё одну такую ночь он не согласился бы, как говорят в Одессе, ни за какие жареные петушки...

Потому-то и поднялся он утром раним-рано. По крутому скальному хребту спустился вскоре на утёс, что возвышался как раз над центральной частью Большого порога. Где-то позади, скрытое до времени вершинами гор, уже всходило солнце, осевший за ночь в логах густой туман стекал к Енисею и тяжеловесно плыл над водой. А сквозь его сизо-свинцовую плотную толщу неудержимо, свирепо и угрожающе рвался вверх из-под ног мощный рёв порога.

Захолонуло от этого яростного рёва Яшино сердце. Напрягаясь каждой мышцей тела, будто в гипнозе, шагнул он к краю утёса: раз, другой – потом взглянул вниз... И тогда сами собой подкосились у Яшки ноги: он упал на колени, бессознательно и торопливо крестясь, и била его при этом какая-то тревожная до жути, но сладостная и неподвластная человеческой воле дрожь. Внизу Большой порог ревел и метался в узком гранитном коридоре, дыбился пенистыми громадами волн и бурунов, яростно бросал полчища озверевших водяных великанов на штурм скал, сдерживающих стремительный бег реки на север. Тяжёлый гул этого извечного, не знающего соглашений и перемирий сражения содрогал окрестные горы и наполнял замершую тайгу великим священным трепетом...

Оглушённый и заворожённый, долго стоял Яшка на коленях, смутно чувствуя что-то роковое и неизбежное в этой встрече с мо-

гучей стихией. Так вот он какой, Большой порог – ужас, легенда, красота и гордость Енисея!

И только когда первые лучи солнца с вершины горы брызнули вокруг золотом, Яшка, словно очнувшись от колдовских чар, торопливо развязал свою наспинную котомку. С особой осторожностью достал из кожаного футляра «презент» штабс-капитана Мишина – блеснувший на солнце линзами цейсовский бинокль. Распластавшись на скале, Яшка подполз к самому краю утёса и, надёжно скрытый кустом цветущего ярко-сиреневого багульника, приник к окулярам.

Левый и правый берега Енисея на всём участке порога лежали сейчас перед Яшкой как на ладони. Выше по течению, у подступов к порогу виднелось большое и сравнительно тихое улово¹, куда выбегала, резвясь в своём нешироком каменистом русле, речка Казырсуk. Здесь, чуть ниже устья Казырсука было место причала лодок, плотов, а иногда и пароходов, приходивших сверху, из Тувы. Пока же в этой гавани Яшка заметил лишь две длинноносые деревянные лодки, полувытащенные на белый галечник. Ближе, на обрывистом берегу притулились две небольшие избушки и строение, напоминающее амбар. На крыльце одной избушки сидел человек, зажав между коленями винтовку: он явно дремал, рядом лежала фуражка с зелёным пограничным верхом. «Часовой!» – отметил Яшка. Второй пограничник вышел из-за амбара, спустился по тропинке к берегу. Сверкнуло лезвие ножа – чистил рыбу для ухи. Больше людей видно не было. Возможно, спали ещё в избушке?

Яшка чуть повёл биноклем вправо. От амбара, в обход порога по берегу проходила проторенная дорога: по ней к нижнему плечу порога перетаскивались или перевозились на телеге разные грузы. А почти напротив, совсем недалеко от Яшки, нависнув над пропастью ревущего порога, уцепилась за скалу маленькая деревянная часовенка, напоминавшая обыкновенную будку. На её островерхой крыше взблескивал на солнце обитый жостью православный крест. Рядом вбитые основанием в трещины скалы мрачно темнели два деревянных креста. Разглядывая часовенку, Яшка вспомнил рассказанную однажды штабс-капитаном Мишиным её любопытную историю.

..Много лет тому назад енисейский купец Сафьянов сплавлился здесь на четырёх больших лодках из Урянхайского края в Ми-

¹ Глубокое место в реке, яма.

нусинск. Сколько пудов золота вёз он со своего прииска, сказать затруднительно, известно лишь, что утращённый дурной славой и грозным видом Большого порога, Сафьянов решил подстраховаться. В присутствии своих людей он клятвенно расцеловал нательный крест и побожился: «Ежели Господь пронесёт милостиво лады через порог, то да будет заложена на бреге во славу Всевышнего каменная, под железом, часовня!» Но Господь «пронёс», да и то не без помощи опытного лоцмана из села Означенного, лишь три сафьяновские лады, четвёртая же разбилась и затонула. Золота, правда, на ней не было – пропал лишь большой груз кож. Сафьянов тут заколебался: Всевышний-то выполнил уговор лишь частично... А посему повелел практичный купец срубить на скале часовню деревянную, железом же обить только крест.

Яшка ещё раз внимательно осмотрел берег. Ничего нового не было: пограничники уже развели костерок и варили уху, голубой дымок тянуло в Яшкину сторону. Подумал: «Уха-то, верняком, из харюзов!» Облизнувшись, голодный Яшка вспомнил ночной сон и разговор с Ведмедем о кедрах. Ну да, кедры, кедры... Распишитесь за полную их сохранность!.. Ну и где же они, эти самые кедры?

Обернувшись назад, Яшка начал было подкручивать окуляры бинокля, но сразу увидел их: недалеко, на поросшей мелколесьем вершине горы рядом стояли три огромных старых кедра. Такие великаны редко встречаются даже в саянской тайге! Высотой не менее пятнадцати саженей, они стояли тесно, переплетаясь толстыми лапами-сучьями и напомнили Яшке картинку с серебряного портсигара, изъятую им однажды из кармана беспечного фраера в Одессе. Да, это были настоящие три богатыря – кедровый богатырский дозор!

В бинокль кедры просматривались во всех мельчайших подробностях: высохшие, уже мёртвые, быть может двухсот или трёхсотлетние, они всё ещё украшали саянскую тайгу своей дикой красотой и мощью. Расщеплённый ствол одного из них извещал когда-то удар молнии, а сорванная выше человеческого роста сухая кора и глубокие борозды царипин на другом говорили о медведях, приходивших сюда для отметки своего роста и звериной силы.

Ну что же, Ведмедь может не беспокоиться, кедры целы, кедры, как говорится, налицо! Вздохнув и поёжившись, Яшка опустил бинокль и задумался. Вспомнились вдруг беспокойные события минувшей зимы...

Глава 14. Ящана судьба

кружающий мир, несмотря на всю его кажущуюся бескрайность, на самом деле тесен – и людские пути, людские судьбы пересекаются раз за разом в самые неожиданные моменты. Иногда даже начинает казаться, что твоя судьба навсегда связана с кем-то, и связь никогда уже не разорвётся. И если этот человек вдруг уходит из твоей жизни, то, кроме горя, испытываешь и недоумение: почему, за что, кто в этом виноват?

А может и не стоит искать никакой связи, ибо, остановившись возле очередной вехи на своём, вроде бы ни от кого напрямую не зависящем пути, видишь впереди уже не одну, а две или даже три их, зовущие в разные стороны? И ведь какая-то из вех обязательно уведёт тебя от близких и любимых людей! Так что же получается, на каждом распутье выбор дальнейшего пути – это не осознанный процесс, а просто воля случая, и значит, невозможно с уверенностью предсказать судьбу свою или судьбы близких даже на самое короткое время?..

Что же тогда или кто день за днём ведёт каждого из нас вперёд по жизненному пути: путеводная звезда, Божий промысел или ещё какая-то неведомая, необъяснимая душевная тяга? Каждый задавал себе подобный вопрос, но никто, пожалуй, так и не смог ответить на него однозначно. И вместе с тем, определённо есть нечто общее и связывающее всех людей на путаном земном пути – это стремление к любви. Правда, из всех вечных материй мира сего у неё, к сожалению, самый краткий срок...

* * *

В конце ноября по торосистому, ещё не заматеревшему льду Енисея от устья речки Кантегир в направлении села Означенное медленно пробирался небольшой обоз. Три лошадёнки, каждая из которых была запряжена в сани-розвальни, осторожно обходили дымящиеся паром незамёрзшие промоины, тревожно всхрапывая от потрескиваний ненадёжного льда. Обоз был экстренно послан в далёкое село за провиантом для лагеря заключённых.

На передних санях ехал минусинский «контрик» Ведмедь, за Ведмедем следовал он, Яшка – ординарный одесский уголовник. Завернувшись в тяжёлый тулуп, Яшка не без приятности размыш-

лял о том, как через полгода вернётся он к маме в Одессу, завяжет тёмные дела и... «Весь мир исколеси ты, но только одесситы...», – мурлыкал он под нос песенку, ибо был в самом умиротворённом настроении. На задних же санях подрёмывал конвоир Трофимов: не очень разговорчивый, пожилой и добродушный уралец. Была при Трофимове, само собой, винтовка – так, больше для службы и порядка, ведь навряд ли найдутся дураки бежать зимой из лагеря в тайгу? От хлебной-то пайки да тёплого барака – дороже самим обойдётся...

Когда Яшка услышал треск льда и хриплый крик конвоира «Брат-цы! Бра-а-атцы!», то кубарем скатился с саней и, выпрыгнув из тулупа, в несколько прыжков оказался рядом с бьющейся в воде лошадьё и вставшими на попа санями. Мощная струя чёрной воды разворачивала и толкала под лёд тоскливо и предсмертно ржавшее животное. И тут Яшка увидел руку: это была человеческая рука... Она судорожно шарила по закраине крошащегося, ломающегося льда. Рука погружалась в воду и вновь появлялась, с растопыренными в жадном поиске пальцами – немая, но словно бы отчаянно зовущая на помощь: «Бра-а-тцы! Бра-а...»

Плашмя упав на живот, Яшка ужом заскользил по расходящимся трещинам, по бьющей из них воде к этой человеческой руке. «Сейчас, сейчас, сейчас...» – лихорадочно бормотал он, и зовущая рука становилась ближе и ближе. Вот она уже почти рядом, вот она перед самым Яшкиным лицом. Напрягаясь в страшном усилии, он потянулся к ней: ещё, ещё немного... Только осторожно, Яша, осторожно! Ещё полвершка, ещё...

Яшка в своём отчаянном порыве совсем забыл об опасности и о том, что в следующий момент непременно окажется в полынье, рядом с тонущим Трофимовым. И в этот последний момент он ощутил вдруг на своих ногах какую-то постороннюю, чужую и до ужаса нелепую тяжесть. Эта тяжесть придавила его сапоги ко льду, вцепилась мёртвой хваткой, рванула и потащила назад. Отброшенный от края полыньи, тяжело дыша, Яшка перевалился набок, всмотрелся сквозь заливавший глаза пот – и всё понял... Подчиняясь вспыхнувшей ярости, он согнул ноги в коленях и со звериным, полным отчаяния воплем ударил подкованным сапогом. Угодил во что-то мягкое, хрюкнувшее, брызнувшее на лёд алой кровью. Яшка тут же

попытался вскочить, но в следующий миг получил тупой удар по голове – и потерял сознание...

Очнувшись, он понял, что лежит на ворохе сена в санях, прикрытый тулупом. Ведмедь с распухшим багровым носом, сплёвывая кровь, сидел рядом и мрачно смотрел на Яшку:

– Крест на пуп, паря, я тебе жизнь спасал, а ты сапогом в харю! В другой раз точно не удержусь – шею сверну. Усвоил, паря!? А не усвоил – так поможем! А теперь неча прохлаждаться, конвой-то у нас нету – царствие небесное конвоем, паря... И выходит, нынче мы одной верёвочкой связаны, вместях нам и судьбу делить. Ведь не простят нам с тобой Трофимова, ни в жисть не поверят, что и пальцем мужика не тронули! Так-то вот вышло, крест на пуп!

Ведмедь достал кисет, свернул самокрутку, задымил вонючей махоркой и заговорил уже спокойнее:

– Однако не робей окончательно: не первая волкам зима. Ведмедю все тропы дешенные охотничьи ведомы: соболевал я тут, паря, не один годок. Распрягаем-ка из санок лошадок, и где верхами, где и пешими уйдём. Пойловским логом уйдём-ка на тайную заимку. Есть такая фатера у Ведмедя, паря. Ныне там батя с сеструхой, должно, белкованием промышляют... А сеструха-то моя, паря, на выда-нье, Настасья Егоровна стало быть! Ей такие, как ты, чернявенькие, на лёгкую закуску идут! Оглядимся, первачком отмочимся, а там и к куму Оленю подадимся. Кум, крест на пуп, Ведмедя не выдаст!

Так вот и попал Яшка на затерянную в тайге заимку, а затем и в банду, правда, не бывшего есаула Оленева, а штабс-капитана Мишина, державшего в страхе сёла и деревушки по всему Усинскому тракту...

Подкрепившись краюхой хлеба с салом и луковкой, Яшка наконец-то крепко уснул на своём посту у Большого порога. И снилась ему на этот раз Настёна, Настасья Егоровна...

* * *

Выдерга, оторва – как только не называют бойких, разбитных девок в деревне. К своевольной, не по-женски самостоятельной Настёне ни одно из этих прозвищ так и не пристало. Наоборот, за глаза, да и в разговоре называли её то бой-девкой, а то и царь-девкой. И то, в отсутствие затерявшегося на войне старшего брата Павла осталась Настёна не только единственной помощницей по хозяй-

ству для занедужившего после смерти жены Егора, но и напарником его по охотничьему промыслу. Ядрёная деваха запросто могла десяток вёрст пробежать на лыжах, в одиночку в тайге переночевать, да и стреляла отменно: запросто из мелкокалиберного ружья, а то и из карабина белке в голову попадала.

Несмотря на Егорову хворобу, и на этот год собрались они с Настёной по первому прочному снегу на промысел. С кряхтением усаживаясь на подстеленное в дровнях сено, Егор говорил пришедшим проводить их соседям: «Ничё, тайга-матушка, она всё вылечит! Особливо душу, с которой все-то болезни и начинаются». Одетая в полушубок и валенки, раскрасневшаяся Настёна ловко увязывала походный скарб и насмешливо поглядывала на парней. Задорно предложила: «А што, по весне сравним, кто больше белок настрелял или соболей добыл? Кто удачливей меня окажется, ей-богу, поцелую!»

Такая вот она, Настасья Егоровна. Так что даже хранительницы строгих нравов – древние старухи – говорили о ней с гордостью и какой-то потаённой завистью. Вздыхали: «Жениха бы ей стоящего...»

Вот и привёз среди зимы брательник Павлуха жениха. Так прямо с порога и брякнул: «Я тебе, сеструха, жениха привёз. Прошу любить и жаловать, крест на пуп!»

Чёрный, как цыган и мелковатый ростом «жених» Настёне не глянулся. Решила, что шуткует братец, как всегда. Совсем не таким видела она в мечтах своего суженого.

Яшка же сказанное воспринял всерьёз. За столом мелким бесом рассыпался, сыпля одесскими шутками-прибаутками. Ведмедь то и дело раскатисто хохотал и одобрительно хлопал сотоварища по плечу:

– Ох, и уморил ты меня, Яша! Ох, и весёлый же ты парень, крест на пуп!

Даже хворый Егор, которому в этот раз не помог от боли в спине и забористый банный пар, засиделся с ними за столом. Да и потом, когда сын помог ему, охающему, забраться на тёплую печь, не раз ещё одобрительно хмыкал оттуда.

Почувствовал Яшка, в конце концов, и внимание Настёны. И ощущая на себе как бы мимолётные девичьи взгляды, расходился

всё больше. Немало освоил он за свою бурную жизнь способов завоевания женских сердец, но от этих зелёных, и как будто бы даже лениво смотрящих мимо глаз бросало его то в жар, то в холод. Тем не менее подмечал, что его усилия не пропадают даром: пусть и делала девка вид, что гость ей абсолютно безразличен, но то улыбка на лице проскользнёт, то чуть дольше обычного задержит на балагуре всё больше наполняющийся любопытством взгляд. А когда одесский шулер начал показывать разные карточные фокусы, Настёна уже и глаз не сводила. А Яшка и рад стараться!..

Лишь за полночь угомонились хозяева, успокоилась не привыкшая к празднествам и шумным застольям, большую часть года пустовавшая таёжная избушка, только распалённому полузабытой женской близостью Яшке всё не спалось. Стоило подумать о красавице Настёне, как сердце начинало дробно колотиться, словно бы дятел на сухой лесине. Снова и снова всплывали в памяти манящие Настины глаза, манящие припухлые губы. Какой уж тут сон!

Не выдержав этой душевной муки, Яшка собрался на улицу – покурить и остудить распалённое непроходящим желанием тело. Спустил ноги с полатей и, подтянувшись на руках, встал прямо на лунную дорожку, протянувшуюся от окна до двери горницы. Тихонько пробрался по поскрипывающим половицам мимо богатырски храпящего на отцовском лежаче Павла и постанывающего во сне на печи Егора. Через узкие, абсолютно тёмные сенки ещё не протрезвевший от крепчайшего самогона Яшка продвигался на ощупь, больно натыкаясь на какие-то бочки и яростно матерясь про себя. В конце концов, случайно надавил на дверь и с облегчением вывалился на заснеженный двор. Но и там, под хрустально-прозрачным, мерцающим мириадами звёзд небом не смог думать ни о чём ином, только о Настёне.

Словно подбивая на решительный или безрассудный поступок, звезды подмигивали, звали, напоминая манящие искорки в девичьих глазах. И Яшка решил: тихонько пройдя в сени, опять же долго-долго искал на ощупь дверь Настениной комнаты ничего не чувствующими, подрагивающими от холода и волнения пальцами. Наконец, нащупал, потянул на себя и, убедившись, что обитая овчиной дверь не заперта, осторожно приоткрыл. Ужом проскользнул внутрь.

Яркий лунный свет через окно высвечивал и грубую деревянную кровать, и обрисовывающее Настёнино тело одеяло, и её волосы на подушке. Вот только обращённое к двери лицо было в тени, и Яшка вдруг почудилось, что Настёна тоже не спит – ждёт его. Он замер и напряжённо вслушался в девичье дыхание. Нет, спит девка, вон как ровно дышит! Стараясь не скрипеть половицами, прокрался Яшка через крохотную комнатку, склонился над спящей, припал жадными губами к горячей девичьей шее. Забыл в этот миг Яшка обо всём на свете – и пришёл в себя только от сокрушительного удара в лицо. Тяжёлый Настенин кулак угодил ему аккурат в переносицу, так что застигнутый врасплох ухажёр, словно подкошенный, рухнул с грохотом на спину между кроватью и дверью.

Ещё окончательно не придя в себя, услышал насмешливый девичий голос:

– Эй, женишок, ты живой там?

От позора и унижения Яшка побитым псом выкатился на четвереньках в сени – и тут же услышал из-за двери громкий голос Ведмедя:

– Смотри, Яша, сеструха пожалуется, ноги выдерну. Так и знай, крест на пуп!

Выскочил разом протрезвевший Яшка на улицу. Зло лает разбуженной стуком и суматохой лохматый пёс Кучум, звёзды насмешливо подмигивают с неба, а на душе до того тошно, что хуже, кажется, некуда. Не ощущая ядрёного ночного морозца, уселся он на берёзовой чурке, чтобы поразмыслить, как теперь дальше-то жить. И уходит отсюда некуда – далеко, ох как далеко до родной Одессы... И оставаться теперь как? Но потом, немного успокоившись, решил, что ничего страшного, в общем-то, не произошло. Ну оскандалился, так ведь самогон тому виной! Какой же с пьяного мужика спрос?..

Несмотря на только что пережитый позор, назойливыми мыслями о неприступной красавице Настёне Яшка вскоре снова распалил себя вконец. Уж с библейских времён непреложна истина, что запретный плод сладок вдвойне. Однако памятуя Пашкину угрозу, и от греха да от насмешливого Ведмедя подальше, спать он отправился в неостывшую ещё баню. Но и там ворочался на овчинном тулупе почти до рассвета, вспоминая то мерцающие Настенины глаза, то почему-то мерцающее звёздное небо родной Одессы. Ещё

во времена счастливой и беспечной юности, лёжа на палубе рыбацкой шаланды либо в вытащенной на берег, пахнувшей рыбой лодке, открыл он для себя неожиданную истину, что звёздное небо только на первый взгляд кажется застывшим и неизменным, а на самом деле вся эта фантастическая по масштабам звёздная масса движется, ежечасно меняясь. Отдельные яркие звезды, созвездия и светящиеся сгустки, подразумевающие звёздные скопления, возникали тогда из-за морского горизонта и, пройдя над Яшкой, уходили за зубчатую черноту берега, за пределы окружающего его мира. И ведь неизвестно, наверное, никому: таким ли является это небо назавтра, или же каждый раз изменённым, всего лишь только похожим на вчерашнее? Кто из случайных наблюдателей сможет заметить отличия, ведь для этого мало смотреть на небо две ночи, неделю, даже месяц – нужны годы, века, тысячелетия... И тогда же пришла Яшке в голову пронзительная по своей логике мысль, что всё происходящее на земле имеет своё отражение на небе. Если каждая звёздочка – это человек, то маленькие скопления – это хутора и деревни, а гигантские – это города, страны и континенты. Где-то там, в зените отражается каждый миг и его родная Одесса вместе с ним, Яшкой... И если так, то не только рождение и смерть имеют своё отражение, но и войны, и революции, что словно костры и пожарища вторгаются в миропорядок, скручивая отдельные участки звёздного пространства в огненные протуберанцы и прочерчивая одинаковый маршрут для множества судеб. Там и его судьба...

Яшка даже вздрогнул от неожиданно пришедших в голову воспоминаний. «Значит, и сейчас, – подумал он, – в вышине над этой таёжной заимкой должны гореть рядом две яркие звезды: его и Настенина...» Накинув тулуп, он вышел из бани и запрокинул голову. Предутренный морозный туман уже затянул горизонт, и даже пока ещё свободный от него участок над головой тоже утратил недавнюю хрустальную прозрачность. Просматривалось совсем немного звёзд. Яшка загадал на Настёну самую яркую и стал искать свою поблизости. Неожиданно сверху, из самого зенита, сорвалась большая, ослепительно-яркая звезда, и, перечеркнув небо, рассыпалась искрами аккурат подле Настениной. Яшку даже холодом обдало. «Нет, это не моя! – убеждал он себя, сразу пожалев о загаданном. – Просто в какой-то человеческой мясорубке, где гибнут сотни,

а то и тысячи людей, в этот миг сгорела очередная душа. Потеряла напоследок направление и перед тем, как окончательно расстаться с миром, вспыхнула ярко-ярко – так что сгорели разом все нерастратенные силы, неосуществлённые планы и несбывшиеся надежды... Нет, у них с Настёной всё будет хорошо, у них всё сбудется!»

И Настёна в это время тоже не спала в своей комнате: жалела, что спросонья так грубо обошлась с парнем. Ну и ладно, что пытался заполучить в первую же ночь, так ведь у этих парней у всех одна цель. Мало ли их к ней на деревенских гулянках липло, и каждый норовил прижать в тёмных сенцах, ущипнуть за мягкие места, а то и под кофту рукой залезть. Не один из них ходил потом неделю закоулками с синяком под глазом от тяжёлого Настениного кулака. Этот хоть с какой-никакой, а с лаской... Да и парень-то ладный, да весёлый, не то что деревенские увальни-простованы. А до ласки он тоже вон какой горячий!.. Она невольно провела ладонью по шее, на которой всё ещё словно бы горел страстный поцелуй, где до сих пор ощущалось на коже горячее дыхание...

Зацепил-таки Настасьино сердце цыганистый одессит Яшка, ох зацепил! Впервые в жизни захотелось вдруг своевольной и неприступной Настёне уронить голову на крепкое мужское плечо, отдаться ласкам горячих рук, утонуть в чёрной ночи бесовских и таких желанных глаз. Ох, Настя, Настасья Егоровна, чего стоит вся бабья свобода, куда уходит бабья воля, когда придёт желанное время любить!?

Вот так, нежданно-негаданно, на таёжной заимке пришла к Настёне припозднившаяся любовь. Не раз с той первой ночи пожалела она, что так грубо оттолкнула парня. Уж и неделя пролетела, а Яшка всё сторонится, всё отмалчивается и прячет глаза. Словно подменили парня. Лишь изредка бросит исподтишка либо издали свой пронзительный взгляд – и он его цыганских глаз измученную раздумьями Настёну с каждым днём всё сильнее и сильнее бросает в дрожь. Разве могла она предположить, как всё обернётся!

Оказалось к тому же, что у шустрого одессита не только язык хорошо подвешен, но и руки растут из нужного места, и голова способна к освоению новых для него премудростей таёжной жизни. Быстро освоился горожанин: по хозяйству старался помогать, даже на белкование засобирался было. Однако это его желание старый Егор встретил с откровенной усмешкой.

– Неча патроны зря переводить, – сказал, словно отрезал он. – Есть кому и без тебя белок бить. Настёна одна пятерых таких, как ты, охотничков стоит. Да и я, как спина поправится, пойду охотничать. Не твоё это дело... Тут, однакося, и без того для двоих здоровых мужиков, как вы с Павлухой, работы ох как хватит. И дров надо бы впрок заготовить, ведь на четырёх-то сейчас поболее обычного уходит, и сено с покоса до глубоких снегов надоть вывезти.

В тот же день, после обеда, уже уставший маяться от безделья младший Ведмедь неожиданно занялся осмотром сбри.

– Завтра мы с тобой, Яша, за сеном поедем, – пояснил он. – Не Настёне же его возить? Хватит, отдохнули, отоспались на дармовых харчах, крест на пуп!

– Давно пора, – отозвался с печи довольный Егор. – Я за этим последним зародом аккурат перед вашим приходом ехать собирался. Надоть Карьку провиантом до самой первой травы обеспечить. Да и дрова по малому снегу легче навозить, хучь и на следующий год. Так што хозяйствуйте с Яшей. Вам здесь, похоже, долго отсиживаться придётся.

– Это, батя, ещё не решено, – возразил Пашка. – Всю-то жизнь не отсидишься в тайге, крест на пуп! Надоть, пожалуй, думать, куды нам дале путь держать.

Как бы между прочим сказал это брательник, а у бедной Настёны сердце прямо оборвалось...

Утром, как совсем рассвело, все плотно позавтракали, и Пашка запряг Карьку в дровни. Настёна уложила сзади пару вил и топор, потом принесла и охотничий карабин – на всякий случай. Тайга, она хоть и мать родная, но непредусмотрительного не преминет проучить, а то и наказать.

Снег на давно не торёной дороге местами доходил Карьке до самого живота, так что полтора километра дороги, едва угадывавшейся среди деревьев под полуметровым снегом, пришлось пробивать и самолично протаптывать. То и дело Яшка с Ведмедем толкали дровни, помогая коню. Полушубки и шапки давно поскидали, благо день выдался солнечный, тихий и на удивление почти по-весеннему тёплый. С разлапистых пихт, тесно обступивших дорогу, на них обрушивались потоки искристого снега, так что, когда добрались до занесённого зарода, от всех троих, включая Карьку, валил пар.

Все сено грузить не стали – лишь ополовинили зарод. Опытный Ведмедь решил, что целиком Карька может не потянуть и проще сделать ещё одну ездку.

– Я тут у бати порасспросил кой-чо... – завёл разговор Ведмедь на обратном пути, потому как прежде было им не до разговоров. – По весне оне с Настёной в деревню возвратятся. А я весной же в отряд к ермаковскому штабс-капитану Мишину подамся.

– В банду что ли?

– А пускай хошь и банда – как хошь назови. Здесь на заимке всё одно долго не высидеть, с тоски подохнешь. Но-о, пошёл! – Ведмедь дёрнул замешкавшегося Карьку за узду. – А с ним и с его людьми, глядишь, как совсем уж немоготу станет, за границу уйду. В одиночку-то тяжельше пробиваться, крест на пуп.

– Это куда ж, за границу? – растерялся Яшка от такого неожиданного поворота.

– А хошь и в Китай, в Харбин. Там наших много теперича живёт.

– К китайцам я не хочу.

– А я с собой и не зову. У тебя своя голова на плечах, крест на пуп!

После такого разговора дальше шли молча: каждый думал о своём сокровенном. Сзади, ведомый за узду, так же задумчиво вышагивал, кивая большой головой, от природы бессловесный Карька.

Когда вернулись на заимку, солнце, будто предвещая близкую весну, пригревало уже вовсю: кое-где даже засверкала в ярких его лучах редкая и несмелая капель. Дружно, вместе с Настёной, поскидали сено с дровней через изгородь – ближе к навесу. Ведмедь посмотрел на ясное небо и поскрёб затылок, о чём-то размышляя, потом решительно махнул рукой и сказал:

– Вы тут с Настёной без меня управитесь, а я за остатним сеном съезжу. Теперя-то уж дорога в два конца пробита, а завтра снова заместь может али, похоже на то, жёсткий наст станет. Тогда Карьке, да и нам, не в пример тяжельше будет, крест на пуп!

По приставленной лестнице Настёна забралась под крышу навеса и приняла от Яшки деревянные вилы-растопырки. Он поднимал большие навильники сена вверх, а Настёна, ловко подхватывая, раскладывала сено вокруг себя. Управились быстро.

Глянув сверху на стоящего Яшку, Настёна вдруг предложила:

– Давай вилы, што ли, да сам залазь – поможешь мне тут.

Яшка нерешительно, но всё-таки полез. Настёна сверху протянула руку и легко, с силой затащила его, так что Яшка не удержался, упал на пружинящее духмяное сено. Настёна с улыбкой опустилась рядом, спросила участливо:

– Что, ноги не держат? Уморился, поди?..

– Да я жилистый, – пробормотал смутившийся одессит и попытался подняться.

– А я тебя пожалею... – сдавленно, с придыхом прошептала Настёна и, крепко обхватив Яшку за шею, увлекла за собой...

Вот так и повязала судьба Яшку Штопа с Настёной, с Ведмедем, а вскорости и с бандой Мишина.

* * *

Уже во второй половине дня разбудил снова впавшего в приятную дрему Яшку пробившийся сквозь гул Большого порога низкий, басовитый рёв гудка: сверху, из-за поворота реки медленно, разворачивая жёлтый корпус, к порогу подходил пароход из Тувы.

Прильнув к биноклю, Яшка рассмотрел быстро мелькающие шлицы гребных колёс, высокую трубу, суetyащихся на палубе людей. Непрерывно гудя, судно выбилось из матёрой струи; колёса, пеня воду, отрабатывали задний ход – пароход подваливал к галечниковой отмели. На правом борту его чернела надпись «Илекем», а на носу посматривал вперёд тупорылый станковый пулемёт «Максим».

Пароход мягко ткнулся носом в отмель и замер. На берегу его уже встречали люди: кроме четырёх красноармейцев-пограничников, готовых принять причальный канат, Яшка увидел двух командиров и мальчонку-подростка. Пограничники обмотали вокруг большого камня сброшенный канат, по узкому трапу на берег сбегал человек в полувоенной форме, пожал встречавшим руки. Яшка до боли прижал окуляры к глазам: с парохода, торопясь, уже передавали на берег какие-то ящики и небольшие, но очень тяжёлые мешочки. Застучало, забилося Яшкино сердце: коричневые мешочки, кожаные! Те самые мешочки, о которых говорил господин Фэн, и что давно снятся по ночам всей банде Мишина!

Наблюдая в бинокль разгружающийся теплоход «Илекем», Яшка радовался удаче. Фартило, ой же как фартило мишинской

банде! Да и то сказать, разведка сработала отменно! Мишин имел своих верных людей везде: и в Туве, и в минусинском ОГПУ, да и господин Фэн объявился явно не случайно. И сейчас всё происходящее было предельно ясно: побоялись-таки чекисты отправлять свой ценный груз по опасному Усинскому тракту, а значит, точно, намечен ему путь другой – вниз по батюшке-Енисею.

Довольный Яшка ухмыльнулся и подумал: «Путь-то, конечно, будет, вот только куда и к кому?» Но что-то смутно продолжало беспокоить его, что-то назойливо вертелось в памяти, не желая проясняться. Сейчас Яшке казалось, что он вот-вот вспомнит это неуловимое, нужно только сосредоточиться, всё хорошо и спокойно обдумать. Он снова приложил к глазам «цейс»...

Значит так, командиром у них начальник заставы Дзензура – это понятно. Пограничников вроде бы всего четверо – это тоже ясно. А вот что тут делает пацан, внук Отоя Мангир?.. Был однажды Яшка в кузнице Отоя, так что хорошо запомнил их обоих. И кто там ещё командует, уж не таможенный ли начальник с заставы Барба-хак? Чем дольше следил Яшка за незнакомым командиром в бинокль, тем больше тот ему кого-то напоминал... Интересно, где Яшка мог видеть эту личность? А что встречались, это точно – глаз у Яшки намётанный!

Он протёр запотевшие стекла и чуть подкрутил окуляры. Вот начальник повернулся очень удачно: худощавое лицо, небольшие усики, улыбается чему-то, разговаривая с пацаном... И тут искрой блеснули на солнце золотые зубы, а потом ещё раз! Яшка даже дух перевёл облегчённо: да ведь это же старый знакомец! Не ожидал Яшка, что встретит его в Сибири, потому как судьба свела их когда-то не где-нибудь, а в Одессе-маме. Ведмедь сейчас пренебрежительно бы сказал: «Вот тебе, Яша, и привет из родной Адессы, крест на пуп!»

Повстречались они тогда с таможенником Успенским при весьма деликатных обстоятельствах, и было это так... В советской уже Одессе, в шикарном кафе «Франкони» на весёлой Дерibasовской захмелевший Яша Штоп уговорился с четырьмя чернявыми еврейчиками-контрабандистами проверить дело. А дело, как ему по пьяне показалось, предлагалось прямо-таки пустяшное: всего-то

организовать встречу «полезного товарца» с турецкой стороны, обменяться с ними кой-чем и при всём при этом неплохо заработать.

Две фелюги с товаром на рассвете турки нахально подвели близко к берегу, чуть ли не напрямиком в гавань. Встречали их на рыбацкой шаланде, разгрузили быстро и без особых хлопот – чернявенькие молодчики остались Яшкиной расторопностью крайне довольны. Даже доверили ему самолично отсчитать туркам пятнадцать «лобанчиков». Эти золотые монеты французской чеканки с выпуклым и довольно-таки лобастым профилем которого-то из Людовиков в Одессе имели хождение ещё со середины прошлого века, со времён крымской войны. И как только Яшка приступил к деликатному золотому расчёту, как тут же из мутной предрассветной мглы, словно чёртик из табакерки, выскочил пограничный катер с таможенниками на борту. Турки тут же отчалили и стали уходить в открытое море, причём вполне проворно – так что непродолжительная стрельба им вслед закончилась безрезультатно. И таможенники все свои усилия сосредоточили на захвате замешкавшейся шаланды.

Во время абордажа и начавшейся на борту шаланды потасовки Яшка, пожалуй, спокойно мог бы добраться до берега вплавь, ибо плавал он ничуть не хуже черноморской кефали. Но видно не судьба... В общем, жадность одолела Яшку, жаль стало рассыпавшихся по днищу шаланды золотых «лобанчиков». Решив, что всегда успеет сигануть за борт, он стал шарить по ребристому днищу, торопливо рассывая найденные монеты по карманам и одновременно отбиваясь от наседавших таможенников. Одного «чернявенького» те подстрелили, трое других, в конце концов, подняли вверх руки – и только после этого стражи закона окружили и усмирили не на шутку разошедшегося Яшку...

Привезли всех четверых в здание пограничной таможни, и сам начальник одесского уголовного розыска пожелал присутствовать при их допросе. Задав все необходимые в таких случаях стандартные вопросы, «чернявеньких» отправили напрямик «на цугундер» – в тюрьму, то есть. С ними было всё предельно ясно, а вот с Яшкой... Начальник угрозыска явно был обрадован их неожиданной встрече. Как же, не впервой встречались – знакомство их старое и прочное...

– Эх, Яша, Яша! Опять ты влип... – как будто бы даже с отеческой укоризной пожурил начальник. – Да только на этот раз не по своему фирменному профилю. Известен ты был как профес-

сор карманных дел, а стал вдруг контрабандистом. Это уже серьёзнее, куда как серьёзнее!..

Тут же, при Яшке, начальник осмотрел конфискованный «товарец». Что ж, товар был ходовым для любого базара, и на Привозе его тоже очень ценили: пудра «Коти», французские духи... ещё полдюжины часиков американского золота, кокаин... А это что?

– Сам, Яшенька, не знаешь? Это же нашатырь в порошке!

Нашатырь – продукт в Одессе крайне ценный, без него не работаешь ни «одесский коньяк», ни какой иной скороспелый алкогольный продукт. Он, как известно, заменяет дрожжи... В общем, ассортимент неплохой, к тому же вон она, на столе стопка золотых «лобанчиков», собранных на дне шаланды.

Яшка, в отличие от разложенного товара, смотрелся совсем не авантажно: один рукав матросского бушлата оторван начисто, тельняшка разорвана, нос распух после чьего-то ловкого удара, под глазом синеет расплывшийся фингал... Так что и от драки в шаланде никак не отопрёшься, факт! Вон как недобро, как на злейшего врага, посматривает на Яшку угрюмо молчащий старший контролёр таможни, сидящий рядом с начальником. То и дело прикладывает к разбитым губам носовой платочек, сплёвывая в него розовой сукровицей.

– Ну и какие, гражданин Яша, мы относительно тебя выводы сделаем? – вкрадчиво-мягко поинтересовался иногда любивший поговорить по душам начальник. – Скажи, откуда в тебе, аристократе карманных дел, столько злости, столько жестокости? За что ты, Яша, хорошему человеку, вот этому честному работнику таможни и чекисту челюсть повредил? Зачем ему целых четыре зуба враз удалил без всякого, так сказать, обезболивания?..

Таможенный инспектор зловеще молчал, видимо, мысленно определяя для виновника тяжесть последующей кары.

– Сам посуди, Яша, – продолжал как будто даже ласково начальник, – что теперь ему, молодому и красивому, без четырёх зубов делать? Что он скажет своей любимой девушке, встретив её на улице Дерibasовской? А вдруг она от него, беззубого, к другому уйдёт, а? Не допускаешь, Яша?.. Нет, я совсем не представляю, Яша, как ты передо мной оправдаешься, а уж тем более перед ним...

Так проникновенно говорил начальник, что даже сожаление шевельнулось у Яшки где-то в груди, под разорванной тельняшкой. Вспомнил, что кого-то натурально двинул во время всеобщей свалки в шаланде, а потом ещё раз крепко и от души... Посмотрел он повнимательнее на угрюмого чекиста и точно определил: так и есть, этого самого. Изрядно ему, знать, досталось, вон, весь платок в крови... В общем, у Яшки даже слезы на глазах навернулись от таких проникновенных начальниковых речей, особенно при упоминании о девушке, которая очень даже может уйти к другому. Совсем расчувствовавшись, он виновато вздохнул и нерешительно бросил взгляд сначала на таможенника, потом на высокий столбик золотых монет.

А ласкового начальника тем временем словно подменили. Он вдруг разом вскипел, будто самовар, и заговорил, задыхаясь от гнева:

– Ты как думаешь, Яша, мне приятно видеть таможенника с такой порушенной челюстью? Чекист, красный командир – и без зубов! Да ему зубы во как нужны, гражданин Штоп, чтобы таких как ты ими насмерть грызть, чтобы врагов Советской власти ими без сожаления изничтожать!..

– Вон они, гражданин начальник, зубы-то лежат золотые, – Яшка мотнул головой в сторону монет. – У нас в Одессе такие зубоставы, куда там столичным академикам... Ты их выдели контролёру, не пожалей! Раз уж туркам не достались...

– Заткнись, Яшка! – начальник грохнул кулаком по столу. – Это золото уже государственное! Оно уже рабоче-крестьянское, понял?! Оно уже внесено в протокол и в акт на фирменном бланке! – тут начальник снова понизил голос: – Кстати, Яша, здесь всего двенадцать монет, а дружки твои, что уже должно быть обосновываются на цугундере, толковали про пятнадцать... Как это дело прикажешь понимать?

Яша такое дело очень даже хорошо понимал, поэтому поспешил вернуться к предыдущей теме.

– Прости душу грешную, начальник! Ну, виноват Яша... Так Яша самолично и платить за выбитые зубы будет.

Он безнадежно развёл руками, горестно вздохнул и перекрестился. Потом пригладил свой чуб и тут же вскинул взгляд к потолку. А оттуда, вертясь и посверкивая, падал... золотой «лобанчик».

Яшка ловко поймал его в воздухе над самым столом и удивлённо воззрился на монету, словно бы с неё смотрел не угрюмый король Людовик, а его насмешливо подмигивающий шут. Подивившись, аккуратно положил монету на стол.

– Эй, кто там есть за дверью?! – буквально взорвался начальник угрозыска. – Ковальчук! Еременко!! Как вы обыскиваете преступников? Как вы ищете, чёрт подери? Почему арестованный после вашей проверки свободно располагает неучтённым золотом? Я вас в шею буду гнать из ОГПУ!

– Так ведь это же в счёт ремонта зубов, – Яшка вполне невинно смотрел в глаза разгневанного начальника. – И этот «людовик», действительно, неучтённый – ни в протоколе, ни в акте никак не числится.

Ковальчук с Еременко, сильно озлобленные за предыдущую промашку, на сей раз вывернули Яшку буквально наизнанку, до самых трусов. Но хоть и раздели догола, не нашли абсолютно ничего...

Начальник же, уже успокоившись, с интересом разглядывал голенького Яшку, и вдруг, усмехнувшись, сказал:

– А и скуп же ты, Яша, прямо скажу! Не думал я о тебе до сегодняшнего дня так плохо. Жаден ты однако, ох, жаден... Ведь одна монета – её хватит только на два зуба. А ты товарищу старшему контролёру Успенскому выставил аж четыре здоровых зуба. Кто же за два остальных платить будет?..

Яшка заметно пригорюнился, почесал голову.

– Я и сам понимаю, гражданин начальник, уж вставлять, так весь комплект, все четыре. А вот если Яшка заплатит за полный комплект – обыскивать больше не станете? Не люблю я эту процедуру. Яшка же с вами по-честному, гражданин начальник...

– Обещать не обещаю. Хотя... посмотрим.

Довольно похлопав себя ладонями по голым коленкам, Яшка старательно пригладил свой взъерошенный чуб, потом сделал в воздухе замысловатое движение левой рукой... и аккуратно положил рядом с первым ещё один «лобанчик».

Присутствующие ошеломлённо смотрели на Яшку.

– Ну и ну... – выдавил начальник угрозыска. – Нет уж, как хотите, но вы – Ковальчук и Еременко – сегодня в органах последний день! Но и ты, Яша Штоп, объясни мне одну загадку. Это уже че-

тырнадцатая монета, а как же мы теперь с тобой насчёт пятнадцатой будем решать?

– А пятнадцатая, гражданин начальник, булькнула в Чёрное море, когда заварушка на шаланде шла...

– Булькнула, значит? – начальник с сомнением покачал головой. – Ну, что же, товарищ Успенский, фирменных бланков мы, пожалуй, больше расходовать на Яшу не будем. У вас ведь за них строгая, насколько я знаю, отчётность? Так что вставляй себе золотые зубы, во время выполнения служебного задания потерянные...

* * *

Все это пронеслось в Яшкиной памяти настолько явственно и детально, будто произошло только вчера... Тем временем человек с парохода, Успенский и Дзензура ушли в избушку. Пограничники перенесли туда же полученный груз. «Оформляют ксивы-документики, расписочки пишут!» – мелькнула в голове у Яшки догадка.

Минут через десять оба командира и приезжий вернулись к пароходу. Приезжий поднялся на палубу, помахал на прощанье рукой. «Илекем» тягуче загудел, команда выбрала причальный канат, он попятился и, развернувшись, ходко побежал вверх по реке. Яшка повёл биноклем в сторону избушки: у крыльца пограничники устанавливали на сошки ручной пулемёт «Льюис». Перекрестившись на жестяной крест часовенки, Яшка Штоп облегчённо вздохнул...

После захода солнца сумерки в горах опускаются на тайгу быстро. По густому мелколесью, вздрагивая и беспокойно оглядываясь на каждый шорох, Яшка поднялся на ту самую вершину – и сразу же почувствовал молчаливую, давящую тяжесть нависших над головой мёртвых крон трёх кедров-великанов. Подойдя к ним вплотную, Яшка долго, с каким-то смутным беспокойством разглядывал могучие, в трещинах и смоляных потёках стволы: каждый из них вряд ли обхватили бы два здоровых мужика. Но сумерки сгущались, нужно было спешить, и Яшка, собрав несколько охапок хрустких смолистых сучьев, обложил ими вокруг ствол среднего кедра.

Собирая на растопку сучки помельче, он стал обходить великанов вокруг – и наткнулся на вертикально торчащий из земли приметный камень-останец. На одной из его плоскостей сквозь сухой серый лишайник просматривалось что-то вроде части рисунка. Пашка из интереса поскоблил шершавую лишайниковую поверхность ножом. Так и есть, явственно проступил круг со стрелой внутри.

Яшка проследил за направлением стрелы – она указывала на возвышающуюся среди деревьев розоватую скалу примерно в километре. Какой-то неведомый путник либо охотник давным-давно оставил здесь свой, понятный лишь ему знак. И, похоже, нескоро думал вернуться к нему, иначе зачем было долбить твёрдую каменную поверхность, а не ограничиться привычной затёской на дереве?..

«Обязательно нужно будет сходить туда, к скале, – подумал Яшка, – хотя бы с тем же Ведмедем, как только здешние дела закончим».

Но тут невдалеке за спиной что-то хрустнуло – и у Яшки от неожиданности даже мороз пробежал по коже. Он выхватил наган и резко развернулся. Постоял, замерев, несколько томительных секунд – но вокруг было тихо: ни звука, ни шороха, ни одна ветка не колышется... Тем не менее у Яшки не проходило чувство, что кто-то посторонний внимательно следит за ним.

Простояв так довольно долго, он всё-таки не выдержал и двинулся туда, откуда донёсся подозрительный звук. Сделав три-четыре шага, замирал и, ведя стволом нагана, внимательно осматривался по сторонам. Никого... Через какое-то время почти успокоился и стал посматривать под ноги. Вот кем-то примят куст цветущего марьиного корня¹, а вот и свежий, довольно чёткий отпечаток копыта... Маралий след! Значит, это он скрытно прошёл мимо, не желая встречаться с человеком...

Теперь всё было готово. До полной темноты оставалось ещё где-то около получаса, так что можно и передохнуть. И размечтался Яшка Штоп, сидя под могучими саянскими кедрами, о своей будущей счастливой и приятной жизни. Вот скоро уйдёт он с бандой Мишина за кордон: может в Маньчжурию, а может, и дальше... Уйдёт с ними и Настасья Егоровна, люто присушившая Яшкино сердце – до скрипа зубовного, до нескончаемых бессонниц ночных. Эх, Настасья, Настенька, загубил Яшка душу свою на той таёжной заимке! Знать такая судьба одесситу выпала: будет плакать мама в Одессе, не знает мама, что нет Яшеньке возврата домой – перепачкался, перегадился Яша в лихих делах мишинской банды, нет ему прощения на родной земле, нет. Правда, господин Фэн успокаивал Яшку, господин Фэн говорил, что скоро большевикам и Советам будет конец. Не станет в России чекистов, значит Яшка сможет вернуться с Настенькой домой в Одессу, к старенькой маме. Вот и Ведмедь

¹ Дикорастущий пион.

убеждён в том же: «Вернёмся когда-нибудь, крест на пуп!» – говорит. Ну а за кордон Яшка уйдёт не с пустыми руками: господин Фэн и штабс-капитан Мишин обещают каждому из банды много, очень много золота. И то, пароход «Илекем» не напрасно приходил сегодня к Большому порогу...

* * *

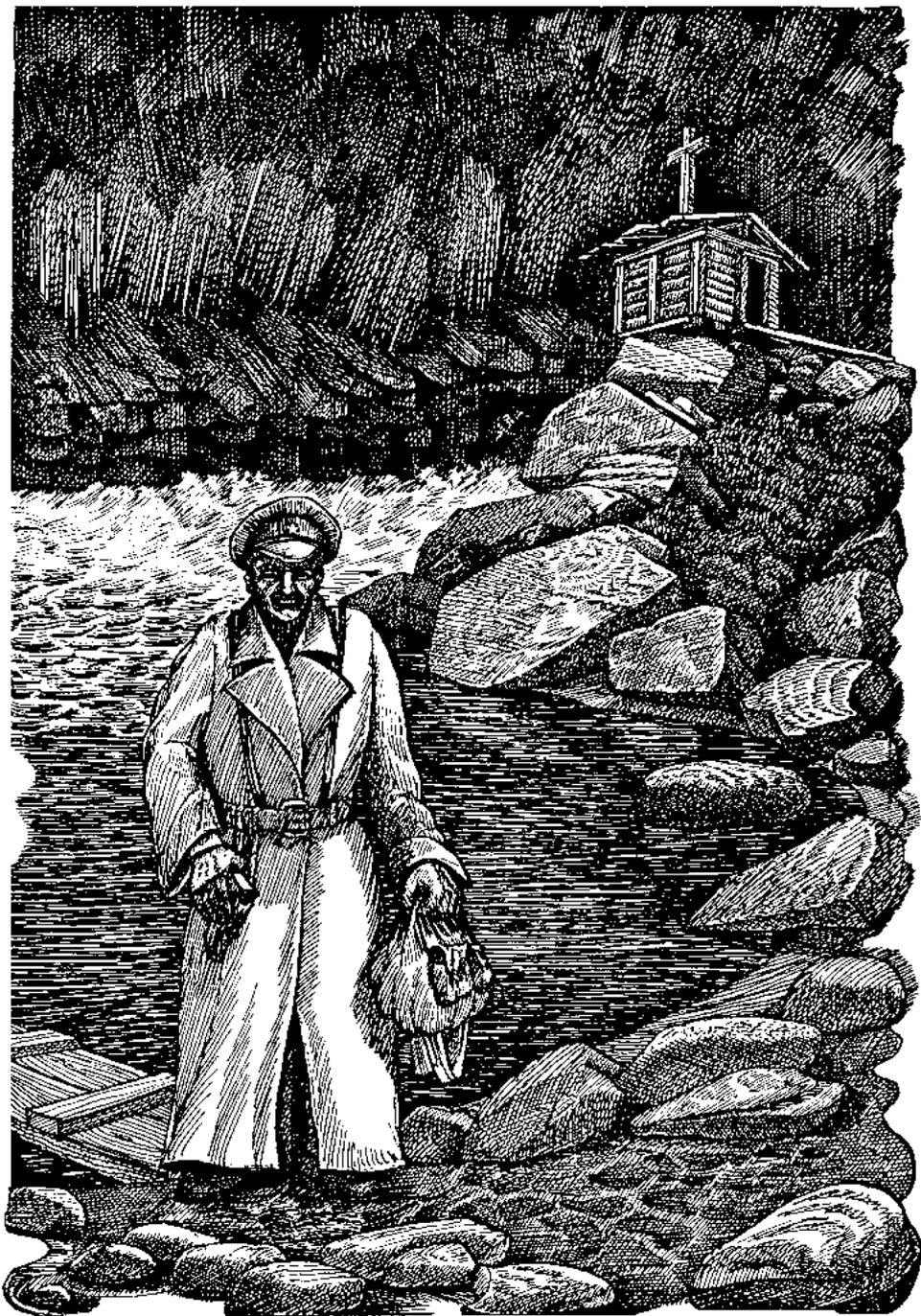
Маленький жёлтый лепесток огня охотно прыгнул со спички на сухую бересту, береста вспыхнула сразу, занялась, потрескивая и свиваясь кольцами. Лепесток стал огненным цветком – хищным и горячим; он жадно лизал тонкие сучья, на глазах увеличивался в размере, требуя новой пищи. Удивительно быстро пламя охватило ствол со всех сторон, поднимаясь всё выше по смолистому богатырскому телу. Вот запылали нижние сучья, огонь перекинулся на двух соседей-великанов: теперь над всеми кедрами неумолимо властвовала свирепая и буйная стихия. Огромный трёхсвечный факел далеко осветил тайгу колыхающимся красным заревом.

Яшка размазал кепкой липкий пот на лице. Где-то там, на другой горной вершине, далеко в верховьях Казырсука мишинский дозор уже видит долгожданный сигнал. Яшке даже показалось, что он слышит торжествующий рёв Ведмеда: «Груз на пороге! Он на пороге, крест на пуп!..»

Жар становился нестерпимым, пора было уходить. И тут огромный раскалённый сук рухнул на землю совсем рядом с Яшкой. Уступая волне горячего воздуха, он попятился назад – и не сразу понял, что произошло затем.

Резкий металлический щелчок – и пронзительная боль в ноге выше ступни опрокинула Яшку на спину. Стараясь не потерять сознание, оскалившись зверем, он приподнялся на локте и выхватил из кармана наган. Яшка искал пляшущим стволом неведомого врага, непонятную беду, но нигде не находил. Цели не было! И тогда жуткая догадка, словно молния, полыхнула в Яшкиной голове. Собрав все силы, он сел на мягкую хвойную подстилку и попробовал шевельнуть правой ногой. Это ему не удалось – ступню что-то сжимало и удерживало мёртвой хваткой. Холодный пот залил Яшкино лицо... Он-то знал, что от медвежьего капкана на цепи в одиночку освободиться невозможно!

Стреляя искрами и горящими сучьями, дрогнув в стене пламени, пошатнулся и стал медленно клониться к Яшке средний огненный столб...

Глава 15. Золотой плот

Золото... С таким трудом добываемый и такой вожаделенный для людей металл. Зачастую ради него добровольно терпели нечеловеческие муки и, прокладывая пути в полную неизвестность, открывали новые земли; ради него предавали друзей и продавали душу! А с другой стороны, не на этот ли «презренный металл» строили города и дороги, меценаты открывали бесплатные школы и библиотеки, возводили прекрасные здания театров и музеев?..

В 1812 году Сенат Российской Империи принял указ «О предоставлении права всем Российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну подати». А через пятнадцать лет виноторговцы, купец первой гильдии Андрей Попов и его племянник Федот Попов, получили разрешение разыскивать золотые пески и руды по всей Сибири – и вскоре они владели уже более чем сотней приисков. Минусинские же купцы на север сплавляли по Енисею хлеб и скот для золотодобытчиков, а на юг везли промышленные товары, так что вскоре появился капитал, который они вкладывали уже в строительство, торговлю, образование, культуру и, конечно же, в зарождающуюся промышленность: в свечное производство, мыловаренное, салотопленное, мукомольное, винокуренное, в заводы и фабрики. В середине девятнадцатого века семь из четырнадцати минусинских купцов высших гильдий занимались золотодобычей и, по подсчётам Главной конторы Алтайского горного округа, девять десятых золота России добывалось на енисейских берегах. Так, красноярский золотопромышленник Мясников изготавливал визитные карточки из чистого золота, и стоимость одной такой «безделки» переваливала за пять рублей – для сравнения, пуд осетровой икры стоил пять рублей с полтиной. Однако одним из самых удачливых старателей был купец Гаврила Машаров из Канска, который открыл более ста россыпей и стал самым богатым миллионером в тайге. Он заказал себе медаль из чистого золота весом двадцать фунтов¹ с надписью «Гаврила Машаров – император вся тайги» – за что и получил кличку «таёжный Наполеон». Ещё бы, ведь открытый им легендарный прииск «Гавриловский» дал восемьсот пудов золота! Так что жил сибирский «Наполеон» среди

---

¹ Фунт составлял 454 грамма.

тайги в огромном доме со стеклянными галереями, крытыми переходами и оранжереями с ананасами...

Правда, на территории бывшего Кыргызского государства золота можно было и не мыть вовсе по таёжным ручьям и речкам, а брать готовым. Вон оно, в каждом кургане, которые тысячами насыпаны по древней земле! И надо-то всего лишь сколотить небольшую артель из не боящихся ни Бога ни чёрта мужиков и, пробивая сверху лазы-дудки, проникнуть в эти древние, неизвестно когда и кем насыпанные могильники. Историк Сибири Миллер в середине восемнадцатого века писал: «В здешних курганах было найдено столько золота и серебра, что, по словам красноярского воеводы, золотник¹ чистого золота продавался по девяносто копеек». Вот так по вине местных «бугровщиков» золото в Красноярске одно время даже обесценилось.

В общем золото для человеческой души это как «философский камень» для алхимика: оно может превратить человека и в дьявола, и в ангела...

* * *

По меркам европейской части России весеннее половодье на Енисее начинается поздно, в первой половине июня. Потому и сохнут сиротливо под палящим солнцем тщательно отремонтированные, наново просмолённые рыбацкие и охотничьи лодки, вытасканные на высокие места – подальше от воды, поближе к избам. Теперь как минимум пару недель вынуждены они ждать своего часа, как и давным-давно подготовленные к промыслу починенные рыбацкие сети. Дружно схлынувшие грунтовые воды подняли уровень Енисея так, что люди в его верховьях с тревогой вспоминали шестнадцатый год, принёсший тогда жителям прибрежных сёл Черёмушка, Сизая, Означенное, Летник, Очуры немало бед и горя. Да, во время половодья всякое плавание чрезвычайно опасно, а если кто и отважится, то уж только по крайней нужде...

И самым опасным местом на Енисее во время половодья справедливо считается Большой порог. Когда-то гигантский оползень съехал с крутого правого склона, едва не перекрыв всё русло – сузив его почти наполовину. И как ни пыталась могучая река снести образовавшуюся преграду, за много-много лет ей это так и не удалось... Жутковатая картина предстаёт перед глазами редкого наблюдателя: трёхметровой высоты водяной вал подхватывает всё, что приносит-

---

¹ Старая русская мера веса, равная 4,266 грамма или 1/96 фунта.

ся течением с верховьев и мгновенно затягивает внутрь. Плывущий сухой ствол или огромное дерево с листьями ныряет стремительно – а всплывает уже ниже порога: полностью ошкуренное, белеющее среди волн, словно скелет. Правда, самым отчаянным да на длинной лодке пробраться вниз, хотя и не часто, удавалось – но только в малую воду, и только вдоль правого берега, едва ли не вплотную прижимаясь к огромным тёмным камням. Мелькнёт вверху деревянная часовенка, на которую ухарь даже не успеет перекреститься – и уже мысленно, а то и вслух благодарит он Господа, что не ударила коварная струя лодчонку с размаху о камень, не развернула поперёк течения, не отбросила от берега в кипящий вал. Потому что случись такое – и тогда уж непременно заберёт беспощадный Большой порог очередную, которую по счёту человеческую жертву...

В такой вот пик половодья начальник таможни Николай Успенский и начальник Семиозёрской погранзаставы Пётр Дзензура с нетерпением и все возрастающей тревогой ожидали на Большепорогском таможенном посту, куда тувинский пароход «Илекем» доставил золото из Кызыла, пароход «Щетинкин» из Минусинска. Он должен был ещё накануне прийти снизу за ценным и крайне секретным грузом. Только охрана на пароходе да встречающие пограничники знали, что находится в тщательно скрываемых от посторонних глаз тяжёлых кожаных мешочках с металлическими застёжками и царскими ещё, нанесёнными краской двуглавыми орлами. Сто сорок восемь килограммов золота, добытого на советских концессиях в Туве, требовалось спешно доставить в Минусинск. Враждебная Советской России заграница лишь за золото продавала станки, машины, паровозы, аэропланы – и этим, скромным в масштабах всей страны, но все таки немалым богатством необходимо было пополнить государственную казну. По Усинскому же тракту перевозка исключалась из-за многочисленных и хорошо вооружённых кулацко-белогвардейских банд, крупнейшими из которых были банда штабс-капитана Мишина и банда есаула Оленева. И самое главное: бандиты имели прекрасно организованную разведку и всегда точно знали сроки и пути передвижения наиболее ценных грузов...

«Илекем» из Тувы пришёл вовремя, а вот «Щетинкин» ни в назначенный срок, ни на другой день снизу к Большому порогу так и не подошёл. Это уже потом выяснилось, что он с трудом поднялся

лишь до переката «Каменная деревня» и здесь, у впадения в Енисей реки Соболева, буксировавший его паровой катер «Стрела» налетел на подводную скалу и затонул. К тому же при столкновении погиб один из его матросов. Так что не способный противоборствовать бешеному потоку воды пароход вынужден был возвратиться назад, в Минусинск.

Но всё это выяснится позднее, а пока ожидание было томительным и тревожным. Когда же ночью вспыхнули на вершине горы старые кедры, пограничники сразу поняли, что это сигнал находящейся где-то неподалёку банде – ибо уже одевшаяся густой зеленью и насыщенная влагой тайга в это время без грозы, сама собой, не загорается. Значит, это был условный знак бандитам и крайне тревожный сигнал для них, для пограничников...

Успенский с Дзензурой понимали, что возвращаться назад на заставу им никак нельзя – ведь банда где-то на подходе, да и по тракту, наверняка, в нескольких местах организованы засады для захвата золота. В отсутствии же катера, на который теперь уже вряд ли приходилось рассчитывать, нужно было не медля принимать решение по спасению вверенного им достояния страны. Проще всего спрятать ценный груз в тайге – но в бандах были опытные охотники-следопыты, что давало преследователям реальный шанс в конце концов обнаружить тайник. Второй, более надёжный путь – это не медля соорудить плот и оторваться на нём от преследователей, сплавляясь вниз по бурному Енисею. Крайне опасный вариант, потому как знающего реку лоцмана среди пограничников не было, да и засада вполне могла поджидать на любом из берегов. Но Успенский с Дзензурой, да и фельдъегерь минусинского ОГПУ Сухоруков, принявший дипломатическую почту, понимали, что лишь решительные действия могут принести удачу. И конечно же, полагались на своих пограничников...

После принятия окончательного решения всё золото было скрытно перенесено по волоку на нижнее плечо порога. На удачу пограничников тут высился целый штабель заготовленных кем-то брёвен. Успенский с Дзензурой не знали, сколько у них времени до подхода бандитов, поэтому все шестеро сооружали плот при свете двух костров, торопясь успеть к рассвету. Мангир, которого первоначаль-

но предполагали доставить на пароходе «Щетинкин» в Минусинск для определения на учёбу, собирал поблизости сухие ветки, обламывал нижние сучья с деревьев и подбрасывал их в огонь. Работа в шесть пар умелых и крепких рук продвигалась споро, и несмотря на то, что летняя ночь очень коротка, плот был уже практически готов к дальнему и рискованному плаванью, когда на востоке только-только чуть зарозовели облака.

Посоветовавшись, Успенский с Дзензурой решили, что на плоту пойдут фельдъегерь и три красноармейца-пограничника под командой начальника таможни, а Дзензура с мальчиком вернутся на заставу. Мангир попробовал было возразить, на что начальник заставы нахмурил брови и сказал, как отрезал:

– Это приказ! Командир здесь я!

Ещё до восхода солнца плот с золотом отчалил и устремился вниз по беснующемуся Енисею. На гребях стояли четверо красноармейцев, а сам Успенский и укрытое брезентом золото в центре. Под брезентом угадывались четыре винтовки, настороженно выглядывал ствол ручного пулемёта «Льюис» – того самого, который когда-то отремонтировал кузнец Отой. Дзензура с Мангиром, стоя на скале подле часовенки, долго махали им вслед рукой...

А течение подхватило плот, словно щепку, и понесло его со скоростью курьерского поезда – так что пришлось пограничникам спешно подгрести ближе к берегу. Успенский всё время напряжённо глядел вперёд, пытаясь определить вероятные подводные камни, чтобы вовремя дать команду красноармейцам обойти их стороной. Иногда он доставал из планшетки старенькую, потёртую на сгибах и потрёпанную на краях карту. Там, правда, не был отмечен речной фарватер, но карта по крайней мере отражала изгибы реки и предупреждала о порогах и шиверах¹. Хотя в большую воду всё изменилось на реке до неузнаваемости, поэтому частенько на возникших над бывшими галечниковыми косами, кипящими пеной новообразованных перекатах приходилось братья за шесты. А потом на широких, прежде относительно спокойных местах стремительное течение опять несло плот со страшной скоростью – так что до темноты вполне реально было очутиться уже в Минусинске.

¹ Мелководные каменистые участки реки с быстрым течением.

Благополучно миновали вздымающийся прямо посреди русла огромный камень «Кабачок», скоро встретит буйный Дедушкин порог, а далее Березовский порог, Акитанова яма... На относительно длинных и ровных енисейских участках для людей наступала короткая передышка – и тогда пограничники сосредоточенно крутили махорочные сигарки, дружно дымили. А проплывая над глубокой, с довольно ровной водной поверхностью Акитановой ямой, даже запели песню:

Из-за лесу солнце всходит,
Ворошилов едет к нам...

Непривычно звучал дружный хор молодых голосов среди молчаливых гор и безлюдной тайги. Задорно грянул припев:

...Стройною колонной рота идёт,
Красное знамя рота несёт.
К мировой победе смелее в бой –
Береги рубежи советский часовой!

Успенский впервые за последние несколько дней даже улыбнулся: brave ребята бойцы-пограничники ни при каких обстоятельствах не унывают.

Русоволосый и широкоплечий запевала меж тем старательно выводил:

...Он подъехал с права фланга,
Поздоровавшись, сказал...

И опять громкоголосо грянул над как будто бы даже притихшей рекой припев:

Стройною колонной рота идёт,
Красное знамя рота несёт!..

Благополучно прошли Дедушкин и Берёзовский пороги, скоро должен показаться Джойский. Так что нужно быть начеку – Дзензура, помнится, поминал его особенно коварным. Ну, что ж, будем начеку! С такими орлами не страшен и Джойский...

* * *

Этим воскресным утром Ефим проснулся поздно и в добром настроении. Через приоткрытую дверь избы слегка наносило дымком; слышно было как неподалёку на берегу Санька и Трифон весело матерились – конопатили и смолили малую лодку. В ограде Дарья доила корову: «Цвик! Цвик! Цвик!..» Никулиха посвистывала носом на печи – любит старая поспать, ну ин ладно! Погода на дворе ласковая, солнечная, воскресная опять же, и сети нынче ему проверять нет надобности, потому как их по большой воде смысла нет выставлять. Так что отдых намечался Ефиму полный, а накануне Дарья грозилась «укормить» к обеду мужиков щами с мясом, рассыпчатой гречневой кашей и рыбными шаньгами...

«Оно понятно, – рассуждал сам с собой разнежившийся лесник, – работающего мужика без доброй каши ни в жизнь не накормить. А ежели к ней, по случаю выходного, ещё и стаканчик первача!..» После столь приятных мыслей сел Ефим на лавку, поскрёб пятернёй волосатую грудь, потянулся приятно, зевнул от души. Тут и Колька обозначился: прискочил со двора, свинцовую гирию часов-ходиков подтянул – это его обязанность. Потом оборвал с настенного календаря-численника листок вчерашнего дня, протянул отцу. На листке значилось «Суббота, 13 июня 1930 г.» Значит, сегодня четырнадцатое...

– Это уже подходяще, – проговорил удовлетворённо Ефим, суеверно не любивший чертову дюжину и понедельник.

А шустрый Колька уже в горнице: запиликал на гармошке, которую недавно, по случаю, приобрёл лесник в Шуше всего-то за полштофа водки у ярыжки-пьянчуги. Никто в лесниковом семействе играть на гармонии не умел, да уж больно приглянулись ему перламутровые пуговицы-ряды, лакированные планки. «Ну, Колька – парень шустрый, – рассудил лесник, – по времени приспособит инструмент к делу!..» Казалось, день задавался знатный. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает...

Ефим как раз, фыркая и отплёвываясь, плескался в сенцах холодной водой из медного рукомойника, когда по крыльцу загрохотали сапоги Трифона.

– Батя, батя! – задыхаясь от быстрого бега, закричал тот. – Сверху по реке, кажись, плот бежит! Ещё далеко, едва из поворота вышел! Но ходко бежит, по струе держит! Давай, батя, свою биноклю живей!

Колька, услышав брата, отбросил гармошку, сорвал со стены приобретённый по случаю за приличные деньги бинокль и первым выбежал на крыльцо. За ним, не успев утереться полотенцем, выскочил и Ефим. Матерясь, вырвал у Кольки бинокль, стал спешно крутить окуляры.

– Факт, плот! На один став... Посередке груз. Четыре... нет, пятеро людей на нём! Похоже, военные: все по форме одетые, а штатских не видать. Чего это они, никак без лоцмана?.. По большой-то воде!

Меж тем плот быстро приближался. Ефим, прижав бинокль к глазам, уже ясно различал даже двух задних людей, ворочавших рулевым веслом. Впереди, по бортам, двое с шестами готовились встретить подводные камни.

– Точно, военные: фуражки зелёные... Ох, мать твою так, без лоцмана идут в порог! Так и есть, фарватер не знают – влево забирают! Ну, будет чичас, ребята, заварушка, ведь прямо на Разбойную идут... Давай, парни, бегом-лётком к большой лодке, что внизу за скалами, да выгребайте оттель на перехват! Пospешай, ребята, с военными шутковать не приходится!..

Впереди Трифон, за ним Сашка, скользя подошвами сапог на мокрых камнях, помчались к лодке. А плот уже попал в струю левой протоки, и она хватко завладела им... Бинокль стал не нужен, Ефим с младшим сыном Колькой и подбежавшая Дарья ясно видели суетившихся на плоту людей, пытающихся кормовым веслом и бесполезными в данной ситуации шестами вывести его из бешено несущегося водного потока. Однако было уже поздно: плот не слушался управления, и его неудержимо несло к роковой скале. Вот Разбойная скала всё ближе, она крутит перед собой огромный водоворот, в центре которого бешено бурлит и, словно голодный ненасытный зверь, чавкает зловещая воронка...

– Мать твою так, чичас понесёт по кругу! По кругу понесёт аккурак к скале! Беда, ребяташки! – в голос кричал лесник, будто его могли услышать там, на плоту.

Понимая, что не может остановить события и предотвратить надвигающуюся развязку, Ефим сбежал с крыльца и тоже кинулся к берегу. Дарья наоборот – причитая, убежала в избу. Один Колька молча наблюдал округлившимися от страха глазами за всем происходящим.

Водоворот цепко подхватил плот и, словно игрушку, поволок к отвесной скале. Первый удар плот выдержал – и снова пошёл по кругу. От второго удара бревна сдвинулись, сорвало брезент с укрытого груза. Люди что-то отрывисто кричали друг другу, но за шумом порога разобрать было невозможно. Ещё один, третий круг в водовороте – и третий удар, от которого бревна под ногами людей стали расползаться. Было ясно, что четвёртый круг станет последним.

Один из военных что-то громко прокричал, должно, скомандовал – и люди начали прыгать в воду. Разом прыгнули двое, следом ещё один, а четвёртый, помедлив, явно с неохотой бросил в воду, в направлении берега винтовку и так же неохотно последовал за товарищами...

Словно бы мрачно усмехаясь, скала поджидала полуразбитый плот. Теперь на нём оставался всего один человек: балансируя на шевелящихся брёвнах, он бросал какие-то небольшие, но явно тяжёлые предметы в сторону, подальше от пенящегося водоворота.

– Прыгай, парень! Прыгай сам-то! – кричал лесник, бегая по берегу и бестолково размахивая руками. – Пры-ы-га-а-ай!

Споткнувшись о камень, он упал, но тут же приподнялся и увидел, как человек на плоту, скользя по мокрым брёвнам, размахнулся и отбросил в сторону что-то напоминающее небольшой мешочек.

И тут плот с разгона ударило об отвесную каменную стену. Ефим от воды и Колька сверху, с крыльца увидели, как толстые брёвна встали на дыбы, словно невесомые спички, и накрыли сорвавшегося с них человека...

Четверых красноармейцев-пограничников, выплывших на плоскую, как ладонь, скалу Сеновал, Трифон и Санька, не медля, доставили на берег. Никто из них не видел гибели плота – скала Разбойная широкой каменной спиной закрыла страшную картину. Выпрыгнув из лодки, мокрые красноармейцы, скинувшие в воде тяжёлые сапо-

ги, долго бежали вниз по берегу, в кровь обдирая ступни об острые камни, в надежде заметить плывущего человека. И только у высокого и крутого «облаза», преградившего им путь, вынуждены были остановиться и, покричав, повернули назад, к избе...

Ужинали пограничники хмуро и в молчании, а спать улеглись в лесниковой баньке. Отказались даже от самогона, предложенного испуганным хозяином на помин души их командира.

– Поминать рано, отец! – сказал русоголовый пограничник. – Николай Николаевич родом с Волги и плавать умеет получше нас! Может, Енисей вынес его ниже на камни либо на косу какую?.. Тогда найдём! Ну, а если нет, тогда не знаю, как будем глядеть в глаза жене его. Они ведь на заставе с махонькой дочкой Томкой ждут...

– Команду два раза давал прыгать в воду... – вспоминал другой красноармеец. – Приказ ведь строгий. Винтовки побросали и прыгнули. Может, не надо было?..

– Приказы надо исполнять! – подтвердил русоголовый, являвшийся, видимо, командиром отделения, и сурово оглядел товарищей. – Приказ он на то и приказ!..

Утром Санька готовился сплавлять красноармейцев вниз на большой лодке. Они торопливо допивали чай с шаньгами, когда Колька принёс в избу две зелёные пограничные фуражки со звёздочками, выброшенные Енисеем на камни. Русоголовый командир отделения внимательно их осмотрел.

– Вот эта твоя, Михаил! Изнутри на околыше плоховато, но читается «М. Сюзев». А вот вторая, с оборванным ремешком... не твоя, Степан?

– Не-ет...

– И не моя. Выходит, Николая Николаевича... Ну, прощевайте, хозяева!

Пограничники поднялись из-за стола. На печке тотчас колыхнулась и отодвинулась занавеска, завозилась Никулиха, прошамкала:

– За шанешки и чаек, солдатушки, денежку надобно, родимые...

Ефим цыкнул на старуху. Сконфуженная Дарья подскочила к печке, поспешно задёрнула занавеску. Красноармейцы тоже растерянно переглянулись, и командир отделения зашарил в карманах гимнастёрки. Выложил на стол серебряный полтинник с серпом и молотом.

– Ну, бабушка, спасибо тебе за гостевание!..

В сенях русоголовый пропустил товарищей вперёд и, задержавшись, пристально посмотрел в глаза Ефиму.

– Ты вот что, отец... Военную службу проходил, поди? Хотя бы и царскую. Значит, строго запомни: никакого такого плота не было, и на пороге никто не разбивался. Военная тайна это. Понял, отец? И всем своим строго-настрога накажи, а особенно бабке на печи!

* * *

Через два дня – ещё Санька с лодкой не вернулся из Означенного – Трифон удил ранним утром хариусов под Безымянной скалой. Рыба шла вверх вдоль берега косяками, торопясь войти в речку Джой на свои извечные нерестилища. Двух, а то и трёхфунтовые рыбины безотказно заглатывали крупного червя, насаживаемого целиком за середину. Хариусы помельче такую насадку не брали, поскольку проглотить её им было не по силам. В мутной паводковой воде хариусы хватали чуть ли не из под самых ног. Тяжеленные, как утюги, сильные, как стальная пружина, они то и дело дугой изгибали берёзовое удилище. Большая, ведра на три, берестяная торба наполнилась быстро.

«Малосольных через пару ден пробовать будем, – размышлял довольный Трифон, – а седни мать рыбных пирогов настряпает».

Он подцепил на крючок последнего извивающегося червя, поплевал на него не столько для верности, сколь по старой мальчишеской традиции, и забросил подальше. Ждать долго не пришлось: удилище от мощного рывка чуть не выскочило из рук, толстая шёлковая леса, разрезая мутную воду, пошла наискось к берегу, к сбитому в кучу древесному мусору.

– Вот ведь, курвец, прямо в наносник прёт! – выругался вслух Трифон, опасаясь за крючок и целостность леса.

Так и произошло – крупный хариус искал спасение среди коряг, ошкуренных о камни сучьев и обломанных веток с ещё зелёными листьями. Там, окончательно запутав лесу, рыба, пытаясь освободиться, яростно билась среди сцепившегося древесного мусора. Пришлось Трифону, скинув телогрейку и отвернув повыше кожаные бродни, лезть в воду.

– Не уйдёшь, курва, так твою мать! – радостно воскликнул Трифон, нащупав в воде сначала толстую рыбью спину, а потом и жабры.

И тут он увидел прямо перед собой... локоть человеческой руки. Между двух коряг, под мусором наносника, вода колыхала, словно баюкая, человеческое тело: в кожаной куртке и в брюках-галифе, на ногах хромовые сапоги. Трифон попятился было назад, перекрестился, потом ещё раз присмотрелся повнимательней и воровато оглянулся: за спиной лишь безлюдный, густо заросший кустарником берег... И тогда, ухватившись за рукав гимнастёрки, он выволок утопленника на песок.

Врезавшуюся в разбухшее тело, размокшую коричневую портупею с широким командирским ремнём и тяжёлой кобурой Трифон снял в первую очередь. Потом вывернул оба кармана кожанки: в одном были какие-то размокшие бумаги-документы и небольшая фотография молодой женщины с улыбающейся девочкой на коленях, в другом оказалась пачка красных дензнаков, обмотанная суровой ниткой.

«Тридцатирублёвки и червонцы! – обрадовался Трифон. – Ох, уж и погуляем с девками в Сизой! Подсушить разве что малость надобно».

Документы и фотографию Трифон тщательно изорвал, растеребил на мелкие кусочки и бросил в мутную воду. Вытянув из кобуры револьвер, провернул барабан – проверил наличие патронов. Тут же решил: «Сгодится энтó оружие, всяко ведь бывает!» С сожалением осмотрел хорошие хромовые сапоги: с разбухших ног утопленника они никак не желали стаскиваться. Не резать же ножом голенища?!

После этого Трифон завернул в телогрейку деньги и портупею с наганом, потом, перекрестив лоб, прошептал: «Царствие небесное утопленнику, расстанемся с миром... Плыви дале по Енисею, с Богом!» Забрёдя сколь хватало голенищ в воду, оттолкнул тело из наносника на енисейскую струю. Взвесив, всё ли сделал как надо, подумал с облегчением: «Всё, теперя пора домой!»

Надел на плечи лямки тяжёлой торбы и ещё раз оглядел берег: никого...

Глава 16. Испытания

Незримые нити, из которых соткано Время, нанизывают и нанизывают человеческие судьбы, словно жемчужины, на бесконечные ожерелья. И если судьбы двоих людей волею случая оказались на разных нитях, то что бы они ни делали, как бы ни старались – не суждено им стать постоянными спутниками на жизненном пути. Обстоятельства, события, лидеры, наконец, будут постоянно вмешиваться в их взаимоотношения и разводить в разные стороны снова и снова. Как говорится, не судьба им быть вместе...

Но если жемчужины-судьбы оказались рядом, на одной нити, то не станут помехой ни абсолютная несхожесть характеров, ни разное социальное происхождение, ни даже сама кровопролитная война с её смертельными опасностями. Пусть их будет нещадно бить и мотать, но всё равно, в самые трудные моменты они непременно окажутся рядом, чтобы поддержать, ободрить, а то и спасти от смерти. Вот так и будут они неразделимы по жизни, словно иголка с ниткой, вернее, как соседние жемчужины на одной нити, пронизывающей Время и судьбы человеческие...

А может, и не так всё на самом деле, а просто существует книга Судеб, в которой неведомый, но вездесущий писец, словно писатель-сказочник, выстраивает хитроумные сюжеты, сводит и разводит полюбившихся ему героев для того лишь, чтобы сделать повествование своё не только поучительным, но и крайне интересным? Недаром имя этому автору Творец...

* * *

Командир заставы Дзензура остался на Большом пороге если не в растерянности, то в полной сумятице мыслей и чувств. Отправлять маленького Мангира на плоту в крайне опасное путешествие он не решился, поэтому пришлось остаться и самому, доверив доставку золота Успенскому. Продуктов было достаточно, но оставаться здесь и ждать, пока паводок схлынет, было не менее опасно – банда могла нагрянуть в любой момент. О том, чтобы подниматься на лодке, толкаясь шестом, до устья речки Ус и далее – до деревни Усть-

Золотая, откуда они сплавились, не могло быть и речи: в такую воду не то что ему одному, но и двум здоровым мужикам не справиться. Пробираться же енисейским берегом, где сплошь скальные прижимы, а устья ручьёв и галечниковые косы затоплены большой водой, тоже нереально. Оставалось одно: идти вдоль речки Казырсука вверх, и потом выходить на Усинский тракт. А уж там – между Танзыбеем и Араданом – непременно встретится попутный транспорт до Верхнеусинского. Правда, была вероятность столкнуться по пути с бандитами, но в тайге ведь всегда можно спрятаться, затаиться... Вот только как Мангир, выдержит ли малец?

По охотничьей тропе, тянущейся вдоль широкого и неугомонного не то что сейчас, но даже и в летнюю-то сушь Казырсука, Дзензура и Мангир двинулись сразу же, как только сложили в заплечные котомки необходимый запас продуктов. Дзензура ясно понимал, что пройти шестьдесят вёрст по едва приметной тропе, а иногда и без неё – в обход скальных прижимов, поскольку в пик половодья тропа частично затоплена – будет ох как нелегко. Тропа и в другое-то время года, петляя в обход замшелых камней и поваленных вековых деревьев, коварно теряясь при переходе с берега на берег, своей нескончаемостью способна вымотать все силы без остатка. Даже у привычных охотников этот маршрут отнимает двое, а то и трое суток – а тут ещё малолетний Мангир. Тем не менее, иного выхода не было...

Отягощённые влагой пихтовые лапы и ветви берёз в таёжном густолесье так низко склонились над тропой, что приходится то и дело пригибаться. А следом буквально переползать через замшелые, напитанные утренней росой валёжины. Но того хуже, когда тропа приглашает измученных путников перебраться с берега на берег – и уходит прямо в ледяную бурлящую воду. Так и хочется последовать, даже зная, что нет сейчас туда пути. Вот и остаётся карабкаться снова и снова вверх по крутым скальным обалам или же перебираться через кипящие пеной ручьи-притоки по предательски скользким переходам – стволам когда-то поваленных то временем, то непогодой, а то и топором охотника деревьев. А на этих давно уже ненадёжных «мостах» приходится смотреть, как говорится, в оба...

Нырять под осыпающие каплями утренней росы ветви, переползая через огромные, в обхват, стволы деревьев, Мангир не в первый уже раз окликал отстающего, чертыхающегося позади Дзензуру:

– Товарищ командир заставы! Что ругаешься? Такая вот у нас тайга. Она говорит: «Кланяйся мне, а то не пущу дальше. Много-много раз низко кланяйся мне».

– Да уж, сегодня я накланялся больше, чем старушка в церкви самому Господу Богу! И то ли ещё будет?.. Верно, верно, Мангир: тайга проучит, но тайга и научит. Эх, черт бы её побрал, такую школу! Давай-ка, парень, перекур минут на пяток устроим что ли!?

На сухой хвойной подстилке под развесистой кедрушкой, словно на мягком матрасе, устроили путники очередной отдых. Дзензура достал из пачки папиросу, аккуратно размял и закурил, Мангир же примостился рядышком, чтобы задавать свои бесчисленные вопросы.

– А как там плот, товарищ командир заставы, по Енисею поди шибко бежит? Николаю-то Николаевичу с пограничниками реке кланяться не надо, вот только думаю, нелегко им, а может, потрудней даже чем нам? Правда ведь?

Дзензура затянулся папироской, помедлил с ответом, раздумывая, потом проговорил уверенно, самого себя успокаивая:

– Сам ведь знаешь, крепкие там ребята – орлы! Одно слово, пограничники! Ну, а что на плоту нелегко... Это правда, парень! Что правда, то правда, потому и решили тебя не брать. Ты уж на это не серчай, будет время, отправим тебя в Минусинск по тракту. Дай только нам с бандой разобраться... А у ребят, я думаю, всё у них будет хорошо, Мангир!

Вот уже и дотлела папироска, Дзензура легонько хлопнул спутника по плечу и шутливо скомандовал:

– Ну, парень, полный вперёд! Будем опять кланяться каждому дереву на нашей тропе. Правильно ты сказал: тайгу надо уважать!

Для намётанного глаза и пытливого ума тайга, словно интересная книга. Маленький Мангир, к великому удивлению Дзензуры, видел в ней намного больше, чем он. То и дело внимательный малец отмечал что-нибудь интересное, указывая на метки бывалому пограничнику:

– Вон, смотри, товарищ командир заставы, выше по склону лёжки маралов. Пять штук свежих. Однако целое семейство сегодня ночевало...

А вот встретился путникам и кабарожий «горох», лежащий кучками прямо на тропе – у маленького оленя и помёт-то мельче заячьего.

– И кабарожье семейство здесь тоже обитает, – замечает Дзензура, чтобы показать свою наблюдательность.

– Нет, – уверенно возражает мальчик, – здесь всего одна кабарга ходит. Кучки-то, большинство уже сухие... Просто она пасётся и ночует недалёко...

Присмотрелся Дзензура: так и есть, а он-то сразу и не разглядел. Зоркий взгляд у мальчика, многому научил его старый Отой. Такой мальчуган и в одиночку, пожалуй, в тайге не пропадёт, самостоятельно выйдет к людям.

Но иногда Мангир подмечал что-нибудь и не слишком приятное.

– О, товарищ командир заставы, тут однако перед нами медведь прошёл. Должно, мы его и спугнули?.. А огро-ом-ный! Вон шерсть-то на ветке висит на какой высоте!

Дзензуре после таких слов даже неуютно стало от опасного соседства. Но Мангир, заметив его беспокойство, успокоил как-то совсем уж по-взрослому:

– Он в сторону уйдёт, потому что нас двое. Это одного мог бы подстеречь, однако такой плохой медведь в нашей тайге редко встречается...

Мангир же первым обнаружил и приближающихся бандитов. Он вдруг остановился, замер неподвижно и поднёс палец к губам, призывая к тишине идущего позади него Дзензуру. Потом прошептал:

– Слышишь, товарищ командир заставы, кедровка кричит? Уже не первый раз, и каждый раз всё ближе. Значит, кто-то нам навстречу по ручью идёт...

Осторожно, стараясь не оставлять следов, они отошли от ручья в сторону и спрятались за большим замшелым камнем. Через некоторое время увидели сквозь ветки двоих человек с карабинами, спускавшихся по тропе. Дзензура, пригнув голову Мангира рукой, расстегнул кобуру и достал револьвер.

Вскоре на тропе показались ещё десятка два человек – цепочкой, один за другим, они проходили мимо замерших Мангира и Дзензуры. Среди бандитов внешне выделялись трое: высокий в кителе и офицерской фуражке – должно быть, командир, низкорослый –

китаец или японец по виду, в жёлтых сапогах, и ещё здоровенный мужик с рыжеватой бородкой и объёмистым сидором¹ за спиной.

Выждав с четверть часа, Дзензура с Мангиром двинулись дальше своим путём. Больше неожиданных и нежелательных встреч, похоже, не предвиделось до самого тракта.

Вот так, с тремя ночёвками, с чутким полусном-полудрёмой у костра они и добрались до Усинского тракта. Здесь почти сразу же встретился им отряд минусинской пограничной комендатуры, поэтому дальше всё было просто: верхом на одолженной у пограничников резвой лошади они быстро добрались по назначению. Мангир, не застав в избышке деда Отоя, поехал с Дзензурой дальше – до самой Семиозёрской заставы.

Красноармейцы на заставе, уже начавшие тревожиться за своих товарищей и командира, услышав от часового о приближении двух всадников, дружно высыпали из казармы. Узнав от Дзензуры, что всё в порядке, облегчённо вздохнули и начали расходиться. А Пётр Мефодьевич, помогая спешиться заметному уставшему, но улыбающемуся Мангиру, про себя подивился: «Молодец, парень, ай да молодец! Всего-то одиннадцать лет, а закалка чувствуется в нём настоящая, таёжная, мужская чувствуется закалка...»

Жена начальника таможни Успенского тоже вышла из командирского общежития и начала допытываться о муже.

– Поставленную командованием задачу, Вера Иосифовна, мы выполнили, так что не тревожься, максимум через неделю дома будет Николай Николаевич. Да ещё и с подарками для Вас и дочурки! – Дзензура погладил по головке застенчиво жавшуюся к матери малышку. – Как тут, Томочка, поживают любимцы твои, щеночки Кутька с Альмой и Рябчик-кусака? Подросли, поди, за эти дни? Папка пообещал и им гостинца привезти. Не пробовали ведь они ещё минусинскую колбаску?..

Все, что мог, раскрыл этими словами жене Успенского командир заставы. Промолчал, конечно, про то, что не пришёл к Большому порогу пароход, что на обычном плоту доставляется Николаем Николаевичем секретный груз в Минусинск. Военную тайну знать лишним людям, пусть даже и самым близким родственникам, не положено.

---

¹ Солдатский вещевого мешок.

Мангир тем временем расспрашивал у пограничников, не приходил ли на заставу дедушка Отой. Представлял, как удивится апсах, что внук вернулся, что откладывается его житьё в городе. Но и обрадуется, конечно, тому что теперь уже до осени будет они вместе. И то, непривычно деду летом одному хозяйничать по дому, в одиночку стучать в своей закопчёной кузне звонкими молотками! Зимой-то, когда Мангир прилежно сидит за партой в селе Григорьевка, и особенно в непогоду, ежели всё вокруг заметёт снегом, печь в кузне разжигается редко. Да почти и не бывает в пургу гостей, не с кем даже словом перемолвиться. А с лайкой Сапчы много не поговоришь: лишь хвостом преданно повилкает – вот и весь её разговор...

Жаль вот только Мангиру, что красавца-марала Ажо не доведётся, скорее всего, ему увидеть. Как и всё его вольное оленьё племя, до осени ушёл Ажо от надоедливой, с рассвета до заката не дающего покоя гнуса высоко в горы, к самым снежным гольцам. Кого сейчас и можно повстречать в тайге, так это самок-маралух, которые остались в глухих спокойных местах рожать и воспитывать своих крохотных тонконогих телят... Немало поведал ему дедушка Отой о маралах, да и из собственного таёжного опыта Мангир много чего мог рассказать. Например, то, что у самцов в это время начинают набухать на лбу мягкие рога-панты, которые вырастут, станут ветвистыми, а к концу лета затвердеют и превратятся в грозное оружие. Прочные и острые рога нужны бесстрашным бойцам не столько для защиты от хищников, сколько для яростных сентябрьских схваток с соперниками. Осенью наступит время оленьего гона – и разнесётся над саянскими горами зычный рёв, в котором слышится одновременно и нетерпеливый любовный призыв, и вызов соперникам. Победит сильнейший – этого требует продолжение марального рода. Будет в этих яростных поединках участвовать и Ажо. Так повторяется из года в год, так заведено самой природой...

* * *

О трагедии в Джойском пороге узнали на Семиозёрской заставе и на таможенном посту Барба-хак лишь через неделю. Недобрую весть доставил Дзензуре посыльный из Минусинской комендатуры. Сообщая в секретном пакете о гибели плота и Николая Успенского, начальник оперсектора ОГПУ строго предупреждал сохранять

в тайне судьбу золота, поскольку оставалась надежда, что в конце лета или даже осенью, когда окончательно спадёт на Енисее вода, ценный груз удастся найти и поднять со дна.

Командир заставы, прочитав пакет, даже в лице осунулся – будто сразу постарел на несколько лет. Все на заставе это заметили, потому как впервые видели своего командира таким угрюмым и молчаливым. Пограничники сразу поняли, что произошло что-то недоброе, но расспрашивать не решались: знали, что если посчитает нужным, то командир сам расскажет...

А Дзензуру сейчас больше всего пугал предстоящий разговор с Верой Успенской. Ловя на себе её тревожные взгляды, он прикрывался занятостью, чтобы только не смотреть в вопрошающие глаза молодой женщины. С другой стороны, он прекрасно понимал, что от тяжёлого разговора всё равно не уйти. И совсем было уже решено, но увидев, как барахтается в траве со своими щенками любимица всей заставы маленькая Томка, Дзензура, так ничего и не сказав, поспешил уйти в казарму. В глазах у него стояли слезы...

Прошёл день, два, пошёл третий. Вера Иосифовна, видимо, сердцем чувствуя беду, решила на прямой разговор с командиром заставы. И Дзензура, понимая, что дальше скрывать гибель её мужа невозможно и бессмысленно, вынужден был рассказать о полученном из комендатуры пакете. Успенская узнала от него все, кроме того, что причиной трагедии стало золото – поскольку о секретном грузе никто посторонний не должен был знать...

Несколько дней Вера Иосифовна, закрывшись в комнатке, отведённой им с мужем в общежитии, оставалась наедине со своим горем. Она не причитала, а плакала молча, тихо – и утешать её никто не решился. Да никто, наверное, на заставе этого и не сумел бы: среди суровых мужчин она была единственной женщиной, и никто не знал, какими такими словами можно её успокоить. Скольких боевых товарищей они уже потеряли, сколько раз колючий ком застревал в горле – но только звучала короткая клятва памяти над могилой да эхо прощального залпа разносилось каждый раз вместо слов утешения.

И только ещё через пару дней Дзензура, наконец, решился и тихонько постучал в дверь комнаты Веры Иосифовны. Она сидела за столом и, не глядя, перелистывала страницы альбома с фотогра-

фиями. Дзензура, попросив разрешения, взял семейный фотоальбом в руки. Вот Николай, вернее ещё просто Коля, ещё совсем юный – боец-доброволец героической кавбригады Котовского... На следующей странице домик в Кинешме – это родительский дом... Вот Коля с Верой молодые, только что поженились... А это вся семья Успенских: мать, сестра, а позади стоит Николай в красноармейской форме... Это когда после окончания гражданской войны он приезжал в родную Кинешму в отпуск. Тут он фотографировался в Одессе, а тут верхом на коне, с кобурой на ремне – бравый и, одновременно, привычно улыбчивый... Снимок сделан тоже на Украине, возле таможи в городе Проскурове¹, где он служил старшим контролёром. Не было только ни одной его фотографии в Саянах. Что ж, нет здесь поблизости фотографа, да и времени, чтобы где-то сфотографироваться, тоже нет. Служба на глухой таёжной заставе, она такая...

Через окно комнатки Дзензуре было видно, как четырёхлетняя Тома играет со своими неразлучными друзьями – тремя щенками. Каждый день она рассказывает им, что скоро из Минусинска придет папка и привезёт всем гостинцы...

* * *

А Мангир с Отоем о гибели Николая Николаевича узнали от заглянувшего к ним дозора пограничников. После их отъезда расстроившийся кузнец, практически никогда не пивший, а тем более в одиночку, изменил своей привычке и достал бутылку крепчайшей минусинской самогонки. Налил полный стакан и, выйдя на крыльцо, плеснул немного на землю, а остальное выпил залпом. Словно оправдываясь, пояснил удивлённому внуку:

– Хорошего человека обязательно нужно помянуть. И ты, Мангир, должен помянуть, но пока тебе ещё нельзя пить вино. Когда вырастешь, тогда немножко можно будет... Всегда помни хорошего человека, командира Успенского Николая Николаевича, чтобы ему там было хорошо... Не забудь день его гибели, четырнадцатое июня...

– Я не забуду, апсах! А ведь мы так и не успели подарить ему самую лучшую зажигалку из всех, что ты сделал! – вспомнил внук.

– Возьми её себе, Мангир. Береги её, и пусть эта зажигалка будет всегда с тобой. Пусть она станет для тебя памятью о Нико-

¹ Ныне украинский город Хмельницкий.

лае Николаевиче, о пограничниках с заставы. Я старался, я делал её красивой. Вот смотри: на этой серебряной пластинке-накладке его инициалы, а выше – маленькая пятиконечная звёздочка, как у него на фуражке...

Не стало в мире хорошего человека, но жизнь тайги вокруг избышки кузнеца продолжала течь своей чередой, ведь в природе, как это ею же и заведено, постоянно происходит великое множество рождений и смертей. Было начало лета, и деревья всю зеленели свежей, не успевшей ещё потемнеть и огрубеть листвой, вспыхивали на полянах россыпи длинношеих оранжевых жарков, полыхали красными рассветными красками разливы иван-чая. На северных же склонах гор, в узких скалистых логах всё ещё горели весенним сиреневым огнём кусты багульника, поздно цветущего в этом году, да белая кипень черёмух расплескалась вдоль звонких ручьёв. Яркие цвета как всегда радовали глаз, таёжные ароматы кружили голову, а теплые июньские дожди ласково умывали и поили чистой водой каждое дерево, каждый цветок, каждую маленькую травинку...

Для живущих в тайге людей лето – это любимое время года. С самого раннего утра, с восхода солнца тайга наполняется голосами её обитателей, не знакомыми и ничего не говорящими разве что непривычному городскому жителю. Вот, перелетая с дерева на дерево, пронзительно и суматошно кричит кедровка – не иначе, как сопровождает пробирающегося сквозь чащу марала, а то и обходящего свои владения медведя. Замеченному ею охотнику тоже непросто будет отвязаться от надоедливой птицы, оповещающей окрестную тайгу: «Чужой идёт! Чужой идёт!..» А вот с вершины разлапистого кедра слышится непонятное клохтанье. Да это важный тетерев, распушив свой роскошный лировидный хвост, поёт песню любви невзрачной серенькой курочке, деловито снующей внизу в траве. Иногда вдалеке за деревьями коротко рявкнет несколько раз, будто хрипло пролает или прокашляет, самец косули. А совсем ещё недавно со всех сторон нёсся брачный зов маралов – трубный и протяжный рёв жаждущих схватки с соперниками могучих самцов. Весной и летом тайга не бывает молчаливой, и если научишься чутко слушать её, то со временем научишься и понимать каждый звук...

Отой, как и всегда в эту летнюю пору, часто уходил в тайгу с берданкой и котомкой за плечами, в сопровождении верной лай-

ки Сапчы. Добычи он, как правило, никакой не приносил, разве что пучок сочной, пахнущей чесноком черемши¹ или горсть первых крохотных маслят, таких вкусных в грибном супе. Возвращался усталым, но через несколько дней снова становился задумчивым, озабоченным – и опять исчезал. В эти летние месяцы он становился совсем молчаливым, словно думал всё время о чём-то потаённом: далёком и непонятном...

Мангир, давно привыкнув к его трём, а то и четырёхдневным отлучкам, без деда не скучал, ведь, кроме заботы о доме, у него были и свои собственные важные дела. Посматривая на отрывной календарь, он ждал вторника или четверга – именно по этим дням на заставе свободные от несения службы красноармейцы занимались изучением политграмоты. Проводил занятия начальник заставы Дзензура, а потом Вера Иосифовна, как настоящая школьная учительница, учила бойцов читать и писать или же объясняла непростые правила арифметики. Многие пограничники были малограмотны, ведь далеко не всем из них до службы довелось учиться в настоящей школе. А назывались такие занятия мудрёным словом «кликбез».

Сам Мангир уже две зимы учился в начальной школе в селе Григорьевка, и за два года обучения узнал все буквы, мог уже бегло читать и писать. Дед отправлял его в Григорьевку осенью «на полный пансион», то есть с запасом одежды и харчей. А квартировал Мангир у старого знакомого Отоя – у дядьки Дмитрия или, как звали его все в деревне, Митяя. Баба у Митяя была добрая и бездетная, так что Мангир стал им заместо сына, и тётка Марья, не то что дед Отой, часто баловала его по утрам пирожками с молотой черёмухой, сладкой парёнкой из тыквы или блинами с донниковым мёдом. Но всё равно, Мангир с нетерпением ждал летних каникул, чтобы поработать с дедом в кузне или побродить с Сапчы по такой интересной и такой родной тайге...

Дальше деревни Григорьевки Мангир ещё никогда не бывал, и на занятиях по политграмоте вместе с бойцами познавал далёкий большой мир с огромными городами и ещё более огромными государствами. Дзензура и Вера Иосифовна хвалили его и даже часто ставили красноармейцам в пример...

---

¹ Или медвежий лук. Дикорастущий, по вкусу и запаху напоминает чеснок.

* * *

Как-то поздним вечером, уже по темноте, к избушке Отоя свернули с тракта около десятка конников – это были мишинские бандиты. На свороте они оставили своих дозорных, поскольку тракт постоянно патрулировали маневренные группы Верхнеусинской комендатуры. Самого штабс-капитана Мишина с бандитами не было, а командовал отрядом Никифор Савкин из его родного села Ермаки – тот самый, что любил при случае рассказать, не в пользу Советской власти, конечно, о двух «недостающих» градусах новой водки. В банде он оказался относительно недавно, после того, как при раскулачивании у него забрали трёх коней, четырёх коров и подчистую выгребли зерно из амбара. Хорошо подвешенным языком, злостью ли своей, но Никифор сразу расположил к себе Мишина и вошёл в его полное доверие, окончательно оттеснив на вторую роль здоровяка Ведмедя. И то, Пашка Ведмедь был молчалив и себе на уме, а Савкин говорлив и люто зол на Советскую власть. Посему причины полностью доверять ему, по мнению штабс-капитана, имелись весьма серьёзные.

С бандитами объявился и странный человек: то ли китаец, то ли японец. Держался он особняком, в суматохе не участвовал, лишь брезгливо наблюдал, как один из бандитов, надсадно хакая при каждом ударе, сбивал прикладом винтовки замок с двери погреба. Когда замок слетел, несколько человек, не спрашивая на то позволения хозяина, тут же полезли вытаскивать припасы: солонину, окорок, вяленое мясо.

Никифор же Савкин тем временем вёл в избушке беседу с кузнецом:

– Значится опять свиделись, паря! Вот оно и славно! Я, стало быть, по делу к тебе, мастер Отоюшка. С почётным заказом прибыл, как к лучшему в округе кузнецу... Чуешь, какой почёт для тебя большой имею?

Савкин высморкался на обе ноздри прямо на пол, утёрся рукавом. Кузнец же молчаливо ожидал, что тот ещё скажет, лишь покосился на бесшумно возникшего в дверях незнакомца-азиата. Тот подчёркнуто вежливо поклонился и, усевшись подле Савкина, впился в кузнеца неподвижным взглядом.

– Так что важнецкий заказ до тебя имею... – Никифор ловко скрутил пальцами «козью ножку» и, оборвав фразу, набил её махоркой, потом чиркнул спичкой и смачно задымил. – Видишь ли, паря, лошадки у штабс-капитана осклизаться стали, перековка им,

паря, требуется. И по такой причине приказал штабс-капитан без промедлений и рассуждений изладить пять-шесть десятков новых подков. Так что седни, прямо чичас и зачинай работу, паря, а коваться уж на утрях станем. С оплатой капитан не постоял, советскими червонцами наш расчёт будет.

Никифор неспешно извлёк из внутреннего кармана тяжёлый кiset, вытряхнул на выскобленный добела стол изрядную кучку серебряных рублей и полтинников.

– Достатошно будет, паря?

Отой молчал, всё это время тщетно пытаюсь внутренне защитить-ся от тяжёлого взгляда обутого в необычные жёлтые сапоги то ли китайца, то ли японца. Непонятно было, ласково шурился незнакомец или улыбался неизвестно чему, но взгляд его снова и снова обдавал холодом кузнеца и словно бы гипнотизировал. Он никак не мог объяснить свой страх, свою неуверенность, пока не пришла ясная мысль: «Да ведь это и не китаец вовсе! Это, определённо, японец. Странно только, откуда он здесь взялся?» Когда кузнец был на сахалинской каторге, то японцев повидал достаточно много, так что и сейчас вряд ли мог ошибаться: определённо в его избушке сидит непонятно откуда взявшийся японец!

Наконец Отой избавился от растерянности и ответил запоздало на заданный вопрос:

– Денег ты, конечно, Никифор Епифанович, не жалеешь, денег хватит и на сотню подков... Только не возьму я их. Нет, не возьму! Ведь если я откую твоим молодцам подковки, через три дня буду в минусинском ГПУ, а ещё через три меня расстреляют чекисты... Справедливо расстреляют, по закону расстреляют. Я-то уж старый, только мне не себя жаль, – кузнец разволновался, встал, подошёл к окну, – но у меня ведь внук есть, Никифор Епифанович. Мне никак нельзя ковать для Мишина подковы...

Кузнец наткнулся на холодный взгляд японца и, словно споткнувшись, замолчал. Но потом заговорил снова, горячо и уверенно:

– Знаю, меня можете расстрелять и вы! Я согласен, я совсем старый хакас. Советская власть освободила меня с каторги, как я пойду против чახсы¹ власти? Вон у крыльца сидит мой внук Мангир; ради его будущей жизни я не стану предателем новой власти. А меня, старика, можешь расстрелять, Никифор Епифанович, но ковать копей врагов Советской власти я не стану!

¹ Хорошей (хакасск.)

Савкин, досадливо кашлянув, сгрёб монеты назад в кисет. Глядя недобро, подошёл к Отою вплотную и отодвинул его от оконца. Внимательно осмотрел двор: там, окружив большой костёр, мишинцы жарили свиной окорок, а в сторонке сидел на деревянной чурке Мангир и успокаивающе поглаживал лежащую у его ног Сапчы. Отсветы костра хорошо освещали и мальчика, и собаку.

Никифор Савкин положил руку на кобуру нагана и медленно, очень медленно стал её расстёгивать. Глянув на Отоя в упор, так же медленно проговорил:

– Та-а-к, паря. Говори своё последнее слово, будут новые подковы у лошадок? Ведь осклизаются лошадки, а это плохо, паря... Ой как пло-о-хо! И до трёх, по-вашему, по-хакасски, как думаешь, умею я считать?..

Сухо щёлкнул взведённый курок нагана, а ствол упёрся в грудь кузнеца.

– Пир!¹ – злой голос Савкина в маленькой избушке прозвучал громко и резко, как выстрел.

Но кузнец не то что не отступил, а даже не шелохнулся, и на Савкина смотрел не мигая.

– Ики!² – голос взбешённого Савкина сорвался на почти поросычий визг.

Внимательно наблюдающий за ними японец при этом поднялся и все с той же беспричинной улыбкой на лице неторопливо двинулся к окну.

Юс!³ – прохрипел Савкин, с силой вдавливая ствол нагана меж рёбер застывшему Отою.

Однако выстрелить он не успел. По какой-то невероятной траектории, быстрым, как молния, ударом обеих рук японец отбросил Никифора – и при этом выбил у него оружие. Отлетев далеко в сторону, револьвер глухо ударился в стену и с грохотом покатился по полу. Всё это произошло настолько быстро, что только тени метнулись по стене от керосиновой лампы над столом. Но тут же успокоился колыхнувшийся язычок пламени; всё так же неподвижно стоял кузнец, и только Савкин у стены, скорчившись и мыча от боли, прижимал к груди правую руку. Японец, подняв с пола наган, покрутил барабан, выщёлкивая жёлтые гильзы с утопленными

¹ Один (хакасск.).

² Два (хакасск.).

³ Три (хакасск.).

в них свинцовыми пулями: одна за другой они падали вниз, раскатываясь по половицам.

– Ты же мне кистю, должно сломал, господин Фэн... – баюкая свою руку и криво морщась, пожаловался плаксиво Савкин.

Японец спокойно и не переставая непонятно чему улыбаться, впервые заговорил на ломаном русском языке:

– Рука больна не будет скоро. Всево... Всево ики, юс день! А подкавать лошади завтра будет. Нада так делай!

Незнакомец небрежно бросил на скамью возле Савкина разряженный наган и вытащил из внутреннего кармана маленький, голубой стали браунинг. Направил его в сторону окна.

– Чахсы, осенно чахсы внук у кузнес Отой! Кузнес делай подкова – будет внук у кузнес. Чахсы внук будет! Нету подкова – нету внук...

Японец внимательно посмотрел на Отоя и, в подтверждение своих слов, стал тщательно целиться через окно в Мангира.

– Нету подкова – нету внук... – повторил он, переведя свой холодный взгляд на застывшего кузнеца.

– Тохта!¹ – закричал Отой, прочитавший в этом взгляде неминуемый приговор, и всем телом рванулся к японцу. – Не стреляй! Будут подковы...

Уже на рассвете, когда кузнец закончил ковать четвёртый десяток подков, прискакали часовые и сообщили, что отряд пограничников приближается по тракту. Бандиты, не рискнув принять открытый бой, спешно покидали в мешок горячие ещё поковки и намётом ускакали вниз по логу: вдоль ручья, в непролазную и спасительную тайгу...

Взвод пограничников спешил к кузнице Отоя. Бойцы успели издали заметить всадников, но преследовать численно превосходивший их отряд не рискнули. Командир взвода Степанов посчитал, что дело это заведомо обречённое: только людей потеряешь от пуль бандитов, для которых тайга давно уже дом родной, а каждое дерево – надёжная защита.

Увидев большое кострище возле кузницы, распахнутый погреб и валяющиеся кругом свиные кости, пограничники всё поняли. Откровенно обрадовались, что кузнец с внуком сами не пострадали. Однако увидев в горне раскалённые железные заготовки, Степанов хмуро спросил у кузнеца:

¹ Подожди! (хакасск.).

– Стало быть, подковы Мишину ковал? А пограничники тебя, Отой, за правильного человека считали. Как же ты на такое пошёл?!

Отой промолчал, тяжело вздохнул, но взгляд его при этом оставался спокойным, будто виноватым себя кузнец вовсе не считал. Потом, успокаивающе погладив густую чёрную шевелюру внука, прижавшегося к деду и с испугом вззирающего на непривычно хмурых пограничников, на такого сердитого допрашивающего, медленно проговорил:

– Мои подковы, начальник, тем бандитам слезами обернутся. Много не скажу, но старый хакас, старый кузнец дело знает. Лошадки осклизаться стали – как не помочь, а? Надо помочь, начальник... Но ещё больше кузнец должен помочь Советской власти! За все доброе правильный хакас платит только добром.

Комвзвода, не перебивая, недоумённо слушал Отоя, пытаясь понять, к чему тот клонит.

– То, что лошадки осклизаться стали, плохо это, – продолжал кузнец. – В горах осклизаться никак нельзя. Но ещё хуже, коли совсем лошадки подковы терять начнут...

Степанов наконец сообразил, о чём говорит ему кузнец – и уже не осуждающе, а с явным одобрением смотрел на старого Отоя. Опытный кавалерист, он немало погонялся за бандитами ещё в монгольских степях, ещё за самим бароном Унгерном, и прекрасно знал, что на потерявшей подкову лошади далеко не ускачешь, особенно по камням. Знал и другое: если кто-то и разбирается по-настоящему в качестве подков, так это сам кузнец...

– Передай, начальник, на заставу командиру Дзензуре, что если кузнецу Отою будет трудно, очень трудно, Мангир уйдёт к пограничникам, – неожиданным образом закончил свою непонятную речь кузнец. – Пограничники не оставят моего внука в беде, правильный старый хакас это твёрдо знает...

Степанов горячо заверил Отоя:

– Не беспокойся, Мангира всегда примем! Ну а тебе, кузнец, здоровья ещё на сто лет! А о чём ты сказал, командиру заставы всё в точности передам...

Под недоуменными взглядами бойцов Степанов вскочил в седло и, отдав команду к построению, хотел было уже трогаться, но Отой взмахом руки остановил его, приблизился вплотную и негромко, так что другие, наверное, и не расслышали, проговорил:

– Я ещё, начальник, вот что скажу. В банде у Мишина плохой человек, японец... Зовут его «господин Фэн». Шибко плохой господин, и пистолет у него синий «браунинг», даже голубой... Таких я ещё ни разу не видал.

Степанов кивнул, поблагодарил тоже вполголоса:

– Все понял, старик. Тебе бы, Отой, не кузнецом быть, а пограничником.

Взвод на рысях ускакал к тракту, а Отой ещё долго стоял возле своей кузни, обняв за плечи внука и о чём-то напряжённо думая...

Через несколько дней Отой с верной Сапчы и старой берданкой ушёл, как обычно, в свою очередную таинственную экспедицию. Куда, зачем? Это знали только летняя тайга, саянские горы, да ещё сам кузнец. Мангир за деда не волновался, ведь с ним было безотказное ружьё и верная Сапчы. Однако когда дед не вернулся ни через два, ни даже через три дня, Мангир ощутил вдруг сильную тревогу. А на четвёртые сутки, прежде чем идти спать, он долго стоял на крыльце избышки и прислушивался к гулким вечерним звукам, доносящимся из тайги. Но всё так же шумел в логу ручей, ссорились в зарослях синицы-гаечки, звонко и протяжно подзывала свой выводок самка рябчика. В тайге всё шло своим чередом, и апсах, конечно же, просто задержался по своим загадочным делам. Подобное нередко бывало и прежде, вот только никогда не испытывал Мангир такого непонятного беспокойства...

* * *

Возле пограничных казарм в этот вечер наружным часовым заступил красноармеец Михаил Сюезев, призванный на службу из Нижнего Тагила. Служба у наружного часового несложная: ходи себе взад-вперёд вдоль деревянных барачков-казарм да осматривай по сторонам, а главное, прислушивайся к ночной тайге. Понимающему человеку она обо всё расскажет, и Сюезев за время службы научился понимать таёжные звуки. Вот где-то вдали нервно кашляет дикий козел – значит кого-то пугает. Кто может в это время пробираться по тайге: зверь, человек? Потом в том же краю дважды подал голос марал: протрубил и успокоился, потому как запоздалый гон у оленей не чета весеннему, когда призывы померяться силами звучат практически со всех сторон... И опять тишина вокруг, а это означает, что на советско-тувинской границе всё спокойно. По Усинскому тракту в это время суток тоже не бывает никакого

движения; а несколько обозов в сторону Минусинска прошли ещё в середине дня, задержавшись ненадолго возле заставы...

«Скучновата, право-слово, ночная охранная служба, то ли дело разъезд-дозор. Там только успевай, поглядывай по сторонам, – размышлял Сюзев. – Хотя и по ночам на границе, бывает, что-нибудь случается. Вон, недавно ночью задержали дозорные двух контрабандистов-спиртонош. Уж как эти спиртоноши в темноте тропу находили, только им одним известно? И не впервой, говорят, границу потемну преодолевали... Начальник заставы отличившимся пограничникам даже кратковременный отпуск пообещал. Повезло ребятам!..»

Сделав очередной круг в обход казарм, Сюзев остановился и прислушался. Всё спокойно, тихо вокруг...

«Ох и долго ещё до смены! – подумал он с сожалением. – Пожалуй, можно и закурить, чтобы немного время скоротать! Хотя и не положено на посту, но если в рукаве шинели да потихоньку, то никто и не заметит...»

Зашёл Сюзев за угол, винтовку к стене казармы прислонил, достал кисет с махоркой и при свете яркой луны стал неторопливо ладить из обрывка газеты самокрутку.

«А хорошо бы тоже отличиться, – размышлял он. – Получить отпуск, да не краткосрочный, а хотя бы недельки на три. И поехал бы он на Урал, в родной городок Нижний Тагил, где бежит-струится одноимённая речка Тагил, а на левом берегу её высится гора Магнитная...»

Эти памятные названия, даже и не вслух, а мысленно произнесённые, песнею зазвучали в ушах, наполнили теплом душу, да и тело словно бы согрели от ночного холода... А отпуск красноармейцу Николаю Сюзеву крайне нужен: мать написала в письме, что его невесте Дуняше проходу не дают ухажёры. Ни в чём плохом, правда, девка не замечена, но ведь ещё долгих полтора года служить ему до демобилизации. Не дай Бог, найдётся ухахь – уведёт невесту-красавицу! А так приехал бы он в отпуск и самолично навёл «порядок в кавалерийских частях» – так обстоятельно «поговорил» бы с этими ухажёрами, что они оставшиеся полтора года обходили бы Дуняшин дом за версту...

Не успел Сюзев прикурить, как где-то со стороны Шайтан-лога негромко хлестнул в тайге выстрел, потом ещё один – словно пастух кнутом щёлкал. Выстрелы явно не винтовочные, а, похоже,

из нагана. И уже вслед за ними гулко выстрелило ружье, охотничье, конечно...

Сюзев, для того он и наружный часовой, быстро сунул кисет с бумагой и самокрутку в карман шинели и, подхватив винтовку, побежал к крыльцу. Дёрнул несколько раз за шнур колокола, висевшего в коридоре казармы. А всего через восемь минут тревожная группа из пяти пограничников уже ушла на рысях по тракту в сторону Шайтан-лога, что в пяти километрах от заставы...

После недолгих поисков, лежащего без сознания раненого кузнеца Отоя обнаружили у издари заметного тлеющего костра. Со всеми предосторожностями, переложив на тракте в телегу с сеном, пограничники повезли его на Семиозёрскую заставу. Один из бойцов, проскакав вперёд аллюром «три креста», предупредил о несчастье Веру Иосифовну, которая приготовила аптечку и нехитрые хирургические инструменты.

Рана у кузнеца оказалась серьёзной: пуля, выпущенная из нагана, прошла рядом с сердцем, пробила лёгкое и ушла навывлет. Вторая пуля вскользь зацепила висок. Несмотря на это, у Отоя ещё хватило сил сделать ответный выстрел из берданы. Лайка Сапчы, у которой морда и грудь были в крови, ни за что не хотела оставлять своего хозяина, и прогнать её ни у кого не хватило духа. Так и лежала она на крыльце казармы, скуля и повизгивая.

– Это Отоя кровь, – пояснил осмотревший лайку Дзензура, – зализывала ему рану. Да, не напрасно Степанов предупреждал, должно подстерегли-таки кузнеца мишинцы, которым он так насолил? А Отой, похоже, зачем-то на заставу шёл?.. Так что может и случайно с бандитами повстречался, но что им тогда надо так близко от заставы? Или кузнец их логово обнаружил, шёл предупредить – а бандиты его настигли?!.. Ничего, со временем всё выясним, а пока нужно выставить дополнительные дозоры...

Вера Иосифовна промывала и перевязывала сквозную кровоточащую рану, а Отой так и не приходил в сознание.

– Здесь хорошего врача нужно, – озабоченно сказала она. – Моих медицинских курсов недостаточно. И в Минусинск нельзя его везти в таком тяжёлом состоянии... Пётр Мефодьевич, утром пошлите кого-нибудь за Мангиром, ему бы надо возле деда быть. Во-первых, поможет мне ухаживать за раненым, а во-вторых, опасно ему там одному оставаться!

Командир заставы согласно кивнул головой...

Глава IX. Обратимы

 каждого, даже у самого малочисленного, народа есть сказания о своих былинных богатырях. Передаваясь от дедов к внукам, они из поколения в поколение становятся всё поэтичней, всё красочней – и поэтому события седой старины с годами представляются всё значимей, а герои этих сказаний предстают всё более сильными и справедливыми. Стоит ли этому удивляться, ведь народная память сохраняет только самые лучшие человеческие качества и поступки, ибо именно они должны служить потомкам примером для подражания. Будущее неведомо и непредсказуемо, а значит, только прошлое может служить точкой отсчёта и тем вечным сосудом памяти, в который, теперь уже сверху, откладываются по крупичам сказания и об относительно недавней, и о сегодняшней жизни народа?

Сказания выглядят красивей реальной жизни, потому что в них главными достоинствами людей считаются честность и справедливость, верность в дружбе и в любви, самопожертвование во имя Родины? Но каковы же на самом деле были эти былинные герои?.. Достоверно этого уже никто не помнит, поскольку их человеческие недостатки и слабости народ оставил там, за зыбкой границей своего далёкого прошлого! То есть гордыня, трусость, алчность – их как бы и не существовало, а тем более предательства, которого, если разобраться, в жизни всегда было ничуть не меньше, чем истинного героизма...

* * *

Утром у так и не пришедшего в сознание Отоя поднялась высокая температура. Прохладные компрессы на его лбу Вера Иосифовна меняла один за другим, смачивая бинты в холодной воде с уксусом – но кузнец метался в горячем бреду, не узнавая ни её, ни Мангира, ни часто подходившего к его кровати встревоженного и все больше хмурившегося начальника заставы. И Дзензура, поняв, что своими силами раненому они помочь вряд ли смогут, отправил в Минусинск за врачом конного посыльного.

К ночи Отою как будто стало легче: жар спал и раненый стал дышать ровнее, только в груди у него продолжало что-то хрипеть, да бессознательный и бессвязный бред не прекращался ни на мину-

ту. Один раз он даже открыл глаза и, похоже, узнал внука: попытался улыбнуться – но лишь беззвучно пошевелил губами и снова впал в забытье. Верная Сапчы, словно всё понимая, еле слышно поскуливала, лёжа у кровати хозяина, иногда привставая и пытаясь лизнуть его безвольную руку.

В бреду Отой просил прощения у каких-то Кабая и Азынтай, которую несколько раз назвал любимой. Просил прощения за то, что так и не отыскал их, а ещё желал им счастья. Но кто это такие и кем они были кузнецу, никто из окружающих не знал. А в бреде раненого, как и в обрывочном сне, нет никакой связи, а порой и смысла...

Лишь на рассвете следующего дня Отой наконец-то забылся в глубоком забытии. Бред прекратился, с лица исчезла гримаса боли, а на губах время от времени даже возникала мягкая улыбка – будто старик видел хорошие, добрые сновидения. Вера Иосифовна, несколько успокоившись, ушла спать к дочурке, но Мангир, несмотря на уговоры, остался возле деда, чутко охраняя вместе с Сапчы его сон.

* * *

А потерявшему много крови, измученному жаром и болью Отою на самом деле снился необычный, окрашенный в яркие и чистые цвета сон. С одной стороны, он казался сказкой, но с другой, он походил на рассказываемый старым хайджи Сюзеем кип-чоох, или даже на давно, очень давно виденную и уже изрядно подзабытую явь. Во всяком случае, старик как будто хорошо знал и время происходящего, и место, и даже главных действующих лиц этого необычного сна...

...Свет луны лишь изредка и ненадолго пробивался в разрывы туч – и тогда ближние курганы призрачно серебрились, напоминая горбы огромных спящих верблюдов. Устремлённая же вертикально вверх и как будто даже достигающая туч священная гора Умай в такие моменты казалась серебряной подпоркой, удерживающей от падения на землю тяжёлое небо. Отсюда, от подножья, на ней невозможно разглядеть силуэт скачущего коня, который и при жёлтом свете солнца и при белом свете луны хорошо виден с берега Енисея: тёмные кроны разросшихся сосен давным-давно создали на склоне

этот священный для каждого степняка рисунок, который даже время не смогло размыть, даже таёжные пожары уничтожить...

Когда же луна вновь скрывалась, то пространство совсем сжималось, потому что пламя угасающего костра окрашивало в красноватый цвет лишь круг травы вокруг да зловещую личину каменного изваяния. Да ещё шамана в чёрных одеждах, склонившегося перед ним...

Опустившись от безграничной усталости на колени и положив рядом свой бубен, шаман обмазал каменные губы изваяния кровью жертвенного чёрного барана и зарыл баранью лопатку в горячую золу. Люди, плотным кольцом окружившие костёр и лишь едва угадывающиеся во тьме, замерли в молчаливом ожидании...

Вот шаман достал лопатку, сдул с неё золу и, плюнув три раза, стал внимательно разглядывать в свете костра. В наступившей тишине он заговорил сначала тихо, а потом всё громче и громче:

– Вижу большую реку, вырывающуюся из высоких гор... Вижу несметную чёрную силу, движущуюся сюда вдоль реки. Она приближается к юртам у подножья гор! Это наши юрты! Но вижу также, что не будут они сожжены, а останутся стоять, когда чёрные всадники повернут назад...

Словно ветер прошелестел вокруг – это вздох облегчения пронёсся над священным местом у подножья горы Умай...

А через день после Совета, перед самым восходом солнца, когда на востоке едва заалело небо над цепочкой далёких горных пиков, большой караван в сотню лошадей выехал из крепости. Но не в сторону Алтын-кель лежал его путь, а на восток – в сторону Ким-су. Лишь после полудня всадники с гружёными лошадьми в поводу достигли берега могучей реки и там разделились: одни повернули на юг – туда, где сверкала белыми шапками высочайшая гора Кёгмена пятиглавый Борус, а другие переправились на подготовленных заранее плотках на противоположный берег. Этот второй караван в полсотни коней повёл на восток охотник Оспаар со своими сыновьями.

Весь путь охотник и сопровождавшие внимательно смотрели по сторонам: не возникнет ли на горизонте, на вершине какого-либо из возвышавшихся в степи курганов силуэт всадника – вражеского разведчика. Но все было спокойно, лишь пересвистывались

потревоженные тяжёлой поступью коней суслики, да неподвижно парили высоко над головой выслеживающие добычу коршуны. Коней старались вести не друг за другом – чтобы меньше выбивалось глубоких следов. А так пройдёт несколько дней, и примятая трава выпрямится, особенно после дождя. Тогда даже опытный следопыт не сразу обнаружит, что здесь прошли гружёные кони. Когда же приблизились, наконец, к покрытым густой тайгой горам, Оспаар совсем успокоился: под плотным пологом леса даже самый зоркий глаз из степи не разглядит цепочку коней и людей, не прокрадётся по следу мимо оставленных позади в засадах сыновей. Они-то хорошо знают этот путь, и задние, спустя какое-то время, догонят караван – чтобы снова затаиться за скалой или в густой кроне дерева...

Ближе к вечеру второго дня караван вышел к предгорьям, и там, под покровом густого леса Оспаар повернул на юг. Какое-то время они двигались вдоль берега довольно широкой речки, изрезанного глубокими логами, со сбегаящими по ним бурными ручьями. А утром следующего дня Оспаар разделил караван, и трое его сыновей повернули ненагруженных лошадей в крутой каменистый лог, по дну которого звонко сбегал пенистый ручей. Остальных коней он повёл дальше – в один из пологих и неприметных сухих ложков, перед которым на копыта всех коней одел небольшие кожаные чулки. Теперь даже самый опытный глаз не смог бы определить, что за зверь кое-где на склоне примял низкорослую траву или сбил с камня мох.

Все дальше и все выше уходили оба каравана в однообразную бескрайность тайги, всё больше углублялись в теснины между возвышающимися над нею скальными грядами. Старый охотник стал чаще и внимательней посматривать на причудливые скалы, вздымающиеся среди могучих кедров, сверяя по ним свой путь. Один раз почудилось ему сквозь ветви деревьев, что на отвесной серой скале возник силуэт чёрного марала. Сделав несколько шагов, Оспаар явно разглядел в наступающих сумерках его: неподвижно замершего, гордо вскинувшего голову с огромными ветвистыми рогами. Чёрный Ажо будто пришёл взглянуть на пробирающихся к неизвестной цели лошадей и людей.

Оспаар улыбнулся, подумал: «Нет, не показалось – это сам Хан Тайги вышел его встречать. Чёрный Ажо помог ему тогда – поможет и теперь в его правом деле...»

На очередной развилке двух уходящих вниз и ничем не отличае- мых от предыдущих логов Оспаар остановил караван на короткий отдых. До заветной пещеры оставалось совсем немного. Он и три его сына разгрузят караван, а потом сыновья уведут лошадей даль- ше... Чтобы потом всем собраться вместе и скрытно охранять под- ступы к тайной пещере. А ещё лучше: увести врагов по ложному следу – только так можно сохранить доверенную им тайну...

Много, очень много дошло до кыргызских земель слухов о невероятной прозорливости «красных волков» и о жестокости их начальника Егудэя, который изощрёнными пытками мог заставить говорить любого. А монгольские лазутчики – эти глаза и уши Чин- гисхана – всегда славились своей изобретательностью. Так, готовя будущий поход в земли алланов и кипчаков, они присылали оттуда в подарок своему хану рулоны дешёвых ковров, на первый взгляд поражающих полной безвкусицей. Непонятные узоры из разноцвет- ных переплетающихся линий, крапления чёрных и синих фигур... Много рук разворачивали эти ковры по пути через границы госу- дарств, много ртов кривилось в усмешке – и ни одни глаза не уви- дели в них карты местности и будущие пути, по которым вскоре двинутся через Ширванское ущелье всесокрушающие тумены Ве- ликого Хана...

* * *

Днём Отою снова стало хуже. Сипение в лёгких порой переходило в прерывистое бульканье, кузнец начинал метаться на кровати – и тогда повязка быстро пропитывалась кровью на груди и на спине под левой лопаткой. Изредка на короткое время приходя в сознание, он пытался что-то сказать Мангиру или Вере Иосифовне, вместе и по очереди дежурившим у его кровати, но сил у старика каждый раз не хватало. Повязку часто меняли, раненый метался без созна- ния, и бредил, бредил. Так, несколько раз он повторялся и просил прощения у какого-то Кулы...

В аптечке Веры Иосифовны, кроме стрептоцида, йода и успо- каивающей микстуры, не было других лекарств. На заставе к ней обычно обращались с зубной болью или простудой, редко с незна- чительными ранениями – и если Вера Иосифовна находила нуж-

ным, то бойцов тут же отправляли в Минусинск, где были и лечебница, и квалифицированные врачи. Тем не менее, Дзензура нашёл у кого-то из бойцов и настой Золотого корня на спирту и порошок из толчёного медвежьего когтя, очень ценимого знахарями Китая – только всё это вряд ли могло помочь, ведь Отою была нужна стационарная больница и хирургическая помощь. Командир заставы это прекрасно понимал, как и то, что тяжёлое сквозное ранение исключало перевозку кузнеца по тряскому тракту. Она бы Отоя попросту убила...

К концу дня Дзензура, решившись, отправил в Минусинск на самых выносливых конях ещё троих конных пограничников с приказом без опытного хирурга с инструментами на заставу не возвращаться. Он уже не раз пожалел, что первого посыльного отправил одного: с одной стороны, бойцу, пусть и опытному, предстояло проехать больше трёх сотен вёрст, с другой стороны, его запросто могла подстрелить бандитская засада. В таком случае и троим будет пробиться нелегко, но это была последняя надежда, поскольку стало уже окончательно ясно, что с такой серьёзной раной старику без помощи хирурга не выжить.

Отой же метался и стонал. Почти постоянный бред, в котором он говорил только на родном языке, был странен и непонятен...

* * *

...Всего-то два дня прошло с тех пор, как ушёл к Ким-су большой караван, а уже гудела от тяжёлого конского топота Хонгорайская степь. Чуда не произошло – пришла беда, какой вот уже почти десять лет не знала эта земля: монгольские конники из тумена Буханойона заполонили весь горизонт. Впервые враги пришли не с юга и не с востока, а словно чёрная лавина, накатывались они с запада, со стороны кровавого предвечернего солнца...

«Кху! Кху! Кху!» – раздавался пронзительный боевой клич, вырывающийся из десяти тысяч глоток, который наводил ужас не только на женщин и детей, но вселял страх даже в сердца давно уже отвыкших бояться чего-либо стариков, леденил души закалённых в сражениях воинов. И хан Урус-инал, услышав этот клич, с опущенной головой вышел навстречу монголам из своего шестнадцатугольного белого шатра: беду следует встречать мужественно...

Буханойон с самого начала похода был уверен, что никакого серьёзного сопротивления воины страны Кыргыз не окажут. Ещё

с прошлого похода было известно, что подтаёжные степняки, живущие земледелием и скотоводством, не успели оправиться после разгрома их Джучи-ханом. Разведчики доносили, что осторожный Урус-инал попросту не решится оказать сопротивление даже единственному тумену.

«Их даже не стоит убивать, их нужно просто снова подчинить, – сказал Джучи-хан своему нойону, а он, темник Буха, передал эти слова своим тысячникам. – Пусть, как и прежде, они пасут свои отары овец и табуны быстрых скакунов, пусть сеют рожь и пшеницу – но пусть снова вспомнят, что живут они не для себя, а для Великого Хана. И конечно же, для всех его воинов-монголов, ведущих начало от серого волка и пёстрой лани...» Джучи-хан справедлив: он определил, что каждой осенью будет забирать лишь половину а то и треть скота, откормленного на сочных травах, что растут вдоль берегов реки Кем¹. И в котлах их юрт пусть тоже варится сытное мясо – если не будут лениться и будут исправно платить албан² своему повелителю...

Да, хан Кёгменской страны встречал монгольских воинов не острыми стрелами – он встречал их как дорогих гостей. Видимо, не напрасно Урус-инал всегда ценил советы мудрого Кёнгира и, может быть, именно поэтому полностью доверяли ему тайджи и беги всех подвластных степных родов. Благодаря умным советам Кёнгира и поддержке всего народа хан становился воинственным, когда это было нужно или же вооружался самым действенным оружием – предусмотрительностью. Вот и сейчас он внешне подобострастно, почтительно низко кланялся Буха-нойону, а потом привёл и усадил его на самое почётное место в своём большом шатре, стал расспрашивать о здоровье Джучи-хана и его отца, Великого Покорителя всех стран и народов.

Нойон же, окончательно убедившись, что сражаться не придётся, находился в раздвоенном состоянии чувств. Его не остывший ещё боевой пыл жаждал пусть даже небольшой, но привычно будоражащей душу яростной схватки, жаждал крови поверженных противников и мольбы о пощаде тех, кто остался жив. В то же время трезвый разум успокаивал: «Пусть в такой победе меньше доблести, зато воины отдохнут после изнурительного перехода через горы, их кони восстановят силы на здешних прекрасных пастбищах...»

---

¹ Монгольское название Енисея.

² Установленная дань.

В этом непростом споре сердца и разума военачальник вынужден был всё-таки согласиться с разумом.

Приняв окончательное решение в пользу мирных переговоров, Буха довольно надул щёки и даже щёлкнул пальцами, когда сам хан Урус-инал поднёс ему в золотой чаше молодую конину, а в прекрасном золотом кубке – прохладный айран. Правда, хан под внимательным взглядом нойона сам первым отщипнул кусочек мяса и отпил из кубка, и только после этого передал ему угощение – данный ритуал соблюдался неукоснительно, ибо все знали, что монголы никогда не доверяют чужим, боясь быть отравленными.

Молодые девушки в нарядных одеждах из узорного шёлка, шеи которых ещё не покрывали татуировки замужества, подносили горячую пищу и пьянящие напитки сидящим полукругом по сторонам от Буха-нойона тысячникам. Они ставили на ковры варёную конину и баранину, сыры и колбасы. Со времени предыдущего нашествия было известно, что садясь утром в седла, монгольские воины почти не едят, зато к вечеру, на привале напоминают стаю голодных собак. Будто бы они даже выкапывают углубление под кошмой, на которую ложатся спать – чтобы поместить туда свой туго набитый живот.

Буха-нойону почтительный хан время от времени собственноручно подносил золотой кубок, наполненный арачаном¹ из сасанидского серебряного кувшина, тысячники же без меры пили из белых чашек танского фарфора крепкие араку и арзу². Довольный угощением нойон прямо тут же, во время трапезы начал перечислять, какую дань они будут впредь получать от страны кыргызов. Действительно, что церемониться, если эта страна не имеет даже одного названия, и называют её то Хонгораем или Кёгменской страной, то страной Хагас, то страной Кыргыз... Тем более, что хан Урус-инал не возражал, а только согласно и покорно кивал головой.

– Ты мудрый правитель, Кыргыз-хан, недаром встретил меня на границе Еди-Урун³, а не в столице – изрёк довольный нойон. – Ведь мои воины могут и не пойти дальше, они могут отдыхать здесь, если будет достаточно молодого мяса и крепкой арзы...

Урус-инал опять согласно кивнул головой и подал знак. В шатёр внесли подарки для Бухи и его тысячников. Это были богато украшенные мехами одежды и прекрасные обоюдоострые желез-

¹ Натуральное плодое или ягодное вино.

² Очень крепкий алкогольный напиток из кумыса, который пьют горячим.

³ Семь урочищ (монг.), или Хакаско-Минусинская котловина.

ные мечи, выкованные из небесного железа, с резными рукоятками из «рога худу»¹. А перед Буха-нойоном положили ещё и превосходный куяк² из подвижных железных пластин с золотыми накладками, изображающими хищных зверей.

Благосклонно принимая богатые подарки, нойон признал:

– Да, ты богат, хан Урус-инал, но, всё равно, тебе далеко до Великого Хана. У него есть шатёр из белого китайского шёлка, который может вместить две тысячи человек, и есть шатёр из пламенно-красного пурпура необычайной красоты... У тебя, правда, много мехов соболей и серой белки, много жёлтого рога худу и, как я вижу, много золота и серебра, но и у Великого Хана всего этого в избытке, а если он только захочет, будет много больше. Однако у тебя есть то, что именно сейчас нужно Великому Хану – это тысячи прекрасных белых лошадей, необходимых его воинам в новом походе. И ещё, я знаю, есть нечто такое, что дороже всех твоих табунов. Отдай мне рецепт бессмертия, и я возьму гораздо меньше коней, чем ты ожидаешь, и ещё пообещаю, что ни один волос не упадёт с головы ни одного из твоих подданных...

– Зачем гнать коней в нашей беседе? – уклончиво ответил Урус-инал. – Ведь за табуном мыслей могут не поспевать пастухи-слова. Для серьёзного разговора наступит утро, когда головы станут такими же ясными, как чистое утреннее небо.

И правда, от смешивания крепких напитков Буха быстро захмелел, поэтому сейчас запоздало подумал, что утром его ждёт, скорее всего, жестокая головная боль, причём именно такая: словно табун лошадей скачет в голове.

«Пусть завтра скачут, – думал он умиротворённо и пьяно. – Пусть скачут прямо в родные степи на серебряный Онон и золотой Керулен. А воины завтра пусть начнут отбирать в кыргызских табунах всех белых коней, которые не боятся палящего солнца Хорасана, и пусть выжгут на их шкурах чёрную тамгу Великого Хана. Его сын Джучи-хан будет очень-очень доволен...»

– Прекрасно! Всё в этом мире прекрасно! – воскликнул темник, поднимая в очередной раз золотую пиалу с арачаном за здоровье Великого Хана.

¹ Ископаемый бивень мамонта.

² Защитный боевой панцирь из подвижно скреплённых пластин.

Он действительно был доволен и прекрасными подарками и смирением кыргызского хана, тем не менее отрезвляющая мысль, сделав очередной круг, снова и снова приходила в голову темника, и он всё попытался вспомнить: сам Великий Хан сказал это или кто-то другой. «Никогда не унижай загнанный в угол народ, в глазах которого светится гордость...». Нет, не случайно такая мысль приходила в голову Буха-нойона, ибо в глазах Кыргыз-хана он видел эту гордость – неприкрытую и горевшую ярким огнём...

Из всего окружения Буха-нойона один лишь тысячник «красных волков» Егудэй не пил и был, похоже, в плохом настроении – хотя и пытался скрыть это. Зато посаженному рядом седебородому Кёнгиру, который был приведён по его приказу, тысячник то и дело подливал в пиалу крепкую арзу. Для остальных монголов было непонятно, почему командир «красных волков» оказывает такую честь какому-то старику, но в дела любимца Чингисхана никто и никогда не вмешивался. Пусть у Буха-нойона висит на шее золотая пайцза темника с львиной головой, а у Егудэя всего лишь золотая пайцза тысячника, что в два раза легче по весу, но недаром повелел сам Великий Хан: «Мой рядовой кишиктен выше любого армейского начальника-тысячника, а стремянной моего кишиктена выше сотника или десятника, так пусть же не чинятся и не равняются с моими кишиктенами армейские тысячники: в возникающих по этому поводу ссорах с моими кишиткенами ответственность падёт на тысячников». Так что любое слово начальника «красных волков», тысячника Егудэя, было здесь законом!

Старик Кёнгир поначалу отказывался пить, ссылаясь на возраст и слабое здоровье, но после нескольких настойчивых жестов Егудэя вынужден был пригубить чашу хмельного напитка. Правда, он схитрил: недопитую чашу поставил на ковёр и тут же, перекрыв нестройный гул голосов, предложил выпить за бесстрашного воина Великого Хана, за Буха-нойона. Сказал – и вслед за всеми быстро выпил остаток. Потом, как старик ни отказывался, последовала вторая, третья чаша... Язык Кёнгира уже слегка заплетался, но в прищуренных глазах старика, как казалось начальнику «красных волков», сквозила трезвая усмешка. Хитрый Егудэй и не подозревал, что седой старик просто-напросто перехитрил его как мальчишку: каждый раз он «выпивал» пустую чашу сидящего рядом тысячника

Таргана, подставляя ему свою, полную до краев. Не так уж и трудно среди общего пьяного веселья, среди тянущихся к лакомствам рук выждать момент и сделать подмену. Недаром тысячник Тарган опьянел быстрее других и, в конце концов, опрокинувшись на спину, захрапел. По знаку хотя и захмелевшего, но все видящего и замечающего темника спящего тут же унесли из шатра.

– Одна чаша арзы – мало, две – много, а три – снова недостаточно... – бормотал хитрый старик Кёнгир, пьяно раскачиваясь и прикрывая будто бы отяжелевшие веки.

Когда Егудэй решил, что старик достаточно пьян, он задал свой главный вопрос:

– Скажи мне, уважаемый аксакал, ведь ты всё знаешь и видишь... Что за караван гружёных лошадей ушёл на рассвете из орды хана? Его видели многие... С чем он был и куда направлялся?

– Я сам не видел, – пьяно забормотал Кёнгир, – но говорят, что вёл караван большой и лохматый айна со лбом, словно дно казана, с глазами, словно чёрные чашки, с лицом корявым, как старое суковатое дерево... Он восседал на белом хромом верблюде, а верблюд ревел и плевался на целую стаю ирликов¹. Сильно ругались ирлики, однако путь держали на восток, вместе с караваном. Наверно, далеко уже ушли, не догнать никому... Кроме твоих быстрых и смелых воинов, конечно...

Истошив свою фантазию, якобы пьяный Кёнгир подобострастно улыбнулся Егудэю и даже сделал вид, что хочет обнять его. Однако начальник «красных волков» брезгливо отстранился от невменяемого старика и поднялся – у него было ещё много важных дел...

* * *

Когда под воздействием боли сознание раненого кузнеца пыталось вернуться в действительность, то на зыбкой границе пробуждения Отой как будто слышал знакомый голос старого сказителя Сюзея, неторопливо повествующего одно из своих древних сказаний. Но как только Отой начинал вслушиваться в этот голос, чтобы уловить смысл – тут же снова проваливался в бездонную глубину. И видел продолжение своего яркого сна...

..На восходе солнца сотня «красных волков» все же проверила пьяную болтовню Кёнгира. Следы большого каравана нашли сразу:

¹ Подземные демоны.

трава была вытоптана копытами тяжело гружённых коней. Выбитая множеством лошадей широкая тропа привела, в конце концов, на обрывистый берег Кема. Дальше таинственный караван, судя по менее глубокому следу, двинулся заметно разгруженным, а потом следы стали расходиться в разные стороны, пока не исчезли совсем.

«Похоже, – рассуждал Егудэй, – вполне реальные люди, а не айна с ирликами облегчили здесь тяжёлые ноши коней». Он подошёл к кромке обрыва и стал всматриваться в прозрачную глубину. Глубоко в воде, на песчаном дне заметно выделялись в косых лучах солнца кучки серых камней. «Ну что ж, хитрый старик Кёнгир, ты ещё поплатишься за свой обман! – рассвирепел начальник «красных волков». – На свою беду ты вздумал дурачить меня детскими сказками!..»

Когда прошла вспышка ярости, Егудэй уже не сомневался, что он на правильном пути: непременно должен быть ещё один караван, и сокровища явно увезены совсем в другом направлении...

Рассыпавшись на десятки, «красные волки» помчались по степи и в обе стороны вдоль берега Кема: к устью Адарчына и в сторону белевшего снежными шапками Боруса. Каждый след, каждая метка, каждый курган и менгир¹, каждая кучка камней привлекали самое пристальное их внимание. Начальник Егудэй щедро пообещал, что тому, кто первым отыщет сокровища, отдадут десятую часть всего найденного.

На другой день, не найдя ничего, всё больше и больше десятников поворачивали свои отряды назад – решив, что потайное место находится отнюдь не в степи, а скорее всего на противоположном берегу, в горной тайге. Когда же обнаружили на песчаных косах противоположного берега несколько выброшенных водой деревянных плотов, поиски полностью переключили на ту сторону Кема. И все больше монгольских отрядов целенаправленно и азартно мчались по почти исчезнувшему следу каравана. Теперь всё зависело не только от их внимательности, но и от счастливого случая, который, как правило, прежде всегда оказывался на стороне «красных волков»...

---

¹ Вертикально вкопанный большой камень с нанесёнными рисунками или имеющий стилизованный вид человека.

Неприметный лог, в который свернул караван, определил один из лучших следопытов Егудэя – молодой, но не по годам умелый и проницательный сотник Седар. Дальше отыскивать следы было лишь делом времени: то сломанная ветка шиповника с горящими красным огнём твёрдыми ещё ягодами, то рассыпавшийся под копытом трухлявый пенёк, а то и отпечаток, напоминающий конское копыто на раздавленном муравейнике. Чтобы случайно не затоптать редкие следы, Седар оставил спутников внизу лога, а сам, спешившись, уверенно пошёл по следу. Он был уверен в себе и уверен в том, что первым сможет обнаружить засаду, если она оставлена. Смелость и внезапность, вот главное преимущество «красных волков» над любым противником, а ещё скрытность... до поры, до времени.

Вдоль совсем мелкого, местами журчащего глубоко в камнях ручейка за многие годы, а то и за столетия была протоптана звериная тропа. Следов лошади или человека на ней не было, зато несколько раз попадались коричневые свежие «бусины» помета маленького мускусного оленя – кабарги. Выше, на далеко просматриваемом и не слишком густо поросшем деревьями склоне, с двух сторон ограниченном каменными гривами, были хорошо заметны отличающиеся по цвету проплешины: лёжки осторожных маралов и косуль. Следы лошадей должны были быть где-то там, где был бы издалека замечен и он, Седар – именно поэтому разведчик медленно, пригнувшись и стараясь не наступать на сухие ветки, пробирался вдоль заросшего ручья вверх по логу. Идти сквозь цепляющийся за одежду кустарник было тяжело, но что ещё больше раздражало его, так это натянутые над тропой длинные нити липкой паутины с висящими на ней жирными, неприятного вида пауками. Седар часто и брезгливо стряхивал их со своей одежды, а потом, чтобы смыть прилипшую паутину и едкий пот, ополаскивал лицо холодной водой из ручья. Шаг за шагом, раздвигая ветви колючего шиповника и дурманно пахнущего багульника, он приближался к цели – к скальному хребту-перевалу, под которым надеялся обнаружить на осыпях след каравана...

Несмотря на тяжесть в не привыкших к хождению по горам ногам, мысли в голове Седара бродили самые приятные: «Ах, Аюшин, Аюшин! Скоро я стану сказочно богат, и уж тогда-то ты, наконец, станешь моей женой, Аюшин! Твой отец Егудэй, который меня це-

нит и ставит выше других, больше не будет сомневаться и отдаст свою дочь мне в жены. Я вручу ему все сокровища кыргызов, и без сожаления мою долю тоже. Я отдал бы даже все сокровища мира за тебя, Аюшин! Ну чем я тебе не пара: один из лучших «красных волков» и один из лучших охотников на всех степных просторах? Твой отец, как мне кажется, понимает это? Кто ещё, кроме меня, твоего отца и Великого Хана настигал своими стрелами столько быстрых антилоп-джейранов, резвых куланов и яростных вепрей-кабанов во время облав? Многие из кешиктенов Чингисхана завидовали мне...»

Седар снова ополоснул разгорячённое ходьбой и мечтами лицо. Краем глаза заметил взбирающуюся по стволу белку и непроизвольно потянулся за луком, но потом вспомнил, что оставил его внизу. Да и шкурка у зверька была ещё летней, не имела ценности – просто захотелось проверить свою меткость. «Наверное, и здесь, – подумал Седар, – среди деревьев и скал, я мог бы стать великим охотником? Просто так уж заведено, что монголы не охотятся в тайге, не добывают соболя, белку и горностая. Зачем, если все эти превосходные меха в огромном количестве привозят данники-кыштымы? Так же, как привезли для его шапки шкуру почти не встречающего в степи горно-таёжного красного волка...»

Где-то тихо хрустнула ветка, и мысли его мгновенно вернулись к действительности. Седар замер, пытаясь определить, откуда донёсся звук. Это мог быть и поднятый им невидимый зверь, или просто упал на землю отсохший и потерявший от времени связь со стволом дерева сук, или даже треснувший под жаркими лучами солнца камень...

Простояв в настороженной позе довольно долго, он решил, что тревога ложная – и двинулся дальше. Вдруг ветка хрустнула позади его и совсем близко. «Красный волк» молниеносно развернулся – и леденящий душу страх сковал его сердце. Это был не просто страх, который доводится не раз за свою жизнь испытать воину – это был впервые испытываемый, поэтому пленивший разум и тело ужас: огромный бурый медведь, нависая над ним, стоял на задних лапах всего в двух шагах. Маленькие злые глазки зверя заволаживали, внушали мысль о бессилии человека и безысходности, открытая пасть с обнажёнными жёлтыми клыками смердила прямо в лицо...

Медведь, махнув огромной лапой, сбил человека с ног, и на его длинных когтях ещё не ощутивший боли Седар увидел лоскут окровавленной кожи со своими волосами. В последний миг сознания

на его грудь навалилась нестерпимо тяжёлая туша, сдавившая грудную клетку и остановившая дыхание...

* * *

Мрачный и осунувшийся командир заставы Дзензура на четвёртые сутки метаний и бреда Отоя, махнув на все рукой, принёс из каптёрки бутылку прозрачной жидкости. Вера Иосифовна, только что сменившая Отою повязки на спине и груди, вопросительно посмотрела на начальника заставы. Дзензура молча налил из бутылки полстакана и, понюхав, залпом выпил. Подождав, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя, налил ещё полстакана – и осторожно поднёс к губам Отоя.

– Древние греки, помнится, называли это «лекарством мужей», – пояснил он Вере Иосифовне и удивлённо следившему за его действиями Мангиру. – Это спирт шанхайский, контрабандный... Хуже, думаю, не будет, потому как хуже уже некуда... Может, скажет хотя бы Отой, зачем он шёл на заставу и кто в него стрелял?

Тоненькой стружкой Дзензура стал вливать спирт в рот Отоя. Старик неожиданно сделал несколько маленьких глотков – и тут же по его телу пробежала судорога. Он поперхнулся, зашевелился и... открыл глаза. Возвращаясь в реальность из бессознательного состояния, он непонимающе оглядел по очереди склонившихся над ним Дзензуру, Веру Иосифовну, Мангира. Видно было, что он пытается что-то сказать – но не смог: лишь тяжело задышал и беззвучно зашевелил запёкшимися губами. Потом, видимо для того, чтобы сэкономить силы, Отой закрыл глаза, и все так же тяжело дыша, начал шептать что-то настойчиво, но очень тихо и невнятно...

Мангир наклонился к самому лицу старика, потом приблизил ухо к его губам. Из бессвязного бреда он разбирал только отдельные фразы и слова.

–...Махачы... Махачы, убей злого абу¹... – шептал раненый. – Убей абу... Аба должен умереть... Седар будет жить... Махачы, найди... мой нож... – снова просил Отой внука. – Я стал его забывать... На ручке марал, бегущий среди двух скал... Ажо поможет тебе...»

И раненый старик снова потерял сознание. Дзензура не знал уже, что ещё можно предпринять. А пограничников с доктором из Минусинска всё не было...

---

¹ Медведь.

* * *

..Но Седар был жив. Медведь, едва не сорвавший с его головы скальп, лежал рядом на боку и последние конвульсии ещё сотрясали лохматую исполинскую тушу.

Сотник нашёл в себе силы откатиться от умирающего, скребущего землю когтями зверя и с трудом приподнялся на локтях. С изумлением увидел костяную рукоятку охотничьего ножа в ухе медведя и толчками вытекающую из его пасти тёмно-красную, почти чёрную кровь. Осознав невероятность происходящего, снова потерял сознание...

Очнулся он оттого, что почувствовал успокаивающую боль прохлады на голове и лице: кто-то пучком смоченных в воде листьев мягко и осторожно обтирал его рану. Седар быстро приходил в себя, ибо сознание он потерял не от раны, а, скорее всего, от нервного потрясения. Сама рана оказалась не такой уж и страшной: сорванный медведем кусок кожи с головы – это отнюдь не сабельный удар, глубоко рассекающий не только кожу, но и череп человека. Теперь он ощущал только сильное жжение на виске, а открыв глаза, увидел светлокожее лицо склонившегося над ним молодого рыжеволосого и голубоглазого воина. Тот был без доспехов, и явно не монгол, а, похоже, кыргыз-динлин. Улыбаясь во весь свой белозубый рот, кыргыз легонько похлопал Седара по груди и заговорил.

– Вставай, «красный волк»! Чуть совсем не пропал... Ты же степняк, откуда тебе знать, что в горной тайге аба часто ходит сзади, по следам человека. Охотник ищет абу и не знает, что тот уже давно следит за ним. Аба боится охотника, но он хитёр и может долго ждать подходящий момент. Сегодня тебе крупно повезло, красный волк, что я случайно оказался рядом...

Кыргыз нагнулся к уже затихшему медведю и, взявшись за жёлтую костяную ручку, резким движением выдернул из его уха нож. Красной струйкой брызнула кровь, залив оскаленную морду зверя. Обтирая о траву узкую окровавленную сталь, юноша искоса поглядывал на раненого, о чём-то раздумывая, а потом устремил на Седара пристальный испытующий взгляд и спросил:

– На какого зверя охотился «красный волк» в нашей тайге? Быструю козу или осторожного оленя выслеживал он? Тогда зачем свой лук и колчан со стрелами оставил внизу? Я видел, как там беспечно дремлют на солнышке два твоих спутника – тоже «красных

волка»... Ведь не за жимолостью и не за грибами полез он по таёжному логу? Для воина в красной волчьей шапке это не добыча...

Седар не нашёлся, что ответить, а кыргыз, вложив оружие в кожаные ножны на поясе, ещё раз испытующе поглядел на него, потом опустился на корточки подле лежащего монгола и, глядя в глаза, медленно проговорил:

– Не ищи ответа, «красный волк». Вот твоя красная шапка, я помогу тебе подняться, а идти вниз по логу, я думаю, у тебя хватит сил. Я видел, как ты разглядывал следы лошадиных копыт... Думаю, ты убедился, что они не свежие – должно быть, бродили много-много дней тому назад чьи-то заблудившиеся кони. Наверно, аба спугнул их, и кони разбежались... Кроме коварного абы, ничего интересного не увидел ты в этом таёжном логу. Я же не хочу встречаться с твоими спутниками не потому, что боюсь их, а потому, что они будут задавать много вопросов. Скажи им, что это ты убил напавшего абу...

К Седару, действительно, возвращались силы, и он, подавляя прилив боли, поморщился – и сел. Однако от резкого усилия на миг помутилось в глазах, и он снова, словно наяву, увидел свою Аюшин. Будто бы возлюбленная нежно гладила его по щеке, ласкала рукой его волосы, шептала ласковые слова. Через мгновение её улыбка растворилась в зелёной листве окружающих деревьев, но и этого короткого мига Седару хватило, чтобы ясно осознать: нет для него ничего в мире дороже Аюшин. Богатство так же быстро уходит, как и приходит, лишь любовь способна быть верной всю жизнь. Старый Егудэй уже забыл, что такое любовь, поэтому верит только богатству. И Великий Чингисхан тоже забыл, недаром преданный, как собака, Егудэй разыскивает для него этот караван с сокровищами. А он, Седар, ради презренного богатства сегодня мог лишиться не только жизни – он мог лишиться своей Аюшин. Той, что дороже всех богатств Мира и даже Вечного Синего Неба, не то что этих кыргызских сокровищ. Пусть простят Седара и «красные волки», и богиня земли Этуген, и дух огня Ут, но он должен отблагодарить кыргызского воина, вернувшего его сегодня к жизни...

И у Седара с языка вдруг сорвались слова, рождающиеся даже не в голове, а где-то в глубине сердца:

– Ты сегодня стал моим андой¹, и я рад этому, батыр! Ты вернул мне мою Аюшин, ты подарил жизнь нам обоим, ведь для неё моя жизнь – тоже самое дорогое на земле. Я и она будем это помнить всегда!

На глазах монгола навернулись невольные слезы, но он продолжил:

– Ты настоящий воин, хотя я и не вижу на твоих руках и лице татуировок, и ты, как я вижу, приходишь из племени динлинов? Я признателен, что ты не воспользовался удобным случаем избавиться от меня! Я воин, и поэтому твёрдо говорю, что за мной остаётся долг, который ты можешь потребовать тогда, когда тебе это будет нужно.

– Не надо дразнить небо клятвами, «красный волк»! – ответил кыргыз, и в глазах его, как показалось Седару, промелькнула усмешка.

– Клянусь в этом всеми духами земли и хозяином голубого неба великим Тенгри!.. – заверил Седар.

– Как зовут тебя, анда, мой новый друг и брат? – спросил заметно растроганный этими словами кыргыз, помогая раненому подняться на ноги. – Скажи, а то мне уже пора уходить!

И по обычаю побратимов он протянул Седару вытащенную из садака боевую стрелу. Потом прижался своей белой щекой к смуглой щеке монгольского воина и добавил:

– У тебя будет возможность отдать по обычаю мне твою стрелу, и я надеюсь, что она не будет послана из твоего лука?..

– Я чту обычай. И моё имя Седар, я сотник Егудэя. Теперь и ты, воин хана Урус-инала, назови своё имя.

– Я Зангир, младший сын охотника Оспаара. Мы всю жизнь охотимся на этих горах, которые считаем своим домом, поэтому ты правильно подметил, что я не воин-нухур²...

Они обнялись, и каждый зашагал в свою сторону: Зангир пружинисто и легко, Седар – медленно и осторожно. Через несколько шагов кыргыз обернулся и повторил:

– След лошадей уже старый, анда. И запомни, это ты убил абу!

---

¹ Побратимом. Обычай побратимства, унаследованный монголами от далёких предков, с 12-го века стал почти анахронизмом. После обмена стрелами и принесения клятвы верности подразумевалась крепкая дружба и постоянная взаимовыручка.

² Дружинник.

W.I.E. 1902

Глава 18. Месть Егудэя

По прошествии многих лет цели и помыслы отдельных личностей выдаются историками за цели и помыслы целых народов. На самом же деле каждый человек волен проходить свой собственный путь, волен выбирать друзей и врагов, волен стать тружеником или воином, волен поступить как трус или как герой, волен даже выбрать жизнь или преждевременную смерть... Но отдельная человеческая жизнь – это лишь крохотная капля великой реки Жизни! Вдумайся, как прихотлив путь тоненькой водяной струйки, состоящей из сотен, пусть даже из тысяч отдельных капель, сколько факторов с разных сторон воздействует на неё, отклоняя вправо, влево, вверх, вниз... И ведь далеко не всегда это движение вперёд! А стоит капле оторваться от других, упасть на сухую поверхность – и всё: испарилась, как будто и не было её. Но как только отдельные струйки слились в ручей – он начинает упорно пробиваться уже в определённом направлении, а если ручьи соединились в стремительную реку – то это уже всекрушающий поток, сметающий любые преграды...

Вот так и каждый обыкновенный человек. В бескрайнем мире он, словно капля воды в океане, и в одиночку не способен изменить этот мир. Только когда устремления лидеров совпадают с желаниями многих, они, эти Правители народов, становятся реальными вершителями истории. Так что отдельный человек в великую историю может вписать очень немного, но если это Великий Хан – то уже кое-что! И даже если он – действующий от имени Правителя начальник личной охраны Великого Хана...

* * *

Егудэй нетерпеливо ожидал донесений от «красных волков», отправленных на поиски второго каравана. А что караванов было именно два, он уже нисколько не сомневался: один – ложный, второй – настоящий, с сокровищами. Егудэй с некоторым даже уважением стал думать о кыргызах: степняки не так просты, как пытаются показать. Ну что же, он верил в своих следопытов, которых не собьёт с верного пути никакая хитрость. Тем более, что кое-что уже удалось выведать. То, что у Урус-инала была секретная встреча

с местным опытным охотником Оспааром, который вскоре пропал со всеми своими сыновьями: Тюнисом, Пачаракон, Пулатом, Пычонном, Этчи и Ханьином. Кажется, был у него и ещё один, седьмой?... Ах да, младший Зангир... Скорее всего, это они и увели караван. Но куда? Охотники хорошо знают тайгу, а также им известно, чем гружены кони... Значит, не слишком тяжело груженный караван способен далеко уйти по залесённым скалистым горам или по крутым ручьям. Но следы надо искать здесь, на границе степи и гор! Напрасно хан Урус-инал уверяет, что Оспаар с семьёй сыновьями ушли через горные хребты в земли Кешдим за скотом и вернуться они оттуда только зимой, уже по льду замёрзшего Кема... Что ж, пусть хан считает, что я ему поверил! Но «красным волкам» уже удалось обнаружить подозрительный лог, изначально довольно полого уходящий вверх – тот самый, в котором медведь едва не задрал сотника Седара, сильно поранив ему голову. Сотник, конечно, настоящий воин, и даже справился с медведем, но после такого ранения он мог и ошибиться. Седар утверждает, что это были просто заблудившиеся лошади, которые выше разбежались, напуганные медведем... Может, и так, но «красные волки» приучены проверять даже самих себя!..

Егудэй ждал каких-нибудь новых известий, чтобы действовать. Но он привык никогда не сидеть без дела, поэтому велел пригласить к нему в походную юрту забавного и болтливого старика Кёнгира. Именно пригласить, а не привести – чтобы тот не замкнулся и не перестал потчевать своими сказками-легендами, в которых неизвестно чего было больше – вымысла или скрытой правды...

Старый Кёнгир с удовольствием пил чай и охотно болтал, незаметно для себя делясь с начальником «красных волков» полезными для того сведениями. Так старик утверждал, например, что в горной тайге встречается поистине волшебная трава, которую китайцы называют «лин-цзы-цао». Эту травку умеют находить только олени-маралы, и от неё их рога набирают целебную силу, а сами олени живут более ста лет. Старые охотники, подсматривая за пасущимися маралами, узнали когда-то траву «лин-цзы-цао» и жили тоже долго. Но трава встречается редко, её хватало только маралам и самим хитрым охотникам – поэтому те унесли свои знания в могилу, и теперь волшебную траву знают одни лишь маралы...

– Очень жалко, совсем для людей обидно! – сокрушался старик, прихлёбывая чай и хитро поглядывая на Егудэя. – Старики говорят, только Хозяину гор – чёрному маралу дозволено открыть охотнику тайну травы, дающей долголетие...

Егудэй не перебивал словоохотливого старика, согласно кивая головой, а сам бережно откладывал подобную информацию в самый потайной уголок своей памяти. Вдруг и на самом деле существует такая трава, которая способна дать Великому Хану здоровье и долголетие?..

Кёнгир же, несколько не смущаясь, что его могут обвинить во лжи, начал рассказывать страшную, как он предупредил, историю:

– Давно это однако было... На реке Большом Юлдусе в стране Далан-Дабан жил хан из монгольского племени... Не обижайся, начальник «красных волков», но звали его Мохур-хан, и он много воевал с джунгарами, да порой и с нашим степным народом. Потому и живёт среди кыргызов эта легенда... Мохур-хан правил племенем шахасы-махасы, и были они... – тут Кёнгир сделал продолжительную эффектную паузу. – И были они все людоедами!

Егудэй даже чаем поперхнулся, потом изумлённо и недоверчиво уставился на рассказчика.

– Не пугайся, начальник «красных волков», – довольный произведённым эффектом, рассказчик отставил в сторону пустую чайную пиалу. – Мои слова правдивы, как песня птицы, правда, тех людоедов давно уже истребили...

Сделав ещё одну эффектную паузу, Кёнгир лукаво уточнил:

– Но не всех... Кроме олотов, живущих и поныне по реке Текесу...

В этот момент полог юрты приподнялся и внутрь заглянул воин-охранник, стоявший у входа. Он коротко доложил:

– Дозор с Кема только что привёз схваченного кыргызского парня.

Как ни хотелось Егудэю дослушать «страшную» историю, он знаком отправил из юрты Кёнгира. Воин сказал хорошую новость: его «красные волки» хорошо знают своё дело и умеют выполнять приказы...

Когда Зангир услышал свист аркана, уже поздно было что-либо предпринять: волосяная петля плотно прижала его руки к телу и затянулась так туго, что стало трудно дышать. Последовал рывок – и его, словно мешок, повалили на землю. Не то что человек, редкий конь устоит на ногах после меткого броска и последующего рывка монгола, с детства привыкшего безошибочно метать на любую цель прочную волосяную петлю. Недаром кочевники без особого труда отлавливают и ставят под седло самых сильных и неукротимых, самых одичавших жеребцов. Тут же навалились на Зангира два неизвестно откуда взявшиеся воина-монгола и накрепко спеленали его верёвкой по всему телу. Потом привязали поперёк седла запасной лошади и повезли, словно тушу добытого оленя, по горячей полуденной степи из его родной тайги. В небольшой лодке переправили через Ким-су – и опять долго везли по равнине, пока не внесли в большую юрту...

Егудэй, держа в руке пиалу с чаем, с нескрываемым интересом разглядывал юношу-кыргыза, которого двое «красных волков» держали на весу. Высок, хорошо сложен, рыжеволос и голубоглаз, и, несмотря на то, что крепко связан и беспомощен как ребёнок, смело смотрит прямо в глаза. Подумав, Егудэй щёлкнул пальцами и отдал воинам приказ:

– Снимите с него аркан. Он мешает хорошему разговору двух мужчин.

Потом пригласил пленника сесть подле себя.

– Я догадываюсь, что ты – один из сыновей лучшего охотника здешних гор Оспаара, – заговорил Егудэй, пристально глядя на пленника. – Именно такими описали мне ваш род подтаёжных динлинов. А ещё я знаю, что Оспаар с твоими братьями не ушёл в далёкие земли Кешдим за скотом, – Егудэй выдержал паузу и продолжил. – Он сейчас неподалёку, и это ему поручил хан Урус-инал хорошенько спрятать казну кыргызов, так что именно твой отец увёл в горы караван. Как видишь, я откровенен с тобой, сын Оспаара, и даже сказал все, что знаю...

Егудэй самолично наполнил пиалу чаем и поднёс пленнику.

– Угощайся, оол¹! А теперь честно скажу, чего я не знаю. Я не знаю, где спрятана казна, и даже сам хан Урус-инал, оказывается, этого не знает. Кроме тебя, здесь этого не знает никто... И это было бы правильно, за исключением того, что я тоже должен знать, и мои «красные волки» тоже должны знать... И они непременно узнают, потому что так приказал повелитель Вечного Синего Неба Великий Чингисхан.

Юноша молчал, лишь пристально смотрел на говорившего Егудэя. А тот продолжил:

– Скажи, оол, ты хотел бы иметь десятую часть тех сокровищ? Подумай, ты будешь очень богат! У тебя будет белая юрта, расшитая золотым узором, у тебя будут самые красивые жены, у тебя будут косяки лучших коней, огромные отары овец... У тебя будет все, что ты можешь только пожелать, оол!

Егудэй бросил испытующий взгляд на пленника, и отметил, что лицо того стало хмурым, а в глазах вспыхнула ненависть. Та же ненависть прозвучала и в его резких, непочтительных словах:

– Да, ты много знаешь, начальник «красных волков»! Но ты никогда не узнаешь, где спрятаны богатства моего народа! Ты предлагаешь стать подлым предателем сыну Оспаара Зангиру? Видишь, я тоже не скрываюсь, и даже назвал тебе своё имя! Я, Зангир, даже за свою жизнь не заплачу такую цену, как измена! И мне вовсе не нужны белая юрта, табуны и отары – я доволен тем, что у меня есть...

Лицо Егудэя исказила неприкрытая гримаса бешенства, взгляд стал привычно жёстким, но он сдержался и продолжил тем же спокойным тоном:

– Скажу честно, я и не ждал от тебя других слов, Зангир-оол. Я ценю твоё бесстрашие, однако такие слова не нужны ни мне, ни Великому Хану! Вечное Синее Небо сделало его повелителем Вселенной, и повсюду даже самое маленькое желание Хана должно беспрекословно исполняться. Недаром все свои приказы он начинает со слов: «По воле Вечного Голубого Неба...». Горе тому, кто посмеет здесь возразить Хану – тогда со слезами и кровью смешается утренняя роса в здешней степи! Подумай ещё раз, оол, очень хоро-

¹ Уважительное обращение, сродни современному «уважаемый».

шо подумай! А может, цена показалась тебе слишком маленькой, оол? Может, тебе нужна не десятая часть, а четвёртая или половина? Назови же свою цену, Зангир-оол!

– Нет такой цены, чтобы купить меня, начальник «красных волков»! И ничто не заставит меня говорить, ибо лучше поломать свои кости, чем свою честь! Прикажи своим нукерам снова связать меня, а ещё лучше – убить! Наш народ говорит, что лучше сразу рухнуть скалой, чем века сыпаться песком.

Егудэй вдруг рассмеялся прямо в лицо пленнику и проговорил почти весело:

– Мне жаль тебя, Зангир-оол, мне жаль твою молодость. В тебе много смелости, но мало мудрости. Обещаю, что уже завтра ты расскажешь, где твой отец спрятал сокровища, и не только расскажешь, но и приведёшь туда меня с моими «красными волками»!

Увидев, что Зангир напрягся, Егудэй успокоил его:

– Нет, пытаться мы тебя не будем, Зангир-оол, не бойся! У меня есть более надёжный способ развязать даже самый молчаливый язык...

И словно потеряв всяческий интерес к разговору, Егудэй щёлкнул пальцами. Тотчас приоткрылся полог, в юрту бесшумно проскользнули два воина-охранника и, подхватив крепко под руки, вывели пленника из юрты...

* * *

Рано на рассвете, когда солнце ещё не взошло и степь дышит остатками ночной свежести, самое время начинать всё задуманное. Именно в этот час, когда начинает желтеть воздух, Егудэй вошёл в чёрную юрту, всегда стоящую в стороне от других и охраняемую тремя «красными волками». Ни один человек не пожелал бы оказаться внутри её, ибо здесь содержали пленников и преступников, ожидающих своей участи.

Следом за Егудэем в юрту вошёл, скорее даже прошмыгнул маленький юркий китаец Фао-шен. Судя по тому, что один из воинов практически заступил китайцу дорогу, и тому пришлось протискиваться в узкую щель, «красные волки» его не любили. Может быть, поэтому Фао-шен всячески заискивал перед их начальником: подо-

бострастно улыбался, часто кланялся и суетился, стараясь предугадать малейшее желание Егудэя...

Приглядевшись в сумраке юрты, Егудэй неспешно подошёл к лежащему на обрывке старой кошмы, крепко связанному, как и накануне, волосяным арканом пленнику.

– Просыпайся, Зангир-оол! Я хочу тебя познакомить со своим преданным слугой Фао-шенем. Он давно служит мне и великому Чингисхану, поэтому, хотя он и не монгол, я собираюсь вскоре надеть на его умную голову лохматую шапку «красного волка».

Услышав эти слова, китаец часто закивал головой и несколько раз угодливо поклонился Егудэю едва ли не до самой земли.

Э-кей! – вдруг с деланным возмущением произнёс Егудэй, будто только что заметил спеленавшие пленника путы. – Я вижу, Зангир-оол, что плохо тебя, гостя, встретили мои воины: нет пустых чашек из-под жирного мяса, нет чайных пиал. Может, ты голоден или хочешь пить? Фао-шен, скорее принеси нашему гостю родниковой воды, что набрана в мои кувшины из целительного серебряного ключа! Полный кувшин этой прекрасной воды ты найдёшь в моей юрте.

Китаец мигом выскочил наружу, а Егудэй, пригладив ладонью седые волосы, неторопливо продолжил:

– Уже скоро взойдёт солнце, и мы, как я вчера и обещал, отправимся в горы, где ты покажешь спрятанные твоим отцом сокровища. Хан Урус-инал будет, конечно же, огорчён, но мне и Владыке Вселенной Чингисхану будет очень интересно посмотреть, что вы так долго и старательно прячете. Очень интересно...

Снаружи послышались быстрые шаги, и охранники пропустили вернувшегося с небольшим серебряным кувшином китаецца. Тот опустился на колени рядом с пленником и поднёс к его губам горлышко кувшина. Егудэй с пристальным вниманием наблюдал, как запёкшимися губами Зангир жадно ловил прохладную влагу.

Напоив пленника, подобострастный китаец даже обтёр рукавом своего халата его губы и шею. Потом, после каждой фразы кланяясь Егудэю, заверил:

– Всё будет прекрасно, начальник! Фао-шен не напрасно учился десять лет, начальник! Даосские и индийские монахи учили меня

их секретам. Они давно и успешно используют это снадобье, начальник!

Егудэй тем временем с лёгкой усмешкой наблюдал за молчаливым, напряжённо думающим о чём-то своём Зангиром.

– Уже совсем скоро взойдёт солнце, оол. Но у тебя ещё есть немного времени отдохнуть и набраться сил. Как видишь, никто не пытал тебя. Более того, нам вскоре предстоит недолгая и приятная прогулка в горы. Возможно, даже в гости к твоему отцу Оспаару. Так что, набирайся сил для радостной встречи, Зангир-оол! – сказал Егудэй внешне уверенно, но сам при этом подумал: «Не презирай слабого детёныша, который может оказаться сыном тигра».

Когда Егудэй с Фао-шеном вышли из чёрной юрты, восходящее солнце золотило облака на востоке. Грядущий день обещал быть знойным...

* * *

Накануне Седар уже знал, что «красными волками» схвачен его новый анда. То ли боль от заживающей раны на голове, часто напоминающая о себе, то ли беспокойство за судьбу Зангира долго не давали ему заснуть. Ведь два анды – это как одна душа! И ему было о чём подумать в эти бессонные часы... Сотня Седара заступала на охрану ставки Буха-нойона рано утром, а это означало, что он без особого труда сможет увидеть Зангира и даже переговорить с ним. Только вот что он сможет сделать для своего анды, которому, по всей видимости, угрожает большая опасность? Возможно, даже смертельная...

Заснул Седар лишь далеко за полночь и привиделась ему во сне опять Аюшин... Весенняя степь звенела жаворонками, белая кобыла Аюшин дремала, положив голову на круп коня Седара, а они сидели на сёдлах в тени одинокого дерева. Аюшин что-то ласково говорила, а он пытался вникнуть в её слова – но слышал только своё сердце, которое всё больше каменело от предчувствия неминуемой разлуки. И слова её он так и не услышал, а сказанное словно бы прочитал по губам:

– Скажи, Седар, и я пойду против воли отца, я помчусь за тобой на самый край земли, где никто и никогда нас не найдёт. А если вра-

жеская стрела вдруг оборвёт нить твоей жизни, я уйду в подземный мир вслед за тобой. Ведь у меня есть кинжал, который ты подарил...

И душа его, расслышав эти слова, вдруг взмыла над весенней степью и запела песню любви громче всех жаворонков, заглушая даже боль сердца...

Утром, расставив караулы, Седар сразу же направился к зловещей чёрной юрте. Перед входом копьё двух «красных волков» скрестились перед грудью сотника, копьё же третьего нацелилось ему прямо в сердце. Прозвучало грозное «Ха!» Таких действий требовал устав караульной жизни, несмотря на то, что охранники были из его сотни, и знали, конечно же, своего начальника в лицо.

– Я джагун¹ Седар!

Сотник хорошо знал устав, поэтому молча отстегнул от пояса кривую саблю в зелёных кожаных ножнах и положил её на землю у входа. Рядом положил свой лук и начал снимать колчан, но старший караула жестом остановил его: не надо, мол, джагун, достаточно. Наконечники копий звякнули друг о друга, и охранники отставили их в стороны – путь в чёрную юрту был свободен.

Сотник, откинув полог, шагнул внутрь. И тут же увидел лежащего на кошме посреди юрты связанного Зангира. Сразу отметил отсутствие следов пытки: похоже, того даже не били. Неизвестно только, хорошо это или плохо?

Присев возле лежащего в неудобной позе Зангира, спросил тихо, чтобы не услышали охранники снаружи:

– Как чувствуешь себя, анда? Здоров ли ты? Может, тебя пытали?

– Я здоров, анда Седар! И меня очень удивляет то, что ни разу никто меня даже не ударил... Егудэй приходил в эту юрту и сказал, что пытать меня не станут – именно поэтому я очень боюсь его, боюсь его ласковых слов. Он пообещал, что «красные волки» повезут меня в горы на прогулку. Он что-то замыслил, анда! Может, ты знаешь, что?

– Да, его нужно бояться, анда! Егудэй – хитрая старая лиса. Но он никогда и никого раньше срока не посвящает в свои планы.

– Знай, что я всё равно ничего ему не скажу, – заверил Зангир. – От меня он никогда не узнает, где спрятано то, что он так пытается

¹ Сотник в монгольском войске.

добыть для своего Великого Хана. Даже если он прикажет отрубить мне голову. Я не боюсь смерти, анда...

Седар нахмурился, оглянулся на вход и, склонившись почти к самому уху Зангира, сказал:

– Это всё очень плохо, анда. Егудэй никогда слов на ветер не бросает. Если он сказал про прогулку в горы, то она обязательно состоится. Приказать отрубить тебе голову он смог бы и здесь. Значит, он что-то задумал, причём неожиданное для тебя. Егудэй необычайно хитёр и коварен... Скажи, анда, а он приходил к тебе один?

– Нет, с ним был маленький китаец...

При этих словах Седар даже вскочил.

– Маленький китаец Фао-шен?

– Да, Егудэй называл его Фао-шеном. На словах они оба были очень доброжелательны ко мне. Я хотел пить, и Егудэй приказал китайцу принести серебряный кувшин из его юрты. Очень вкусная вода, от которой мне сразу стало очень легко и хорошо...

– О, сюзюк¹ Фао-шен – это очень страшный человек, которого боятся все, даже «красные волки»! – почти воскликнул Седар. – Говорят, что он умеет составлять любые яды и готовит такие снадобья, когда принимаешь человека за кого-то другого: за своего отца, жену или даже дикого зверя. Кажется, я догадываюсь, что он задумал... Скажи мне, анда, что ты чувствуешь сейчас?

– У меня немного кружится голова, но это, наверное от голода, ведь я уже второй день ничего не ел.

Седар поправил повязку на своей голове, поморщившись при этом от боли, потом легко, как кошка, прокрался к пологу юрты и чутко прислушался. Снаружи охранники вполголоса переговаривались, посмеивались:

– Женщина как огонь, её нельзя оставлять без присмотра: либо потухнет, либо спалит всё вокруг...

Похоже, охранники подшучивали над одним из воинов. Постояв, Седар так же беззвучно вернулся к Зангиру.

– Слушай меня внимательно, анда, и постарайся запомнить каждое моё слово. Егудэй никогда не привёл бы Фао-шена к пленнику просто так. И неспроста воду в кувшине принёс именно Фао-шен. У тебя сейчас кружится голова, и тебе очень легко? Я подозреваю,

---

¹ Ханский доносчик.

что в кувшин он добавил свою «синюю воду». Однажды я случайно увидел, как она действует на человека. Скоро тебе станет совсем хорошо, совсем легко, и ты даже забудешь, что сейчас ты пленник...

Зангир неожиданно улыбнулся в ответ и заговорил, глядя затуманенным взором куда-то в стену юрты:

– Ты ведь знаешь, анда, что я не страшусь смерти. И если меня задумали отравить каким-то страшным ядом, то это даже лучше, чем нукеры изрубят меня саблями. Я прямо сказал Егудэю, что никогда не открою ему своей тайны. Я умру с радостью, зная, что тайна навсегда уйдёт вместе со мной. Знаешь, мне становится так хорошо, что я уже чувствую, как жизнь прощается со мной и собирается уходить из моего тела... Но я останусь в памяти моего народа... И может быть, хайджи под сладкоголосые струны чатхана когда-нибудь расскажут о Зангире, сыне охотника Оспаара моим соплеменникам...

– Нет, анда, ты не знаешь главного и самого страшного. Постарайся запомнить: «синяя вода» Фао-шена не убивает тело, она затуманивает сознание и глаза! Поэтому не верь тому, что увидишь и услышишь! Это зелье даосских монахов делает человека безвольным и развязывает его язык. Ты даже не вспомнишь о долге, о чести...

От этих слов Зангир встрепенулся, и взгляд его снова стал осмысленным. Он даже сделал усилие сесть, но это удалось ему только с помощью Седара.

– Разве такое возможно, и это не сказка?! Ты говоришь мне правду, анда?

Седар горестно кивнул.

– Да, это правда, анда, страшная правда. И я сейчас не знаю, чем тебе помочь. Я всю ночь думал, анда, думал о тебе. И это были нелёгкие думы. Ты подарил мне жизнь, сохранил мою любовь – и моё сердце говорит, что я должен отплатить тебе тем же. Но я так и не придумал, как спасти тебя! Что толку, если я отдам тебе своего лучшего скакуна, которого сможет догнать разве что стрела из тугого лука... Всё равно тебе не уйти далеко от «красных волков». Я не смогу спасти тебя даже ценой собственной жизни!

И Седар в отчаянье обхватил свою забинтованную голову, и даже не почувствовал боли.

– Как скоро начинает действовать эта «синяя вода»? – спросил Зангир. – Хотя я мог бы и не спрашивать... Она уже начинает действовать. Я уже вижу то тебя в этой юрте, то цветущую степь вокруг, ощущаю себя то связанным пленником, то маленьким мальчиком, играющим с братьями... Я теряю волю, Седар! Егудэй перехитрил меня...

– И я, джагун «красных волков» впервые, наверное, не знаю, что мне делать! – произнёс Седар. – Но я должен что-то предпринять для спасения твоей чести, ибо знаю, что честь для тебя сейчас дороже жизни.

– Скоро придёт Егудэй, чтобы везти меня в горы... Чтобы взять на прогулку... – словно в забытьи говорил Зангир. – С ним будет страшный маленький человек. И я уже знаю, анда, что им очень легко будет выпытать у меня тайну отца. Я уже не могу властвовать над своими мыслями, над своим языком. Убей меня, анда, пока не поздно!

Седар хотел что-то возразить, но Зангир перебил его:

– Наверное, осталось совсем мало времени, анда? Я вижу, что ты без лука и без сабли, но с тобой колчан, в котором много стрел... Ты ведь обязан, согласно древнему обычаю, отдать своему анде одну из них! Отдай ту, что с чёрным опереньем... Я знаю, что у неё должен быть белый костяной наконечник... Я не ошибаюсь, анда?..

По лицу Седара пробежала судорога боли, но это боль была не от раны. Он попытался возразить:

– Я давал слово когда-нибудь спасти твою жизнь, как ты спас мою, а не отнимать её!

– Ты, анда, теперь только так можешь вернуть мне долг. Взамен жизни подари мне смерть, которая, поверь, для меня сейчас дороже жизни! Знай, что я с радостью и благодарностью приму её от своего анды!

Седар и сам понимал, что это единственный выход, поэтому молча снял с плеча колчан и достал из него чёрную стрелу. По лицу сотника ничего нельзя было прочесть, но на глазах его навернулись слезы.

– Ты настоящий воин, анда Зангир! – с усилием проговорил Седар. – Я горжусь нашей дружбой. Знай, что смерть от моей стрелы на-

ступит почти мгновенно, потому что в наконечнике смешаны два самых сильных яда азиатских степей. Два змеиных яда: гюрзы и кобры.

– Я виноват перед тобой, анда Седар! – воскликнул Зангир, и из глаз его хлынули слёзы. – Там, возле мёртвого абу, я не до конца поверил в твою искренность.

– Главное, что ты веришь мне сейчас, анда, – ответил Седар, по щеке которого тоже катилась слеза.

Зангир устремил взгляд на белый наконечник стрелы и решительно проговорил:

– Сделай это без колебаний, анда! Но я не хочу, чтобы гнев Егудэя пал на тебя. Нанеси два укола рядом вот здесь, на моей груди – чтобы их можно было принять за укусы настоящей змеи... Прощай, мой анда Седар!

Через несколько мгновений, оттолкнув охранников, сотник резко вышел из чёрной юрты. Подобрал оружие, он быстрыми шагами пошёл в степь, освещённую уже взошедшим утренним солнцем...

* * *

Когда Егудэй вошёл в чёрную юрту и увидел пленника мёртвым, то первой его мыслью было обвинить Фао-шена. Но приведённый воинами китаец вскоре снял с себя обвинения, указав на ранки на груди Зангира. Он же и определил, что нанесены они не зубами змеи и остриём стрелы. Смерть пленника наступила от очень сильного яда.

Допрошенные охранники утверждали, что в чёрную юрту входил только джагун Седар. Без сабли и лука... но с полным колчаном стрел. Умертвить пленника мог только он. Но что общего между лучшим сотником «красных волков» и сыном охотника – это предстояло выяснить.

По приказу Егудэя Седара срочно привели в чёрную юрту. Под вопрошающим взглядом начальника «красных волков» джагун не опустил глаз и не стал отрицать свою причастность к смерти Зангира.

– Несколько дней тому назад я дал слово выполнить любую его просьбу, – сказал Седар. – Он попросил у меня смерть...

Этого Егудэй понять не мог. Джагун не отрицал своего преступления, хотя и знал заранее, чем ему это угрожает. Он будто бы тоже сам ищет свою смерть...

– Ты для меня был как сын, Седар, – с сожалением проговорил Егудэй. – Я собирался отдать тебе в жены мою дочь Аюшин, потому что знал о ваших тайных встречах.

– Я люблю Аюшин и хочу, чтобы она была счастлива. Я готов отдать за неё все, что у меня есть, даже жизнь... Но я не мог нарушить данную мной клятву! Смерть легче пёрышка, долг тяжелее горы...

– Я собирался сделать тебя своим преемником, начальником «красных волков»! – продолжал Егудэй. – Но ты нарушил приказ, и после этого не можешь носить красную шапку «волка»...

– У меня не было выбора – я дал слово! – повторил Седар. – Дал слово анде...

– Зато у меня есть выбор, – жёстко проговорил Егудэй, чувствуя как внутри его закипает ярость. – Либо казнить всю твою сотню, как это сделал бы Чингисхан, либо позволить твоим воинам казнить своего сотника. Что бы выбрал ты на моём месте?

– Зангир был моим андой... – словно не слыша последних слов, повторил Седар. – Начальник «красных волков» давно забыл, что это такое!

– Ты просто подлый предатель, – закричал в бешенстве Егудэй, и тут же, в припадке ярости, отдал приказ казнить Седара незамедлительно.

Он сорвал с шеи Седара серебряную пайцзу сотника, на которой было начертано: «По воле великого Бога и по великой его милости к нашему государю, да будет благословенно имя Хана, и да помрут и исчезнут все ослушники».

«И да помрут и исчезнут все ослушники...» – мысленно повторил Егудэй волю Великого Хана, которую он не мог нарушить. Однако уже взяв себя в руки, решил сделать джагуну снисхождение. Нет, не отменить казнь – Егудэй никогда не отменял своих приказов, даже если оказывался неправ. Он позволил сделать это без пролития крови. Хотя смерть и была более мучительной, но как-никак до этого Седар был лучшим джагуном. Не варить же его в котле и не отрубать же ему голову, как простому пастуху?..

Казнь он поручил всё ещё стоявшим у чёрной юрты охранникам, для которых это было вполне привычным делом. Один из воинов опустился на траву поджатой левой ногой и выставил вперёд правое колено. Двое других, крепкие и сильные, молча повалили

Седара на землю. Тот не сопротивлялся, и тогда один взял бывшего джагуна за руки, другой за ноги. Егудэй помедлил, как будто раздумывая, а привыкшие беспрекословно подчиняться воины внимательно следили за его правой рукой.

Резко опустив руку, начальник «красных волков», не оглаживаясь, пошёл от чёрной юрты. Он сотни раз видел подобную казнь, поэтому знал, что сейчас воины вскинут тело сотника вверх и с размаху опустят спиной на крепкое выставленное колено. Он только услышал характерный хруст позвоночника и короткий вскрик Седара. Перед глазами тут за встало искажённое болью лицо дочери – и старый Егудэй впервые в своей жизни, наверное, пожалел, что не отменил приказ.

А преданно смотревшие ему в спину воины увидели вдруг, как опустилась голова их начальника, как ссутулилась его спина, а походка из лёгкой и пружинистой превратилась в старческую. Таким начальника «красных волков» они видели впервые...

* * *

Время подгоняло Егудэя. Воины из тумена Буха-нойона непрерывно пригоняли из стойбищ и самых далёких аалов десятки и сотни белых скакунов. Скоро, совсем скоро погонят они на запад тысячные табуны в подарок Повелителю Вселенной. Ему нужно много, очень много прекрасных коней, ведь предстоят новые походы: на Юг, на Запад, на Восток... Чингисхан любил потешить своё сердце видом всесокрушающей лавины его непобедимого войска: оцетинившейся копьями, брызжущей чёрным облаком стрел, сверкающей взметнувшимся над головами лесом сабель – видом сметающей всё на своём пути монгольской конницы...

Егудэю нужно было спешить. Он увеличил награду счастливцу, который первым обнаружит сокровища кыргызов: уже не десятая, а четвёртая часть по праву будет принадлежать ему. Любой «красный волк» мог только мечтать о такой добыче, дающей высокое положение, и о счастливом случае, который может одним махом вознести к новой, высокой должности...

Две сотни «волков» с трёх сторон охватили лог, в котором был захвачен Зангир. Цепью продвигающиеся вверх по сужающемуся, как ущелье, каменистому логу, воины увидели огромного, уже основательно обглоданного мелким зверьём медведя. Даже мёртвый

он поражал размерами, длиной страшных когтей и жёлтых клыков. Осматривая источавшую трупный смрад медвежью тушу, воины невольно сгрудились – и тут же услышали короткий посвист стрелы, которая глубоко вонзилась в дерево впереди, как бы преграждая им путь. Это было грозное предупреждение: следующая стрела найдёт себе уже живую цель.

Но «красных волков» невозможно запугать, а опасность только подстёгивает их. Тем более, что это был хороший знак: значит, они идут к своей цели правильной дорогой. Воины тут же рассыпались по сторонам лога – от пенного ручья до отвесных скал. Пригибаясь и прячась за толстыми стволами деревьев, они двинулись дальше.

Вторая стрела попала в шею передового воина. Когда попробовали выдернуть её, то убедились, что сделать это невозможно: спиралевидный наконечник буквально вкрутился в человеческую плоть, разорвав её внутри. Такими стрелами пользовались джурджени, и монгольские воины отлично знали, что они наносят ужасные, чаще всего смертельные раны, от которых не спасают даже шёлковые рубахи под доспехами.

Стрелы прилетали, казалось, со всех сторон. Вот уже упали за смертью ещё четыре воина, и столько же были тяжело ранены. Причём стрелявших не удавалось даже разглядеть: они лишь на короткий миг возникали с натянутыми луками то из-за камня, то из-за дерева. Когда же несколько воинов устремлялись туда – то никого не находили.

Однако волчья стая умеет побеждать врага не только количеством, но и умной сменой тактики. Теперь, пока передовая цепь продвигалась вперёд, позади стояли воины с натянутыми луками – и каждого неведомого стрелка подстерегал добрый десяток метких стрел. Потом подтягивались задние, а передовые держали под прицелом каждый камень и каждое дерево.

«Красные волки» были обучены побеждать любого врага, и тактика стала приносить свои плоды. Вот за камнем лежит, выронив свой лук, один мирген, вот другого светловолосого и голубоглазого стрелка не успело спасти толстое дерево – и он, взмахнув руками, упал со стрелой в сердце. Вот ещё двое, лица которых похожи, как две капли воды, лежат спина к спине, омываемые водой ручья – и кровь их, сливаясь воедино, окрашивает звонкие струи в красный цвет...

Монголы хотя и медленно, но неумолимо продвигались вперёд, тем более, что разящие их стрелы свистели всё реже. Часть воинов с трудом вскарабкалась на каменные гривы, ограждающие узкое ущелье, поскольку оттуда дальше просматривалось пространство впереди и можно было поражать противников сверху. Таким образом неведомые стрелки из охотников тут же превратились в гонимую в нужном направлении дичь, а путь отступления для них оставался только один – вверх по логоу. Кыргызские миргены явно недооценили своих противников...

Волчья стая целенаправленно гнала добычу, отсекая все пути из ущелья – и поэтому неминуемо должна была настигнуть стрелков. Вот лог стал совсем узким и крутым, так что монгольские воины продвигались в нём сплошной массой, плечом к плечу. Но стрелы больше не достигали их, должно быть, у невидимых защитников их больше не осталось. Вот из-за большого камня на мгновение возник лучник – и тут же, пронзённый десятком стрел, мёртвым упал к ногам передовых монголов.

– Больше ни в кого не стрелять, – приказал сотник, – они нужны нам живыми.

Когда монгольские воины вскарабкались к вершине горы, на ней гордо и молчаливо стояли двое последних стрелков: славный охотник Оспаар и его сын Пулат. Уходить им было некуда – дальше скала отвесно обрывалась вниз. Не дав преследователям вплотную приблизиться, они одновременно переломили через колено свои, ставшие бесполезными луки и шагнули в пугающую своей глубиной пропасть. Широко раскинув руки, словно две большие серые птицы, они удалялись всё дальше от преследователей, пока не закончили свой последний полёт на острых камнях. Даже бесстрашные «красные волки» отшатнулись в этот миг от края пропасти...

Ещё два дня воины тщательно обшаривали окрестности Медвежьего лога – такое название они дали ему по найденному здесь мёртвому зверю. Помня обещание Егудэя о четвёртой части, причитающейся нашедшему, следопыты обшаривали каждый завал камней, каждую щель в скалах, каждую нишу в корнях сосен, но всё было напрасно. «Красные волки» ещё верили, что богатство кыргызов затаилось где-то неподалёку: либо в пещере под каким-нибудь из каменных останцев, горделиво взирающих на мир с вершин за-

лесённых гор, либо среди серых каменных гряд, гребнями разделяющих глубокие лога. Да мало ли где в бескрайней и труднопроходимой горной тайге можно надёжно схоронить небольшие кожаные мешки и вьючные сумы...

В конце концов Егудэй понял, что этот лог был просто приманкой, ложной целью. Его воины потеряли время, затоптали и без того едва заметные следы, а прошедший дождь поднял примятую траву, разгладил песок, смыл с камней отпечатки копыт, так что заново начинать поиски уже не было смысла. Отпущенное им время истекло: сотня за сотней, тысяча за тысячей воины тумена Буха-нойона уже уходили на запад, угоняя табуны белых коней для Чингисхана. И к концу третьего дня поисков Егудэй приказал своим «волкам» покинуть неприветливые для них горы и возвращаться в ставку. Тем более, что погода к вечеру окончательно испортилась: порывистый ветер пригоршнями швырял в лица крупные капли дождя, мокрая трава на склонах стала предательски скользкой.

Охрана быстро собрала его походную юрту, разбитую под гладкой, почти отвесной скалой, защищавшей от ветра и дождей, и разочарованный итогами поисков Егудэй молча сел в седло своего коня. Он не успел ещё отдать команду двигаться, как над головой, высоко вверху раздался громкий шум и треск – и на узкую тропу, прямо перед его иноходцем рухнул большой камень. Жеребец присел и, испуганно храпя, рванулся в сторону... Едва удержав его туго натянутой уздой, Егудэй поднял глаза вверх.

С вершины скалы смотрел, как будто прямо на него, чёрный красавец-марал. Его огромные ветвистые рога чётко прорисовывались на фоне хмурого неба. Через какое-то мгновение одна рука Егудэя уже сжимала лук, а другая нащупывала в колчане тяжёлую стрелу...

– Не надо стрелять, начальник, – услышал он крик Фао-шэна. – Нельзя стрелять в Хозяина гор...

Недовольный Егудэй повернулся к китайцу и устремил на того вопросительный взгляд.

– Стрела вернётся и поразит стрелявшего прямо в сердце... – продолжил Фао-шен. – Я много раз слышал эту легенду. Нельзя сражаться с Чёрным маралом – духом здешних гор. Он дал свой знак, что тебе надо быстро-быстро уходить...

Ничего не сказав, ещё более помрачневший Егудэй хлестнул камчой своего коня и поскакал по уже натоптанной всадниками

тропе. Опередив его, вперёд поскакали разведчики, а позади – след в след – помчались «волчьим ходом» остальные всадники. Никто из них даже не оглянулся на кажущиеся неприветливыми и хмурыми, чуждые степнякам горы, только мелькнуло, должно быть, в сердцах многих воинов сожаление о несбывшейся мечте. «Ничего, богатство всегда проходящее: то оно есть, то уже потеряно... – думал должно быть каждый из них. – А утром следующего дня, свернув свои походные юрты, мы уйдём, наконец, от этих непривычных и неприветливых гор в родные степи, на серебряный Онон и золотой Керулен...»

Пока под покровом ночи воины готовились в дальний путь, Егудэй со своим неизменным сопровождающим Фао-шеном молчаливо сидели у жарко пылавшего костра. В пиале начальника «красных волков», против обыкновения, была налита арза вместо чая, и он мрачно размышлял о том, что скажет Повелителю Вселенной, как вопрошающе взглянет на него тот при встрече. Ведь Великий Хан ждёт не золото и драгоценности, которых у него и без того не счесть – Чингисхану желаннее всех сокровищ простые кедровые дощечки с таинственным уйгурским рецептом. Никогда ещё он, Егудэй, так не подводил своего Повелителя...

Одну за одной пил Егудэй полные пиалы арзы, почти не хмелея. И восстанавливал в памяти каждый свой шаг, пытаясь понять, где он совершил ошибку. Но раз за разом цепочку мыслей разрывали образ джагуна Седара и картина его казни, которую Егудэй не видел, но очень ясно представлял. В ушах снова и снова звучал хруст переламываемых позвонков. К чему бы такие воспоминания?... Ясно, что не к добру... И дело даже не в том, что великий Хан может так же запросто расправиться с ним самим, недаром он, Егудэй, жестокости учился у своего Повелителя, считая её главным достоинством кишиктена... Ещё больше его пугал предстоящий разговор с любимой дочерью Аюшин.

Из глубокого раздумья Егудэя вывел заискивающий голос Фао-шена. «Что там бормочет этот пьяный лизоблюд, которому сегодня было позволено пить арзу из одного кувшина с хозяином? – раздражённо подумал Егудэй. – Разве он ещё не валяется пьяным на земле, свернувшись у костра подобно собаке?...»

– Послушай Фао-шена, начальник «красных волков». Сейчас тебе кажется, что всё очень-очень плохо. Но поверь мне, пройдет время и половина плохого забудется, пройдет ещё время – и забудется уже всё плохое...

Егудэй с удивлением отметил, что хилый китаец, похоже, не так уж и пьян.

– Все беды пришли к тебе с этим кыргызом, с проклятым Зангиром. Он знал, где спрятаны сокровища, где спрятаны кедровые дощечки. Он знал, но сказал: «Я не стану предателем своего народа!» Это из-за него умер твой любимый джагун Седар, которого ты хотел сделать своим сыном... А этот никчёмный кыргыз мечтал стать героем, победившим самого начальника «красных волков». Поэтому ты, который никогда не прощает обид, сделай его предателем...

Слушая китайца, Егудэй всё больше трезвел, и в сердце его, в самом деле, закипал огонь мести.

– Говори дальше, – приказал он Фао-шену. – Я вижу, что у тебя уже есть план.

– Мечь – это кушанье, которое нужно принимать холодным. Отомсти этому Зангиру так, чтобы он и на том свете трепетал при одной мысли о тебе. Я придумал такую страшную, такую небывалую мечь, которая пройдет чёрной тучей через века и останется несмываемым пятном на истории этого степного народа, кочующего по берегам Кема. Это будет самая страшная твоя мечь! Слушай меня, начальник «красных волков»...

И Фао-шен в деталях изложил свой коварный план. Сам отличавшийся исключительным умом и хитростью, Егудэй с изумлением и даже внутренним содроганием взирал на маленького и трусливого, казавшегося ему никчёмным, человечка, которого он в любой момент мог бы раздавить, как обыкновенную блоху.

– А что ты скажешь Чингисхану, я тоже знаю, – заверил заметно осмелевший китаец. – Ты обещал сделать меня одним из «красных волков»... Фао-шен недостойн такой чести, но Фао-шен умеет быть благодарным... Придёт время твоей встречи с Повелителем, и я подскажу тебе нужные слова.

Повеселевший Егудэй приказал сотнику построить два десятка воинов и отдал им все необходимые распоряжения...

А ранним утром последние монгольские воины – это были две неполные сотни «красных волков» – покидали Хонгорайскую степь.

К крупам двух десятков рассёдланных коней были приторочены тяжёлые кожаные хайи¹. Проезжая между кыргызскими юртами, сопровождавшие этот небольшой караван воины весело и достаточно громко переговаривались о том, что хан Урус-инал может теперь проливать горькие слезы, а его советник Кёнгир рвать в клочки свою седую бороду по поводу пропавших богатств. И несколько раз заводили разговор о том, что кыргызскому парню, младшему сыну Оспаара, указавшему пещеру с сокровищами, теперь причитается четверть их. А едущие позади переговаривались между собой – и тоже достаточно громко – что счастливчик Зангир стал настолько знатным человеком, что едет сейчас на белом коне рядом с самим Буха-нойоном.

Новый джагун громко прикрикнул на разговорившихся воинов:

– Не советую смеяться над тысячником Зангир-оолом! Я не удивлюсь, если Повелитель Вселенной, учитывая заслуги, назначит его вскоре темником или даже командиром «красных волков»!

– Да, сказочно повезло этому парню, простому охотнику! – громко поддержал сотника сам начальник Егудэй и зацокал языком.

* * *

И чёрная весть, словно стая зловещих чёрных птиц, быстро разнеслась по всей Хонгорайской степи. В белом шатре хана Урус-инала снова собрался Большой Совет степи. Все были хмуры и молчаливы, ведь такого подлого предательства никогда ещё на знали здесь, у подножий Кёгменских гор...

Мудрый Кёнгир не собирался в этот раз заводить длинный разговор, поэтому сразу начал с главного:

– Кыргыз, сын нашего древнего народа, сын достойного Оспаара, погибшего в схватке с врагами, стал подлым предателем. Конечно, предатели встречаются среди любого народа, и у любого народа их казнят, с позором отрубая голову. Но этот предатель сумел избежать справедливого наказания, трусливо бежав с нашими врагами... И я знаю, как наш народ сможет наказать его самой страшной казнью, более страшной, чем отрубание головы...

Кёнгир замолчал, видимо подыскивая нужные слова. Молчали и члены Совета.

---

¹ Перемётные сумы.

– Наш кыргызский народ не может отрубить голову предателю, но он может отрубить нечто более важное – отрубить саму память о нём. Пусть каждый из вас знает и накажет остальным, чтобы навсегда было забыто имя предателя. Пусть больше никто и никогда не произнесёт его в Хонгорайской степи и на обоих берегах Адырчана и Ким-су, пусть никто и никогда не назовёт этим именем мальчиков, родившихся в наших юртах. А нарушивший волю народа пусть будет казнён, и тело его будет отдано на растерзание голодным собакам. И пусть это решение будет принято навечно!

Кёнгир замолчал и обвёл взглядом шатёр. Никто не сказал ни слова, но он видел по глазам, что все согласны с его предложением: и хан Урус-инал, и Большой Совет, и посланцы аалов, чуртов, улусов.

– Я читаю согласие в ваших глазах. Поэтому да будет так навечно и по всей степи! – закончил Кёнгир.

– Да будет так! – повторили хан и каждый из сидящих в шатре.

Когда приговор народа вступает в силу, отменить его не может уже никто, поскольку лишь ему, а не желанию повелителей повинуется людская память. Именно в преданиях народа и по народному приговору через годы, а то и через столетия правители признаются тиранами, герои – кровавыми гениями, а безвинные мученики становятся святыми. А что же тогда Время – Великий Хан беспредельного мира? Да, именно по его приказу угасает огонь в жарко пылавших очагах, по его знаку покрываются седым пеплом остывшие угли костров, и лишь его велению подчиняется караван лет, размеренно шагающий в прошлое. Но над временем люди не властны, поэтому даже прикрыв глаза от слепящего солнца, не услышать в наступившей темноте поступь прожитых лет, а тем более, нельзя вскочить в седло и догнать, окликнуть кого-то из ушедших. Хотя бы для того, чтобы прочитать в его глазах ответ на мучавший тебя долгие годы вопрос, или для того, чтобы попросить у этого человека прощения. Уйдя навсегда, прошлое оставляют человеку лишь миражи, возникающие иногда в его памяти: удивительные и прекрасные, тревожные и манящие, грустные и желанные. Миражи детства, юности и зрелости, на которых проступают лица любимых, родных и друзей. И даже приговор народа, даже время не властны над миражами...

Глава 19. Взгром банды

Жизнь так устроена, что смерть является закономерным её итогом. Атеистам она представляется безжалостной страшной старухой в чёрном саване и с острой косой, а людям верующим – белыми ангелами, несущими бессмертную душу на справедливый суд Господен. Первые как будто бы должны бояться её, а вторые принимать с радостью, но, на самом деле, истинное лицо смерти не известно никому, и поэтому она внушает ужас каждому человеку. Тем более, если это смерть трагичная и преждевременная...

Через полтора месяца после трагедии на Джойском пороге стало ясно, что тело Успенского Енисей забрал безвозвратно. Всё это время на заставе ждали сообщения из расположенных ниже по течению сел Голубой и Сизой, с Майнского рудника, из Означенного и Летника, из деревни Сянской и Очур, даже из совсем уж далёкого Шушенского. Но никто так и не сообщил о страшной находке, так что даже похоронить своего товарища пограничникам не довелось. С другой стороны, само происшествие держалось в глубокой тайне – ведь не только человек пропал, но и утопленное золото до сих пор оставалось на дне реки. Тут даже запросы по деревням, не то что некролог в Бейскую, Минусинскую или Шушенскую газеты посылать было нельзя. А без помощи населения разве организуешь тщательные поиски на порожистой, с протоками и отмелями, местами на десятки километров безлюдной реке?..

Так что в конце июля тридцатого года начальник Государственного Таможенного управления Сталь обратился к наркому Двоплацкому с письмом такого содержания: «Прошу разрешить выделение из спецсредств по борьбе с контрабандой вдове Успенского Николая Николаевича необходимой суммы на проезд в город Кинешму, а также месячного оклада жалования погибшего мужа впредь до установления семье пенсии. Всего восемьсот рублей». Нарком просьбу удовлетворил, и Вера Иосифовна с дочкой стали собираться на родину мужа.

Мы не вольны выбирать время своего рождения и смерти, но мы можем выбирать, как прожить отпущенные нам годы. Человеческую жизнь, в сущности, нельзя считать ни длинной, ни короткой – она слугит лишь масштабом для всех остальных сроков. Но мы ощущаем себя практически бессмертными – потому что не помним часа своего рождения и не знаем дня своей смерти...

* * *

Умер старый Отой, так и не дождавшись врача из Минусинска. Умер не приходя в сознание, даже в последние минуты бормоча в забытьи по-хакасски про нож с бегущим маралом на ручке и что-то совсем уж бессвязное и непонятное. Мангир расслышал, правда, слова деда про сокровища и какой-то приговор народа, но что они означали, никто из окружающих не мог ему объяснить. Да разве можно объяснить и разложить по полочкам предсмертный человеческий бред? В нём может быть всё: и воспоминания далёкого беззаботного детства, и что-то недосказанное самым близким, самым дорогим людям, и даже просьбы о прощении за какую-то совсем незначительную обиду... Ну и конечно же, умирающие нередко открывают тайны, тщательно скрываемые ими всю жизнь, ведь только на границе жизни и смерти, глядя в бесстрастные глаза вечности, начинаешь понимать, что теперь это уже не твоя тайна. Унесёшь её с собой в могилу – и она тоже умрёт, а передашь другому – и она будет жить, грея душу и ведя кого-то к цели, словно путеводная звезда...

Хоронили Отоя как солдата: под три винтовочных залпа, и вместо креста в изголовье поставили немудрёный железный памятник-пирамидку со звёздочкой. Верная Сапчы ещё целых три дня неподвижно лежала на этом земляном холмике, лишь изредка поднимая голову, чтобы посмотреть в глаза приходящим. Она словно бы спрашивала каждого: а может ещё вернётся хозяин, потреплет ласковой рукой между ушами и позовёт, как прежде, с собой в тайгу? Но хозяин так и не пришёл, и на четвёртые сутки лайка нашла Мангира, лизнула мальчика в лицо и преданно улеглась возле его ног. Природа, с уходом человека из этого мира меняет только краски чьего-то восприятия с ярких на тусклые, но очень мало меняется сама. И в этом её извечная мудрость...

А через неделю Мангир в сопровождении самого Дзензуры и двоих пограничников поехал в кузню, чтобы забрать кое-какие вещи. Нож, про который упоминал дед и который, как надеялись, спрятан где-то в кузне, так и не нашли. И в кузне, и в избушке был страшный беспорядок – похоже, что-то тщательно искали. А кто искал, бандиты или кто-то из алчных мужиков, узнавши о смерти кузнеца – кто знает?

До осени, пока не получат ответ на запрос, отправленный в красноярский интернат, Мангира оставили на заставе. Вот так и переменялась без деда его жизнь в корне. А тут ещё Вера Иосифовна с дочкой Тамарой собрались уезжать в Минусинск, а оттуда в неведомую Кинешму, где жила семья Николая Николаевича. Командир Дзензура пообещал, что он до Минусы отправит их с надёжной охраной – взводом красноармейцев из комендатуры. Так и не суждено было Вере Иосифовне и Томе проститься с Николаем Николаевичем, хотя бы поплакать на его могиле.

Когда уехала Вера Иосифовна, мальчик и командир, как друзья, долго сидели на брёвнах, приготовленных для ремонта конюшни. По-летнему медленно надвигались сумерки, где-то за казармой «скрипел» голосистый коростель, а они по-хорошему вспоминали то начальника таможни Успенского, то деда Отоя, то Веру Иосифовну с Томой... Вот уже и красноармейцы начали седлать коней, готовясь в ночной дозор: лошади тихонько ржали, позванивали стремена на затягиваемых подпругах, поскрипывали седла... И тут Пётр Мефодьевич, что-то вдруг вспомнив, быстрым шагом поднялся на крыльцо и скрылся в казарме. Вернулся он с небольшим, похожим на шкатулку предметом.

– Тебе это, Мангир! Вера Иосифовна просила передать...

Мангир осторожно принял из рук Дзензуры чёрный лакированный ящичек и ласково погладил его рукой. Ему уже приходилось иметь дело с этим волшебным предметом. Вот из него торчат две круглые ручки: если повернуть одну с загадочным названием «вариометр», то он начинает чудесным образом ловить невидимые радиоволны, если покрутить другую – эти волны начинают громче или тише звучать в круглых наушниках, которые надеваются на голову. Вера Иосифовна рассказывала, что здесь нет никакого волшебства, и что внутри ящичка закреплён искрящийся кристалл, в который воткнута серебряная иголка. И ещё говорила, что этот детекторный приемник пока, наверное, единственный на всю здешнюю необжитую саянскую тайгу. Вот только к нему нужна длинная-предлинная антенна из проволоки, натянутая между вершинами двух высоких деревьев...

А вскоре, в середине сентября, пограничники отправляли и Мангира в Минусинск. Оттуда он должен был ехать на учёбу в далёкий город Красноярск. Это Дзензура выхлопотал, чтобы Мангира взяли в красноярский интернат и пообещал, что пограничники будут шефствовать над ним: писать письма, присылать таёжные подарки, а то и в гости наведываться. Снаряжали Мангира всей заставой, погрузили в машину вещмешок с продуктами и нехитрыми пожитками, среди которых лежали бережно завёрнутые в рубаху чёрный лакированный ящичек и пограничная фуражка со звёздочкой – самая маленькая из всех, что оказались на складе. Когда прощались, верная Сапчы, жалобно скуля, все рвалась в машину, пока Дзензура не прицепил её на короткий ремённый поводок. Вот так и осталась она служить в погранотряде, рядом с могилой своего хозяина...

Когда Мангир, вытирая слезы, в последний раз оглянулся назад – туда, где уже скрылись за поворотом дороги и пограничники, и повизгивающая Сапчы, то на одном из каменных утёсов вдруг увидел застывшего чёрного марала. Ажо?! Это он, словно услышав какой-то зов или почувствовав своим большим сердцем обрывающуюся связь с близкими ему людьми, вышел из тайги на высокий утёс возле тракта. А может, согласно древним преданиям, он давал человеку знак, что удача не покинет его, и всё будет хорошо на очень непростом пути по жизни? Гордо вскинувший голову Ажо смотрел сверху на удаляющуюся машину и надолго, может быть, даже навсегда, прощался со своим верным другом. Как и Мангир прощался со своим домом, с друзьями-пограничниками и с верной Сапчы – он прощался со своим детством...

* * *

Сибирская зима зачастую приходит неожиданно. Только что было бабье лето, ласково пригревало солнце, тайга радовала золотыми красками осени, манила обилием грибов и ягод – и вдруг, за одну ночь, навалит столько снега, что под тяжестью его сгибаются податливые берёзы, опускают до земли свои ветви стройные пихты, ломаются хрупкие осины. И всё, кончилась благодать: сразу охотничьи тропы, что и летом-то лёгкими не назовёшь, становятся настоящим испытанием для тела и духа. Бывает, конечно, что не раз

ещё растает снег до настоящих ноябрьских морозов, прочно сковывающих ручьи и реки, а бывает, что упадёт в начале октября – и уже насовсем...

С вечера на Семиозёрской заставе вдруг повалил густой снег. Большие снежинки опускались медленно, как бы торжественно; осторожно ложились на ветви деревьев, не спешивших ещё сбрасывать листву; застилали пушистым покрывалом подсыхающую траву и зелёный мох. В наступившем раннем снегопредставлении деревья то ли с опаской, то ли, наоборот, с благоговением осторожно ловили ладошками жёлтых листьев позабытое за полгода чудо, примеряли новый зимний наряд. А закончился снег так же внезапно, как и начался, успев покрыть землю всего лишь на вершок да сказочно приодеть тайгу. Испуганные этим первым снегом деревья так и замерли в оцепенении, и только вода, сохранившая память о сковывающем ледяном панцире, не желала смириться: непривычно говорливые в наступившей тишине ручьи слизывали и смывали со своих берегов предвестник морозов, унося его как можно дальше вниз по течению...

А рано утром на заставу пришёл Ажо. Как-то проморгали его часовые: видимо, скрыла марала безлунная чернота ночи и заглушил шаги мягкий податливый снег? Ажо сильно прихрамывал на окровавленную переднюю ногу и устало лёг прямо на снег возле лошадиных стойл, всего в нескольких десятках метров от казармы. Он словно бы искал защиту у пограничников. Радостно повизгивая, первой подбежала к нему чуткая Сапчы – и тут же стала старательно вылизывать окровавленную ногу. Потом кинулась к казарме и громко залаяла, зовя на помощь людей.

Рано проснувшийся в это утро Дзензура выглянул из казармы на громкий лай собаки и, не одеваясь, без шапки, медленно подошёл к лежащему маралу, чтобы посмотреть, что случилось. Ажо лежал, устало положив голову на снег и поджав раненую ногу. Ему было очень больно, так больно, что из глаз катились слезы – но увидев приближающегося человека, он нашёл силы приподнять голову и легонько фыркнуть. По маленькому отверстию Дзензура сразу определил, что это пулевое ранение, причём пуля выпущена не из охотничьего ружья, а из винтовки либо карабина. Да и ка-

кой бы местный охотник стал стрелять в чёрного марала!? Это могла быть только бандитская пуля. Видимо, голодно стало в их лагере, раз кто-то решился на такое?..

Следы Ажо хорошо просматривались в неглубоком снегу, и Дзензуре пришла в голову мысль, что по ним, пока снег не растаял, можно выйти на бандитский лагерь. Тут же была поднята по тревоге вся застава: пограничники получили дополнительные патроны, гранаты, диски к пулемётам «Льюис». Бой мог завязаться нешуточный, но командир заставы заранее предвидел, что неожиданная атака и плотный огонь помогут быстро сломить сопротивление бандитов.

Так, по кровавому следу марала Ажо, а потом по следам неудачливых охотников и привела Сапчы пограничников прямо к лагерю неуловимой банды...

* * *

После взрывов гранат и яростной атаки пограничников мало кому из повыскакивавших из землянок удалось уйти от пули. Правда, после первой растерянности поднаторевшие в боевых стычках уцелевшие бандиты сгруппировались и попробовали прорваться через кольцо окружения. Но тут уж сказали своё решительное слово два «Льюиса», навечно уложив в октябрьский снег десятка полтора отчаянных, не боящихся ни Бога ни черта мужиков. Пули глухо ударились о землю, с визгом рикошетили от стволов деревьев, сбивали на снег ветки, а порой и мечущихся в панике людей. Ответные выстрелы звучали всё реже, а вскоре раздались и крики: «Не стреляйте! Мы сдаёмся!» Вот один из лежавших в снегу откинул в сторону карабин и, привстав на колени, поднял вверх руки, за ним второй, третий...

На том и завершился скоротечный бой, но, судя по следам, нескольким бандитам всё-таки удалось прорваться через кольцо пограничников. Дзензура бойцов не винил, ибо в этой кроваво-огненной «каше» за каждым мечущимся не уследишь. Он даже приказал не начинать погоню, потому как потери среди пограничников в результате преследования могли стать несоизмеримыми и неоправданными. Для отчаявшихся бандитов каждый камень, каждое дере-

во – это прикрытие, а преследующие всё время находятся на виду, под прицелом. Главное, что мишинской банды больше не существовало, и это была полная, окончательная победа.

Снова повалил густой снег, словно бы для того, чтобы скрыть следы человеческой крови, так не свойственной девственной, сказочно-белой тайге. Ещё не остывшие от боя пограничники собирали убитых и оружие, перевязывали раненых, с горечью подсчитывали собственные потери. Погиб от бандитской пули прошедший испытание Джойским порогом нижнетагилец Михаил Сюзев, тяжело ранен отчаянный комвзвода Григорий Степанов, легко ранены ещё трое пограничников, да и сам командир Дзензура побывал на волосок от смерти – пуля пробила фуражку чуть выше красной звёздочки...

* * *

Раненого в ногу Фэна прапорщик Спицын с Ведмедем несли на закукорках по очереди. Веса в низкорослом поджаром японце было немного, но по снежной целине даже дюжий Ведмедь выдыхался где-то через полверсты, шуплый же прапорщик и того быстрее. А останавливаться никак нельзя, потому как пограничники запросто могли организовать погоню по следу, да и собака у них, слышно было, лаяла. Хорошо ещё, что валил густой снег, который быстро скроет, заровняет все следы – вот тогда можно будет и расслабиться, и передохнуть.

Фэн ни словом, ни стоном не выдавал, что ему больно: лицо его, как и всегда, оставалось бесстрастным. Однако повязка и вся штанина от бедра до жёлтого кожаного сапога насквозь пропитались кровью. Явно была задета кость, потому как японец несколько раз терял сознание – когда кто-нибудь из несущих спотыкался и валился вместе со своей живой ношей в снег.

Вышли аккурат на пограничный столб. С чужой стороны, вдоль границы слабо просматривалась, скорее просто угадывалась по затёскам на деревьях засыпанная снегом тропка, редко посещаемая тувинскими цыриками-пограничниками. Пройдя ещё с полкилометра, Ведмедь огляделся по сторонам и, посадив раненого на сухую поваленную лесину, стал старательно оттирать снегом кровь с полы

короткого полушубка. Взгляд его был сумрачным, а в затвердевших скулах и в хмуром лице сквозила решимость. Потоптавшись на месте, Пашка глухо проговорил:

– Вам я не указ, а сам за границу не пойду! Велика Сибирь-матушка, найдётся и для меня местечко.

– Торопишься пулю от них получить? – ехидно спросил Спицын. – Даже не рассчитывай на прощение: таких, как ты, они без суда и следствия к стенке ставят!

– Да обещал я когда-то одному хорошему человеку у Колчака не служить, а с вами однако того хуже вляпался. Не сдержал, выходит, Пашка слово, крест на пуп...

– Ну и пошли с нами. Не пропадёшь, поди, – настаивал прапорщик.

– Нет, чую, пропаду на чужбине! – не соглашался Ведмедь. – А здесь может и поживу ещё. Бог не выдаст – свинья не съест.

Пашка Ведмедь повернулся спиной и устало зашагал назад, забирая в сторону от борозды полузасыпанных уже следов. Молчавший до этого Фэн бросил взгляд на Спицына и, ухватившись за него, поднялся, торопливо сунул руку за отворот полушубка, вытащил оттуда свой синий «браунинг» и, стоя на одной ноге, опираясь всем телом на прапорщика, стал тщательно целиться в уходящего всё дальше Ведмедя.

Негромко, как бы не по-настоящему, в морозном воздухе хлопнули два выстрела. Но тут боль сделала своё дело: японец застонал и выронил оружие в снег. А Ведмедь, сделав ещё пару шагов, словно бы натолкнулся на невидимую стену: замер, попытался повернуться – и медленно, неуклюже повалился на бок.

– Твоя добей его... – прохрипел Фэн.

Спицын недоуменно посмотрел на спутника, но ответил без колебаний, решительно:

– Я не палач, безоружных не добиваю!

– Нада стреляй голова! – настаивал японец.

– И так замёрзнет, если живой. Он вон даже не шевелится...

– Подай моя пистолета! – не попросил, а приказал Фэн. – Стреляй нада...

Закусив от боли губу, он долго целился в неподвижно лежащего шагах в сорока Ведмедя.

– Патроны побереги, – остановил его Спицын, – ещё как могут понадобиться. А этот всё одно не жилец. Если даже и не насмерть попал, всё одно замёрзнет...

Спицын устало переступил с ноги на ногу – и Фэн сполз на раненую ногу. Лицо японца мгновенно перекосила гримаса боли, и он, коротко вскрикнув, в очередной раз потерял сознание. Пистолет из безвольно повисшей руки снова выпал в снег...

* * *

Пашке Ведмедю не было холодно, и даже податливый снег под щекой казался тёплым. Это тепло, волна за волной, приходило откуда-то со спины и растекалось по всему телу. Вот только накачивающие волны, уходя, цепляли каждый раз безвольное сознание и пытались унести его с собой далеко-далеко. И тогда Пашка пугался, что оно исчезнет окончательно, не найдя дорогу назад. Каждый раз усилием воли, рождающим кратковременную боль в голове, он возвращал уплывающее сознание – и каждый раз оно приносило издалека новое видение...

..Вот Катя-Катерина идёт к нему по заснеженному полю: с распущенными волосами, босая и в одной лишь накинутой на голое тело тужурке. Подойдя вплотную и склонившись к самому уху, шепчет осуждающе, со слезами в голосе: «Что же ты наделал, Паша? Зачем уходишь, зачем ты меня снова оставляешь ненавистному Гольмеру?..» И слёзы её, капая сверху, прожигают, словно раскалённые угли, полушубок на спине, а потом и кожу...

..Следом сестрёнка Настёна с потемневшим от горя лицом, как бы проходя стороной, останавливается на миг напротив его, лежащего в снегу, и спрашивает осуждающе: «Что же ты, братец, сам привёз мне жениха, а не уберёг его от мучительной смерти? Сгинул мой Яшенька в тайге, закопали только его обгорелые косточки! И оставил ребёночка, о котором даже сам не знает, сироткой горемычной...» И, ничего не сказав боле, уходит Настёна дальше, горестно опустив голову...

..А потом вдруг откуда-то возникает подле Пашки Гольмер в своей неизменной кожанке, с наганом в неестественно переломленной руке и, устремив на Пашку свои неподвижные, как у мертвеца, гла-

за, говорит с неприкрытой злостью: «Наконец-то я тебя, Ведмедь, настиг! Говорил ведь тебе, что найду и не пожалею пули на контру недобитую! Сейчас мы тебя с товарищем Зайцевым поставим к кедре и приколотим к ней пулями большевистской справедливости, как когда-то приколачивали Христа». А возникший из-за его спины Зайцев, в длинной шинели и с перебинтованной головой, и ещё невесть откуда взявшийся конвоир Трифонов наводят на Пашку какие-то старинные берданы и, оттянув затворы, начинают заталкивать в патронники чудные патроны с длинной, как гвоздь, пулей...

Пашка ничего не может предпринять: ни ответить, ни даже пальцем пошевелить – его безвольное, распластанное на снегу тело не чувствует ничего, а сам он не испытывает ни малейшего страха. Потом опять подкрадывается тьма, в которой нет ни звуков, ни мыслей... Но из этой вязкой, засасывающей черноты Пашку выдёргивает осознание того, что кто-то переворачивает его на спину.

Видимо, снег под его раскалённой спиной начинает моментально таять, потому что Пашка ощущает, как по коже под полушубком течёт горячий ручеёк. В глазах понемногу светлеет, и в мерцающем зыбком тумане возникает незнакомое лицо: смуглое, скуластое, с узкими глазницами и абсолютно чёрными зрачками. Но это не японец Фэн, потому что глаза не пугающе холодные, а как будто бы даже сочувствующие. «Кто же это такой?» – начинает судорожно вспоминать Пашка, и от такого сильного напряжения забывает вовремя вернуть уплывающее в очередной раз сознание. Лицо незнакомца отдаляется, тонет в опустившейся всепоглощающей черноте...

Глава 20. Буржуй Кашин

Большинство людей стремятся к богатству. Они наивно полагают, что деньгами можно решить все проблемы – и лишь со временем убеждаются, что проблем становится ещё больше. Богатство, как незримая болезнь, подтачивает здоровье, отвращает друзей настоящих, а взамен окружает многочисленными угодниками и завистниками, и даже любовь всё больше становится неискренней, а потом и вовсе умирает. Многие, нашедшие старинные клады, прошли через эту болезнь, не имеющую, казалось бы, объяснения. Отсюда и родилось множество легенд о проклятиях, наложенных на клады теми, кто оставлял их. Ведь проклятиями давно умерших злодеев и несчастных проще всего объяснить то, что нежданное чужое богатство не дало тебе счастья. И кто же добровольно признается, что проклятие это до поры до времени было спрятано внутри каждого из нас, а богатство – это всего лишь дрожжи, на которых оно разрослось и подчинило душу человека. В таком действительно страшно и стыдно сознаваться...

Да, богатство, наряду со славой и властью, являлось и поныне является величайшим испытанием для человеческой души. Редкие испытываемые закаляются, словно металл, и с них осыпается поверхностная ржавчина, большинство же не выдерживают этого испепеляющего огня и сгорают бесследно, словно старая солома. Ни тепла от них, ни света – один дым. Ну что же, это тоже в планах Создателя, поскольку дым сразу рассеивается – и мир каждый раз становится только чище и прекрасней!

* * *

Год тому назад вдоль берега Енисея – от воды до самых вершин гор – прошёл страшный пал. До сих пор пологий склон чёрен от сажи, нет на нём ни травы, ни кустов, а лишь голые, прокопчённые стволы деревьев, словно свечки, торчат по всему склону. В основном лиственницы: прогонистые, ровные, одна к одной. Из таких не изба – загляденье! Правда, хоть и подсохли они на корню, но плот придётся вязать вперемежку с сухой пихтой. Ну ничего, пихта тоже в хозяйстве сгодится!

Илюха оглянулся на копошащихся возле кондового листвяка мужиков – соседей Ивана и Якова – и, размотав, закинул на струю очередную закидушку¹. Пока мужики вдвоём выбирают подходящие стволы и валят те, что поближе к воде, у него есть время для рыбалки. Там третьему только мешаться – он до поры вроде как и без надобности! А вот когда уже плот надо вязать, то там лишних рук не бывает.

Илюха глянул для порядка, на месте ли лодка, не отвязалась ли верёвка? Как плот закончат, мужикам до деревни Сизой на нём спускаться, а ему на этой лодке рядышком. Так, на всякий случай, поскольку мало ли чего случается на Енисее...

На закидушки с насаженной личинкой стрекозы хорошо шёл ленок. Крупный, кило по два! И как ленки на подобную страхотень могли польститься, Илюха диву давался – сам-то он такую чуду-юду в руки брал с брезгливостью, через силу. А вот на червя шла самая желанная добыча – стерлядка. Попадалась она, конечно, в подпорах многих ручьёв, но не так чтобы очень – от случая к случаю. А здесь шла пусть и не «валом», но довольно часто, так что за зорьку десяток, а то и два можно наловить. «Вот радость-то будет жене Анюте на день рождения!» – думал он.

Под этим крутым облазом, где высокая серая скала уходила вертикально в воду, он рыбачил уже не в первый раз. Дальше сходу не пройдёшь – слишком долго приходится карабкаться вверх, а потом опускаться к воде, да туда и соваться не стоит, поскольку там лесника Ефима законная, так сказать, территория. А мужик он шибко вредный и несдержанный – запросто может и с кулаками накинуться. Говорят, когда прошлой осенью военные в улове выше его избушки что-то долго искали, так он, как пёс Цербер, выше этого облаза никого из рыбаков не допускал вверх по Енисею. Несколько дней там с лодок красноармейцы кошками на верёвке по дну шарили, а порой и сами ныряли. Да разве ж от любопытного народа, от рыбаков что утаишь? Вскоре уже во всех окрестных деревнях знали, что ищут там утопленный в половодье ценный груз, и вроде бы даже как золото. Однако верить этому слуху или не верить, сказать трудно, ведь в Сибири почитай всё на золоте замешано: в тайге его тишком моют, из-за него и убивают, на нём же и богатеет кто-то фартовый...

¹ Длинная леска с грузилом на конце и обычно несколькими крючками.

Илюхе вдруг нестерпимо захотелось хоть одним глазком взглянуть на то роковое место. Всего-то и нужно пройти с десятков шагов по воде до скрывающего реку каменного выступа! Тем более, что низкая вода в этом месте, отступив, оголила скалу и омывала, как будто, лишь самое её подножье. Уходя, она оставила на полоске влажного ещё песка выбеленные солнцем и водой корявые сучки, кусочки кедровой коры и золотистые блёстки слюды.

Не отдавая себе отчёта в нужности этой затеи, Илюха разулся и пошёл по мелководу, чтобы попытаться заглянуть за скалу. Солнечные лучи косо пронизывали хрустально-прозрачную воду и по жёлтому дну мельтешили суматошные зайчики. Метрах в пяти пологое дно неожиданно резко обрывалось чёрной глубиной. Вот там-то, на границе светлого песка и густо замешанной черноты, Илюха разглядел коричневатый прямоугольный камень. Мало ли камней на речном дне, встречаются и такие вот прямоугольные, но сердце его почему-то ёкнуло. Оглядевшись по сторонам, он вернулся назад, торопливо разделся на песке и, сразу покрывшись гусиной кожей, вошёл в воду. Борясь с напористым течением, погрузился в обжигающий холод сначала до пояса, потом по грудь – и наконец-то ощутил под ногой странный камень. Однако пальцы ног уже потеряли чувствительность, и он так и не сумел определить, что же это такое. Попробовал дотянуться рукой – нет, глубоко! Собравшись с духом, набрал побольше воздуха и присел. Едва вода сомкнулась над головой, как от холода нестерпимо заломило в висках. Судорожно ткнул несколько раз рукой в дно и нащупал... ручку. Баул! Потянул находку вверх и, когда поднял тяжёлый баул над водой, окончательно поверил – золото!

* * *

Илюха, зайдя в избу, долго и старательно шаркал подошвами о половики и, не разуваясь, прошёл к столу. Анна неодобрительно глянула на него, потом, вопросительно, на свёкра – но так ничего и не сказала. А Илюха шмякнул прямо на стол – на добела выскобленные доски – двух крупных стерлядок и не утерпел, похвалился:

– Гля, Анюта, каких выудил! Для тебя, на именины постарался. Добытчик у тебя муж аль нет?

Анна не выдержала серьёзности – весело блеснула глазами, улыбнулась:

– Да уж кормилец, ничё не скажешь!

Тогда Илюха неловко – мешал большой живот жены – приобнял её, а сам подмигнул отцу и едва заметно мотнул головой в сторону сеней: выйди, мол – дело есть.

Выскочив вслед за отцом из избы, Илюха, не говоря ни слова, полез в угол сеней и стал рыться в ворохе пустых мешков. Вытащил большую холщовую сумку, с которой ходил всегда на рыбалку и достал из неё небольшой, но явно тяжёлый кожаный баул.

– Гляди, тятя, чё нашёл.

Пётр взял баул за ручку, покарябал ногтем уже основательно тронутый ржавчиной замок:

– Откудова?

– Да с Енисея! Под скалой ниже Джойского порога нашёл. Должно течением туда вынесло...

– А внутри-то чё? Смотрел поди?

– Да сразу поглядел: гвоздём поковырял малёхо – он и открылся. А сам-то по весу не чуешь?

– Да по весу можно и на золото подумать.

– Оно и есть! Полнёхонек баул...

Пристроив на скамейку, осторожно открыл Пётр баул. Так и есть – оно самое! Рыженький мелкий песочек, цену которому даже представить трудно.

– Это из того, из утопленного што ли? – ошарашенно спросил он.

– А откуда боле? Баул то, судя по всему, не сто лет в воде пролежал? – вопросом на вопрос ответил Илюха

– Дурья башка! – Пётр не сдержался, плюнул в сердцах. – А ежели видел кто тебя? Ведь ищут его, поди!

– Не, никто не видел. Я его сперва под коряжину спрятал, а как Иван-то с Яшкой на плоту отчалили, то в лодку перенёс. Кто знает, что у меня в сумке этой? Рыба и рыба...

Думал Илюха успокоить отца, но того будто из печи жаром обдало – опалило сердце недоброе предчувствие. Не по нутру, ох, не по нутру Петру сыновний поступок – чужое присвоить! Ну да что сделано, того уж назад не воротить! Хорошенько подумать надо, как теперь с этим золотом в беду не угодить...

* * *

У Петра уж который день всё из рук валится – мысли о проклятом золоте не дают ни минуты покоя. Сдавать властям – это получится себе дороже. Замучают ведь вопросами: когда нашёл? почему сразу не сообщил? а может того больше утаил? Так что с властью лучше не связываться. Совсем было уж порешил отвести его на место, где сын нашёл, но потом жаба задавила: а вдруг найдёт кто-то другой да пустит в оборот. Ведь богатство-то немалое, такого, если с умом распорядиться, на всю жизнь безбедную хватит. А вот как это, «с умом», чтобы не жалеть потом и локти не кусать?.. Ох и непростые, ох и растрёпанные мысли бродят в голове! Только когда смотрит Пётр на хлопчущую по дому невестку, ненадолго уходят плохие, а приходят успокаивающие: мол, всё утрясётся, всё как-нибудь решится по-хорошему.

– Может, поужинаете, тятенька, а то Илья сказал, что поздненько придёт?

У Петра от этих ласковых слов сердце обмирает. Смотрит он на хлопотунью Аннушку, и душа радуется за сына: самому пришлось бы выбирать жену для Илюхи – лучше невестки не сумел бы отыскать.

После смерти Натальи бирюком жил он все эти годы – не мог жену позабыть. Умом понимал, что Илюшке нужна мать, пусть и не родная, но перемочь себя не смог. Даже в мыслях не представлял, как появится в доме другая женщина, как будет спать рядом с ним на постели, казалось, всё ещё хранящей родной Натальин запах, как будет она перебирать вещи жены, стирая следы её рук, стирая саму память о ней. А вот, поди ж ты, невестка вошла в их холостяцкую семью легко, будто принёс её прошлым июнем с другого конца села тёплый ветерок. Вот ведь с утра до вечера на ногах – и весь день от неё тепло, радостно, как от солнечного лучика. И, главное, ничем она светлую Натальину память не нарушила.

– Аннушка!

– Чево, тятенька?

– Ты бы прилегла, отдохнула. Нелегко уж, поди, по хозяйству управляться?

– Ничё, дитё крепше будет.

То-то радостно на душе у Петра: и оттого, что внук скоро появится, и оттого, что неожиданно-негаданно богатство привалило. Так и подмывает сказать: «Богачи мы теперь, Анютка. Будем жить без горюшка!» Но – молчок! Баба и есть баба – ещё невзначай проболтается. Сыну-то, и то наказать стоит – ещё ляпнет где ненароком. Тогда махом золото отберут, и уж по головке не погладят. А так-то его надолго хватит. Помалу можно сдавать в только что открытый в Минусинске магазин «Торгсин», а деньги – на хозяйство. Если не жадовать, то ещё и внуку на всю жизнь хватит. «Где взял? – А намыл! Тут все моют, да не ко всем фарт приходит».

Вот так, приняв окончательное решение, мечтал Пётр весь день и вечер, хотя не раз в некотором смятении косился на пузатого буржуя, что щерился в злорадной усмешке на плакате, вручённом Илюхе за ударную работу. Красномордый буржуй в цилиндре и во фраке жадно обнимал мешок с золотыми монетами и своей ухмылкой как бы говорил: «Оба мы теперь с тобой, Кашин, одним миром мазаны!»

«Но я же не кровопивец! – то ли возражал эксплуататору, то ли себя успокаивал Пётр. – Удача просто свалилась...»

Но к той поре, как ложиться спать, шальная радость схлынула – начали снова терзать сомнения, правда, уже иного толка: нехорошо как-то он поступает, что всё себе. Вон Евдокия, всю жизнь промаялась и пятерых детей растит без мужа. Будто испытывает её судьба: бьёт, колотит, все жилы повытянула, до того обнищала сестра, что случись помирать – не в чем будет в гроб положить. Надо ей стопку золотого песку дать – на смертный час... Опять же Кузьма. Он хотя и двоюродный, а всё ж таки брат. Евдокия да он, вот и вся родня осталась. Кузьме с его культёй да с лёгким, немцами простреленным в Первую мировую, ни в жисть из бедности не выкарабкаться. А тут ещё корова у них занедужила, того гляди сдохнет... Да, надо и ему маленько отделить!

* * *

С того памятного дня прошло полмесяца. Они ужинали всей семьёй, когда раздался яростный лай пса Колчака. Пётр повернулся к окну... и прирос к лавке. У калитки стояли трое: участковый ми-

лиционер Нил Самойлов, с ним какой-то высокий военный, а впереди суетился колхозный председатель Яков Постнов.

Пётр сразу всё понял: это за золотом. Заметались мысли, словно всполошившиеся куры: «Откуда прознали? На Енисее кто Илюху видел? – Нет, давно бы уж пришли. Значит не оттуда беда. Евдокия или Кузьма? Кузьма неделю не встаёт – болеет, а Евдокия только вчера из Минусинска с богомолья вернулась. Она, не иначе?!»

А незваные гости уже в избу ввалились, и мордатый Нил-участковый прямо с порога бух, как обухом:

– Откуда у тебя, Кашин, золото взялось?

«Эх, Евдокия, Евдокия! Дура-баба! Говорил ей, говорил...» И, подавляя нервную дрожь, ответил неторопливо, как бы нехотя:

– Ясное дело, откуда... В тайге намыл.

– Где именно? – спросил военный, испытующе глядя из-под козырька фуражки.

– А где все моют? Кто по Кантегиру, кто по Голубой, а я вот по нашей речке Сизой золотишничал. Правда, небольшая яма была – всё в ней выбрал...

– Оно так, оно так, – зачастил председатель, – у нас многие летом старательствуют. И у каждого своё заветное место...

– И велик ли фарт? – перебил Якова военный, снисходительно усмехнувшись.

– Подфартило на сей раз, – Пётр попытался тоже улыбнуться, но губы были словно неживые. – Намыл аж две стопки: одну сестре Евдокии на бедность, другую себе на чёрный день оставил.

– Так две, говоришь? А где вторая?

– Где ж ей и быть-то? За иконкой на божнице стоит.

– Ну-ка, Самойлов, погляди там, – распорядился военный.

Нил прошёл в передний угол к божнице, снял лампаду и, повертев головой, пристроил её на подоконник. По очереди стал наклонять иконы и заглядывать за них.

– Ну, что там?

– Здесь, товарищ следователь!

Он осторожно поставил стопку на стол. Следователь достал из полевой сумки кожаный мешочек, как Петру сначала показалось –

кисет, положил перед собой, развязал. В мешочке тоже оказалось золото. Недолго разглядывал – сравнил и уверенно заключил:

– Тувинское. Несомненно.

Уставив на Петра немигающие бледно-голубого цвета глаза, спросил опять:

– Так где, говоришь, намыл?

– По Сизой.

– Вот и врѣшь! Золото это не здешнее, а из Тувы привезѣнное. Приѣмщик-то в Торгсине сразу приметил. Так что нечего рака за камень заводить – доставай остальное.

– Ей-богу, по Сизой мыл! Могу и место показать.

– Ну-у, Богу-то можно и соврать, а вот мне грешные люди всё равно правду выкладывают: кто раньше, кто позже... Так что не ты первый, не ты последний!

– Ты бы не запирался, Петруха, – встрял председатель, хуже ведь будет.

– Правду говорю, сизинское золото, – упорствовал Пётр.

Махнув рукой, следователь приказал участковому посадить Петра в подполье. Вскоре там же очутился Илья, а следом и Анна.

* * *

Хотя и июль месяц, а в подполье зябко. Анна в своём тоненьком платьице совсем замёрзла – слышно в темноте, как стучат её зубы. Уж и Илюха обнял, прижал жену к себе – нет, никак Аннушке не согреться. Сил нет у Петра слушать, как колотит её, бедняжку. Самого тоже потряхивает, но его не от холода – от проходящего возбуждения.

«Что же делать-то? Строил, строил в мыслях хоромы-терема, а упустил из виду, что можно по цвету определить, где песок намыт, – размышлял Пётр. – Слышал ведь от опытных старателей, да позабыл на грех! То-то приѣмщик сразу углядел! А, может, и предупреждѣн был об утопленном бауле... Конечно же, упреждѣн!.. А что же ему-то теперь делать? Ведь не придумаешь, не соврѣшь достоверно, как попало сюда золото из Тувы. И отпираться поздно: при свидетелях изъята стопка, что на божнице была при-

прятана. Если что, привезут сюда ещё и приёмщика торгсиновского. Куда ни, кинь – всюду клин!»

А если всё-таки запираяться, на своём стоять? – лезли в голову грешные мысли. – Ну, посадят... А дальше что? Вся беда в том, что и через десять лет не воспользуешься приметным золотом! Всё семейство на заметку возьмут – у них это просто! Хотя и в Туву уезжай – и там достанут...»

Защемила сердце жалось к Аннушке.

«Им-то что там, наверху, а тут ведь застудится девка, и дитё застудит! Даже сесть не на что. Часа три прошло – и уже мочи нет терпеть, каково же здесь всю ночь? Нет, придётся, видимо, отдать баул...»

Делать нечего, повинился Пётр перед сыном и невесткой за свою оплошность, открыл Анюте свою тайну.

– Да ну его, это золото, – решил Илья, не раздумывая, – отдай им – пусть подавятся, а то ведь заколеем мы тут!

– Они, раз пришли, всё одно теперь не отстанут, – поддержала невестка. – Неделью продержат, пока своего не добьются.

– Ладно, будь по-вашему, – наконец решился и Пётр.

Он ощупью поднялся по ступенькам лестницы, стал стучать в крышку подпола. Послышались шаги, крышка приподнялась, и в щели возникло заспанное лицо участкового.

– Чего грохачешь?

– Леший с ним, с золотом – покажу, где запрятано, только выпусти нас отсель.

Нил повернул круглую, словно капустный кочан, голову – глянул в угол, где стоит петрова кровать, буркнул:

– Спит следователь. Утром покажешь.

И захлопнул крышку. Пётр обомлел от неожиданности, потом снова стал долбить кулаком в шершавые половицы.

– Ну, чево тебе ещё? – прошипел участковый в узкую щель.

– Нил, выпусти нас ради Христа. Холодно ведь.

– Сторожи вас потом в избе – сидите уж там до утра.

– Ведь замёрзнем до утра.

– Ничево, не зима.

– Человек ты, Нил, али зверь?

– Я для советских граждан человек, а для мародёров и расхитителей народного добра – лютый враг!

Он опять хотел было захлопнуть крышку, но придержал, добавил зло:

– Ещё раз кто вякнет – в рыло дам!

* * *

Когда выпустили их утром, у Петра и то ни руки, ни ноги не гнулись – вытянула земля за ночь тепло из крови. А Анну вообще пришлось на руках выносить: посинела вся – и не может слова вымолвить.

А тут ещё одна напасть: на столе лежит тот самый баул. Нашли-таки, когда дом обыскивали. Теперь уже вроде как и не добровольная сдача получается... Хотел Пётр всю вину на себя принять, но сын опередил – во всём признался.

– Я ведь предупреждал, что у меня все раскалываются, – выспавшийся, довольный следователь потрогал подбородок, оглаживая проклюнувшуюся щетину, – вот вчера бы признались – записал бы добровольно, а теперь уж поздно.

Нил захекал, заклохтал, словно наседка, давясь смехом.

– Так что, считай, сами виноваты, – продолжил следователь, чему-то улыбаясь. – Сына твоего я задерживаю за мародёрство и расхищение социалистической собственности, а ты, Пётр Кашин, молись, чтобы всё золото сошлось, до грамма. Показывай-ка, где ещё спрятал?

Делать нечего, рассказал Пётр и про ту стопку, что брату Кузьме выделил. Сводили туда под конвоем, потом взвесили песок на старом контаре¹ – сошёлся, к счастью, общий вес. Составили следователь с участковым протокол, председатель Постнов свидетелем расписался. В сельсовете баул сургучом опечатали, потом Илью в машину усадили, и увёз его следователь в Минусинск. Остались Пётр с невесткой в осиротевшем и словно бы разорённом доме.

Прибегала вся в слезах Евдокия – повиниться. Не удержалась глупая баба в Минусинске от соблазна: больно уж понравилась ей цветастая гарусная шаль. Вот и понесла заветный узелок с песком в Торгсин. Выматерил её Пётр от души, а что ещё остаётся – дело-то не поправишь!

---

¹ Пружинные весы со стрелкой.

* * *

Вечером у невестки жар вдруг начался. Сходил Пётр за деревенской знахаркой, бабкой Акулиной. Всю ночь она от Аннушки не отходила – и травами поила, и уксусом растирала, а утром сказала горестно: «Иди, Петро за батюшкой. Должно, отходит твоя невестка. Пусть батюшка исповедует, чтобы открылись перед ней врата царства небесного».

Пётр до поповского дома шёл как сквозь чёрный туман, да и всё последующее виделось потом будто в пьяном угаре: восково-жёлтое Аннушкино лицо, сложенные поверх белого покрывала руки, ставшие непомерно длинными пальцы и зажатая между ними тонкая свечечка с неподвижным светляком пламени.

Словно закаменело всё у Петра внутри: ни мыслей, ни слёз – одно лишь нестерпимое жжение слева в груди. Поднял он глаза на стену, а оттуда, с плаката, зло скалится толстомордый участковый Нил, вместо милицейской фуражки зачем-то напяливший чёрный цилиндр, и словно бы страшит: «Ишь, перерожденец, лучше других жить захотел? Ан не выйдет! Всё отберу, а не захочешь отдавать – в тюрьме сгною!»

Как разошлись все после поминок, вышел Пётр из пустого дома на крыльцо, опустился без сил на ступеньку. Приплёлся пёс Колчак, ткнулся лобастой головой в ногу хозяина. Потянулся к нему Пётр рукой, но не осталось сил погладить – вместо этого зачерпнул с земли горсть сухого песка.

Смотрел, как сбегают между пальцами золотистые тонкие струйки, и вспомнились вдруг слова Евдокии: «Счастливый ты, Петро. Богатей теперь! Золотое счастье досталось, и только от самого теперь зависит, чтобы не упустить его – деньги, они ведь всегда к деньгам идут. Только и других не забывай – тебе за это от Бога зачтётся!»

– Вот и зачлось... – прошептал он, и вдруг повалится на ступени, завыл протяжно, дико: – А-а-а...

Так, что стоявший рядом пёс отскочил и испуганно зарычал.

Глава 21. Богословка

 ладкокарасёво, Волковойня, Чертокуличи – каких только вкусных, точных, образных названий не понапридумывал русский человек для своих поселений. Потом по прошествии многих лет будут ломать головы потомки тех первых поселенцев: откуда взял прадед ставшее теперь привычным, но непонятно откуда пришедшее в его мозговитую голову слово? В этом ряду такое название как Богословка ничем особенно не примечательно – сколько их и больших, и малых существует на бескрайних просторах России. Говорит оно лишь о том, что живут или жили когда-то здесь люди набожные, верящие в Бога...

Вот так получилось и с приенисейской деревней Богословкой. Не было никогда в ней ни попа, ни церкви, ни даже крохотной часовенки, которая могла бы оправдать название деревни, хотя жили в ней испокон люди старой веры или, как они себя сами называли, праведные. В восемнадцатом деревня не приняла большевистской «бесовской» власти и мужики ушли к Колчаку – да так и сгнули в большинстве своём где-то в бескрайней тайге. Остальные же, поняв, что с новой властью сходу не справишься, затаились, притихли, дожидаясь лучших времён. Правда, и нагрянувших в девятнадцатом партизан с обозом раненых не выдали, а кормили и лечили по Божьей заповеди целый месяц – до окончательной победы красных...

Единственной опорой в жизни для богословских жителей оставалась вера в Бога, к которой они всячески пытались привязать и ветреную – по мнению стариков – молодёжь. Так что даже в тридцатые годы Богословка оправдывала своё название как никогда, ибо не поколебала эту веру ни революция, ни коллективизация. Да и не бывало здесь никогда комсомольских агитаторов из города, так что и сами слова «коммунист» или «комсомолец» для большинства жителей не определяли что-то конкретное. Другое дело Господь Бог...

* * *

Невелика таёжная деревушка Богословка, а заглядывать в неё пожилому и опытному уполномоченному Николаю Трофимовичу Трофимову – в народе просто Трофимычу – доводилось частень-

ко. Всего-то два десятка дворов у черта на куличках, но дела там нередко случались и происходили крайне занимательные...

Начать с того, что уже после финской войны, осенью сорокового года, райотдел милиции в селе Бея получил сведения о наглых фактах самогоноварения в этом удалённом от районного центра и малонаселённом пункте. Властью такие дела, естественно, не поощрялись, посему Трофимыч незамедлительно был направлен в Богословку для наведения законного порядка.

Добрался он туда только ближе к вечеру. До бывшего Майнского рудника ехал от районной Беи на тряской машине-полуторке, а последние два десятка вёрст так и вообще, как говорится, «пешим строем» по причине практического отсутствия дороги. Проходя уже деревней и слушая остервенелый лай собак во дворах, уполномоченный профессионально подмечал любопытные и одновременно настороженные взгляды из-за ситцевых оконных занавесок, а то и поспешно захлопываемые ставни. Это его не удивляло, ибо мужики и бабы здесь боялись всегда и всех: полиции при царе, колчаковских солдат и красных партизан в гражданскую, бандитов в двадцатые годы и, уже по традиции, милицию в советское время.

Агентурные данные привели его прямёхонько к старенькой, потемневшей от времени избе Кузьмы Малышева. Не заходя во двор, Трофимыч уселся на толстенные сосновые бревна, сваленные возле ворот и, достав кiset, неторопливо и аккуратно свернул из газетной бумаги изрядную по величине «козью ножку». Набрал в неё из горсти крепчайшей минусинской махорки и закурил. Он не сомневался, что «преступник», встревоженный присутствием милицейского чина, сам добровольно выйдет из дома, как зверь на ловца.

Махорочный дымок ещё струился над уполномоченным, а подзреваемый Кузьма Малышев уже не выдержал – вежливо поздоровавшись, пристраивался рядышком на брёвнах. Это был мужик ещё молодой, рослый и видный, с аккуратными рыжеватыми усиками и, похоже, с очень крепкими нервами, во всяком случае он не суетился, не расспрашивал о службе и здоровье, а сидел молча, как бы просто составляя милиционеру компанию.

Окончательно уяснив это, уполномоченный времени попусту тетья не стал, а затоптал самокрутку и сходу приступил к дознанию:

– Стало быть, Кузьма Петрович, с финской войны вернулся ты с лёгкими ранениями и медалью? Про это мы знаем и героев уважаем... Только как же ты, боец Красной Армии, занялся таким незаконным делом, а? Самогонку вырабатываешь. Как теперь будем это дело прекращать: по совести, самолично представишь аппарат для ликвидации или искать будем? Крепко ведь запрятал, поди?..

Кузьма притворно вздохнул и заверил:

– Да уж крепче крепкого, Трофимыч. Поискать-то, конечно, можно, да ведь не найдём, потому как нету аппарата у меня. Самогоночкой, не скрою, иной раз пользуюсь, да ведь сам не гоню. Напралину кто-то возвёл на меня!

Самогонный аппарат искали долго и усердно. Искали втроём: сам уполномоченный, Кузьма и его молодая жена Веруха. Старались, осмотрели избу, подпол, сарай, сеновал и даже огород с луком и кочанами капусты. Уполномоченному порой даже казалось, что хозяевам самим хотелось найти эту чертову штуковину, и они были бы этому несказанно рады. Но найти так ничего и не довелось, только все притомились. Отчаявшийся Трофимыч засобирался уж и в обратный путь – и то, время к вечеру, а до Майнского рудника, где можно встретить попутный транспорт на Бею, ещё топать и топать. Но тут Веруха с Кузьмой стали уговаривать отобедать, а заодно и отужинать у них, да уж, понятное дело, и переночевать. А утречком по лесной дорожке да по холодку можно и в Майну...

– Обиды на тебя нет у нас, Трофимыч, – заверил Кузьма, – служба у тебя такая! Не сомневайся, оставайся на ужин и ночлег – чем богаты, тем и рады. Понимаем, нелёгкая у тебя служба, ох нелёгкая!

– Прямо скажем, собачья служба, что уж скрывать! – подтвердил уполномоченный. – Так что и впрямь останусь, ежели зла не держите...

Веруха немедля выставила на стол большую миску шей, варёную картошку, сковородку с яичницей, малосольные огурчики. При этом она раз за разом неуверенно поглядывала на мужа. Кузьма, о чём-то обстоятельно раздумывал, но в конце сборов на стол тоже вопросительно взглянул на жену и, наконец, решился:

– Ты как, Трофимыч, снять пробу не откажешься? Ей, ей, тройной перегонки... Чиста, как слеза Божьей матери, а уж крепка, как наши бойцы на финской говаривали, словно Советская власть!

Уполномоченный хотел было возмутиться и отклонить предложение, но, всё взвесив, лишь безнадежно махнул рукой. И тогда Веруха, лукаво улыбаясь, пошарила в поставце и присовокупила к закуске литровую бутылку кристально прозрачной «слезы».

За столом, выпив и разговорившись, поведал Кузьма гостю и о своём ранении на финской войне. Ранение-то он получил хотя и лёгкое, но чрезвычайно каверзное: словно острым топором отсекли у него враги один из пальцев правой руки. И ведь какой палец-то – именно указательный, который необходим каждому бойцу-красноармейцу для нажатия спускового крючка винтовки! Так сказать, важнейший инструмент для производства меткого выстрела по врагу.

Трофимыч даже невольно хмыкнул, с сомнением разглядывая покалеченную руку Кузьмы и, не удержавшись, ехидно поинтересовался:

– Как же это они исхитрились-то?

Кузьма только глубоко вздохнул, заранее ожидая, видимо, такой поворот в их застольном разговоре.

– Постарались вражины, что ни говори... Ох и натерпелся же я тогда, Трофимыч, с этим проклятым «лёгким» ранением!

А дело, как оказалось, было так. Лейтенанту-особисту тоже с самого начала всё представлялось ясным и понятным, поскольку ему неоднократно доводилось иметь дело с «самострельщиками» и «саморубщиками». Посему молодой лейтенант, допрашивая Кузьму, то и дело брезгливо морщился – а тот, заикаясь от волнения и страха, ведь ему явственно грозил трибунал военного суда, пытался подробно, не упуская малейших деталей, описать потерю своего ценного пальца. Из рассказа вырисовывалось, что в бетонном проходе финского дота, куда взвод красноармейцев ворвался для полнейшего уничтожения противника, он, Кузьма Малышев, схватился с двумя молодыми здоровенными «шнюцковцами». Сражение намечалось неравным, однако ему удалось сбить с ног одного из противников и даже навалиться на него сверху. Однако финн оказался парнем свирепым и вцепился, как собака, зубами в правую руку Кузьмы, отчего боец Красной Армии совсем не героически взвыл от боли и даже забыл на время про второго финна. В этот момент тот второй и оглушил его сзади прикладом автомата по го-

лове. А дальше Кузьма, естественно, ничего не помнил, поскольку полностью потерял сознание...

Лейтенант, недоверчиво усмехаясь, слушал красноармейца-сибиряка, размахивающего перед ним замотанной бинтами рукой. Но на то он и поставлен, чтобы ничего не принимать на веру, а оперативно проводить всевозможные расследования, поэтому срочно вызванному командиру взвода было приказано взять в сопровождение бойцов и досконально осмотреть бетонные переходы захваченного дота на предмет, так сказать, следственных поисков исчезнувшего пальца. Кузьму же на это время надлежало арестовать и содержать под вооружённым караулом. Таким вот образом Кузьма, с тревогой и даже с отчаяньем ожидал результатов осмотра проклятого дота, а заодно и решения своей несчастливой судьбы. Где-то через час взводный доложил, что искомого предмета, то есть одиночного красноармейского пальца, среди россыпи стреляных гильз да пустых консервных банок из-под тушёнки в бетонных переходах не обнаружилось. То есть пораненного Кузьму теперь уж непременно ожидал военный трибунал...

В этом месте Трофимыч вдруг сумрачно поглядел на рассказчику и решительно отодвинул от себя наполненный «слезой» стакан. Кузьма, заметив это движение, едва подавил улыбку, а Веруха вообще отреагировала крайне странно – прыснула в кулак. Правда тут же замолчала, поймав предупреждающий взгляд мужа, и посерьёзнала. Кузьма же, как ни в чём ни бывало, продолжил свой рассказ.

Тем временем, по его словам, приступили к допросу финских солдат, захваченных в плен. Для начала их тщательно обыскали, отобрав документы, зажигалки, сигареты и прочее мелкое личное имущество. И тут, как говорится «Бог не без милости, казак не без счастья» – в кармане одного из «шюцковцев» обнаружился отчленённый указательный палец правой руки красноармейца Малышева. Кузьму снова привели на допрос, и тут лейтенант-особист, задыхаясь уже не от злости, а от смеха, протянул злополучный палец хозяину.

– Твой?

Кузьма, узрев ещё недавно принадлежащую ему часть тела, разом сомлел и ощущая противную слабость в ногах, только и смог ответить:

– Однако мой, похоже? Ну и зубы же у этого вражины, ровно что у жеребца!..

Трофимыч, взгляд которого сразу подобрел, заулыбался и снова придвинул к себе стакан. Они чокнулись с Кузьмой под залиvistый и удивительно звонкий смех Верухи, не в первый раз слушавшей трагическую и одновременно комическую историю ранения своего мужа...

Наутро, ополоснувшись студёной водой из журчащего рядом с избой таёжного ручья и побаловавшись с хозяевами чаем, Трофимыч пожал им руки на прощание.

– Ну, пребывайте в согласии. Придётся доложить начальству, что командировка моя оказалась напрасной. Поклёп на тебя возвел одна гнида, Кузьма... Сам, поди, догадаешься кто, а я сказать, сам понимаешь, не имею права...

Хозяин в раздумье почесал затылок.

– Да есть у меня одно соображение, Трофимыч... Скорее всего, что верное. Избу-то эту мы с Верухой купили всего полгода назад, как я по ранению вернулся. Избу и огород вместе с ней. Старый-то хозяин, Игнатий Лешаков помер, так старуха его с сыном нам и продала. Сами они на жительство к родичам поехали, в Белый Яр кажись?..

Уполномоченный, совсем уж было собравшийся уходить, вдруг заинтересовался.

– Знал я однако Игната Лешакова. Точно что леший... Он ещё в тридцатом году с бандитами путался. Мы ведь в ту пору здесь, в Богословке, последнюю в нашей округе банду накрыли, а то и последнюю во всей Хакасии. Но Лешаков вернулся через какое-то время домой, за недоказанностью отпустили...

– Вот, стало быть, мне и думается, – развивал свою мысль Кузьма, – зачем, значит, две недели тому назад заявился к нам с Верухой из Белого Яра племянничек покойного Лешакова? Пожелал он избу дядькину назад откупить. Разберу, говорит, избёнку на вывоз... Старуха, толкует, очень убивается, что запрдала отчий дом! Но мы с женой ни в какую, потому как, Трофимыч, ребёнка по весне ждём...

– И много предлагал? – поинтересовался уполномоченный.

– Так ведь двойную, а потом и тройную цену давал! Кошелём кожаным тугим перед носом махал. А как окончательного согласия не получил, то разошёлся, страшать стал. «Ну, глядите, говорит, дураки, опосля жалеть будете! Я вас в таком разе непременно под монастырь подведу, а то и ещё похуже!» Едва я ему по шеям не навалял, на том и расстались...

Разговор у Кузьмы с Трофимычем получился крайне содержательный, отчего и Веруха, не удержавшись, вмешалась:

– А что там в избе-то? Может, золотишко припрятано? То-то бы найти, как славно бы было...

На предположение жены Кузьма досадливо поморщился и привёл убедительный контраргумент:

– Самим её, что ли, разбирать теперь на вывоз? Так куда поедет-то?..

Для решения дальнейшей судьбы загадочной избы Трофимыч с Кузьмой снова уселись на уже известные бревна и задымили самокрутками.

– Золотишко, это навряд ли... Старуха бы знала и избу ни за что бы не продала, – размышлял вслух уполномоченный. – А вот племяш Лешаковский... Он что-то припомнил, не иначе? Давай-ка, хозяин, ещё раз во двор заглянем, на вашу ценную избу полюбуемся.

Все трое вернулись во двор. С новым интересом оглядывая маленькую, невзрачную избушку, обошли её всю кругом и снова остановились возле крыльца.

– Изба как изба, – недоуменно развёл руками Кузьма. – И к чему за неё лешаковскому племяшу тройную цену назначать?

– Изба как изба, – согласился Трофимыч. – Окошки как окошки... Ставни как ставни и крыша как крыша... И крыльцо, на первый взгляд, как крыльцо... Разве что для такой избушки шибко высокое, да и неоправданно широковатое. Аж о пяти ступеньках, да из толстенных досок, можно сказать из плах. Однако же и заметно поновей избушки будет крыльцо...

– Так, может, старое прогнило?..

– И зачем это им такое крыльцо понадобилось? – обратился уполномоченный к Кузьме с неожиданным вопросом. – К чему здесь такое мощное сооружение?.. Так что как хочешь, хозяин, а тащи-

ка сюда топор и ломик, потому как любопытство меня разбирает. Живо тащи сюда плотницкий инструмент!

Разваленное в один миг крыльцо явило совершенно неожиданную, даже для уполномоченного, картину: зловеще поглядывая на белый свет зрачком дульного отверстия, на подгнивших досках стоял слегка поржавевший, тупорылый пулемёт «Максим», а рядышком тесно прижимались друг к дружке железные коробки с патронными лентами. Там же оказались и два коротких кавалерийских карабина, обильно смазанные маслом и замотанные в промасленные тряпки, четыре цинковых ящика с винтовочными патронами, деревянный ящик с круглыми гранатами-лимонками. Только вот золотишка, к великому огорчению хотя и перепугавшейся, но практичной Верухи под крыльцом не оказалось.

Побледневший при виде такой негаданной находки Кузьма спросил, заикаясь:

– Это что же мне... теперь? Опять в особый отдел?.. Скажи ты мне, Трофимыч?!

– Обязательно, – подтвердил тот. – Только не тебе, а Лешаковскому племяннику из Белого Яра...

* * *

Запомнилась милиционеру Трофимычу и ещё одна поездка в Богословку, но это уже в военном сорок третьем...

Почти что в каждой сибирской деревне, да и по всей Руси-матушке, наверное, есть свои «убогие люди» – дурачки либо дурочки, обижать которых считается большим, даже непростительным грехом. Над блаженными не смеются, не обзывают их неласковыми словами, а всем обществом кормят и одевают, пусть и в старенькие, но чистые и от чистой души даримые одёжки. Озорных же мальчишек – что возьмёшь с глупых несмышлёнышей – норовящих порой поддразнить убогого, нещадно дерут за уши...

Вот и в деревне Богословке жил Федя-дурачок – безобидный и добрейший двадцатипятилетний парень: всегда улыбающийся, услужливый, готовый любому наколоть дров и принести воды. Откуда-то пришёл перед самой войной, да так и прижился. Поселился он в брошенной хозяевами полуразвалившейся избушке, правда ночевал в ней только в холодное время года, а с ранней весны

до поздней осени пропадал сутками в тайге, которая его и кормила, и кров давала. Когда же в начале лета по лесным полянкам появлялись самые первые, ещё крохотные грибы-маслята, Федя раньше всех набирал их большую торбу и приносил безногому Федотычу и слепой тётке Марфе. Порадовать калек, самых по Фединому мнению обделённых во всей деревне, было для него большой радостью.

За тихость и незлобивость Федю в Богословке даже любили, и при встрече подкармливали краюхой свежееиспечённого хлеба с кружкой парного молока. Улыбчивого дурачка, как малого ребёнка, нередко одаривали небольшим куском сахара, а то и привезённой кем-нибудь из района магазинной конфетой. Конфеты он неизменно прятал в карман, чтобы потом поделиться с местной ребятнёй. Те же, в свою очередь, никогда его не дразнили и даже принимали в свои мальчишеские игры, в которых дурачок участвовал с полной самоотдачей...

В сорок первом году на войну с фашистами забрали из Богословки всех молодых мужиков, а в начале сорок третьего призывали и почтальона Ивана Филатова, раз в неделю доставлявшего из села Означенное пару газет или редкое письмо. Он же приносил некоторым старикам их скудные пенсионные рубли. Вот тогда, по возникшей нужде, вспомнили о дурачке, ибо честности и старательности он был необыкновенной. Перед отправкой на фронт Филатов от лица всей деревни предложил начальству Федю на своё место – и начальник Означенской почты вручил новому почтальону брезентовую сумку для корреспонденции, надел на голову новенькую, с блестящим козырьком, синюю фуражку почтового ведомства и определил полагающееся жалование.

Ещё никогда в жизни не был Федя так счастлив. Каждый понедельник приносил он теперь в деревню свежие номера газеты «Известия» для Кузьмы Малышева и нечастые весточки от солдат-фронтовиков семьям. А форменную фуражку носил постоянно и неохотно менял на ушанку только в самые лютые сибирские морозы.

Эти сложенные треугольником, помеченные чёрным штемпелем с надписью «Просмотрено военной цензурой», написанные по большей части карандашом письма приносили настоящий праздник в тот дом, куда были адресованы. Поэтому Федя входил в избу

радостно улыбаясь, снимал свою фуражку, важно присаживался на лавку и неспешно извлекал из сумки заветный треугольничек...

Грамотеев в деревне было не густо, поэтому их спешно разыскивали, торопили, вели через деревню. И слушали фронтовую весточку чуть ли не всей деревней, да и не один раз. И хозяева, и соседи жадно ловили каждое слово «с позиций», а Федя в это время пил из крынки холодное молоко, заедая доброй краюхой хлеба – счастливый и довольный уважительным отношением к себе людей.

После прочтения письма обычно приходила очередь Кузьмы Малышева. Развернув «Известия», он с выражением читал военную сводку на первой странице:

– От советского информбюро. Наши войска за прошедшие сутки уничтожили до двух батальонов живой силы противника. Огнем зенитных батарей и в воздушных боях сбито семь самолётов «Юнкерс», четыре «Мессершмитта». Сожжено десять танков противника и одно самоходное орудие «Фердинанд»...

Тут богомольная и беспробудно тёмная, но до крайности любопытная старуха Акулина Филимоновна, не выдержав, интересовалась:

– А хто это за такой, Кузьма Петрович, «Пердинат» этот? Поди, который газы пуцщает?

Все присутствующие поднимали вопрошающие глаза на грамотея Кузьму, так что по ходу чтения бывшему красноармейцу, воевавшему в тридцать девятом с белофиннами и посмотревшему мир, нередко приходилось давать пояснения. И он, прервав чтение, как умел, просвещал старуху, муж которой в Первую мировую умер от германских газов.

– Не «Пердинат», Филимоновна, а «Фердинанд»! Врать не буду, на финской его не встречал, но, полагаю, что он вроде как танк здоровенный. Газов не пускает, просто само едет, само давит, само из пушки стреляет. Самоходное орудие, одним словом... Твою избушку, к примеру, такой враз изничтожит...

– Господи, страсти небесные! – пугалась Акулина Филимоновна. – А сараюшку?

– И сараюшку заодно.

– А курятник?

– Ну, курятник, бабка, в первую очередь. Только пух и перья полетят! – сердился в конце концов на дотошную старуху Кузьма.

– Свят, свят, свят! – истово крестилась Акулина Филимоновна. – Ишь, злодей-то, злодей какой этот «Пердинат»! Пошто курей-то извергу изничтожать?..

Война полыхала, громыхала на западе, где-то далеко за Уралом – но плескала по всей России страшными волнами смерти. Деревушка же Богословка жила в это время своей таёжной жизнью: нужно было не только ждать возвращения с фронта сыновей и мужей, но и кормить малых ребятишек. Правда, всерьёз голодать в сибирской тайге станут только ленивый да нерадивый, потому как она всех выручает ягодами, грибами, кедровым орехом, а то и мясом кабарги либо марала побалуует. Только вот без мужиков-кормильцев за столом всё больше пост...

Каждый понедельник деревушка с надеждой ожидала Федю-письмоносца: с его неизменной лучезарной улыбкой и брезентовой сумкой, с долгожданными треугольниками солдатских писем. Но, однажды, Федя из Означенного с почтой не пришёл...

Весь вечер понедельника, до глухой темноты ждали в деревне письмоносца. Пуще всех беспокоилась Акулина Филимоновна, в избе у которой, по своему сиротству, ютился теперь в крохотной комнатке Федя. Да и как тут не волноваться, ведь не было до сих пор случая, чтобы он не пришёл в срок. Три десятка вёрст по знакомой дороге от Означенного были Феде всегда нипочём, хоть бы и в крошечной тьме; даже во вьюжные зимние дни, даже под проливным холодным дождём. Издали, бывало, узнавали о его приближении по громко распеваемым озорным частушкам:

Шёл я лесом, видел беса –
Бес картошечку варил:
Котелок на сук повесил,
А из ж... дым валил...

К неприличным Фединым частушкам привыкли, и никто его за них не осуждал – что поделать, если других он просто не знал...

И вот впервые Федя в деревню не пришёл. Ждали его, всей деревней тревожась, и на следующее утро: может, заночевал в Озна-

ченном или по дороге в Майне? Бабы, ожидавшие весточек от своих мужей-солдатушек, поначалу костерили почтальона самыми непередаваемыми словами и даже порешили уволить его с должности. Но и на второй день он не появился тоже. Поджидали, всё меньше надеясь, его и на третий день... Уже нехорошее прикидывали: то ли медведь задрал, то ли волки? Хотя, с другой стороны, беды такой в окрестностях Богословки давненько не случалось, и куда опасней лесных хищников признавались дезертиры. Ходили слухи, будто бы милиционер Трофимыч предупреждал, что, по секретным сведениям, они в окрестной тайге очень даже предполагались. Правда, доподлинно их ещё никто не видел, но кто знает – тайга она и есть тайга...

На четвёртые сутки, более не медля, засобиравшись в дорогу Кузьма Малышев: на почту в Означенное, а то и в отдалённую Бюю, где находился райотдел милиции.

Но пока они с участковым Трофимычем добирались из Беи до Богословки, уже нечего было и расследовать – история неожиданно разрешилась само собой. А прояснили дело бабка Костиha с девками, когда собирали по краю сенокосной поляны духмяную, назревшую уже землянику. Там в кустах они и изловили прятавшегося письмоноса, с его неизменными фуражкой и брезентовой сумкой. Чуть живой, вконец изголодавшийся, рыдая и размазывая слезы, Федя дрожащей рукой протянул им тонкую пачку серых казённых конвертов. Это были не солдатские письма – это были четыре зловещие фронтовые похоронки. Сразу четыре на одиннадцать богословских дворов. Вот и отрешайте, бабы, теперь от должности почтальона, убогого Федю-дурачка!..

А уполномоченному Трофимову пришлось-таки вскорости снова оказаться в Богословке, но теперь уже по делу, можно сказать, государственной важности. Кузьма Малышев через несколько дней после случая с Федей-почтальоном приехал в милицию и рассказал совершенно невероятную историю: старухе Акулине кто-то подбросил увесистый мешочек золотого песка. Утром якобы вышла бабка на крыльцо – а в уголке лежит метёлкой прикрытый «гостинец». Еле подняла его старая Акулина, а когда развязала сыромятный ремешок, то от золотого блеска в глазах на землю так и села. Была

в грубо сшитом холстяном мешочке и записка, которую она принесла соседу, Кузьме Малышеву.

А была записка такого содержания: «Золото передай в милицию на постройку танка али самолёта. Только пренебреженно с них расписку письменную потребуй. А ежели, не дай Бог, не передашь или для себя утаишь, то гореть тебе грешнице в геенне огненной вечно. А коли ты Бога не боишься, то на земле я сам с тебя спрошу по всей строгости военного времени, крест на пуп».

Вот и приехал Кузьма срочным порядком с тяжёлым мешочком и странной запиской в милицию. Уполномоченный долго вертел написанную химическим карандашом на мятом клочке серой бумаги записку, потом спросил Кузьму:

– Сам-то что думаешь? Кто мог из ваших, из деревенских?

– Ума не приложу. Судя по записке, мужик писал... А из грамотных мужиков на сегодняшний момент в деревне я один остался.

– Ну, это могла и баба – сама, или под диктовку.

– Могла. Только ведь столь золота намыть, это надо долго в тайге пропадать, а у нас никто, вроде бы, надолго не отлучался.

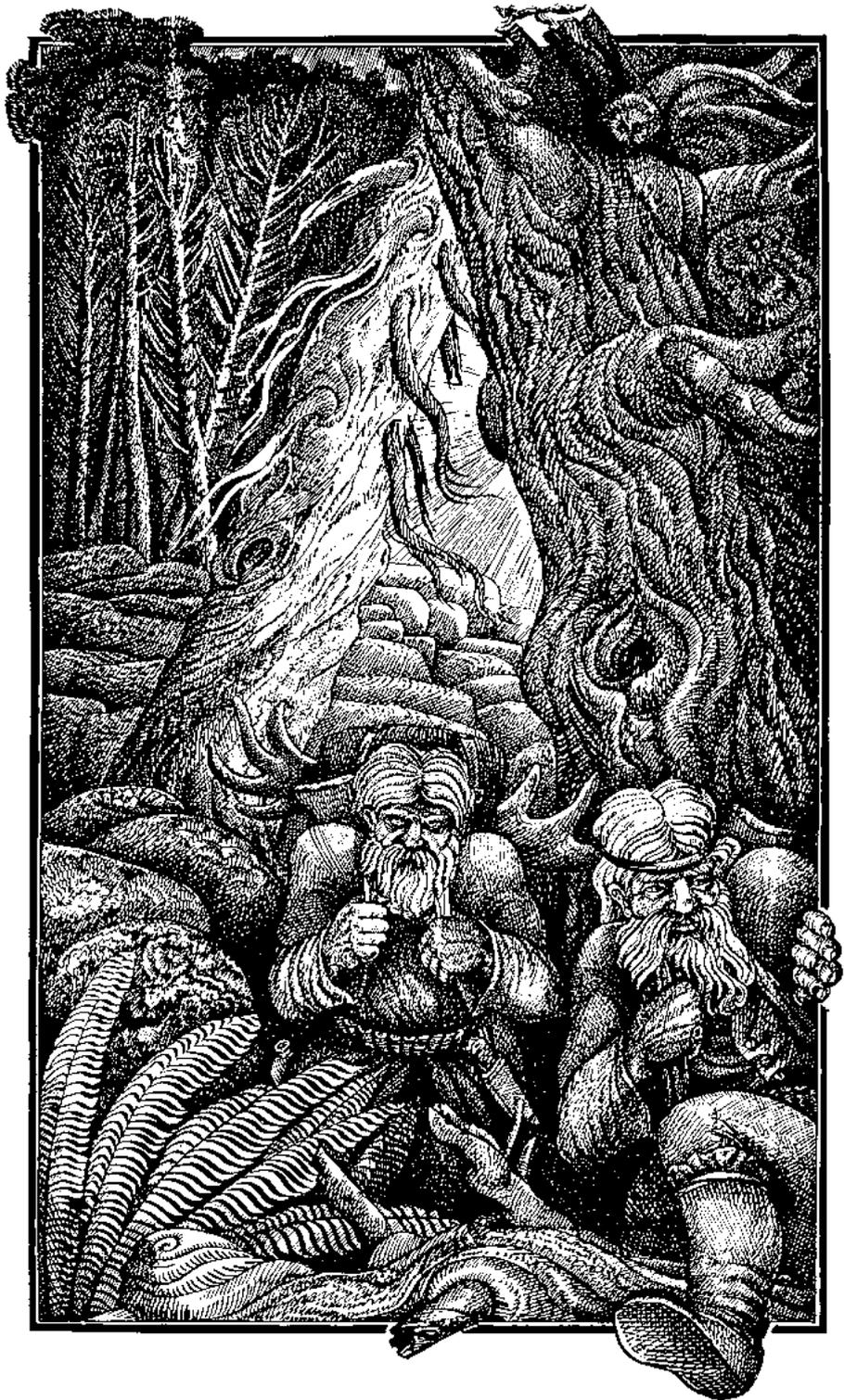
– Может, у кого из старых ещё запасов? – засомневался уполномоченный. – Хранили на чёрный день, а сейчас совесть заговорила...

– Тогда могла бы и сама, пожалуй, передать. За такой солидный взнос большая, поди, благодарность от властей полагается?

– А вот тут ты ошибаешься, Кузьма! Знаешь ведь бабий ум: как бы чего худого не вышло для семьи, али для мужика, который на фронте. Старику-то или там старухе чего уж бояться?

– Тогда пожалуй что и баба... – согласился Кузьма.

На том и порешили. И в объяснительной уполномоченный написал: мол передано некой жительницей Богословки, пожелавшей остаться неизвестной, на нужды фронта. Для очистки совести всё-таки прошёлся на третий день с расспросами по домам. Как и ожидал, история эта ничуть не прояснилась, а расписку для бабки Акулины Кузьма Малышев с него всё-таки требовал. Когда же через несколько месяцев на бабкином крыльце объявился ещё один тяжёлый мешочек, этому уже особенно не удивились ни Кузьма, ни уполномоченный, ни даже сама бабка Акулина...

Глава 22. Мираж золотого каравана

Кержаки, раскольники, староверы – каких только названий не бытовало для старообрядцев по Сибири. Если же перечислять многочисленные толки, то не мудрено и вообще запутаться, ибо вплоть до сегодняшнего дня сохранились такие старообрядческие общины, как поповцы и беспоповцы, федосеевцы и филипповцы, спасово согласие, странническое согласие, часовенное...

Движение сторонников старой веры или «раскол» возникло как извечный протест русского человека против насилия. Введение новых обрядов и богослужение по исправленным книгам многие восприняли в семнадцатом веке как введение другой религии, отличной от «истинно православной», и как покушение на единственное, что не во власти богатых и всесильных – на русскую духовность.

Даже в уездном городе Минусинске до революции существовала старообрядческая церковь, а населявшие эти земли казаки в значительной своей массе так и оставались старообрядцами или, хотя бы, причисляли себя к их потомкам. К началу двадцатого столетия именно в Сибири проживала основная их масса, и в издаваемом до революции журнале «Церковь» были приведены данные, что старообрядческие корни имеет треть здешнего населения. В освоении бывших кыргызских земель старообрядцы сыграли тоже немаловажную, если не сказать главенствующую роль, и причинами их переселения на территорию верхнего Енисея из южных районов Красноярья стали поиски страны Беловодья – той самой «земли обетованной», а также революционные события, гражданская война и коллективизация. Скрываясь от государственных органов власти, старообрядцы расселялись в самых необжитых местах, но даже живя скрытно, своей хозяйственной деятельностью они приносили большую пользу государству: обосновывались на берегах затерянных в тайге сибирских рек, строили селения и заводили пашни...

Во многих таёжных районах и поныне существуют старообрядческие поселения со своими церквями, а то и с укромными таёжными скитами. Болезни общества практически не коснулись их мира, и даже в самое безнравственное время именно старообрядческая среда несла в себе духовность и исконно национальные традиции. Они не употре-

бляют алкоголь, не курят, не сквернословят, живут большими семьями; они сохранили веру в Бога, патриархальный уклад жизни, культуру земледелия, старинные обряды и традиции. А самое главное, они сохранили назначенные заповедями мировосприятие и нравственные устои, и семейный уклад их направлен на формирование таких важных человеческих черт, как трудолюбие, терпение, уважение старших.

Что и говорить, истинная вера в Бога и библейские заповеди учат правильному отношению к людям, к природе и к труду гораздо лучше, чем надуманный Кодекс строителя коммунизма...

* * *

В начале осени сорок пятого года в хакасскую милицию пришёл приказ провести рейд вверх по притоку Енисея – реке Абакан с целью выявления поселений дезертиров и ареста последних. Война закончилась, опытных сотрудников в милиции заметно прибавилось, так что наступил черёд разобратся с изменниками, которые вместо того, чтобы проливать кровь на фронте, трусливо отсиживались всю войну по таёжным заимкам. Поступило и негласное указание: особо не церемониться и, в случае оказания сопротивления, уничтожать этих предателей Родины на месте без всякого сожаления.

Отряд отправили небольшой, всего-то десяток человек, но все с автоматами, а впридачу ещё выдали два пулемёта Дегтярёва да ящик гранат. С таким оружием, ясное дело, и сотня дезертиров не страшна, да и понимали милиционеры, что не решатся те применять против них оружие. Не полные же они идиоты: так лишь лагерь грозит, а пролитая кровь представителей власти – это уже гарантированная вышка. Командиром назначили только что вернувшегося с фронта капитана Султрекова: лихого командира дивизионной разведки, о боевых делах которого красноречиво говорили несколько боевых орденов. Тем более, что капитану и проводник не нужен был – несколько раз довелось ему побывать в верховьях Абакана ещё в гражданскую.

Почти двести километров от города Абакана до бывшего железного рудника Абаза тряслись милиционеры на стареньком автобусе. С собой везли и три лодочных мотора, в расчёте заполучить лодки у охотников и рыбаков уже на месте. Как и предполагалось, от посёлка плыли вверх по сильно обмелевшей в это время года реке уже на трёх длинных деревянных посудинах. Моторы были слабосиль-

ные, так что приходилось милиционерам то и дело толкаться ше-стами, а кое-где спрыгивать на берег и, взяв в руки верёвки, пре-вращаться в бурлаков.

– Ничего, – подбадривал с передней лодки капитан Султреков. – зато вниз полетим как на крыльях! Сиди себе, да за борт поплёвы-вай. А дезертиров, ежели много наберётся, на плот посадим. Пусть сами его и построят себе...

По пути осматривали все охотничьи избушки, расположенные по обоим берегам в довольно иногда укромных местах. С воды их ни за что не углядишь, так что если бы не подробная карта с по-метками самих абазинских охотников, отыскать их было бы крайне затруднительно. В осмотренных зимовьях нехитрый охотничий скарб, кой-какие запасы продуктов, оставшихся ещё с прошлой зимы – и никаких следов искомых дезертиров. Да оно и понятно: наверняка забрались в самые верховья, в надежде, что их там сам чёрт не сыщет!

Вот слева вливается в Абакан быстрая Она, а вот уже и развилка с Малым Абаканом – дальше места пойдут совсем глухие, да и река становится всё мелководней, а притоки всё уже и пенистей. Здесь, в тесном извилистом каньоне Большой Абакан с шумом несёт свои стремительные воды, лишь иногда дробясь на протоки, частично за-битые принесёнными в весеннее половодье деревьями. Приходится глядеть в оба: то под одним, то под другим берегом вскипают пен-ными бурунами подводные камни, нередко подстерегают и скло-нившиеся до самой воды высохшие суковатые деревья, называемые «расчёсками». Стоит зазеваться, особенно когда спускаешься уже вниз по реке – так «причешут», что дай Бог живу остаться.

На третий день, ближе к вечеру по правому берегу открылась вы-сокая, с заснеженной вершиной, гора Шонхыр. И как только прошли огибающий гору, стремительно врывающийся в Абакан ручей Кокя-жам, издали на левом берегу заметили человека с удочкой. Капитан поспешно приставил к глазам бинокль и успел разглядеть стоящего в воде молодого парня в закатанных до колен штанах и в длинной рубахе навыпуск, а рядом, на галечниковой косе – девчущку лет де-сяти в какой-то мешковине до самых пят и с берестяным коробом.

Но пока проходили опасный пережат, рыбаков словно ветром сдуло. Зато открылся в устье ручья Еринат сначала бревенчатый ла-

баз на столбах, а потом, чуть дальше, среди буйства высокой травы и приземистая изба с крохотным оконцем. Милиционеры передёрнули затворы автоматов и направили лодки к берегу.

Из избы неспешно вышел невысокий бородатый мужик в необычного покроя островерхой шапке, в длинной домотканой рубашке, залатанных штанах и самошитых кожаных ичигах, подвязанных верёвочками ниже колен – ни дать ни взять русский мужик-бедняк из старинной сказки. Замер на тропке, спускавшейся к воде и стал внимательно, из-под ладони разглядывать подходивших военных.

– Здоровы будете, люди добрые, – поздоровался первым странный мужичок, щурясь от солнца, потом, приложив правую ладонь к груди, поклонился низко, едва ли не в пояс.

– Кто таков? – грозно спросил Султреков вместо приветствия.

– Лыковы мы... Карпом крещён.

– А по батюшке как тебя?

– Родителя-то Осипом величали...

– Ну так что, Карп Осипович, в доме ещё есть кто?

– Акулина с детьми малыми.

– А кто там был на берегу?

– Да то сын Савин со старшенькой харюза удили...

– А почто пугливые такие? Куда исчезли-то?

– Мы тут людей не часто зрим, так што остерегаемся. Люди-то всякие...

– В том-то и дело, что всякие! – недовольно перебил капитан. – Чужих нет поблизости? Может, видал или рассказывал кто?

– Кто тута расскажет, коль на отшибе живём? А видать видал: порой проплывают туды-сюды на долблёнках, а то и пешим ходом хто. Но нашинское дело сторона: мы их ни об чём не пытаем, и оне, слава Богу, нас не трогают...

– Ну, ну... – усмехнулся капитан. – Хорошо вы тут устроились, мать вашу! Ничего не вижу, ничего не слышу, наше дело сторона... Ты однако сам-то какой веры будешь?

– Старой, православной веры...

– Это я и так понял, – повысил голос Султреков. – А согласия-то какого?

– Бегунского мы толку...

– Понятно. Значит и документов никаких, пусть даже и церковных?

– Нету, – смиренно согласился Карп и перекрестился.

– Ну, ну... – капитан снова недобро усмехнулся.

Дальше плыть, в неизвестность и на ночь глядя, было безрасудно, поэтому капитан дал указание устраиваться на ночлег. Зная, что не больно-то любят старoverы, когда посторонние заходят в их дом, тем не менее, открыл дверь и заглянул в избушку. Убранство внутри было небогатое, даже посуда сплошь деревянная, а по углам и под широкими лавками теснились многочисленные берестяные короба. Но на выскобленном добела столе лежала открытая старинная книга в кожаном переплёте, а рядом на лавке – ещё несколько. Не старая ещё женщина в самотканом длинном платье и наглухо повязанном самотканом же платке зыркнула на него чёрными, как ночь глазами, но ничего не сказала и продолжила качать люльку. Длинный очеп¹, на котором была подвешена люлька, мерно поскрипывал в тишине избы, да в углу под иконами посапывал во сне то ли мальчуган, то ли девчушка годиков трёх.

Невдалеке от жилья Карпа Лыкова, под сенью высоченных развесистых кедров поставили большую брезентовую палатку, развели костёр. Одного из милиционеров капитан поставил часовым по-за палаткой со стороны распадка, из которого вытекал ручей Еринат, другого отправил к Абакану с наказом:

– Ежели лодка или салик покажется – приневоливай пристать к берегу. Не подчинятся – стреляй! Но поначалу вверх, конечно...

Когда варили немудрёный ужин, Карп Лыков принёс полторбы² картошки, а персонально Султрекову – небольшой туесок со свежепойманными хариусами. Заметно было, что ему очень хочется угодить гостям, и особенно начальнику. Сами же рыболовы так у избушки и не появились; видимо где-то отсиживались до момента, когда уплывут чужаки.

– Спасибо тебе, конечно, за хлеб-соль. – поблагодарил капитан, – только так и знай, заберём мы сына твоего, когда назад поплывём. Ему, судя по возрасту, в армии служить положено, а то получается наподобие тех же дезертиров. А ты ему вроде как пособник...

¹ Гибкая жердь, на которую подвешивается люлька.

² Берестяной короб с ляжками для ношения за спиной, бывает разных размеров.

Карп промолчал, но по глазам было заметно, что новость такая его совсем не обрадовала.

– Ты, кстати, знаешь, что большая война была? – поинтересовался Султреков. – Или сидишь тут как таракан в щели, а остальной мир тебя вовсе не интересуется?

– Про войну с германцами-то слышан. Будто бы крепко оне нас потеснили?

– Ну, это ещё когда было! А девятого мая Германия капитулировала безоговорочно – то есть пощады у нас запросила...

– Побили, знатца, опять русские германца...

– Побили, Карп, крепко побили! – оживился капитан. – А потом и ещё одна война была, только уже с Японией. Второго сентября и Япония тоже сдалась на милость победителя! Так что мир наступил на всей нашей земле, и сыну твоему, Карп, воевать уж не придётся. Кстати, сколько ему лет-то?

– Да девятнадцать Бог дал...

– Вот, отслужит положенное и вернётся, если захочет...

– А я думаю, что не захочет, Каркей Прокопич, – с уверенностью сказал молодой милиционер Огородников. – Жизнь-то у них здесь не больно привлекательная: ни кино, ни девок... А его дело молодое, природа всё одно требует жизненных радостей!

– Савин в вере и строгости воспитан, – только и нашёл, что сказать Карп. – А все войны от безверия, потому как диавол власть над людьми взял...

– Ты тут моих бойцов в свою веру не агитируй! – обрезал капитан. – Ты нам лучше расскажи-ка, когда и каким-таким образом здесь очутился?

– История-то моя простая, – начал Карп, как будто даже обрадовавшись, что капитан сменил тему, – а на судьбину жалиться, так энто токо Создателя гневить. Жил я поперву в общине на заимке Лыковской, потом на ручье Каир-Су, который вы мимо проплывали. Место было ладное: обжилися сызнова, поначалу часовенку а потом и избы срубили, огороды вскопали, общинное поле вспахали да засеяли. Так што Бога не гневили, людям и властям вреда не чинили, а сеяли хлебушко, да хозяйство держали...

– Во, во – съехидничал Султреков, поглядывая на сидящих возле костра милиционеров. – Это они от колхозной общины убежали, чтобы свою частную соорудить!

– В свою-то общину никово силком не гонют, – возразил заметно осмелевший рассказчик, – и опять же все на себя робят, а в колхозе вашем неизвестно на ково.

– А куды ж все с Каира-то подевались, – поинтересовался всё тот же Огородников. – И от этой общины убежали, значит? Ещё дальше, поди?

– Да уж девять годков тому, как разбрелась община. Я вот с женой Акулиной Карповной да двумя детишками малыми собрал тогда што можно было, да и подался уж сюды.

– От власти что ли бежал? – перебил рассказчика Султреков.

– А чё бежать-то? – вроде бы как даже удивился Карп. – По Сибири-матушке люди старой веры завсегда отдельно и вольно жили. Народишко-то тогда почему в Абазу уплыл? Да потому как мужиков вот так же власти заарестовали и увезли, а бабам как в зиму с детишками: с хозяйством, со скотом – и без мужицкой руки? Так што связали оне плоты – и поплыли горемышные следом за мужиками своими...

– А тебя что ж не арестовали? Лучше других что ли?

– Я в тайге как раз охотничал, а коды вернулся, всех ужо и увезли...

– Ну, ну... – опять недобро усмехнулся капитан.

– Тогда-то я дале и ушёл, – продолжил рассказ Карп. – Потому как подумал, что в следушу осень, не дай Бог, приплывут вот так же милицанеры на лодках и заарестуют меня, как тех мужиков.

– Было поди за что, вот и арестовали, – заверил Султреков.

– Ково за што, – продолжил Карп, будто и не услышал капитана. – Ково за бердану, якобы незаконну, ково за браконьерство какое-то, ково просто так...

– Ну а ты чего до сих пор здесь в глуши отсиживаешься? Небось грехи какие перед Советской властью имеешь? – спросил капитан.

– Мои грехи тока перед Богом, – возразил рассказчик, – этто власть, она к тому и власть, што греховна...

– Ну, ты говори, да не заговаривайся! – повысил голос Султреков.

– Сие и в Святом писании сказано...

Карп вроде бы как и не собирался оправдываться, поэтому после недолгого молчания капитан приказал:

– Давай, давай дальше рассказывай свою историю!

– Конечно, всё с собой бабы не забрали, много чё мне оставили: и струмент, и утварь какую-никакую... Токо надумал я, што и меня власть в покое нипочём не оставит, потому по весне и перебрался ещё выше – сюда, на Еринат. Вот тут и живём почитай уже десяток годков. Бога не гневим и людям обид не чиним. А коли вас чем обидел, то прошу простить меня великодушно, потому как не по злому умыслу...

– Тебе бы, Карп, по твоему уму и дипломатии председателем колхоза быть, – насмешливо произнёс разбитной Огородников, – а не здесь, в тайге затворничать!

Бойцы, да и строгий капитан Султреков вместе с ними, рассмеялись...

– Чего ты всё стоймя стоишь, садись с нами ужинать! – пригласил Карпа повеселевший капитан.

– Это нам не можно, – смиренно ответил тот.

А утром после завтрака, когда уже палатку и посуду уложили в лодки, да и бойцы расселись, капитан Султреков подошёл к вышедшему проводить их Карпу и доверительно сказал:

– Ежели всё нормально будет, через несколько дней назад поплывём с арестованными. И к тебе непременно заедем в гости. Картошки-то накопишь на семена? Очень уж она у тебя хорошая, рассыпчатая...

– Да она уж в погребе схоронена, но для хороших-то людей не жаль, – заверил Карп.

– И сына прятать не советую, – строго предупредил капитан, – только хуже всем будет!

– Да Савин-то мой вам к чему? Ему вера наша, бегунская ещё со времён царя Петра-антихриста в армии служить запрещает!

– Тебя послушать, так пусть и враг сюда приходит, а вы по тайге от своих и чужих всю жизнь прятаться будете! – откровенно разозлился капитан. – Встречал я вашего брата, староверов, ещё в гражданскую. Из-за таких вот в сорок первом армия и отступала! А уж как подошли потом сибиряки да поднажали – так и сломали фаши-

сту хребтину. Сперва под Москвой, а затем и всю войну повернули вспять...

– Сибирский однако народ, он такой... – согласился Карп.

– Да не тебе чета! – упрекнул не остывший ещё Султреков. – Сибиряки-то наши во всех войнах отличались. И охотники, и мороза не боятся, и к неудобствам привычные, не то что немчура. А главное, что не знавали они отступлений, да и как это сдаваться – это не в нашей натуре...

Султреков даже закашлялся и, вытирая набежавшие от кашля слёзы, выдавил:

– А дезертиры в это время в тайге отсиживались, когда герои жизни свои клали! Моя воля, не арестовывал бы, а всех расстреливал, как врагов народа в гражданскую! Короче, готовь сына!

И уже сделав несколько шагов к лодке, обернулся и спросил примирительно:

– Ты мне вчера всё сказал про чужаков? Может, утаил или забыл что? Смотри...

– Три дни тому был человек, – отозвался после некоторого колебания Карп. – Он тож про этих дезертиров выспрашивал. Туды ушёл...

Карп махнул рукой вверх по течению.

– Что за человек? – заинтересовался Султреков.

– Не русского обличия человек. С жёлтым лицом и узкими глазами. Недобрый человек, – уточнил старовер, – глаз у него шибко плохой, недобрый... Упредил, чтоб я молчал про него, а не то всей семье моей худо будет...

* * *

Возвращался отряд почти через неделю, когда по ночам стал выпадать первый неуверенный снежок, правда, быстро тающий под утренним солнцем. И то, пока обнаружили, да и то случайно, потаённую дезертирскую базу, пока разведали все подступы к ней, немало времени ушло...

Окружили дезертиров милиционеры ранним утром и, как и ожидалось, сопротивления никто не оказал. После пары автоматных очередей по крышам двух избушек и предложения сдаться, очумевшие спросонья мужики вышли с поднятыми руками в чём были – кое-кто босиком и в одних подштанниках. Народу оказалось

не так и много, а вот оружия в избушках набралось предостаточно. В основном это были кавалерийские карабины, что припрятаны ещё с первой мировой, ну и несколько охотничьих ружей, естественно. Да оно и понятно, как в тайге без оружия проживёшь? Недаром в чугунах на печи томился наваристый таёжный суп, а в ручье неподалёку вымачивалась оставшаяся половина свежей маральей туши.

Наибольший интерес у капитана вызвал заметно отличающийся от заросших бородами мужиков низкорослый и с голым лицом то ли китаец, то ли японец. При обыске у него нашли необычный голубой пистолет: изрядно потёртый, местами потерявший свой цвет, но с полной обоймой патронов. Дезертиры признались, что появился чужак всего сутки тому назад, а спрашивать кто да что с пылу с жару у них было не принято. Раз пришёл, значит дорогу знал, значит направил его сюда кто-то из своих.

Незнакомец вполне сносно объяснялся по-русски и сразу заявил, что спустился вдоль ручья Коляжам из Тувы, а пришёл покупать у мужиков медвежью желчь и кабарожью струю. Китайцы, мол, за них шибко хорошую цену дают. Султреков, конечно, ему не поверил, потому как сильно незнакомец смахивал на японского шпиона. Всё одно к одному: и выправка военная, как японец её ни скрывает, и по-русски говорит довольно бегло, хотя и явно намеренно коверкает слова. В общем, очень подозрительный человек! Ну да ничего, специалисты во всём разберутся, а ему, капитану Султрекову, ежели его подозрения насчёт японца подтвердятся, вполне может и награда причитаться...

Когда вели конвоируемых к лодкам, идущий позади с автоматом наизготовку Огородников вдруг криком подозвал капитана.

– Вот, нашёл, Каркей Прокопич! – он показал Султрекову нож с костяной ручкой и в кожаных ножнах с костяными же накладками. – Японец его в траву попытался незаметно выбросить. И как только при обыске не нашли?

– Молодец, что не проглядел! – похвалил подчинённого капитан.

Нож был явно старинной работы. Время не пощадило металл, и на лезвии виднелись щербинки, выеденные ржавчиной, да и рисунок на ручке и ножнах сильно стёрся, однако его можно было ещё разобрать. На ножнах и на рукоятке он, похоже, составлял единое целое: две вершины причудливой формы между которыми пробирались олень с ветвистыми рогами. На одной вершине было выцара-

пано что-то вроде стрелы в круге, а на другой – явно выраженный крест. В общем непростой нож!

Султреков положил вещественное доказательство в полевую сумку и, обогнав конвоируемых, снова пошёл впереди.

Пихтового сухостоя вдоль берега было много, а в одной из лодок были сложены прихваченные для такого случая пилы, топоры и верёвки. Пока трое автоматчиков охраняли сидящих на галечной косе задержанных, остальные занялись плотом. Дезертиры сидели хмурые, понимая, что ничего хорошего их впереди не ждёт, а по бесстрастному, словно бы застывшему лицу азиата вообще ничего нельзя было определить: что он чувствует, о чём сейчас думает?..

Часа за три расторопные, привычные к плотницкому делу милиционеры соорудили длинный плот с поперечным настилом посредине и с гребями. Так что вполне можно было рассчитывать к ночи оказаться возле какого-нибудь из охотничьих зимовий на полпути к Абазе. И то, не ночевать же с этой вольницей в тайге? Чуть зазеваешься – вмиг разбегутся. Да и погода заметно портилась: опять пошёл редкий, пока ещё быстро тающий снег.

Султреков с двумя бойцами на лодке с мотором далеко обогнали плот и сопровождение, чтобы заглянуть на Еринат к Карпу Лыкову. На этот раз их никто не встречал, и избушка оказалась пустой. Всюду видны были следы поспешных сборов.

– Сбежал вражина со всей семейкой! – подытожил увиденное раздосадованный капитан. – Ищи их теперь по тайге – следы-то снегом закрыло. А весной ещё дальше уйдёт бегуны.

– Медведь бы их искал! – возразил милиционер Огородников. – Можно ведь, товарищ капитан, начальству и не докладывать про сына евонного. Староверы эти сейчас так затаятся, что нипочём не отыщешь...

У дверей брошенной избы стояла большая берестяная торба с обещанной картошкой – не забыл однако Карп своё обещание. Ну, и на том спасибо!

«Да, пожалуй что лучше и промолчать про семейство Лыковых, – размышлял под стрекот лодочного мотора Султреков. – Мало ли их по тайге, этих староверов. Не было такого приказа – за всеми гоняться! А вот японца нужно непременно в Красноярск отправить. Всё одно он как бы не с нашей хакасской территории объявился, а из Тувы... Да и начальство там повыше, так что если японец шпионом окажется, то и награда за него позначимей будет...»

* * *

Мангир в своём служебном кабинете приводил в порядок последние из законченных уголовных дел, когда вошёл старший следователь Виталий Блинов.

– Слушай, Оспаларов, – обратился Виталий, – у тебя часок-другой свободного времени найдётся?

– Для хорошего человека и для начальника не должно существовать слова «нет», – отшутился Мангир. – Особенно если куда-то пригласить хочешь...

– Да тут дело совсем иного плана. Привезли мне из Абакана подозреваемого в шпионаже на Японию, который якобы из Тувы пришёл. Ты же из тех мест родом, так что откровенное враньё сразу раскусишь?

– То есть просто побеседовать с ним в твоём присутствии?

– Правильно мыслишь. А то не опарафиниться бы! В НКГБ дело передадим, а он, может, и не шпион вовсе?

– Когда будем допрашивать? – спросил Мангир.

– Да хоть прямо сейчас, только вот меня начальство вызывает... Так что начинай один и пока можешь даже без протокола. Потом суть разговора передашь да свои выводы и соображения, конечно...

Виталий достал из сумки завернутый в тряпку удлинённый предмет и положил на стол.

– Вот от этой улики он при аресте избавиться хотел! Выясни, почему? Я сейчас распоряжусь, чтобы этого японца к тебе привели...

Мангир развернул тряпку – и сразу узнал дедов нож. Он никогда в жизни его не видел, но хорошо запомнил предсмертные дедовы слова: «Надо найти нож... Я уже стал его забывать... Марал, бегущий среди двух скал...» По всему видно было, что он старинной работы, и Мангир практически не сомневался, что это именно тот нож.

Японца, которого привёл конвойный, Мангир тоже узнал сразу. За прошедшие пятнадцать лет тот почти не изменился, будто и не постарел вовсе: та же сухопарая и по-военному подтянутая, но будто бы ещё больше высушенная временем фигура, то же неподвижное, словно маска, лицо. Нет, черты лица тоже обострились, но на нём всё те же сверлящие, словно два острых буравчика, глаза.

Не представляя, с чего начать разговор, Мангир просто развернул на столе тряпку – и увидел, как чёрные буравчики воткнулись сначала в нож, потом, как бы вскользь, прошлись по лицу Мангира.

«Узнал нож, – понял Мангир, – а теперь, должно быть, соображает, что же я знаю о ноже и о нём самом? Значит, нужно огорошить его ещё сильнее!»

– Откуда у вас, господин Фэн, нож моего деда?

Японец даже вздрогнул от неожиданности, и его бесстрастное лицо исказила мимолётная гримаса.

– Откуда... Откуда вы меня знаете?

– Вспомните, господин Фэн, тридцатый год, старая кузница возле Усинского тракта, бесчинствующие бандиты возле неё, японец с ними... И маленький мальчик возле кузницы. Вспомнили?

– Так вы и есть тот мальчик? – японец даже дух перевёл, обрадовавшись видимо такому разъяснению неразрешимой загадки.

– Да, я тот мальчик, только, как видите, немного вырос. А вы, господин Фэн, или как вас там, стали хорошо говорить по-русски.

– Да, у меня была очень большая практика...

– Профессия шпиона обязывала?

– Всякое бывало. Но на сей раз я, поверьте, появился здесь как частное лицо.

– И какова же ваша цель, если это не шпионский секрет?

– При аресте я сказал, что чисто коммерческая. Скупка у охотников медвежьей желчи, струи кабарги... В китайской, да и в японской медицине они очень ценятся и стоят очень дорого. Но наша встреча – это определённо рука судьбы, поэтому вам, единственному, откроюсь... Простите, как вас зовут?

– Оспаларов Мангир.

– Да, да, Отой Оспаларов – это ваш дед. А Кабай Оспаларов – это его брат. Они, я знаю, оба уже умерли!

– Дедушка Отой был смертельно ранен, так что фактически это убийство.

– Да, да. Я слишком поздно узнал, что он и есть тот самый каторжанин Отой Оспаларов. Узнай я чуть раньше, непременно оставил бы убийцу.

– Откуда такой интерес к моему деду?

– Каторжанин Отой всю жизнь хранил большую, очень большую тайну. А я, глупый баран, как говорят русские, был рядом с ним – и не спросил. Я тоже очень, очень хотел знать эту тайну!

– Вы, господин Фэн, уводите разговор в сторону. Вы не ответили, как попал к вам дедов нож?

– Он попал ко мне ещё в шестнадцатом году. И я заплатил очень, очень большие деньги, чтобы получить его из следственного архива в Красноярске.

– Так... значит это не нож моего деда Отоя?

– Как сказать... Отой держал его в руках, когда был моложе вас, до него нож держало ещё много, много людей. Так что он такой же и мой. Правда, был! А сейчас, как я понимаю, он стал ножом Мангира Оспаларова?..

– И то, что в моего деда стреляли, как-то связано с этим ножом?

– В кузнеца Отоя стреляли потому, что он сковал очень, очень плохие подковы. Подковы всего на один день! А из-за них погибло много людей...

– Кстати, как я понимаю, господин Фэн – это не настоящее ваше имя. А как настоящее?

– Зачем знать это? Лишние знания – это лишняя головная боль. Пусть, как когда-то давно, я буду господином Фэном. А вы, Мангир, побудьте сейчас не следователем, а просто внуком кузнеца Отоя.

– Это что-то изменит?

– Это зависит от внука кузнеца Отоя. Он, наверное, сегодня очень, очень внимательно разглядывал этот нож? А я уже нашёл в тайге один из знаков, что изображены на рукоятке и ножнах. К сожалению, обстоятельства тогда так сложились, что я долго не мог снова попасть сюда, в Сибирь. Осталось-то совсем немного: найти второй знак и достать несметные сокровища. И тогда, по сравнению с нами, центральный банк вашего города Красноярска – просто нищий...

– Вы, господин Фэн, сказали «с нами». Это означает, что вы здесь не один?

– С нами, это значит с Мангиром Оспаларовым, который является законным наследником Отоя Оспаларова, и с небезызвестным господином Фэном, которому, я подозреваю, грозит большой срок.

– То есть, вы хотите сказать...

– Что я беру Мангира Оспаларова в долю. Вы помогаете мне получить совсем, совсем маленький срок, а потом мы вместе находим сокровища. Ведь если меня осудят за шпионаж, то эта тайна уйдёт в могилу вместе со мной. Вот такой, я хочу уточнить, предлагается выбор!

– Возможно, с вашей стороны, господин Фэн, это просто хитрый ход?

– Поверьте, Мангир, я очень близко подобрался к разгадке этой тайны. Только три человека знали её: Отой Оспаларов, я и жандарм Стронский, который тоже с шестнадцатого года шёл по следу сокровищ. Но тайну должен знать только один человек, ибо восточная мудрость гласит «Если тайну знают двое – её знают все».

– Но эту, как вы сами говорите, знали минимум трое!

– Жив ли Отой Оспаларов, я тогда не знал. Оставались двое, и это была серьёзная игра: Стронский делал вид, что знает больше меня, а сам то же самое думал обо мне. Я первый понял, что продвинулся в разгадке дальше его, и Стронский стал лишним.

– И что с ним сейчас?

– Его больше нет. Помеху, даже потенциальную, лучше предотвратить заранее, пока она не превратилась в проблему. К тому же полковник был очень, очень болен. Хотя и оставался при этом опасным конкурентом...

– Потом, как я понимаю, вы отыскиали деда Отоя и тоже устранили?

– Нет, я слишком поздно узнал о нём. Узнал случайно, когда Отой Оспаларов уже скончался от раны, практически не приходя в сознание. Я посчитал, что с этой стороны мне больше ничто не угрожает, тем более что его брата Кабая Оспаларова уже тогда не было в живых. Кое-что знал, вернее он случайно увидел на пепелище этот знак, был некий Ведмедь из отряда штабс-капитана Мишина. Но господин Фэн приучен никогда-никогда не оставлять свидетелей. Этого Ведмедя я сам видел мёртвым, лежащим в мороз на снегу. Таёжные звери не оставили от него, должно быть, даже костей. Однако мне не было известно, что тайну знает и совсем ещё маленький мальчик, который вдруг неожиданно исчез из кузницы, и вообще из моего поля зрения. Признаюсь, что если бы узнал раньше, что тот мальчик в Красноярске – нашёл бы его и убил! Правда, сейчас я рад, что этого не случилось...

– Честно говоря, я ведь не знал дедовой тайны. Я только догадывался..

– Но сейчас, Мангир, вы знаете всё. Больше вашего знаю только я, и поэтому я вам нужен...

– А каким образом вы оказались в верховьях Абакана? Ведь тот старинный клад, который много лет искал мой дед, находится как бы совсем в другом месте.

– О, тут совсем другая история. В Китае мой путь случайно пересёкся с одним казачьим вахмистром. Тот был ранен в живот и попросил привести ему врача в обмен на очень ценную информацию. Я привёл врача, и вахмистр рассказал, что его сын-подросток с приятелем набрали недалеко от деревни на пещеру, вход в которую был завален. Камни осели и открыли вверху узкий лаз. Был дождь – и товарищи пролезли в этот лаз. Внутри оказалось много тяжёлых ящиков, маркированных двуглавым орлом. Один из ящиков им с трудом удалось открыть охотничьим ножом. Он был полон тяжёлых жёлтых слитков...

– Золото?

– По всей видимости золото Колчака. У них с собой было мало спичек, поэтому полностью обследовать пещеру не удалось, но ящиков якобы было несколько десятков. На другой день он собирался сам пойти с сыном к пещере, но пришёл большой отряд красных партизан – и казакам несколько дней пришлось скрываться в тайге. А когда вернулся в село, то узнал, что его сын и тот его товарищ пропали, бесследно исчезли. Вахмистр предположил, что мальчишек могло попросту завалить внутри. Он потом попытался найти ту пещеру, но безуспешно. А через некоторое время сам оказался в Китае...

– И он указал предполагаемое место

– К сожалению, нет. Он поклялся даже привести меня в район своих поисков, но рана оказалась смертельной. Так что полученная мной информация оказалась далеко не полной. Знаю только, что населённый пункт на берегу Енисея называется Означенное, а рядом с ним находятся старые медные копи.

– Знаю я такой посёлок...

– Вот видите, Мангир, я от вас ничего не скрываю. Я даже предполагаю, что это была вовсе не пещера, а один из горизонтальных проходческих штреков, пройденных при добыче меди...

– Но каким образом это объясняет ваше появление в верховьях Абакана? Оттуда до Означенного даже напрямую около трёх сотен километров.

– Среди дезертиров, а в их числе были местные казаки, отцы которых когда-то служили в армии Колчака, я рассчитывал встретить

одного из друзей пропавшего сына вахмистра. Во всяком случае у меня была такая информация. Беседа с ним могла что-то прояснить, хотя, конечно, шансы были не очень велики...

– И Вам удалось что-нибудь выяснить?

– Да, мне очень повезло! Но об этом я тоже расскажу вам только в обмен на свободу. Расскажу все, что знаю сам.

– Я же понимаю, что ваше обещание ничего не гарантирует...

– Слово японского офицера.

– И вы так легко расстаётесь со своей тайной?

– Это как посчитать. Меня же, скорее всего, расстреляют как шпиона или надолго упрячут в спецлагерь. Оттуда убежать очень непросто, так что ваша помощь сейчас будет просто неоценимой. Мы нужны друг другу. И кроме того, в любом из этих кладов столько золота, что нам обоим хватит его с лихвой.

– Я, господин Фэн, в отличие от вас, совестью не торгую, – проговорил медленно, с расстановкой Мангир. – И своей Родиной тоже...

Когда Мангир после этих слов поднял глаза на допрашиваемого, то увидел во взгляде японца безграничную, прямо таки испепеляющую ненависть. Если бы на руках господина Фэна не было наручников, он непременно кинулся бы на следователя...

Старший же следователь Блинов, когда Мангир передал ему вкратце суть разговора с японцем, усмехнулся и подвёл собственный итог допросу:

– Эко он тебе лапши навешал на уши! Как говорится, жить захочется, так и курица соловьём запоёт. Молодой ты ещё Мангир, всякому слову веришь...

– Но в протокол-то занеси! – предложил Мангир. – Пусть с этими сокровищами в НКГБ разберутся.

– Да нас там обсмеют, как придурков. Мол, двоих дурачков матерый японский шпион за нос водил. Он же у них, скорее всего, от всех этих показаний отопрётся.

– Пожалуй... – согласился Мангир.

– Вот и не путай следствие! Начальство хочет японского шпиона – пусть сделают из него японского шпиона...

А всего через несколько дней до Мангира дошла информация, что матерый японский шпион, засланный в СССР для совершения терактов и убийства ответственных лиц, был застрелен при попытке к бегству...

Глава 23. Загадочный пассажир

 ибирь и каторга в России были очень схожими понятиями. Арестантская дорога туда стала протаптываться ещё в шестнадцатом веке – по свежим следам дружины Ермака. Первопроходцами тут были опальные вельможи и царедворцы, а следом за ними пошёл и простой люд: стрельцы, раскольники, участники крестьянских и городских восстаний... В конце семнадцатого века сибирская ссылка была узаконена правительством уже как самостоятельная форма наказания. И за что только не ссылали: за вину и без вины, за нюхание табака, за попрошайничество, за предсказание будущего... А в шестидесятых годах девятнадцатого века достроили-таки печально известный сибирский кандалный тракт – и уже по нему нескончаемой вереницей повели каторжных и ссыльных с наполовину обритыми головами. Следом шли жёны и малолетние дети, добровольно принявшие все лишения долгого изнурительного пути. По документам находившегося в Тюмени Приказа о ссыльных, за семьдесят лет, начиная с 1823 года, в Сибирь было отправлено более девятисот тысяч человек и, по заключению историков, к началу двадцатого века должно было оставаться на проживании их не менее пятисот тысяч. Но насчитывалась едва одна треть, остальные то ли погибли, то ли скрывались, то ли бежали на родину. Конечно, мало кому довелось добраться до родного дома, и часто по весне, когда сойдёт снег, в тайге или на речном берегу находили останки несчастных, которым не достало сил и удачи пройти далёкий путь. Но хоть такая, да всё-таки воля...

Сибирские крестьяне зачастую укрывали беглых или помогали чем могли, недаром в избах вдоль тракта устраивались специальные окошечки, куда выставлялись на ночь хлеб, молоко, а то и миска с едой. Зажиточное же население тоже не прочь было приютить беглого в летнюю пору, когда в поле не хватает рабочих рук – благо что и платить можно одними харчами, возмещая разницу между трудом и оплатой риском наказания за сокрытие преступника. Сколько погибло беглых каторжан, никто не считал, но и немалое их количество осело в глухих, недоступных для властей местах. Они обустроивались, обзаводились хозяйством, брали в жёны остячек, тунгусок, буряток, якуток. Так что благодаря ссыльным превратилась Сибирь в самый интернациональный и самый демократичный край России...

* * *

Около шести часов вечера к двухэтажному деревянному зданию Бейского районного отделения милиции неторопливо подошёл коренастый старик с пышной седой бородой, в лохматой меховой шапке и добротном, хотя и самошитом полушубке давно забытого «романовского» кроя. В левой руке старик держал белый узелок. Поднявшись по ступенькам крыльца, он, шевеля губами, внимательно прочёл милицейскую вывеску под стеклом, потом, подобрав валявшийся под ногами тощий берёзовый веник, обмахнул с унтов снег и аккуратно пристроил веник в уголке. Чуть помедлив, решительно открыл входную дверь и шагнул в тускло освещённый электрической лампочкой коридор...

А на следующее утро, то и дело покачивая головой в раздумье, начальник райотдела милиции составлял вышестоящему начальству пространное донесение. Ушло на это донесение у него аж несколько листов бумаги.

«Начальнику областного УВД полковнику Сазонову Н. М. от начальника районного ОВД майора Захарова В. Л.

РАПОРТ

Настоящим ставлю Вас в известность о чрезвычайном происшествии, имевшем место на территории вверенного мне района, а именно:

18-го апреля 1970 года в 17–45 в райотдел милиции явился неизвестный гражданин преклонного возраста. Обратившись к дежурному по отделу старшему лейтенанту Величко, он предложил немедленно арестовать его и доложить о том по инстанции.

Однако заподозрив наличие у вышеупомянутого гражданина некой степени опьянения, дежурный, старший лейтенант Величко, приняв во внимание почтенный возраст обратившегося, посоветовал ему проследовать домой с целью протрезвления, а конкретно – хорошенько проспаться. Но вышеупомянутый гражданин продолжал настаивать на взятии его под стражу и отказался покинуть помещение милиции. На последовавшее требование предъявить документы он заявил, что таковых категорически не имеет, нигде не прописан и постоянного местожительства указать не может. А на вопрос дежурного «Кто же вы такой?» вышеупомянутый неизвестный гражданин ответил конкретно: «Бандит».

Тогда дежурный по отделу старший лейтенант Величко, устав слушать несуразности явно подгулявшего старика, стал набирать по телефону номер медвытрезвителя. Но здесь вышеупомянутый гражданин достал из меховой шапки и вручил дежурному сложенную вчетверо, истёртую и пожелтевшую вырезку старой газеты, словесный текст которой я привожу ниже:

«Органы Народной Рабоче-крестьянской Советской власти доводят до сведения всех лиц, состоящих в белобандитских кулацких шайках и других незаконных вооружённых группах, скрывающихся в тайге и горах, и ведущих бессмысленную кровавую террористическую борьбу с Советской властью, что в случае добровольной явки с повинной, искреннего раскаяния и безоговорочной сдачи оружия, им будет гарантировано неприменение репрессий, сохранение жизни и свободы, возврат к семьям и мирному труду. Последний срок явки с повинной и сдачи оружия 1-го декабря 1930-го года».

Вслед за этим вышеупомянутый гражданин, положив на барьер у стола дежурного бывший при нём узелок, пояснил, что с 1930-го года скрывался в Саянской тайге и горах, где и проживал в течение сорока лет по настоящее время. В указанный Советской властью срок до 1-го декабря тридцатого года явиться в органы не мог по уважительным причинам, о которых даст пояснения позже.

Затем вышеупомянутый гражданин назвал свою фамилию, имя и отчество – Ведмедь Павел Егорович, 1895 г. р., село Знаменка Минусинского района и, развязав свой узелок, сдал старшему лейтенанту Величко под опись нижеследующие предметы:

1. Пистолет автоматический системы «Маузер», год изготовления 1922-й, номер ВС-193119, калибр 9 мм. Кобура деревянная, используется как приклад.
2. Два магазина к пистолету «Маузер» на 20 патронов каждый.
3. 63 (шестьдесят три) патрона к вышеуказанному пистолету в кожаном мешочке-кисете.

Сдав оружие, гражданин Ведмедь Павел Егорович обратился с просьбой к органам МВД выяснить, живы ли и где сейчас находятся товарищи Гольмер бывший в 1921–1930-х годах начальником оперсектора Белоярского ОГПУ и Зайцев, бывший в то же время начальником тамошней милиции.

Мною немедленно приняты следующие меры: гражданин Ведмедь Павел Егорович, учитывая исключительность случая, срок

давности и его преклонный возраст (с его слов 75 лет), а также фактическую добровольную явку с повинной в органы МВД, впредь до Вашего распоряжения поселён под условный арест в отдельной комнате «Дома колхозника», где находится под постоянным наблюдением дежурной по гостинице т. Фроловой А. И.

Довожу также до Вашего сведения, что утром сегодняшнего дня, то есть 19-го апреля гражданин Ведмедь Павел Егорович вступил в незаконную сделку с проживающей в гостинице экспедитором облпотребсоюза т. Семочкиной Е. К. Передав Семочкиной имевшуюся у него шкурку соболя, гражданин Ведмедь получил от неё взамен буханку хлеба, две банки консервов «Кильки в томатном соусе» и бутылку водки. Шкурка соболя у Семочкиной изъята, гражданин Ведмедь строго предупреждён, и ему выданы мною 3 руб. 60 коп. для питания в столовой.

Ставлю также Вас в известность о том, что гражданин Ведмедь усиленно интересуется возможностью применения к нему амнистии в связи с наступающим 100-летием со дня рождения В. И. Ленина, о чём расспрашивал дежурную т. Фролову и постояльцев «Дома колхозника».

Жду Ваших дальнейших указаний. Прилагаю объяснительную дежурной по гостинице т. Фроловой А. И.

М-р Захаров

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ.

Как я ушедши кормить поросят отлучилась домой, гражданин Ведмедь с пенсионером Байкаловым пили пиво в буфете и бутылку водки, и закусывали.

Пришедши от поросят я слыхала разговор, и Байкалов говорил, что знал хорошо в тридцатые годы начальника оперсектора Белоярского ОГПУ Гольмера и ещё Зайцева. Байкалов же служил тогда милиционером у него, и он сказал Ведмедю, что Гольмер и Зайцев (а может, я не поняла, и это был один человек?) были репрессированы в 37-м годе к высшей мере. Тогда Байкалов и Ведмедь громко спорили, и Ведмедь плакал и тряс Байкалова за грудки, стучал кулаком по столу. Он кричал, что тот Гольмер гоняли их два месяца по горам и в тайге, а они гоняли его, Гольмера, да достать не могли. Не могли с ним управиться в двух засадах. «А вы, – кричал Ведмедь, – значит, сами с ним управились. Легко управились, крест

на пуп! Суки вы после того, и слов иных нет для вас, стервецы, варначьё...»

Боле не слыхала скандала, ушедши со сменки домой. Об чем и винюсь, как поросят кормить отлучалась ненадолго.

Дежурная по гостинице «Дома колхозника» Фролова А. И.»

* * *

Полковник Сазонов лично и в спешном порядке приехал из Абакана в соседнюю Бею, чтобы посмотреть на «бандита Ведмеда», а заодно и допросить свидетелей. Больно уж дело было необычное, чтобы сразу, толком не разобравшись, давать ему ход.

«Хорошо ещё, что дотошные журналисты не добрались до этого Ведмеда, поскольку майор Захаров приказал дежурному никого из них в «Дом колхозника» до поры не пускать, – рассуждал он по пути. – С одной стороны, конечно срок давности, а с другой – ведь настоящий живой бандит. Тут такой шум может подняться! И неизвестно ещё, какой стороной случай этот может обернуться...»

Вот и сейчас, разглядывая сидящего перед ним водителя автобуса, он думал о том же.

– Случилось это в субботу, ровно за четыре дня до Ленинского юбилея, не будь я Владимир Курновой... – водитель для убедительности даже легонько ударил себя ладонью в грудь. – Да, да, точно помню, товарищ следователь, восемнадцатого апреля была суббота. Галка-диспетчер затолкала меня на самый что ни на есть паршивый маршрут, да ещё и в два рейса. Это туда, до деревни Богословка через посёлок Майна, и потом обратно – назад до райцентра. Ох, искушение! Два раза больше чем по сто километров, притом по персидской дороге.

– По какой «персидской»? – не понял полковник.

– Почему по персидской? Полагаю, персы её налаживали, без них явно не обошлось... Читал где-то, что в древности старались они содержать свои коммуникации в самом безобразнейшем виде. Резон у них такой, что враги предпочитают по хорошим дорогам в страну приходить... – Курновой коротко хохотнул и продолжил. – Так вот, с раннего утра в первый рейс сбегал, по дороге ещё правый задний баллон сменил... Вторым из Богословки выехал в пятнадцать ноль-ноль. Пассажиров в салоне – кот наплакал и лапкой утёрся: две бабули кедровый орех на рынок в двух торбах транспортируют,

по дороге его с аппетитом шёлкают, да ещё лохматый тип на заднем сиденье кемарит, активно «Солнцедар» испаряет. Ох, искушение!.. В общем нулевой кассовый сбор. Ладно, наше дело – крути баранку спозаранку. Кручу, трепыхаюсь по «персидской» этой автостраде, скукота, радиоприёмник среди гор ничего не ловит, шипит как Змей Горыныч. Одно приятно, что день выдался солнечный, весенний, аж снег всюду тает. И ещё тайга к дороге подступает, справа и слева Саяны горбятся – в общем, красота вокруг и чистый кислород! Прямо-таки даже охранять родную мать-природу хочется...

– Ты, Владимир, поконкретней, пожалуйста, – прервал словоохотливого рассказчика полковник.

– Вот я и говорю, что ещё издали его заметил, – водитель скинул на спинку стула свою промасленную шофёрскую тужурку и продолжил. – Стоит у дороги человек, рядом здоровущая собака на снегу сидит. А стоит-то он на левой обочине, ежели по ходу автобуса... Опять не мой пассажир, думаю, ждёт машину в другую сторону, то есть в Богословку. Однако ближе подруливаю, гляжу, рукой машет. На вид старик, да ведь какой старикан-то! Ох, искушение!.. Росту не так чтоб высокого, но в плечах себя шире. Шапка меховая, лохматая, на ногах унты рыжие и полушубок серьёзный, в нашем ОРСе такой и с тылов не добудешь. А подпоясан при этом, чем бы вы думали? Да обыкновенной верёвкой! Ах ты, думаю, искушение, не иначе как последний «кряк» моды! И в руке этот дед узелок белый держит. Но главное дело, борода! Такой бороды мне отродясь видеть не доводилось: белая, пышная, вначале померещилось даже, что дед до пояса снегом присыпан...

– Опять тебя понесло, – прервал Сазонов. – Прямо как в клубе выступаешь, а мне свидетельские показания нужны.

– Ну, я враз, товарищ следователь, по тормозам, – как ни в чём ни бывало продолжил водитель, – даже ручник затянул. Открываю дверцу, уставился на бороду. Оно и правда есть на что посмотреть! А старик хлопнул своего серого пса по морде, тот лёг в снег: уши у зверюги торчком, вид самый ужасный, так что впечатление собачка вполне авторитетное производит... Служил-то я на погранзаставе, так что кое-что в собаках соображаю... Подходит, значит, дед к кабине, но как-то несмело идёт, сомневается вроде. «Здорово, паря, – говорит, – не возьмёшь ли однако до волости?»

– Что, так и сказал «до волости»?

– Вон и я подумал, дед-то ко всему ещё и шутник оказывается. А голос у него низкий, на басах, и приятный такой – какого-то артиста напоминает. Глаза тоже сразу запомнились: синие до удивления и с печалинкой вроде. Кое-как очухался я от наваждения – вот до чего борода околдовала. «Ясное дело, – отвечаю, – батя! Грузись, я транспорт общественный. До губернии не обещаю, а до волости подвезу. Только к чему ты на левой стороне маячишь? Желаете в райцентр, ожидай транспорт справа, по правилам, так сказать, дорожного движения!» Затоптался старик у кабины, засмутился, говорит несмело так: «Слышь, паря, опять же незадача выходит какая... Деньги-то нету у меня, вот те крест на пуп! Обанкрутился малость... Как ращёт за провоз держать, не ведаю, а, паря? Такая незадача, крест на пуп...»

Полковник, увлечённый рассказом, слушал словоохотливого водителя уже не перебивая.

– Ну, думаю, нету так нету. Причины тоже всякие бывают, и со мной такое случалось. Только из-за нескольких гривенников человека на дороге не бросаем, не дошли пока что до этого. «Крест на пуп, – говорю, – батя!» Уж больно понравилось мне это его присловье. «Все ясно-понятно! – говорю. – Грузись со своим пинчером, и дело с концом. Повидаемся – рассчитаешься!» Засуетился дед, молвит своим знаменитым басом: «Благодарствую, паря, благодарствую... Да только я до волости сам-Один!» Гляжу, он быстренько вернулся к собаке, потрепал её по ушам, погладил по морде, сказал ей что-то и показывает рукой в сторону тайги. Вскочил пёс, встряхнулся, замотал башкой. А дед опять на тайгу показывает, вроде как настаивает. Припал тут пёс на передние лапы, трётся головой об унты, скулит жалобно. И старик тоже бросил свой узелок в снег, сам на колени встал, обнимает собаку, прижимается к псиной морде белой своей бородой... Вижу, плачет дед. Ох, искушение!.. Отвернулся я, сигарету достал, а прикурить не могу – даже руки трясутся от переживаний. И вот тут положил пёс лапы деду на грудь, откинул назад голову, распахнул пасть... да как завоет! Такой голосок пода-ла собачка, что до конца дней своих помнить буду! Начала вроде бы низко, с захлебом, будто задыхаясь, а потом как стала забирать всё выше... Не знаю я ихнего языка собачьего, но уж тут любой бы понял, что одновременно и обида, и упрёк, звериная тоска и любовь к хозяину рвались из её собачьей глотки... Захмеленного типа с заднего сиденья словно ветром сдуло, тычется по салону – должно

окончательно ошалел с перепугу. Бабки тож хором закрестились. Тут, правда, замолчал пёс, а старик что-то ещё шепнул ему на ухо, потом оттолкнул от себя, поднялся с колен и узелок от снега отряхивает. А пёс сидит, дрожит весь, с деда глаз не спускает...

Водитель, разволновавшийся от воспоминаний, подрагивающей рукой полез в карман своей куртки, вытащил портсигар с сигаретами. Даже не спрашивая разрешения у следователя, прикурил от зажигалки, несколько раз глубоко затянулся и только после этого продолжил рассказ:

– И так паршиво стало у меня на душе, так обидно за собаку. «Что ж ты, батя, – спрашиваю, – пса своего покидаешь, крест на пуп? Грузи и его с собой – увезу за милую душу!» А старик уже к кабине подошёл, глаза отводит, на меня не смотрит. «Нет, – говорит, – паря. Благодарствую, да только нельзя ему со мной. Такая уж незадача, паря!» Эх, думаю, ладно, нельзя так нельзя, причины тоже всякие бывают, хотя и жаль собаку до боли... «Садись тогда, – говорю деду, – у меня тоже график движения!» Вот тут старик удивил меня окончательно. Открываю ему переднюю дверь салона – пневматика у меня чёткая, даже створки лязгнули – а он топчется с левой стороны и на меня выжидательно так смотрит. «Пропусти, – говорит, – паря, в машину. Я мигом, крест на пуп!» Смотрю я на деда, ничего понять не могу, прямо мысли в голове заклинило. «Да ты что же, батя, – спрашиваю, – через кабину в салон попасть хочешь? Почему в открытую дверь-то не идёшь? Обойди, а дверь вон, с правой стороны, или в автобусах никогда не ездил?!» Вздрогнул тут дед, глянул виноватыми глазами и заспешил вкруг автобуса. А как протиснулся в салон, зачем-то поклонился захмеленному типу и бабкам. Потом сел на переднее сиденье, узелок свой на коленях пристроил. Ох, думаю, искушение, крест на пуп!..

Полковника Сазонова рассказ явно зацепил за живое. Он тоже достал из кармана папиросы, прикурил и мотнул головой – продолжай, мол.

– Ладно, включаю зажигание, тронулись. Смотрю в левое зеркало заднего обзора, а пёс большими прыжками, проваливаясь в талом снегу, бежит за нами вдоль дороги. Потом принял чуть влево, угадал твёрдый наст – и пошёл махать: размашисто, плавно, красиво, будто птица летит. Прибавил я газу – зачем собаку понапрасну мучить? Начал пёс понемногу отставать. Но тут что-то будто обожгло меня: быстро опустил стекло, высунул голову, оглянулся назад,

всмотрелся... Потом оборачиваюсь к старику и спрашиваю специально равнодушным голосом: «Слушай, батя, а какого она у тебя роду-племени, собака твоя? Что за порода, если не секрет?» Крякнул дед, лицом в бороду зарылся, но молчит. «Похоже, батя, – говорю, – псина-то твоя не собака вовсе, а волк? Вон и хвост у неё на бегу к животу поджат». Ох, искушение!.. Вздохнул тут старик, снял свою шапку лохматую, на узелок положил. А волосы у него тоже оказались белее белого. Улыбнулся печально и говорит: «Пожалуй, так оно, паря... Угадливый ты, волк он и есть, крест на пуп. Домой он, в тайгу уйдёт. Нельзя ему со мной, паря...»

Водитель поискал взглядом, куда пристроить окурок сигареты – и с усилием вдавил его в пододвинутую полковником пепельницу.

– А тут центральная остановка Майны. Народ набился плотно, там всегда полно строителей с Саянской ГЭС, а потом ещё и в Означенном изрядно насело, так что расспрашивать деда больше не пришлось. Сошёл он в райцентре со своим узелком, на площади возле «Чайной»... Так что помню абсолютно точно, товарищ следователь, было это восемнадцатого апреля, в субботу, за четыре дня до Ленинского юбилея...

* * *

Такую вот занимательную историю услышал полковник Сазонов от водителя Владимира Курнового, а потом и самому пришлось подивиться на бывшего белобандита Павла Егоровича Ведмедя. К слову сказать, выглядел он и в самом деле очень даже колоритно: окладистая белоснежная борода срослась с копной таких же белых, давно не стриженных волос; ярко-василькового цвета глаза, нисколько не выцветшие, несмотря на преклонный возраст, блестяли по-молодому; могучую грудь обтягивала домотканая рубаха, перехваченная цветастым матерчатым пояском... И говорил старик непривычно: нараспев, густым, прямо-таки знаменитым «шляпинским» басом. Не то чтобы неторопливо говорил, а как-то степенно...

– Да, были обстоятельства задержаться, – пробасил старик, увидев на столе сильно пожелтевшую от времени газетную вырезку. – Получил я две пули японских в спину...

– Это ещё в гражданскую, что ли? – уточнил полковник.

– Пошто в гражданскую? Энто уже в тридцатом, но натурально японские пули.

– Что-то я вас, гражданин Ведмедь, не вполне понимаю.

– А што тута и понимать? Из пистоля японского, и стрелял натуральный японец – господин Фэн... Так што натурально японские. Но энто как бы особо к делу не касатца.

– А что тогда касается?

– А то, што дале было. Подобрал меня, значитца, раненого-то урянх-охотник. Ну, взгромоздил беспамятного на свою лошадь, да и отвёз в скит к старообрядцам. Благо, не шибко далеко везти было...

– Что же, он и подтвердить ваш рассказ может?

– Урянх-то? Подтвердил бы, поди, кабы адрес оставил! Ни имени его не знаю, ни откуля он... Знаю токмо, што порядочный был мужик: оружие, которо у меня было, не тронул урянх, хотя запросто мог бы у беспамятного-то. Ведь для охотника оружие в тайге подороже любых денег будет. Хороший человек встретился, крест на пуп!

– Так может, гражданин Ведмедь, выдумал ты всё сейчас? И просто голову мне морочишь?

– Старообрядцы зато подтвердить могут. Они меня и выходили. А я, как в себя пришёл, решил и насовсем у них остаться.

– Ну и остался?

– Остался. Приняли они меня, а потом я ещё и женился на старообрядке – так што накрепко связал с ними жизнь свою.

– Так и жил в скиту безвылазно?

– Почто безвылазно? Охотничал я, а добрая охота, сам знаешь, гражданин следовательно, порой далеконько от дому уведёт. Нередко и других охотников встречал, так што и про новости разные от них ведал... Но, раз судьбу свою со скитом связал, не было мне уже пути к людям...

Ведмедь горестно вздохнул и замолчал.

– Ну, ну, – подтолкнул его заинтересовавшийся Сазонов. – Это, значит, и есть твоя причина?

– Считай, што так, – Ведмедь ещё раз горестно вздохнул. – Ну, а уж как померла жена моя, раба Божья Агриппина, тут, поверишь ли, вконец затосковал, крест на пуп. Мысли всяческие в голову полезли: мол, не так жил и перед людьми, перед судом мирским то есть, кругом виноват. Божий-то суд, он ведь никому, окромя Создателя не ведом. И никто не знает, какой грех на человеке страшнее: подлую тварь в человечьем облике порешить, али комара, кровь со-

сущего, прихлопнуть? Тот хошь и сволочь беспросветная, а всё же сын Божий. А и комар – тож тварь Божья, токо бессловесная, которой Создатель предначертал кровь пить для продления рода своо...

Ведмедь истово перекрестился и продолжил:

– Похоронил я, значитца, Агриппину, и вспомнил, што у меня ещё и сеструха есть, Настёна Егоровна. А у той детки и внуки, должно быть, крест на пуп!..

– Что-то долгонько ты о них, гражданин Ведмедь, не вспоминал до того?

– Да так-то я об ей часто думал. А тут вдруг представил, как детишкам энтим в глаза людям глядеть, ежели дядька их бандит, враг Советской власти и скоко лет в розыске числится. Пусть, думаю, узнают, что я за их Советску власть кровь пролил, даже красным командиром был и с хорошими людьми в одном строю стоял. Ну а уж вышло так, што меня во враги записали – дак на то всякие Гольмеры да Зайцевы на пути моём повстречались, крест на пуп...

– Опять же неувязочка тут, гражданин Ведмедь. Скит-то вон где, говоришь, а ты к автобусу-то за две с лишним сотни вёрст от него вышел...

– Нету тута ошибки, гражданин следователь. В скиту-то я лишь до сорок первого года жил. А как война началась и зачастили в скит разные люди, то подался я на новые места. Есть тута, не так чтобы далеко от Богословки, Изербель-ручей. Вот в его верховьях я и обосновался, да ещё два брата Агриппинины с семьями.

– От мобилизации, что ли, убежали?

– А хошь бы и так. Они толку бегунского, им-то служить верой заказано, а у меня тож ни документов, ни прав – в общем, ничего... Думаешь, гражданин следователь, разбираться бы стали? Да назовись я, в лучшем случае тюрьма, а то бы ещё и к стенке поставили, крест на пуп!

– Ну что ж, может и так! – согласился Сазонов. – А почему именно на Изербель подались?

– Да просто места мне там знакомые, безлюдные места. Да и заимка наша бывшая, где я с батей и сеструхой расстался, оттуль не так чтоб далече. Потянуло вроде как в места родные... Не в Знаменку же идти?

– И родственников повидать захотел, конечно?

– Не поверишь начальник, но ведь так у них и не побывал! Всё думал: что им скажу, как в глаза взгляну? А издаля поглядеть – это токо душу рвать, крест мне на пуп!

– Что ж, так ни разу к своему бывшему зимовью и не подходил? – удивился Сазонов.

– Да в сорок-то первом, сразу как переселились, принесли меня туды ноги, на родителёву заимку то есть. Ну а там, как оказалось, давно и не живёт никто, и избушка наша дотла сгорела... А потом уж и в Знаменку свою сходить решился, на дом родной взглянуть. Видел издаля ребятишек двух, да и баба разок мелькнула. А вот Настёна ли то была, не разглядел издали. Мужик-то определённо на фронте, так што мужика не видал... А боле не был – путь себе туда заказал.

– Её мужик, значит, на фронте, а тебе-то не совестно было в дезертирах ходить?

– Поверишь, начальник, хошь и повоевал немало – и в амперилистическу, и в гражданскую довелось, а так всё складывалось, што дважды, даже трижды в дезертиры подавался. Так што в четвёртый раз уже привычно было, крест на пуп! Глодала, конешно, совесть, а с другой стороны, выйди я – тут же пустят в расход по законам военного времени. Вот и решил я дожидаться лучших времён, тем боле, што начали наши к тому времени немчуру поколачивать.

– А ведь подлая твоя позиция, гражданин Ведмедь!

Сазонов ничего больше не добавил, хотя и заметно было по лицу, что очень ему этого хотелось, только потянулся к коробке папирос и нервно закурил.

– Оно, конечно, можно меня и осуждать, крест на пуп, токо и у Ведмеда внутрях совесть есть. Подумал: ежели я на фронте немецкий танк не подбил, то могу ведь и свой построить, а уж он-то за меня повоюет.

– Ну, ты загнул, гражданин Ведмедь, танк построить! – полковник даже рассмеялся.

– А ты не смейся, гражданин следовательно! – возразил старик, и в голосе его прозвучала явная обида. – У меня золотого песку тяжёленький такой мешочек был припасён, на который запросто, поди, можно танк купить. Намыл в заветном месте от безделья, токо не знал, што делать с ним. Сеструхе-то отдать не решился, тем паче, может и не она энто была. Вот и подкинул бабке богомольной в Богословке с записочкой. Такая, думаю, передаст куды надо,

грех на душу не возьмёт, ибо и самой уж скоро перед Богом очередь предстать...

– Да, было такое, – подтвердил полковник задумчиво, – припоминаю я эту загадочную историю с золотом. Вона, оказывается, откуда оно...

– Ну а я, как порешил вот так, то снова начал золотишко мыть. Думаю, ишло на один танк, а то может и на цельный самолёт хватит. Мне-то золото ни к чему там, в тайге...

– Ну а сейчас-то почему так, вдруг, выйти решился?

– Да не вдруг, крест на пуп! Как Агриппина-то померла, тут уж меня, говорил я, ничто больше не держало. Детей-то нам с Агриппиной Бог не дал... А тут ишо люди возле нас объявились, што геологами зовутся. Хорошие, правда, люди. В палатке жили, всё искали по тайге чевой-то, а потом и говорят, што вся гора из камня-мрамора состоит, который скоро добывать начнут для украшения зданиев и памятников всяких. Ну скоро не скоро – тут ишло бабка надвое сказала, а братовья Агриппинины сразу назад, к своим засобирались. А я тогда в мир, к людям решил, штоб покаяться да и помереть спокойно... Ещё ране для себя порешил, коль доведётся мне встретить там смертный час, то перед концом, собрав остатние силы, взберусь на вершину самой высокой сопки, штоб до последнего мига жизни глядеть в ту сторону, где находятся мои близкие...

– Даже если всё так, как, как ты рассказываешь, гражданин Ведмедь, – проговорил расчувствовавшийся Сазонов, – то многое будет теперь от того зависеть, есть ли на тебе кровь людская невинная?

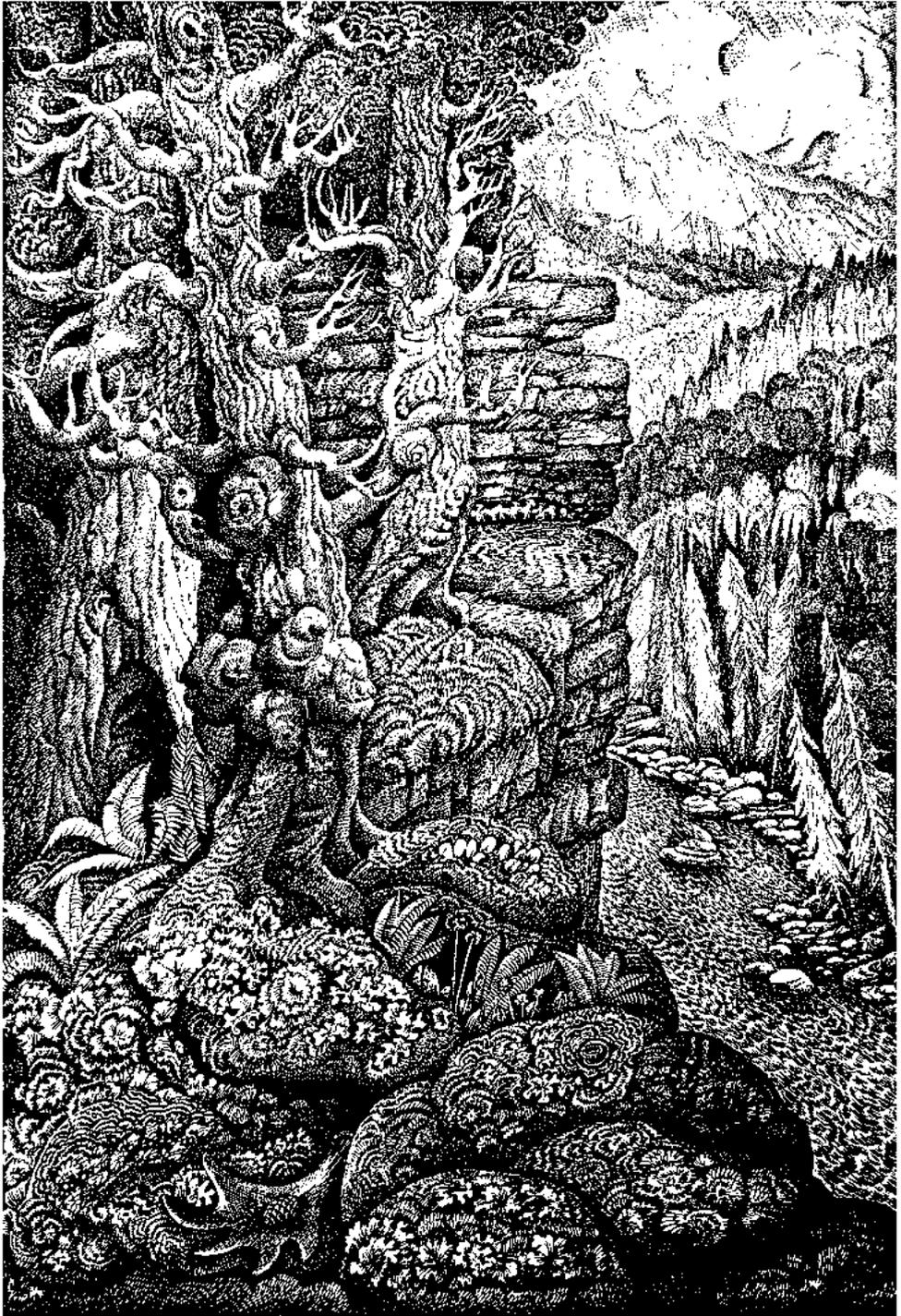
– Хошь верь, гражданин начальник, хошь не верь, но окромя тех, когда супротив германцев, а опосля за красных воевал, не было на совести моей убиенных, крест на пуп! А в бою ведь не ведаешь, чейная пуля цель настигла – твоя али соседа твое!

– Ой ли! А как же в банде?

– Побожиться могу, вот тебе крест, што не подымал я руку на жизньн чловечью! Рёбра и руки ломал гнидам всяческим – это, каюсь, было. А чтобы жизни намеренно лишить, не было тово. Как на исповеди говорю, крест на пуп!

– Проверим...

– Да уж проверьте заради Христа. А я тюрьмы давно не боюся: там ведь какие-никакие, а всё ж люди сидят. Стосковался я шибко по людям-то...

Глава 24. Возвращение Мангира

Можно верить или не верить в судьбу и рок, можно верить или не верить провидцам и гадалкам, но однажды... Да, каждый из нас хотя бы раз вспомнил предсказание навязчивой цыганки-гадалки либо вещий сон, либо ещё какой-нибудь таинственный знак. Вспомнил, чтобы засомневаться: всё ли в этой жизни зависит только от тебя самого, или есть всё-таки некое неведомое предназначение, некая неизвестная цель, отпущенная свыше именно тебе, и никому другому? А тогда, значит, есть и некий высший смысл даже в незначительных поступках, в мелкомасштабных, казалось бы, событиях, в которых ты участвовал? Ведь значение или истинный масштаб события познаются, как правило, через годы, а то и через века...

Когда-то, в начале мая 1921 года, в монастыре Чандан произошла встреча географа-путешественника Фердинанда Оссендовского, будущего автора книги «Через страну богов, людей и зверей» с ламой Джелубу. По обугленной лопатке чёрного барана лама предсказал, что географ умрёт, когда Унгерн напомним ему, что пришло время расстаться с жизнью. Оссендовский не принял всерьёз предсказание и, только узнав о смерти Унгерна в точно предсказанный сто тридцатый день, вспомнил о нём. Хотя в это время писатель и находился далеко, в Японии, но в первый момент его охватил страх. Однако вскоре он успокоился: ведь уже не было в живых того, кто, согласно предсказанию, должен напомним ему о расставании с жизнью. А через много лет, 10 января 1945 года перед виллой в Подкове Лесной, где после подавления нацистами Варшавского восстания укрывался Оссендовский, остановился военный «оппель». На нём приехал лейтенант Доллерт из контрразведки армии генерала фон дем Баха-Желевского. Неизвестно, о чём они беседовали до самого утра, но лейтенант получил в дар от писателя авторский экземпляр книги... и через день шестидесятисемилетний Оссендовский скоропостижно скончался. Сразу после войны было сделано всё возможное, чтобы найти военного преступника ДоллERTA, но тот бесследно исчез. Выяснилось только, что его настоящая фамилия... барон фон Унгерн – и он сын одной из кузин, и племянник бывшего монгольского диктатора, генерал-лейтенанта барона Романа Фёдоровича Унгерна фон Штернберга...

Замысловатым бывает жизненный путь человека, множество путей ведёт к заблуждениям, но расставленные кем-то, другим человеком либо Творцом, вехи непременно приводят к истине. Тогда сразу осыпаются наслоившиеся на события ржа времени и шелуха домыслов, и в каждой человеческой судьбе, в каждом поступке находится определённый смысл. Даже в мести безжалостного и коварного Егудэя, ведь благодаря именно ей сын простого охотника Зангир стал народным героем – пусть и через много столетий. И лишь у забвения нет ликов...

* * *

Красноярск, в котором Мангир прожил столько лет, но к которому по-настоящему так и не привык, остался далеко позади. После бесконечных поворотов и петель на горном перевале шоссе вырвалось, наконец, на равнину – и сразу открылся дальний горизонт с пологими холмами. Окружающий пейзаж оживился перелесками, голубыми озерцами в низинах и обозначенными кустарником ручьями. Кое-где виднелись и неказистые скотоводческие строения с разбредшимися по-соседству стадами коров или лошадиными табунками, совсем редко встречались возле шоссе и значительные поселения. Но по карте можно было судить, что места вокруг достаточно обжитые и где-то там, слева, куда уводили многочисленные ответвления дорог, находится разлившееся на сотни километров – до самого Абакана, до бескрайней Койбальской степи – рукотворное Красноярское море. А ещё выше по Енисею, там, где заканчивается хакасская степь и начинаются Саянские горы, строят сейчас люди ещё одну гигантскую гидростанцию – Саяно-Шушенскую...

Мангир ещё не решил, где будет жить; он просто ехал сейчас туда, где прошло его далёкое детство. И если земля детства встретит так же радушно, как встречала и пятьдесят, и сорок лет тому назад – он останется там навсегда. Конечно же, и старая кузня, и маленькая избушка, построенная дедом Отоем, скорее всего, не сохранились, ведь прошло столько лет, а время и тайга неумолимы и тщательно стирают любые следы человека. Но это, в конце концов, не так уж и важно – он может построить новую избушку, он не пропадёт в родной тайге, вместе с дедом Отоем когда-то выращившей и воспитавшей его...

Серое асфальтовое шоссе, словно закреплённый на местности географический меридиан, вело строго на юг, прорезая островки леса, медленно взбираясь на пологие возвышенности, пересекая

ручьи и речки. И его путь, его судьба незримо связаны были сейчас с этим рукотворным меридианом. Ведь в идеале жизнь и судьба человека должны стремиться к прямой; это душа и память не знают прямых путей, поскольку им то и дело приходится оглядываться в прошлое. Как ни парадоксально, но только так удаётся не терять главное направление в жизни. А вот в том, что он оказался сейчас на распутье, винить некого и незачем. Может всё и к лучшему, и теперь главное – это определиться с правильным направлением...

Мангир впервые за много лет, наверное, подумал, как это здорово, когда вдруг выпадаешь из привычного и такого неумолимого ритма: не нужно ни на работу, ни домой, не нужно вообще куда торопиться. Зато можно обстоятельно и неторопливо размышлять обо всём, важном и неважном, что накопилось за долгие годы в памяти, что теперь хаотично приходит в голову. А видения прошлого, далёкого и не очень, уже чередой выстраивались перед глазами – и он даже выключил автомобильный радиоприёмник, чтобы музыка не отвлекала. Ведь не для того же они сейчас приходят, чтобы подвести итог прожитой жизни, а наоборот – чтобы вывести к той главной и единственной вехе, с которой начнётся его новый, его дальнейший путь...

...Так уж получилось, что родителей своих он совсем не помнил. Тогда, в пожаре гражданской войны люди уходили в неизвестность миллионами, десятками миллионов. И судьба двух безвинно убиенных – отца и матери – была доподлинно известна лишь тем партизанам, погибшим под Белоцарском, да ещё убийцам-казакам, для которых жизнь двух инородцев значила меньше, чем их лошадёнка. Наверное, и они сгинули в одном из боёв от пули, направленной справедливой рукой Судьбы, ведь зло не должно оставаться безнаказанным? Во всяком случае, в это так всегда хочется верить...

Но волею случая или Провидения именно дедушка Отой стал для него и отцом, и матерью, и мудрым учителем. Он часто повторял, что за свою жизнь человек может и должен подняться на четыре ступени, которые называются «поступок, слово, мысль и чувство». Родители и учителя могут научить ребёнка плохо не поступать и плохо не говорить, а вот более трудному – никогда плохо не думать, то есть третьей ступени, человек должен научиться сам. И это правильно, ведь собственные мысли всегда скрывают от окружающих, а обуздать их бывает ох как не просто! Но только после этого у души появляется шанс слиться с телом воедино, несмотря на их

извечное противоречие: поскольку тело питается пищей, а душа любовью. Только тогда у человека не будет и плохих чувств – ведь он станет частицей Создателя, а Создатель любит всех и всех прощает. И лишь после того, как большая часть людей на Земле смогут подняться на эту четвёртую ступень, наступить во всём мире эра благоденствия. Да, главной заповедью деда Отоя была та, по которой он существовал и сам: всю свою жизнь учись правильно жить...

А ещё старый кузнец искренне верил в высшую справедливость, недаром всю жизнь искал не сокровища, а именно мифический рецепт эликсира вечной молодости. Да, в его добрых руках такой дар мог бы стать недостающим звеном великой справедливости. Мог бы... Хотя, где гарантия, что эликсир не попал бы, в конце концов, в руки людей злобных и жестоких – пособников столь же извечного зла? Да и стоит ли верить древней легенде, дописываемой и подправляемой из поколения в поколение сказителями-хайджи? Так ведь можно поверить и в реальность чудес любой народной сказки...

А с другой стороны, существовала и существует некая мистическая связь и его, Мангира, с этой легендой. Связь через деда Отоя или даже через то, что он встретил девушку Абахай¹ из рода Оспаларовых. Эта их первая встреча в Красноярске помнится до мельчайших подробностей даже сейчас, спустя три десятилетия...

...Тридцать девятый год, весенний праздник Первомай. Они, студенты Юридической Академии должны были собраться в середине общей колонны, чтобы пройти в первомайской демонстрации мимо трибун. Мангир немного задержался и поэтому медленно шёл по пестрящему флагами и всеми красками весны, бурлящему людскими потоками проспекту, высматривая в более или менее организованной колонне лица однокурсников. И неожиданно ощутил на себе чей-то внимательный взгляд...

Он нашёл эти пронзительные, тёмные, как ночь, глаза – и в тоненькой стройной девушке сразу признал хакаску: чёрные, как воронье крыло, густые волосы, восточный разрез глаз, смуглая кожа степнячки. Чтобы не потерять землячку в этой суматохе, он пошёл за ней. А потом шагал в колонне уже не со своими сокурсниками, а со студентами Университета. Парней в этой группе гуманитариев было мало, и ему поручили нести с каким-то нескладным очкариком транспарант «Да здравствует советская интеллигенция!» Он шагал

¹ Хакасское женское имя, означающее «Красавица».

в ликующей колонне, но смотрел не по сторонам, не на украшенные к празднику дома и не на трибуну с почётными людьми города, мимо которой они шествовали, а только на девушку. И всё в ней ему нравилось: и спортивная походка, и порывистость, и быстрая речь, и смуглость кожи. А особенно какой-то едва уловимый аромат, который от неё исходил... Хотя, может, это был и не запах вовсе, а те невидимые флюиды, которые являются предвестниками настоящей, большой любви. Держась всё это время рядом с Абахай и удивляя бесцеремонностью не только её сокурсников, но, в первую очередь, и самого себя, он уже знал, что влюбился бесповоротно и навсегда. Лучшее, что смог придумать, это сказал её подружкам, что он дальний родственник Абахай. Тем более, что фамилии у них оказались одинаковыми.

Так они познакомились, и уже потом, через несколько месяцев, когда они рассказали друг другу о себе практически всё, Абахай как-то упомянула, что у её деда Кабая был родной брат Отой, который сгинул на каторге. Вне всякого сомнения, братом был его дед Отой! Вот и получалось, что их встреча была предначертана самой Судьбой...

Деда Кабая Оспаларова давно не было в живых, через три года после их знакомства умерла и бабушка Азынтай, но Мангир успел о многом переговорить с ней, приезжая в гостеприимный дом на каникулы. Семья Оспаларовых жила в Аскизе, и там Мангир как бы заново знакомился с коренными хакасскими обычаями, которые в городах почти забыли, да и в сёлах уже начали утрачивать. Бабушка Азынтай подарила ему небольшую костяную шкатулку с текстом легенды о золотом караване – наследство великого хайджи Сюзея. Мангир снова обрёл семью: дядек и тёток, двоюродных братьев и сестёр, которую как бы завещал ему апсах Отой.

В красавице Абахай, несмотря на то, что последнее время она училась в университете и жила в крупном городе, параллельно уживалась необузданная степнячка. Она была воспитана в традициях «приенисейских татар»: уверенно держалась в седле, умела готовить национальные блюда и шить национальные одежды, вышивать бисером нагрудные праздничные украшения «пого». Кроме того, она прекрасно стреляла из лука и в школьные годы нередко побеждала в соревнованиях, традиционно проводимых во время национальных праздников. Как-то, во время одного из первых их совместных приездов в Аскыз, Азынтай поинтересовалась, стрелял ли Мангир

в детстве из лука. А потом, сняв со стены старинный боевой лук, вызвала самоуверенного стрелка на соревнование. Мангир неожиданно проиграл по всем статьям, ибо у девушки оказались не только меткие глаза, но и удивительно крепкие руки. С тех пор в его воспоминаниях жена часто виделась в образе прекрасной амазонки с туго натянутым боевым луком в руках.

Позднее Абахай призналась, что пишет стихи, причём как на хакасском, так и на русском языках, однако показывать их категорически отказалась, назвав слабыми. Но однажды на её книжной полке в общежитии он увидел литературный журнал и, открыв на закладке, прочитал два стихотворения под общим названием «Сны моего детства».

В мои сны врываются кони,
каждый раз почему-то кони:
длинношее злые кони
мчат, призывно ржаньем звеня...

Жаль, но сильные тонкие ноги,
их подков не знавшие ноги,
больно бьющие землю ноги
вдаль уносят табун от меня.

А гребней не знавшие гривы,
воронье и рыжие гривы,
только ветру подвластные гривы,
как знамёна, реют вдали...

И рванётся за ними сердце,
непокорная птица-сердце,
и замрёт от восторга сердце
посреди бескрайней степи...

* * *

Над громадами гор
выплывает луна
ослепительным шаром -
от неё по степи,
                  нарастая,
                          струится
серебряный звон.

Да, это было счастливое время его взросления, которое даже война не смогла испачкать своим чёрным цветом. На фронт его так и не отпустили, несмотря на многочисленные рапорты: ведь не только на передовой, где славно сражались сибирские дивизии, но и в глубоком тылу, в том же Красноярске, где они с Абахай жили, постоянно шла война отнюдь не местного значения. Нередки были и перестрелки с разом расплодившимися бандитами, и разоблачения фашистских агентов. Да, много чего было, так что не только двумя полученными пулями заслужил он свой орден... Но все трудности и неприятности уходили, растворяясь словно утренний туман, когда он возвращался в свою квартиру, к своей Абахай. Любая боль, и душевная, и физическая, тонули в чёрных зрачках её ласковых глаз...

Как Мангиру теперь не хватает её, любимой Абахай!.. Когда самолёт с женой разбился при подлёте к аэропорту, он полгода словно бы и не жил вовсе, а пребывал в некоем полубессознательном состоянии. Если бы не сыновья, это состояние наверняка длилось бы намного дольше. И то, что постоянно приходилось заботиться о них, требовало дополнительных, непонятно даже откуда берущихся сил – помимо расходовавшихся на работу, на память... Два сына, как два крыла, поддерживали его, не давали сорваться и упасть...

Расставание с сыновьями потом далось намного легче, чем утрата жены. Что поделаешь, если оба выбрали такие беспокойные профессии? Один мотается по изыскательским экспедициям, и письма приходят то с Камчатки, то из Якутии, а то и вообще из-за границы. Другого уже в третий раз переводят на новое место службы, правда, каждый раз с повышением. Его же, Мангира, в эти последние годы поддерживала и толкала вперёд только работа, которая стала и его домом, и его семьёй... Можно бы, конечно, и не уходить на пенсию, но получалось так, что он перекрывал дорогу, не давал расти своим молодым замам. А то, что специалистов он подготовил толковых, которые прекрасно справятся и без него, Мангир не сомневался. Как и в том, что когда они дружно просили его продолжить работу, то были искренни, а не просто отдавали дань уважения. Но он твёрдо решил: пусть растут!..

После Абакана шоссе повернуло влево: через енисейский мост к городу Минусинску. Когда-то очень многое связывало его и деда Отоя с этим городом, хотя и был-то в нём Мангир всего лишь один раз: тогда везли его пограничники в красноярский интернат. Это

сюда, в Минусинск, стремился на плоту так и сгинувший бесследно их большой друг Николай Николаевич Успенский... Это отсюда Пётр Мефодьевич привозил свежие новости и сладкие подарки. А тринадцать лет назад, в пятьдесят седьмом, прошедший всю войну полковник Дзензура прислал письмо с фотографией уже из города Гродно... Как же давно всё это было!..

Мотор старенькой «Волги» басовито гудел на подъёмах, на спусках же звук почти пропадал – и тогда мысли, не отвлекаемые посторонним шумом, текли легко и свободно...

...Что же сейчас, в середине жизни, он снова, как и после смерти деда Отоя, оказался на перепутье. Как говорится: «направо поедешь – коня потеряешь, налево поедешь – с богатством распрощаешься, прямо поедешь...». Богатыри-то в сказках непременно ехали прямо. Если вдуматься, судьба и до этого вела его практически прямо, не оставляя, зачастую, особого выбора. Это не хорошо и не плохо – просто так сложилось. Сначала вёл его дедушка Отой, потом друзья-пограничники, потом Абахай с сыновьями... И только сейчас выбор появился: он волен выбирать дальнейший путь, но должен разглядеть в бескрайности открывшегося горизонта ту самую, главную и единственную путеводную веху!

Вдруг вспомнился японец Фэн, которого он допрашивал в сорок пятом. Тот ведь тоже искренне верил в дедову легенду, вернее в легенду сказителя Сюзея. Именно Фэн напомнил тогда Мангиру о главной цели и путеводной мечте кузнеца. Выходит, что даже через алчного и жестокого, как сам Егудэй, японца главная жизненная мечта деда перешло к нему, к Мангиру?! Наверное, не произошло той встречи – и не сложилось бы мозаичное полотно догадок и предположений в законченную картину! Словно бы кто-то неведомый и незримый, но обладающий возможностью творить людские судьбы, планомерно и настойчиво подталкивал его к сегодняшнему дню. А значит, нужно просто верить в тот фантастический рецепт, да заодно и в сокровища древнего народа! Верить в мечту, как верил в неё всю жизнь дед Отой, который был этим счастлив!..

...Всё вроде бы так, но ведь счастье не имеет единственного обличия, поэтому как опознать его, не спутать с цепочкой просто сбывающихся желаний? Был ли счастлив старый кузнец, лучшие молодые годы свои проведший на каторге, так и не познавший настоящей полной семьи и истинного отцовства? Сейчас трудно сказать, а деда Отоя уже не спросишь...

Впереди показался оборудованный пост госавтоинспекции. Вышедший на обочину молодой инспектор ГАИ поднял свой полосатый жезл и попросил предъявить права и документы на машину. Ознакомившись, откозырял и вежливо попрощался.

«А ведь он даже и не знает, что тракт этот строил когда-то мой дед Отой, – подумал вдруг Мангир. – Правда, в то время транспорт останавливали для досмотра не вежливые инспекторы, а строгие пограничники, и колёсами скрипели тяжело гружёные подводы, а возчики заезжали в кузницу не только по своим делам, но и просто так, в гости. Сейчас же ежедневно десятки, если не сотни дымящих грузовиков везут асбест и мясо из Тувы, а туда бензин, промышленные товары – и не было бы им никакого дела до стоящей в стороне от дороги кузницы. Не нашли бы, наверное, водители времени для того, чтобы просто поговорить о жизни и обменяться новостями с кузнецом Отоем, оказался он снова в своей кузне. Другие настали времена, другой выработался ритм жизни...»

Вот сразу за постом и село Ермаковское, которое заметно разрослось за прошедшие годы, украсилось новыми добротными домами. Из этого села был родом и главарь банды штабс-капитан Мишин, и его подручный Савкин. Интересно, помнят ли их ещё в селе или забыли, как стараются люди забыть всё плохое, о котором неприятно даже думать? Здесь он тоже был только один раз... А скоро будет уже и Григорьевка, в которой он учился в школе и жил у дядьки Митя и тётки Дарьи. Их, конечно, давно уже нет в живых, и в избушке их, даже если она и сохранилась, живут кто-то чужие, поскольку были его добрые опекуны бездетными...

За Ермаковским дорога пошла вверх – начались предгорья Западного Саяна. Шоссе обступила нескончаемая и практически необжитая тайга, а там, где она расступалась, видны были далёкие ещё, синеватые вершины хребтов. Извиваясь, словно длинное тело гигантского змея, тракт взбирался всё выше и выше – на Кулумысский хребет.

...Если вдуматься, то у него, у приёмыша, было всё: и счастливое детство, и настоящая любовь, и сыновья, и любимая работа. И всё вроде бы вовремя, и всё к месту, как кирпичики дома, который с надеждой на счастливое будущее люди строят для себя, для будущей семьи. Всё так, и всё же чего-то не хватало!.. А не хватало, похоже, именно такой высокой и всепоглощающей цели, как у деда-кузнеца. Старый Отой ведь и жил не для себя, а для этой цели, и его,

Мангира, воспитывал для той же цели. Просто не успел дед указать внуку очередную вежу, а он, Мангир, по малолетству не понял своего предназначения. Но ещё совсем не поздно, ведь деду Отою было тогда лет намного больше, чем ему сейчас! У хакасов нет чётких определений добра и зла, но старик как-то сказал, что незавершённое дело – это абсолютное зло. У него, у Мангира, теперь есть и тот старинный нож, и шкатулка с текстом древней легенды, и кое-какие сведения о поисках деда. А главное, память только теперь возвращает из забвения, из детства то случайную фразу Отоя, то какие-то схемы, которые дед чертил на листках бумаги или просто на земле возле своей кузни...

«А ведь стоило, пожалуй, заехать в Знаменку, – подумал вдруг Мангир, – к тому самому «бандиту», о котором не так давно писали в газетах. Японец Фэн, помнится тоже упоминал про бандита Ведмедя из банды Мишина. Очень редкая фамилия – Ведмедь... Ну да ничего, съезжу ещё, как только немного обживусь!...» Он вдруг поймал себя на этом «обживусь» и даже улыбнулся...

Вот и она – самая высотная на тракте станция «Оленья речка»; как раз на полпути между Минусинском и Кызылом; а дальше, всё так же прихотливо извиваясь, шоссе поведёт уже вниз и вниз...

...Память не может детально сохранить каждый день жизни, даже порой каждый её месяц или год, она постепенно стирает всё горькое и тщательно хранит лишь самые счастливые мгновенья и события. Детство – вот самое незабываемое и самое счастливое время, воспоминания, о котором всегда ярки и насыщены. Не потому ли кажется, что по протяжённости оно равно всей последующей взрослой жизни? И вот он, тот мир, снова вокруг Мангира... Не забытый, а всё время живший глубоко в памяти мир детства: лучшая на планете земля, такая же первозданная и чистая, как при сотворении...

«А ведь те древние кедровые дощечки, о которых говорится в легенде, учёные сейчас смогли бы, наверное, расшифровать? – пришла неожиданная мысль в голову Мангира. – С помощью компьютера и специальных программ, например... И тогда люди, живущие здесь, тоже стали бы вечно молодыми и красивыми, как эта земля. Не потому ли древние тибетские и индийские рукописи гласят, что новый человек рождается именно в центре Сибири и с него начнётся история новой Земли? Земли без жестокости и войн, без корысти и равнодушия, без болезней и старости...»

* * *

Дребезжащая на выбоинах «Волга», как и сумбурные мысли Мангира, бежали и бежали безостановочно, приближая его одновременно, и в пространстве, и во времени, к незабываемому детству. Уже совсем близко осталось до места, где он прожил первые, но самые важные и значимые, наверное, годы жизни. Вот показалась справа от тракта и хорошо знакомая причудливая скала! Сколько раз она встречала и провожала его, Мангира, и деда Отоя, и друзей-пограничников, и партизан Щетинкина, подбравших беспомощного младенца на пропахшем порохом и залитом кровью тракте... Но что-то сейчас изменилось в форме скалы!? Неужели неумолимое время смогло за эти годы разрушить даже камень? Или мальчишеская память перепутала что-то в своих тайниках-лабиринтах?..

Дорога вошла в крутой поворот, и Мангир сбавил скорость, не отрывая однако взгляда от каменного великана. Вот сейчас, всего через несколько мгновений густая крона высокого кедра откроет площадку на вершине, на которой пограничники когда-то оставляли свой дозор с пулемётом, и куда он несколько раз приходил к ним в гости! Вот уже видна и та площадка... Только что это?!

На вершине скалы стоял могучий чёрный марал. Неужто Ажо!? Сердце Мангира бешено заколотилось, и он остановил машину. Однако присмотревшись, разглядел, что в рогах невозмутимого животного было всего три отростка – марал был ещё молод. Он не уходил и пристально смотрел сверху вниз, вглядываясь в человека и словно пытаясь понять, что же ему надо здесь, в его владениях? И Мангир тоже замер, радуясь, как когда-то в детстве, неожиданной встрече с царственным таёжным обитателем. Эта редкая встреча непременно сулила ему удачу...

Какой-то мудрец сказал, что иногда приходится пройти полмира, чтобы убедиться, что истина была рядом. Мангир вдруг осознал, что по пути сюда уже твёрдо решил – он надолго останется тут, возле тракта, где ещё сохранились, должно быть, следы старой кузни, где каждое дерево помнит деда Отоя, и где ему, Мангиру памятны каждый поворот звонкого ручья и каждая скала-останец, и где прожил он когда-то, вне всякого сомнения, самые счастливые дни. Здесь снова будет он счастлив, потому что отнюдь не богатство и власть, а только мечта – сказочная и почти несбыточная – делает человека безгранично счастливым в его такой скоротечной и, одновременно, такой бесконечной жизни...

* * *

Итак, вехи Господни для каждого из нас расставлены ещё при рождении, а путь начинается от самого порога родительского дома. И если ты вдруг свернул и заблудился, не пугайся – они приведут тебя назад, туда, где ты сбился с пути истинного. Приведут для того, чтобы ты смог переосмыслить уже прожитую жизнь, понять ошибки и попробовать исправить их, чтобы смог определить правильный маршрут, намеченный тебе любящим Создателем. И так раз за разом, шанс за шансом, круг за кругом. Поэтому дорога к Истине для одних пряма и коротка, для других же настолько извилиста и замысловата, что на неё не хватает и всей жизни. А то и двух, трёх жизней. Но тот, кто пройдёт её до конца, обязательно выйдет к настоящим, хорошим и добрым людям...

То же и для всего земного человечества, ибо его путь – это путь Добра и Любви, и сам Великий Учитель расставил на нём вехи. Через годы и века, а то и через тысячелетия перед человечеством возникают схожие ситуации, но решения принимаются им каждый раз иные, недаром историки говорят о цикличности и повторяемости истории. Так и должно быть, ведь всё большее количество путников проходят предначертанный Создателем путь до конца, поэтому всё больше становится добрых и порядочных людей. Это единственно правильный путь, и Вехи Господни связывают все разрозненные эпизоды Великой Книги Бытия, которую неустанно пишет самый великий летописец и сказочник, имя которому Творец...

От автора

В наше время, с появлением интернета, писать исторические романы, казалось бы, стало легко: огромнейшая база данных и ссылок на документы, переведённые в электронный вид архивы музеев значительно облегчили подготовительную работу. С легкостью можно уточнить детали одежды и быта ушедшего времени, можно проследить хронологию событий и жизненный путь многих исторических личностей...

*Владимир Балашов и Виталий Балагуров
возле памятника Николаю Успенскому
на Новоенисейском кладбище*

Вот только наиболее интересные события уже попали под пристальное внимание коллег-предшественников. Поэтому самые яркие личности давно уже стали героями популярных романов, а менее значимые, второстепенные не так уж и интересны перегруженному информацией современному читателю. Правда, осталась ещё практически не отражённая в художественной литературе история некоторых древних государств и даже целых народов...

В четырнадцатом веке арабский историк Аль-Умари со слов путешественников, посетивших Южную Си-

*Старобрядец Карп Лыков рассказывает
гостям о своей жизни на ручье Еринат. 1987 г.*

бирь, записал: «В землях Сибирских и Чульманских сильная стужа; снег не покидает их в течение шести месяцев. Несмотря однако на их стесненную жизнь, нет между разными родами... людей красивее их телом и белее цветом своей кожи. Фигуры их – совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести. Глаза у них голубые».

Речь идёт о населявших эту часть Сибири легендарных динлинах. А о могуществе их государства красноречиво говорит тот факт, что китайский император в девятом веке обращался в своём послании с такими словами к кагану кыргызских земель: «Вы, хан, подобны блестящей Северной Медведице. Вы геройствовали на севере пустыни и стали правителем. Таланты Ваши сияют, как верхушка бунчука. Вы разделили границы и создали государство; особо проявили героический дух, давно известны талантом управления... Ваша мощь потрясает северные страны, слава достигла китайской столицы... Мы благодарим Вас, хан, за покорение уйгуров. Их различные племена непременно нужно разбить, и тогда мы с вами будем соседними государствами. Каждая сторона будет соблюдать прежние границы, продолжим дружбу и дадим отдых народу. Если в наших делах будет единство, то тогда на границе прекратится тревога, луки и стрелы вложим в колчаны».

Памятник партизанским руководителям Сергею Сургуладзе, Александру Кравченко и Петру Щетинкину в городе Минусинске

Республика Хакасия. В глубокой древности её территория входила в Кёгменские земли, в средние века называлась Кыргызской землицей – и вообще у неё было много названий. Расположена Хакасия на юге Центральной Сибири и по площади сравнима со средним европейским государством. В окружении высоких горных хребтов живёт древний народ, называемый ныне хакасами. Что-то в их истории утрачено навсегда, что-то сохранилось лишь в эпосе, но и то, что было запечатлено, не удастся охватить даже в огромном многотомном романе-эпосе. «Мечь Егудэя» – это попытка приот-

крыть для читателя лишь некоторые страницы её далёкой истории...

Но бывает и так, что даже относительно недавние события могут кануть в мглу забвения. Более трёх десятилетий тому назад журналисту Виталию Балагурову, работавшему на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС, старожилы показали на берегу Енисея безвестное захоронение. Как выяснилось позднее, здесь был похоронен местными жителями чекист-таможенник Николай Успенский. Завязав переписку с его дочерью Тamarой, а также ознакомившись с материалами Абаканской таможни, журналист по крупицам восстановил трагедию, произошедшую летом 1930 года на Джойском пороге. Так у него родился очерк про «золотой плот», а потом возникла идея написать повесть

об Успенском. Тогда же по инициативе комсомольцев-строителей над могилой чекиста был установлен памятник, а в молодом городе Саяногорске одна из улиц названа его именем.

К сожалению, как журналист, Виталий не владел работой с большими литературными формами, и почти четверть века написание не продвинулось далее первых глав повести и не связанных между собой эпизодов. После решения работать совместно мы с ним попытались расширить повествование во времени, ввести дополнительных героев – то есть выстроить классическое авантюрно-приключенческое произведение. Однако моя работа над собственными книгами, а также болезнь и смерть Виталия Балагурова не позволили полностью выстроить даже окончательный сюжет, так что после кончины Виталия для меня стало делом чести завершить начатое.

При работе с архивами, как это часто случается, я обнаружил малоизвестные, но крайне интересные исторические факты. Настойчиво «запросились» в произведение известные личности, судьбы которых были тесно связаны с регионом. Это и «железный батыр» Пётр Ефимович Щетинкин, и «бог войны» барон Роман Фёдорович фон Унгерн-Штернберг, и широко известная благодаря журналисту Пескову семья староверов Лыковых. Пригодились переписка моего друга, поэта Виктора Равнушкина с дочерью легендарного партизана Клавдией Петровной Щетинкиной и моя личная встреча с Карпом Осиповичем и Агафьей Карповной Лыковыми, а также с участниками продолжения истории «золотого плота». В общем, пришлось скрупулезно переводить роман на исторические рельсы и основательно переделывать. Неожиданно в сюжете органично связались бурные события гражданской войны в Сибири и эпизоды из истории древнехакасского государства; судьбы же главных героев, с которыми просто жалко стало расставаться, прослеживаются в романе вплоть до начала семидесятых годов двадцатого века, когда я был командирован на строительство Саяно-Шушенской ГЭС. Работая в изыскательской экспедиции, я довольно хорошо узнал этот регион и живущих здесь потомков героев произведения, так что пейзажи и люди написаны, можно сказать, с натуры. И конечно же, какой роман без крутых поворотов в судьбах героев, без любви и ненависти, без становления настоящих сибирских характеров?

Хочу выразить огромную благодарность за помощь в подборе архивных материалов для романа Минусинскому региональному краеведческому музею им. Н.М.Мартьянова и Хакасской таможне.

След «золотого» плота через время и жизнь

Мой отец, Виталий Александрович Балагуров, родился в Ленинграде в 1931 году. Мальчишкой подрабатывал корабельным юнгой, окончил школу, отслужил в Германии срочную службу, шесть лет проработал на казахстанской целине комбайнёром, трактористом. Был там и секретарём комсомольской организации, и политруком, и рабочим корреспондентом местных газет – то есть для профессии журналиста накопил немалый жизненный опыт. Поэтому и поступил учиться на филологический факультет Ленинградского государственного университета.

В 1969 году по вызову Хакасского обкома партии отец приехал работать старшим литературным сотрудником на строительство Саяно-Шушенской ГЭС в только что организованную редакцию газеты-многотиражки «Огни Саян». В тот же год в редакцию пришло неожиданное письмо: «Адрес места назначения: Красноярский край, строительство Саяно-Шушенской ГЭС. Уважаемые товарищи! Я обращаюсь к вам с личной, очень важной для меня просьбой. Мой отец, Николай Николаевич Успенский в 1928–1930 гг. служил у вас в Саянах, на границе с Тувинской республикой. Он был начальником пограничной Семиозерской таможни, и наша семья жила на заставе. В июне 1930 года отец погиб при исполнении служебного долга. Мать со мной, тогда трёхлетней девочкой, была вынуждена сразу же выехать из Сибири. Обстоятельства гибели отца остались нам неизвестны, знаем лишь, что он руководил какой-то важной и рискованной операцией по доставке в г. Минусинск секретного груза. Где он похоронен, известна ли его могила – нам не сообщили в то время. Быть может вам удастся что-либо выяснить и добавить к тем смутным детским воспоминаниям. Тамара Успенская, дочь Н. Н. Успенского, г. Калининград».

Партком ГЭС поручил заняться розысками материалов сорокалетней давности работнику редакции Виталию Балагурову. И первое, что он сделал, это разослал запросы во все инстанции, справки от которых могли бы стать полезными. Полученные ответы, как и ожидалось, значительно дополнили восстанавливаемую биографию Николая Успенского.

Справка Главного таможенного Управления СССР, г. Москва:

«Успенский Н.Н. 1898 г.р., русский, член КП(б)У с 1919 года, партбилет № 156392, из бедняков... До 1918 года работал в качестве матроса-коچهгара на волжских судах. С декабря 1918 года по октябрь 1922 года служил в Красной Армии на Южном фронте, в особых отделах ЧК.

*Журналист Виталий Балагуров и дочь Николая Успенского
Тамара на Джойском пороге – месте гибели чекиста. 1973 г.*

...в пограничные таможенные учреждения ГТУ СССР поступил в 1922 году и служил на различных ответственных должностях. Успенский Н.Н. был ревностным, энергичным и примерным работником.

...14 июня 1930 года начальник Семиозерской таможни Успенский Н.Н. погиб при исполнении служебного долга. Задание, выполняя которое он погиб, носило исключительно важный и неотложный характер. Заместитель начальника Главного таможенного Управления СССР по кадрам Ф. Горин».

Из Красноярска тоже сообщили: «Тщательная проверка, проведённая нами по учётам Управления охраны Общественного порядка, а также Управления Комитета госбезопасности и госархива Красноярского края положительных результатов не дала. Никаких сведений об обстоятельствах гибели Н.Н.Успенского, к сожалению, нет. Начальник отдела УООП Исполнительного Комитета Красноярского краевого Совета Депутатов трудящихся Жалимов».

Так что для выяснения обстоятельств журналисту Балагурову пришлось много поработать именно на месте давнишних событий. Это были встречи со старожилами, изучение архивных документов и справок. Когда сложились в единую картину рассказы очевидцев и факты, отец смог наконец поведать о чекисте Николае Успенском следующее.

*Хакасские таможенники на открытии мемориальной доски
по улице Н. Н. Успенского в городе Саяногорске. 2008 г.*

Старожилы Абакана, Минусинска, прибрежных посёлков и деревень Хакасии хорошо помнили навигационную обстановку на Енисее в 1930 году. Тогда весеннее половодье к середине июня достигло наивысшей точки: огромное количество мутной воды со скоростью курьерского поезда, пенясь на шиверах и порогах, устремилось по горному каньону в низовья. Однако даже в таких сложных условиях ни в коем случае не должны были пострадать дружественные политические и торговые отношения между СССР и Тувинской Народной Республикой, и чекисты-пограничники получили правительственное задание Наркомата Внешней торговли СССР доставить из Тувинской Народной Республики в Минусинск дипломатическую почту и груз золота, которое добывалось советскими концессиями на территории Тувы. По Усинскому тракту доставка представлялась крайне рискованной, поскольку крупные банды белобандитов получали точную информацию о сроках и маршрутах передвижения фельдъегерей, прекрасно ориентировались на местности, постоянно устраивали засады.

Именно по этой причине таможенник Успенский, начальник Семизерской таможни Дзензура, а также фельдъегерь Минусинского ОГПУ Сухоруков приняли на енисейском Большом пороге груз золота и дипломатическую почту, доставленные из Кызыла пароходом «Илекем». Из Минусинска же сюда должен был подняться вверх по Енисею пароход «Щетинкин». Но к Большому порогу он не дошёл, поскольку буксировавший его катер «Стрела» получил пробоины и затонул. Долгая задержка была недопустима, поэтому Успенский принимает смелое решение сплавляться в Минусинск на плоту. Опасность такой экспедиции была очевидна, но чекисты являлись воспитанниками Дзержинского и привыкли не отступать перед любыми трудностями. 14 июня в полдень плот подошёл к известному недоброй славой Джойскому порогу, ныне затопленному водохранилищем и находившемуся в шести километрах выше плотины Саяно-Шушенской ГЭС. Чекисты не знали енисейский фарватер, и плот неудержимо потянуло в гибельную левую протоку, где со страшной силой ударило о скалу, поставив буквально на ребро. Сопровождавшие очутились в водовороте и, кто как мог, устремились вплавь к берегу. На плоту удержался лишь один человек, который стал выбрасывать на камни и на возвышающиеся участки скалы тяжёлые кожаные мешочки. Плот содрогался от ударов о скалу, брёвна расходились у смельчака под ногами, он падал – но снова вставал... Грохот ревущего потока не мог заглушить отчаянные крики людей: «В воду, прыгай к левому берегу!» Но человек не обращал на крики внимания... Вот плот в последний раз встал «на дыбы» – и накрыл отважного таможенника... Так, спасая государственную казну – 148 килограммов принадлежащего народу золота и секретную дипломатическую почту, погиб чекист Николай Успенский. Да, тогда золото для Советской страны являлось особо ценным грузом, и большевик Николай Успенский прекрасно понимал это, поэтому, не задумываясь отдал жизнь для спасения народного достояния.

Журналист Балагуров по-настоящему увлёкся темой и использовал любую возможность для восстановления правдивости давнишних событий: расспрашивал пожилых людей – возможных очевидцев, встречался и переписывался со старшим научным сотрудником Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова А. Масловым, с участниками ликвидации белогвардейских восстаний в Сибири Василием Березиным и Николаем Палкиным, с комсомольским вожакom села Верхнеусинское Марией Стасенко (Понкиной), с бойцами чоновского отряда и жёнами пограничников, с начальником пограничной заставы Петром Дзензурой. Он вёл переписку и с дочерью Успенского Тamarой, с его сестрой Ниной.

Осенью 1970 года, после долгих и безуспешных поисков могилы Николая Успенского, Виталий Балагуров случайно разговорился с мужчинами в посёлке Летник. Не преминул задать вопрос и о местных стариках: есть ли такие, которые помнят тридцатый год, которые жили здесь тогда?

Вот как потом он сам рассказывал об этом дне:

– Мне посоветовали пройти в небольшую белую хатку, мол, тётя Дуня и родилась здесь, в Летнике, и ей за шестьдесят. Прихожу, стучусь в калитку – тётя Дуня приветливо встречает меня, проводит в дом. Представилась Евдокией Ивановной Бельчиковой.

Узнав о причине визита, старушка охает:

– Как же, помню историю и про плот разбитый и про золото затонувшее! А вот насчёт могилы, где похоронили того человека?.. Знаете, раньше нередко утопленников из Енисея доставали и хоронили на нашем кладбище. Но в 1930 году, вскоре после гибели плота, я прямо у своего дома, вот тут с берега увидела труп человека в военной форме. Вытащили его мужики из воды, позвали начальство, да только никто так и не признал его. Ни документов – ничего! Велели похоронить. Одет был в куртку кожаную и в галифе, в сапогах, росту среднего, а во рту, это хорошо запомнила, шесть ли, семь ли зубов золотых. А где похоронили, хоть сейчас покажу: могила рядом с моим родственником!

– Уже минут через десять я был на местной почте. Хватаю телеграфный бланк, пишу адрес: Калининград, Тамаре Успенской, Вере Иосифовне (его жене). Волнуюсь, текст на бланке пишу короткий: «Были ли у отца золотые зубы?» Ловлю удивлённый взгляд телеграфистки. Ответ пришёл на второй день: «Шесть золотых зубов».

Так через четыре десятилетия, в 1970 году удалось найти могилу Николая Успенского. За это время она почти сравнялась с землёй. Позже, через три года там был установлен мраморный памятник, и на нём высечены золотом слова из характеристики: «Чекист Николай Успенский был ревностным, энергичным и примерным работником. Задание, выполняя которое он погиб, носило исключительно важный и неотложный характер».

А как описывала это событие газета «Огни Саян» № 55 (405) от 11 июля 1973 года: «Открыл памятник бригадир комсомольско-молодёжной бригады СМУ–2, своим трудом завоевавшей право носить имя Николая Успенского, Леонид Корх... «Мы даём твёрдую клятву – сказал рабочий бригады Борис Воробьёв, – день ото дня умножать успехи, всегда идти в первых рядах...» Приведены в статье и слова сестры Успенского – Нины Успенской, приехавшей на открытие памятника из далёкой Москвы: «Он сделал всё, что мог, чтобы своей работой внести вклад в строительство нового общества, чтобы с честью выполнить ответственное задание». А секретарь правления Союза писателей СССР Сергей Сартаков,

написавший в 1961 году роман «Ледяной клад», в котором упоминалась быль-легенда о «золотом» плоте, прислал телеграмму следующего содержания: «Душевно радуюсь, что имя героя не будет забыто».

Спустя несколько лет власти молодого города Саяногорска приняли решение о присвоении одной из улиц имени Николая Успенского, позже на здании была установлена мемориальная доска. Было совершено и торжественное перезахоронение праха чекиста на Новонисейское кладбище, а в музее Хакасской таможни оформлены витражи с документами и фотографиями, посвящённые герою-таможеннику. «Мы от всей души говорим «Спасибо!» Балагурову, который нашёл могилу нашего деда и прадеда, увековечил его имя, наша семья бесконечно преклоняется перед Виталием Александровичем!», – написали внучка чекиста Татьяна и правнучка Лилия.

Влюблённый в природу, увлечённый историей, легендами и тайнами хакасских земель, благодарный слушатель и ценитель народных рассказов, Виталий Балагуров с удовольствием делился своими впечатлениями и находками с читателями местных изданий (многие из них использованы в романе), проводил лекции для туристов и школьников, для трудовых коллективов, студенческих отрядов. Он был членом правления Саяногорской городской организации Общества «Знание» РСФСР, не раз был отмечен грамотами Хакасского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры – за краеведческую, лекторскую и экскурсионную работу. Поэтому его имя известно далеко за пределами города Саяногорска. «Жаль, что не находится спонсоров для того, чтобы издать собранный материал о чекистах», – сожалел он при жизни. Умер отец в октябре 2009 года.

*2013 год, посёлок Черёмушки Республики Хакасия,
Елена Балагурова, дочь Виталия Александровича Балагурова*

Содержание

Песнь о Хонгорае	3
Глава 1. Нашествие	5
Глава 2. Предание о золотом караване	18
Глава 3. Кровавый той	33
Глава 4. Дезертир	48
Глава 5. Кузнец Отой	66
Глава 6. Партизаны	85
Глава 7. Бог войны Унгерн	106
Глава 8. Железный батыр Щетинкин	127
Глава 9. Крушение Пашкиных надежд	144
Глава 10. Семья Отоя	158
Глава 11. Погранотряд	176
Глава 12. Джойский стервятник	190
Глава 13. Отпуск господина Фэна	201
Глава 14. Яшкина судьба	215
Глава 15. Золотой плот	235
Глава 16. Испытания	247
Глава 17. Побратимы	266
Глава 18. Месть Егудэя	285
Глава 19. Разгром банды	308
Глава 20. Буржуй Кашин	318
Глава 21. Богословка	330
Глава 22. Мираж золотого каравана	344
Глава 23. Загадочный пассажир	362
Глава 24. Возвращение Мангира	376
От автора	389
След золотого плота через время и жизнь	393

Художественное издание

**Балашов Владимир Борисович,
Балагуров Виталий Александрович**

Месть Егудэя

Роман

*Ответственный за выпуск А.И. Котожеков
Компьютерное обеспечение А.В. Иптышев*

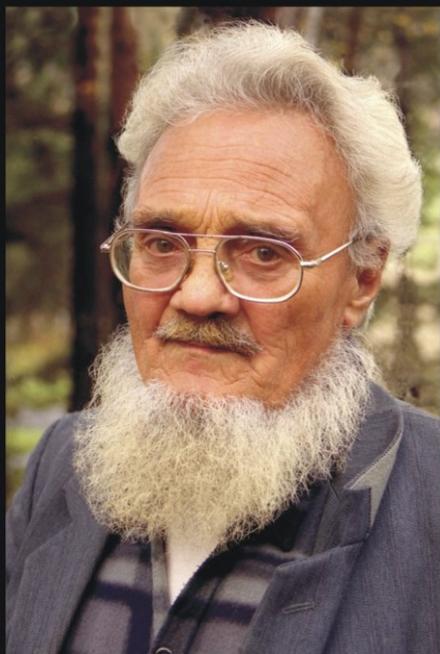
Подписано в печать 23.09.2013.
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 25,0. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии

Владимир Балашов и Виталий Балагуров – ленинградцы, и в Сибири оказались по одной и той же причине: строительство Саяно-Шушенской ГЭС. Журналист Балагуров в 1969 г. приехал работать в только что созданной многотиражке строительства «Огни Саян», а геодезист Балашов в 1971 году был командирован в Саянскую комплексную изыскательскую экспедицию 7 Ленгидропроекта на изыскания, связанные с проектированием и строительством гидро-электрокомплекса. Выйдя на тему «золотого» плота и гибели чекиста Успенского, журналист Балагуров поставил своей целью написать повесть о тех трагических событиях 1930-го года, а изыскатель Балашов, постепенно входя в литературу с очерками и рассказами, в 1986 году был принят в Литературный институт имени А.М. Горького по первой своей повести «Шаман-дерево». В 1994 году по рукописи книги «Приди ко мне в туман» Владимир Балашов был принят в Союз писателей России. В этой первой книге широко была представлена тема прошлого Хакасии – таким образом интерес к истории региона и схожесть литературных стилей объединили авторов в стремлении написать уже не повесть, а полноценный роман. После смерти в 2009 году Виталия Балагурова Владимир Балашов продолжил работу над историко-философской эпопеей, ещё более расширив тему и введя новых героев.

В романе использованы архивные материалы Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартынова, Хакасской таможни, переписка с дочерьми чекиста Николая Успенского и «сибирского Чапаева» Петра Щетинкина, беседы со старообрядцами Карпом и Агафьей Лыковыми. Это уже пятая книга Заслуженного работника культуры Республики Хакасия, Кавалера Золотого Почётного знака «Достояние Сибири» Владимира Балашова.